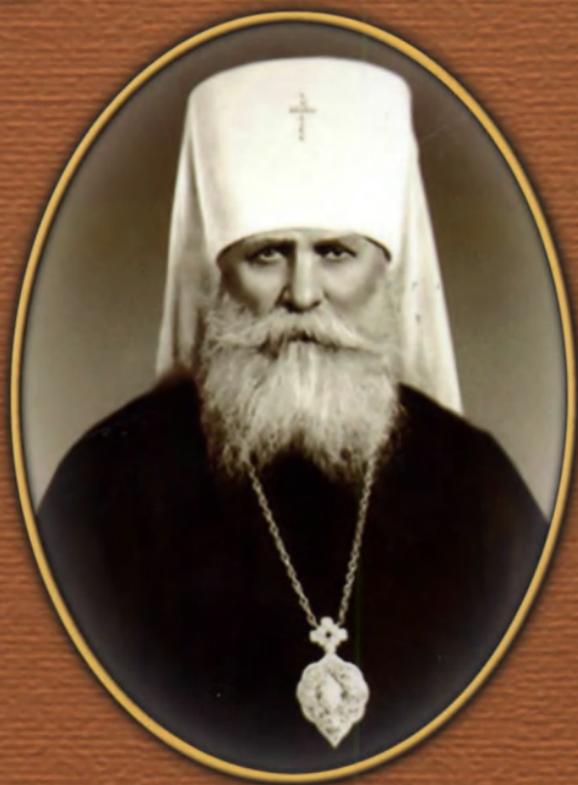

ДУХОВНЫЙ
СОБЕСЕДНИК

Митрополит Вениамин
(Федченков)

БОЖЬИ ЛЮДИ
Мои духовные
встречи

ДУХОВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

**Митрополит
Вениамин (Федченков)**

БОЖЬИ ЛЮДИ

Мои духовные встречи

Москва
«Отчий дом»
2014

УДК 235.3
ББК 86.372
В-29

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
(ИС 11-103-0216)*

Вениамин (Федченков), митрополит.

В-29 Божьи люди: Мои духовные встречи. — М.: Отчий дом, 2014. — 640 с. (Серия «Духовный собеседник».)

Книга митрополита Вениамина (Федченкова, 1880–1961) «Божьи люди» посвящена подвижникам Православной Церкви, жившим на рубеже XIX и XX веков. Каждый рассказ содержит описание жизненного пути, подвигов и чудес угодника Божьего, свидетельства современников. Эти яркие, глубокие, запоминающиеся истории основываются на личных встречах владыки с «живыми святыми», и потому они так убедительны. Автор бережно и смиренно выполняет свою задачу: в отличие от многих мемуаристов он не занимается прорисовкой собственной личности, его цель — запечатлеть образ подвижника. Митрополит Вениамин был великим молитвенником, и Господь наградил его редким даром видеть в человеке святое. Угодников Божьих, о которых писал владыка, люди благоговейно почитают и по сей день.

УДК 235.3
ББК 86.372

- © Составление, предисловие, комментарии — А.К. Светозарский, 1998; «Отчий дом», 2011
- © Составление, подготовка текста — Н.В. Светозарская, 1998; «Отчий дом», 2011
- © Макет, оформление — издательство «Отчий дом», 2011

ISBN 5-7676-0079-1

От издателей

Митрополит Вениамин (Федченков) на протяжении своей долгой жизни встречался со многими православными подвижниками: дважды ездил к святому праведному Иоанну Кронштадтскому и сослужил ему за Литургией; окормлялся у схиигумена Германа Зосимовского и преподобного Нектария Оптинского; советовался в сложных обстоятельствах со схимонахом Валаамского монастыря Никитой (Филиным) и иеромонахом Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры Исидором Грузинским; находясь в Крыму, исповедовался у епископа Херсонского Иннокентия (Солотчина). Митрополит Вениамин, наделенный несомненным литературным талантом, считал своим долгом описать эти встречи, понимая, насколько важно запечатлеть образ «живого святого». Из таких рассказов владыки, которые он дополнял жизнеописаниями угодников Божьих, и составлен сборник «Божьи люди. Мои духовные встречи».

Впервые книга вышла в 1998 г.; подготовили текст к публикации А. К. Светозарский и Н. В. Светозарская. Значительная часть включенных в нее работ была издана впервые. Тогда сборник, безусловно, явился настоящим событием: книга не только нашла своего читателя — для многих она стала одной из самых любимых. Нынешнее, второе издание подготовлено с учетом изменений, произошедших за последние годы: некоторые подвижники, о которых говорил владыка, были кано-

низированы, а монастыри, упраздненные в годы советской власти, — вновь открыты. Стремясь максимально широко представить агиографическую тему в наследии митрополита Вениамина, редакция сочла необходимым дополнить первое издание «Божьих людей» трудами о священномученике Вениамине (Казанском) и архиепископе Феофане (Быстрове), с которым владыка общался на протяжении трех десятилетий, в том числе и в эмиграции, — до отъезда в США в 1933 г. Соответственно и в комментарии, написанные А. К. Светозарским, были добавлены необходимые разделы.

В настоящем издании рассказы размещены в хронологическом порядке, начиная с описания поездки тогда еще семинариста Ивана Федченкова в Тамбовскую губернию к отцу Василию Светлову, великому молитвеннику, самоотверженному пастырю — «обыкновенному» сельскому священнику, — и заканчивая житием архимандрита Дионисия (Чудновца), который в 1920 г. в Севастополе благословлял владыку перед вынужденной эмиграцией. Думается, что хронологическая организация материала позволяет в какой-то мере представить историю внутренней жизни автора, проследить его духовный путь. Сборник содержит рассказы, не только созданные митрополитом Вениамином, но и собранные им. Для того чтобы представление о личности отца Нектария было полнее и ярче, владыка добавил записки близкой духовной дочери отца Нектария Надежды Павлович. Составляя жизнеописание схиигумена Германа, митрополит Вениамин также использовал записки знавших его людей.

В Приложения включены работы владыки об угодниках Божьих — его современниках, с которыми он не был знаком лично: о преподобном Иосифе Оптинском, об отце Ионе Атаманском, которого называли вторым отцом Иоанном Кронштадтским, и об известном ростовском священнике Иоанне Домовском.

Митрополит Вениамин: встреча со святыми

Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный, — призывает Господь в Евангелии (Мф. 5, 48). И призыв этот обращен к каждому христианину. Получивший дар Крещения и принесший *обещание Богу доброй совести* (1 Пет. 3, 21) призван к новой жизни во Христе с тем, чтобы сделаться новым творением (см.: Гал. 6, 15). Через Духа Святого христианин приобщается самой святости Божией; следуя *узким путем* самоотречения и жертвенного служения, указанным в Евангелии (ср.: Мф. 7, 14), предавая себя в *жертву... святую* (Рим. 12, 1) по образу Христа, уподобляется Тому, Кто свят по природе. И почти двухтысячелетняя история Церкви Христовой являет нам бесчисленные примеры *друзей Божиих* (ср.: Ин. 15, 14), *сонаследников Христу* (Рим. 8, 17), подвизавшихся в удалении от мира и в самой гуще общественной жизни, в монашеских кельях и у семейного очага, среди забот об устройении Церкви и на поле брани, в попечениях о душах вверенной Господом паствы или же являвших верность до смерти перед неправедным судом сильных мира сего. Святые мужи

и жены, отроки и отроковицы, девы и младенцы составляют сонм святых Православной Церкви. Праведные, преподобные, святители, мученики и мученицы, исповедники и исповедницы, благоверные князья и княгини, блаженные, Христа ради юродивые, святые евангелисты, пророки и апостолы, равноапостольные, обращавшие к вере целые народы, — все они, угодившие Богу в земной жизни, и по отшествии в Небесное отечество не оставляют нас своими молитвами.

«Святые, — пишет преподобный Силуан Афонский, — живут в ином мире и там Духом Святым видят славу Божию и красоту лица Господня. Но в том же Духе Святом они видят нашу жизнь и наши дела. Они знают наши дела. Они знают наши скорби и слышат наши горячие молитвы. Живя на земле, они научились любви Божией от Духа Святого; а кто имеет любовь на земле, тот с нею переходит в вечную жизнь в Царстве Небесном, где любовь возрастает и будет совершенною. И если здесь любовь не может забыть брата, то тем более святые не забывают нас и молятся за нас»*.

Почитание святых, благоговейное внимание к их жизни и подвигам, вера в их заступничество за нас перед Богом — яркая отличительная черта православного мироощущения. И этим определяется наличие в православии мощной непре-seкающейся агиографической традиции, которая своими истоками восходит к евангельскому тексту — «жизнеописанию» Сына Божия и, вероятно, к завету апостола Павла: *Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово*

---

* *Софроний (Сахаров), архим.* Преподобный Силуан Афонский. М., 1999. С. 374.

Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их (Евр. 13, 7).

Во времена гонений, почти непрерывно терзавших Церковь в первые три столетия ее существования, христиане выкупали у чиновников-язычников «проконсульские акты» — судебные протоколы допросов святых мучеников и исповедников, а иногда и сами составляли описания их страданий. Когда гонения утихли, а в недрах Церкви зародилось и развилось монашеское движение, подвиги преподобных отцов легли в основу патериков — житийных сборников, повествующих первоначально о пустынножителях Египта, Палестины и Сирии. И до сего дня любимы православным читателем составленные в V веке «Лавсаик» и «История боголюбцев», написанный в VII столетии «Лимонарь» Иоанна Мосха; Египетский, Иерусалимский и Римский патерики.

Христианская агиографическая традиция в духовной литературе, усвоенная на Руси со времен ее Крещения святым равноапостольным князем Владимиром, с течением времени была значительно приумножена. В ее сокровищницу вошли имена преподобного Нестора, монаха Иакова, Пахомия Логофета и Епифания Премудрого, святителя Киприана, святителя Макария, митрополита Московского, собравшего «Великие Четьи-Минеи», и продолжателя его дела — выдающегося духовного писателя святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Внесли свою лепту в дело духовного просвещения русского народа и многочисленные, пусть менее известные, а то и вовсе не известные нам по именам, составите-

ли жизнеописаний отечественных подвижников благочестия. В XIX столетии над собранием и созданием житий святых трудились архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский), духовный писатель А.Н. Муравьев, на рубеже эпох — епископ Белгородский Никодим и Е.Н. Погожев (Поселянин). При этом в русской духовной литературе оформился особый жанр жизнеописаний еще не канонизированных Церковью, но чтимых верующим народом подвижников.

В XX веке, во времена небывалых гонений на веру и Церковь, православные христиане собирали свидетельства о деяниях отец и братьев, матерей и сестер своих, прославившихся мученическими подвигами и чистотой жизни, свидетельства о тех, кто не преклонил колен перед атеистическим Ваалом. Эти материалы сегодня становятся доступными миллионам читателей, убеждая в том, что и в самые трудные и суровые времена Русская Церковь не угасила в себе духа Христова.

Митрополит Вениамин (Федченков, 1880–1961), как православный христианин и архипастырь, как верный сын Православной Церкви, воспитанный в духе глубокой церковности, как монах, — отличался горячей любовью к Божией Матери, Заступнице рода христианского, и к святым угодникам Божиим. Особенно чтил он преподобного Серафима Саровского, святителя Иоасафа Белгородского, мученика диакона Вениамина, своего покровителя в монашестве, святителя Питирима Тамбовского... Эта любовь проявлялась и в молитвенных призываниях, и в литургическом служении, и в литературном твор-

честве. Известно, что в трудные моменты своей жизни владыка Вениамин совершал сорокоусты: служил сорок Литургий, внимая своей душе, своей совести, которая, по выражению святых отцов, есть голос Божий в человеке; искал ответ на недоуменные вопросы в ежедневных апостольских и евангельских чтениях, в житиях празднуемых святых. Свои мысли и переживания он записывал, поэтому у нас есть счастливая возможность хотя бы отчасти прикоснуться к внутреннему миру этого замечательного, духовно богатого человека.

«Святой Сорокоуст (Мысли по поводу указов митрополита Сергия)» — заглавие, напечатанное на пожелтевших от времени листах машинописи. Идет осень 1927 года. Епископ Вениамин переживает один из самых трудных периодов своей жизни. Ему, как и другим русским архиереям, оказавшимся за рубежом, предложено присоединиться к известной Декларации митрополита Сергия (Страгородского). Трудное время. Тяжелые думы. Какое решение принять? Как не погрешить против истины? Где найти ответ, как отыскать нужное решение? Ответ должен прийти из Горнего мира, от Господа, Матери Божией, от святых *друзей Божиих*.

«Завтра, 4/17 IX, — память святителя Иоасафа Белгородского... Годовщина (завтра в ночь) моего необычайного сна-видения, когда я видел патриарха Тихона и прикладывался к мощам святителя Иоасафа. И это видение было в день его праздника — как нередко бывает у святых: являть особую милость в свои дни... Святителю отче Иоасафе, святителю Тихоне и Патриарше Тихоне — моли-

тесь о вашем преемнике митрополите Сергии, а также о всех его сотрудниках, да управят они Церковный Корабль по истинному спасительному пути во спасение душ народа Вашего и нашего! Благословите и наставьте и меня идти по неуклонному и правому пути!»

«4/17 сентября. День для меня исключительный: память святителя Иоасафа Белгородского. Со времени прошлогоднего сна-видения мне стало постоянно приходить на память, что святитель Иоасаф есть руководитель мой в решениях вопросов о юрисдикции, служении народу, отъезде в Россию и тому подобном.

И от него в Париже еще досталась часть поручи (символ действия управления), а в Кадетском корпусе дал один юноша часть скуфьи, освященной на главе его (символ рассудительности! О, если бы хотя половина!)».

«Ныне еще и день святого пророка Божия Моисея. Опять совпадение. (Господи, не поступи возгордиться.) Я уже писал, что мне пришли мысли о преподобном Моисее, который не захотел пользоваться дворцом фараоновой дочери, а захотел лучше страдать со своим народом... И мне — послужи народу...»

«20/IX—3/X. Девятнадцатая литургия... После мы отслужили молебен святому благоверному Александру Невскому, Михаилу Черниговскому и боярину его Феодору, замученным в Орде, святым Феодору, Давиду и Константину, Ярославским чудотворцам (их память была вчера, а Михаила и Феодора ныне), и “всем святителям и князьям и всем святым Российским”. Молились за Русскую Церковь. Есть очень хорошие молитвы.

Благо было на душе. Со слезами молились.

Кстати, вот уже три недели, как мы читаем в трапезной за ужином житие святого Александра Невского... Какой он был премудрый. И как часто шел одиноко, при общем непонимании, а иногда и противлении...»

Упоминает владыка и пример святителя Алексия, митрополита Московского, — мудрого святителя и великого государственного мужа, одного из строителей Российской державы...

Любовь к Божией Матери и святым угодникам вдохновляет владыку Вениамина на литургическое творчество. Его перу принадлежат службы в честь Иверской иконы Божией Матери, в честь мученика Вениамина и святителя Иоасафа Белгородского.

Среди богатейшего наследия, которое оставил митрополит Вениамин (Федченков), составляющего, по его подсчетам, 18 тысяч машинописных страниц, особое место занимают жития святых и воспоминания о личных встречах с подвижниками. Сохранилось житие преподобной Марии Египетской, составленное владыкой и предназначенное, вероятнее всего, для чтения в храме за богослужением. В течение нескольких лет он перерабатывал и дополнял классический житийный свод — «Четьи-Минеи» святителя Димитрия Ростовского.

Владыкой была составлена книга «Всемирный Светильник — преподобный Серафим Саровский», вышедшая в свет в 1933 году, к столетию со дня кончины подвижника, одна из лучших книг, написанных об этом праведнике, особо почитаемом нашим православным народом. Этот

труд владыки Вениамина проникнут любовью к преподобному Серафиму, чувством живой веры. Он удивительно легко читается, и впечатление, полученное от прочтения этой замечательной книги, сохраняется надолго. Знаменательно, что во «Всемирный Светильник» автор включил целые главы из своей рукописи «Из того мира», связанные с именем Саровского подвижника: «Малинка», «Мой день», «Угодник выкупал», «Святой Франциск Ассизский и преподобный Серафим Саровский», «Завещание духовнику», «Не могу не верить», «Явление Божией Матери», а также повествование о своем товарище по академии Коленке Соболеве, будущем архиепископе Серафиме (1881–1950), молитвенно призывавшем угодника Божия при избрании жизненного поприща. Эти истории, часть из которых можно отнести к разряду описания посмертных чудес святого, собраны и сохранены владыкой Вениамином, многие из них именно благодаря ему известны сегодня православному читателю и любимы им. Владыка показывает не только несомненные для него (да и для каждого верующего христианина) чудеса в собственном смысле этого слова, но приводит трогательную историю нравственного чуда, совершающегося в душе человека, соприкоснувшегося с личностью преподобного Серафима через рассказы близких, через церковную богослужебную и агиографическую традицию. Речь идет о небольшой главе «Не могу не верить», в которой девушка, почти отошедшая от Церкви, не может, тем не менее, «жить как все», ибо знает о том, что жил на земле преподобный Серафим, — и не может

оскорбить его греховным поведением. Разве это не чудо?

Особая тема в творчестве митрополита Вениамина — тема, которой он оставался верен всю жизнь, — создание портретной галереи современных ему православных подвижников. Его всегда, с самого детства, волновал удивительный феномен православной жизни: возможность встречи с «живыми святыми», прикосновения к их духу, возможность приобщения к той благодатной атмосфере, в которой они живут и которую во многом определяют. Тема эта звучит уже в первом литературном опыте будущего иерарха — в очерках о «Северном Афоне» (Валаамском монастыре), опубликованных в «Страннике» за 1906 год. И свое дальнейшее развитие она получает в более зрелых произведениях владыки. Так, в его книгу «Из того мира» (рукописный вариант ее датируется 1930–1931 годами) вошли повествования об отце Исидоре — подвижнике Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры, о схимонахе Никите, жившем в Иоанно-Предтеченском скиту на Валааме, о неизвестном по имени юродивом.

Повествования, включенные в настоящий сборник, сочетают агиографическую традицию с жанровыми особенностями автобиографических записок. «Отец схиигумен Герман», «Отец Иоанн», «Епископ Иннокентий Херсонский» — все эти жизнеописания наиболее близки к традиционному жанру жития: они содержат описания жизни подвижника, его кончины, подвигов и чудес, а также — свидетельства духовных детей и современников, поучения, если таковые сохранились и находятся в распоряжении составителя.

Это — линия преподобного Нестора в русской агиографии. Но есть и другая традиция, идущая от древних патериков и прологов. В соответствии с ней образ подвижника представляется читателю через изображение одного или нескольких наиболее ярких и показательных эпизодов из его жизни. Жизнеописания такого типа также встречаются у митрополита Вениамина («Отец Исидор», «Оптина» и другие). Присутствуют в книге и глубоко личные воспоминания автора. Впечатления, полученные от посещения Зосимовой пустыни, предваряют рассказ о схиигумене Германе; в жизнеописание отца Иоанна Кронштадтского включены воспоминания о посещении студентами-«академиками» Всероссийского пастыря.

И думается, что записки о праведниках приобрели — благодаря присутствию в них личного момента — большую убедительность и значимость. Наверное, читатель книги «На рубеже двух эпох» согласится с тем, что повествовательной манере митрополита Вениамина совершенно чуждо эгоистическое самооправдание. И потому его воспоминания выгодно отличаются от мемуаров многих современников. «Я и Врангель», «я и Керенский» — такая подача материала для него была просто невозможной. И уж тем более нелепым: «я и отец Иоанн Кронштадтский», «я и старец Нектарий». Рассказчик, даже если он и выступает в качестве действующего лица, лишь привносит в повествование свежесть непосредственного личного впечатления, благодаря чему его свидетельство приобретает неоспоримый характер. «Встречи» со святыми оказывали большое влияние на личность самого автора.

Дух и форма записок митрополита Вениамина во многом определяется той особой, свойственной «старым людям» (людям старой России, представителям образованного класса), манерой повествования, которая вырабатывалась благодаря многолетней привычке поверять свои мысли, чувства и впечатления дневнику, размышлять с карандашом в руках. Эта манера создает особый, доверительный, почти исповедальный тон, ощущение душевной близости с автором записок.

Конечно, первая и главная задача, которую ставит перед собой автор, — сохранить, достойно запечатлеть образ «живого святого». Это его долг перед Богом и людьми. И поэтому здесь может оказаться бесценной любая деталь, любой, казалось бы, мелкий штрих, подмеченный во время непосредственного общения. Автор прекрасно осознает, о ком он пишет, и пишет он так искренно, правдиво и непредвзято, что ощущение святости собеседников передается и читателю.

Книга «Отец схиигумен Герман», более всего напоминающая написанное по устоявшимся канонам житие, предваряется, как уже отмечалось, небольшим повествованием «Зосимова пустынь», известным, может быть, читателю по прежним публикациям. Схиигумен Герман (Гамзин или Гомзин; в документах встречаются оба варианта написания его фамилии) — ученик гефсиманских старцев иеромонаха Тихона и иеромонаха Александра, Вышенского затворника святителя Феофана, современник и сподвижник старцев Исидора и Варнавы, наставник и со- таинник знаменитого духовника отца Алексия Зосимовского — был, безусловно, выдающейся

личностью, сыгравшей большую роль в истории русского пастырства конца XIX — начала XX века. Достаточно вспомнить лишь тот факт, что под его управлением (а во многом и благодаря его личным трудам и подвигам) небольшой, совсем недавно возрожденный из небытия монастырь, находившийся на границе Московской и Владимирской губерний, — Зосимова Смоленская пустынь — превратился в духовный оазис, унаследовавший лучшие традиции старчества и духовничества, заложенные в прославленной Оптиной пустыни и приумноженные в скитах Троице-Сергиевой Лавры. Личности двух новых подвижников — старцев Германа и Алексия — привлекали в Зосимову тысячи богомольцев со всей России. Со своими горестями и недоумениями шли туда архиереи, монахи и священники, ученые богословы и юные семинаристы, приезжали «поговеть» великая княгиня Елизавета Феодоровна с сестрами основанной ею Марфо-Мариинской обители, особы императорской фамилии и высшие сановники государства. Представители всех сословий необъятной России: чиновники, офицеры, учащая молодежь, рабочие, крестьяне и торговцы — потянулись к этому духовному маяку, пылавшему в сгущающейся предгрозовой тьме. И потом, когда буря над Россией разразилась, когда первые сполохи осветили своим страшным светом темное небо, сколько людей обрело здесь утешение и надежду, сколько душ устояло благодаря Зосимовой пустыни в вере и правде церковной!

Велико значение Зосимовой и в церковной жизни Москвы, да, пожалуй, и всей России начала 20-х годов текущего (XX. — *Ред.*) столе-

тия. Ее иноки, а прежде всего Герман и Алексей, твердо стояли за Святое Православие в борьбе с обновленчеством и другими расколами, поддерживали законную церковную власть. В годы гонений, уже после закрытия обители, ученики и духовные дети зосимовских старцев явили примеры жертвенного служения Спасителю и Его Церкви, вплоть до исповедничества и мученичества.

К счастью, об одном из зосимовских старцев, отце Алексии, сохранилось достаточно много сведений, уже опубликованных и известных православному читателю. А вот о схиигумене Германе, его наставнике, духовно устроившем знаменитый монастырь, сведений очень мало. Замечательные воспоминания его ученика, епископа Арсения (Жадановского), рисуют нам скорее духовный облик старца, не сообщая собственно биографических данных о нем, сведений об обстоятельствах его жизни (*Епископ Арсений (Жадановский)*). Воспоминания. М., 1995. (Строитель Зосимовой пустыни схиигумен Герман). Возможно, внешне суровый старец, принимавший на исповедь монашествующих, был не так широко известен, как его духовный друг отец Алексей, окормлявший (до своего ухода в затвор) бесчисленное множество стекавшихся в пустынь богомольцев. А может быть, многие из тех, кто мог поведать о старце, приняли мученический венец и все собранное ими погибло? Все может быть. Но, по крайней мере, на сегодняшний день есть полное жизнеописание схиигумена Германа, донесенное до нас владыкой Вениамином, составленное им на основании материалов, собранных и переданных ему

учениками и духовными детьми старца, то есть на основании самых подлинных свидетельств. И благодаря тому, что эти материалы сохранились, мы можем проследить сам процесс работы над составлением жития.

Материалы об отце Германе попали к владыке, вероятнее всего, уже после его возвращения на родину. Рукописи сопровождаются запиской (она сохранилась), в которой сообщается о том, что некая женщина, названная владыкой «помогающая» (далее рукой самого владыки подписано ее имя — Александра), передает митрополиту Вениамину записи об отце Германе и «книжечку» (вероятно, что-нибудь из опубликованных творений отца схиигумена). Так что, скорее всего, неизвестной рабе Божией Александре во многом обязаны все мы сохранением драгоценных сведений.

Кроме того, в главе «Зосимова пустынь» митрополит Вениамин пишет: «С того времени прошло целых 35 лет. Пронеслась революция... Потом вторая война с немцами... Я был в Москве на выборах патриарха (1945 год. — А. С.). И тогда встретил одного человека, бывшего монаха в Зосимовой. Он тоже считал батюшку святым. Но говорил о его ласковости и любви». Кто был этот монах? И, может быть, владыка от него тоже получил какие-либо сведения?

Все материалы были переписаны митрополитом Вениамином в одну тетрадь. И над этой «своей» рукописью владыка много работал. Он удалил повторяющиеся сведения, сгруппировал текст отдельных воспоминаний так, чтобы получилось связное повествование. Полученный

текст он разделил на главки, дав им названия. Ничего своего владыка сознательно не вносил: он очень бережно подходил к историческому документу. В тексте составленного им жизнеописания встречаются некоторые несоответствия и противоречия (даты, количество детей в семье родителей отца Германа), но митрополит Вениамин не берется исправлять их, устраняя лишь самые явные несоответствия. Духовный писатель исполняет главное: сохраняет и доносит до нас записи, сделанные со слов самого отца Германа. Таким бережным отношением к свидетельству объясняется и нежелание владыки изменять что-либо в повествовании, хотя, на первый взгляд, может показаться, что текст «сыроват», недоработан. Просто у автора — иная цель... Со страниц жизнеописания звучит голос самого зосимовского подвижника...

О прославленном, известном по всей России и даже за ее пределами монастыре — Свято-Введенской Оптиной пустыни — написано достаточно много, и эта литература хорошо известна всем интересующимся. И на страницах книги владыки Вениамина «Оптина» мы встречаемся с уже знакомыми нам по другим публикациям образами подвижников. Так, в частности, со старцем Анатолием, со скитона начальником отцом Феодосием, с оптинскими скитниками мы уже встречались на страницах книг С. А. Нилуса, с которым, кстати, владыка Вениамин был знаком лично. Что же касается «Оптиной» — записок, построенных на личных воспоминаниях, — то они ни в коей мере не претендуют на всеохватность, но при этом добавляют несколько ярких штри-

хов к картине, составившейся в нашем сознании под влиянием уже прочитанных материалов и свидетельств. Несомненно также и то, что для митрополита Вениамина центральной фигурой в Оптиной был старец Нектарий, о котором он сохранил самые светлые воспоминания и которого считал одним из своих наставников. Как дар Божий воспринял он встречу с духовной дочерью старца, писательницей-христианкой Надеждой Александровной Павлович. Материалы, переданные владыке Надеждой Александровной, позволили ему довершить воспоминания о подвижнике. Воспоминания Павлович, включенные в книгу самим владыкой Вениамином, стали неотъемлемой частью повествования о Божьих людях.

На всю жизнь сохранил владыка память о личных встречах с отцом Иоанном Кронштадтским, о сослужении с ним Божественной литургии. И, проходя долгое жизненное поприще, он вновь и вновь обращался мыслью и сердцем к образу все-российского молитвенника. Составление краткого жизнеописания, включенного в настоящую книгу («Отец Иоанн»), явилось первым шагом на пути освоения гомилетического и литургического наследия святого Иоанна Кронштадтского, усвоения его мыслей, познания его личности через творения почитаемого всей Россией праведника. Итогом этой многолетней работы явилось составление фундаментального труда «Отец Иоанн Кронштадтский», вобравшего в себя огромный фактический материал, а также размышления над страницами дневника отца Иоанна «Моя жизнь во Христе». Помещенные в сборнике работы митрополита Вениамина «Отец Иоанн» и «Подвиг

преподобничества» вошли в это подробное исследование.

Автор записок о Божиих людях чтит кронштадтского праведника прежде всего как великого служителя Божественной литургии. Из творений отца Иоанна он бережно, собирая по крупицам, извлекает этот бесценный опыт. Так появляется книга «Небо на земле. Учение отца Иоанна Кронштадтского о Божественной литургии, составленное по творениям его архиепископом Вениамином». Этому творению владыки суждено было выйти в свет при его жизни. Книгу «Небо на земле» выпустило Православное книжное издательство, действовавшее при Трехсвятительском подворье в Париже, а напечатана она была в типографии имени отца Иоанна Кронштадтского.

Владыка Вениамин всегда почитал отца Иоанна как святого. Конечно, в этом нет ничего удивительного. Таково было мнение подавляющего большинства православного народа, окружившего «дорогую батюшку отца Иоанна» прижизненным почитанием и продолжавшего это почитание после его блаженной кончины. Но ведь были и противники его.

Чувством любви и благодарности проникнуто небольшое по объему, но очень яркое и запоминающееся жизнеописание архимандрита Дионисия (Чудновца), бывшего духовником епископа Вениамина в период его участия в Белом движении. Отец Дионисий провожал своего духовного сына в изгнание, благословлял, расставаясь с ним навсегда в сей временной жизни...

Поминайте наставников ваших... (Евр. 13, 7).
Вернувшись на Родину, митрополит Вениамин

собрал сведения об отце Дионисии и составил его жизнеописание — в соответствии с агиографической традицией. И в одном из свидетельств, собранных владыкой, обращают на себя внимание слова духовной дочери отца Дионисия: «Если же я жаловалась, что кто-то меня не любит, то всегда получала от него ответ: “О чем нам хлопотать? Лишь бы ты любила!”»

Такой взгляд роднит митрополита Вениамина с его почившим наставником. Сознательно или нет, но владыка в своих творениях следует этому принципу. В жизни, даже уже в довольно зрелые годы, он был «борцом» по характеру; когда перед ним вставала необходимость нравственного выбора, выбирал, а не уклонялся. Вставал на ту сторону, где, по его мнению, была правда. Авторы некоторых воспоминаний, в частности — митрополит Евлогий (Георгиевский), даже жалуются на такую порывистость его характера. Но вот в своих воспоминаниях сам владыка ни о ком не сказал дурного. Если человек «досаждал» ему, скорее умолчит, — такова была его жизненная позиция. И писательская, если так можно сказать. В своих произведениях он часто вспоминает слова, услышанные им еще в молодые годы от старца-епископа в ответ на вопрос, как следует относиться к человеку вообще. «С благоговением», — ответил мудрый архиерей.

Благоговейное отношение к человеку пронизывает все творчество владыки Вениамина. Особенно ярко проявляется оно в его поздней книге «Записки епископа». Не только те, в ком ему дано было увидеть несомненно святых людей, не только они, бывшие для современников

образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте (1 Тим. 4, 12), не только «гиганты духовные» интересуют владыку, но и простые «маленькие» праведники. На страницах «Записок епископа» пишет он о «хороших людях», приводит примеры хороших поступков и доброго христианского настроения: «Впрочем, под именем хороших людей я разумею не исключительно только святых — их не много! — а и борющихся со злом, с грехом... Даже — видящих грех мира, и то — добро!» Когда-то, еще в Париже, владыка собирался составить книгу, которую хотел назвать «Хорошие люди». Замыслу его не суждено было осуществиться. Но «заготовки» остались. И «просто хорошие» встают рядом с Божьими (несомненно, по большей части, святыми) людьми. Ибо они сродни друг другу. Ведь каждый христианин призван к святости (см.: Лев. 11, 44; 20, 7; 1 Пет. 1, 15–16; Еф. 1, 4), идет по мере сил по этому пути, достигает каких-то своих вершин. И это прекрасно и духовно красиво. Хорошие — тоже Божьи, а Божьи — хорошие. Это уж несомненно.

«Святое дитя» — так иногда, основываясь на некоторых эпизодах из жизни владыки Вениамина, характеризуют его те, кому доводилось слышать о нем. Из кругов, близких к патриарху Алексию I, исходит одна забавная история. Суть ее в следующем. Владыка Вениамин звонит в Патриархию и спрашивает совета: «они с матушкой Анной» решили купить для епархии самолет, чтобы летать в Москву за продуктами, так как в Саратове достать продукты очень сложно. Проще

их покупать в Москве — и на самолете привозить в Саратов. Начинается долгий разговор, в течение которого Патриарх мягко, но настойчиво убеждает владыку отказаться от этого плана ввиду того, что... аэродром в Москве страшно перегружен и каждый раз будет очень трудно вставлять в график «епархиальный самолет».

Подобных историй существует множество. В них владыка предстает добрым, искренним, но бесконечно наивным человеком. Конечно, какие-то основания для подобных анекдотов были. Владыке трудно было понять многие реалии, сложившиеся на Родине в его отсутствие. Что и говорить, уезжал он из другого мира и долгое время жил тоже в совершенно ином мире. И, наверное, вполне мог там купить и самолет, и типографию. А здесь все изменилось... Не мог он, к примеру, до конца постичь некоторые особенности в отношениях с подведомственным ему духовенством, а потому много терпел от «лжебратий», может быть, и не догадываясь о подлинных причинах своих скорбей. Откуда ему знать, например, что нельзя говорить: «У нас в Америке...» Да много чего нельзя.

«Святое дитя...» Где грань, отделяющая детскую чистоту от наивности?

Но все же трактовать личность владыки столь однозначно — это исказить его подлинный духовный облик. Безусловно, очень удобно (особенно с позиций определенной «идеологической заданности») «списать на наивность» многие его мысли и поступки, в том числе и те, вокруг которых в церковной среде ведутся споры. Очень просто «объяснить» множество вопросов: разрыв с кар-

ловчанами, возвращение в Россию, отношение к власти и государству... Легко и удобно — вместо серьезного анализа — прибегнуть к этому объяснению.

Но давайте лучше обратимся к его биографии. Владыка был известным духовником, люди тянулись к нему. Их боль и страдания, истории трагических судеб, обнажающие те самые советские «реалии», в незнании которых «обличают» владыку, — все это находит свое отражение на страницах «Записок епископа». Так что справедливости ради следует сказать, что «наивность» простиралась все же до определенных пределов. Горе людское, переломанные судьбы — все это было знакомо ему из опыта.

Но среди людского горя, греха и страданий — маленькие маячки, свечечки, освещающие путь другим, — хорошие люди. Они есть, они живут в Церкви. Нужно только суметь увидеть их. *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*, — говорит Господь в Евангелии (Мф. 5, 8). И, несомненно, чистым сердцем нужно обладать для того, чтобы узреть и образ Божий в человеке, тот образ Божий, который особенно ярко сияет в праведниках, «больших» и «малых», ведомых миру и неизвестных ему. И, может быть, наличие этих святых душ, чистых и открытых, верующих и верных, ободряло и того, кто записывал о них в свои «тетрадки». Кто знает?

Вот — «Церковная пыль», вот — «Три Нины», вот — «Мать и дочь». И как будто бы ничего не сказано. Нет ни чудес, ни подвигов. Но почему-то тепло на душе становится от чтения этих ма-

леньких рассказиков, своеобразных миниатюр. Или — «Петр Константинович». Человек, о котором поведал владыка Вениамин, известен православному читателю как автор, прямо скажем, не самой удачной книги «Тайна святых». Но владыка пишет совсем о другом. И перед нашим мысленным взором проходит история обращения прежнего грешника, история обретения горячей и живой веры в Бога.

Воспоминания о детстве (они сопровождали владыку всю жизнь, и он часто обращался к ним в своих произведениях) нашли свое отражение в рассказах «Посвящается моим родителям», «Чернички», «Крестная», «Авдотья», «Три кладбища», «Кривой Павел», «Пасхальная ночь». Автор не идеализирует прошлое: его герои сталкиваются с конкретными трудностями, с горем и нуждой, живут обычной трудовой и часто — трудной жизнью. Но в этой жизни всегда есть отрадные моменты: праздники и молитвы, путь доброделания. «Маленькие люди» верны в малом. Они проходят жизненное поприще, уходят в вечность, никем, кроме самых близких людей, не замеченные. Но разве прожить жизнь по-евангельски так уж мало? *Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом* (Лк. 16, 10).

«Святую бабушку Надежду» и мать Наталию Николаевну владыка считал подвижницами. Молитвенницы, постницы, труженицы, а главное — смиренницы, с верою и надеждою на Бога преодолевающие скорби и ежедневные труды. Верные дочери Церкви Христовой и самоотверженные служительницы «Церкви домашней»,

всецело отдающие себя на служение близким людям, то есть ближним. Что еще нужно?

К своему «писательству» владыка Вениамин относился очень серьезно. Об этом свидетельствует множество фактов. Так, в одном из «Сорокоустов» владыка писал:

«С одной стороны, тянет к уходу... Монастырь, внутренняя жизнь, спасение грешной души... Все это верно. И хочется этого... И нужно... Нужно... Очень...

Это переживал ныне на Литургии...

А с другой стороны, кажется, будто я еще мог бы послужить и Церкви Божией здесь.

Впрочем, есть третий, средний, выход: уйти в обитель и оттуда работать — издательством, писаниями. Это и мне спасительнее, и делу лучше... (Жду из Парижа решения о 7000 фр.: куплю “линотип”.)» («Сорокоуст недоуменного архиерея». Нью-Йорк, 1935. Машинопись.)

Пойти по этому «третьему пути» владыке не было суждено. Но в течение всей своей жизни, в самых разных обстоятельствах, он находит время для работы над своими трудами. А в конце жизни, незадолго до того, как уйти на покой в монастырь, приводит в порядок и систематизирует свои произведения, сообщает о них Патриарху Алексию (Симанскому), с которым у него сложились особые доверительные отношения.

Среди причин, побудивших когда-то владыку взяться за перо и начать многолетний труд по составлению жизнеописаний современных праведников, нельзя не назвать и еще одну. Его, прекрасного рассказчика, уже за рубежом, в пе-

риод «беженства», с интересом слушали в разных аудиториях. Сам он в предисловии к «Оптиной» пишет: «Я многим рассказывал свои впечатления о монастырях и святых людях. И не раз слушатели просили меня записать мои воспоминания для пользы другим, которые уже не видели и даже не слышали о подобных предметах прошлого времени» (см. «Предисловие» к настоящему изданию). Эти «другие» — представители нового поколения эмиграции — остро ощущали нехватку той особой духовной атмосферы, которая существовала в прежней России. В воспоминаниях одного из участников Русского студенческого христианского движения Николая Зернова говорится: «Другим лицом, оставившим яркий след в Пшерове, был епископ Вениамин. Как метеор, он неожиданно на одни сутки появился на съезде, приехав из Прикарпатской Руси. Весь его облик, его рассказы о своей молодости и о жизни Церкви до революции перенесли всех в тот православный мир, который, как многие тогда верили, продолжал существовать под игом коммунизма». (Н. Зернов. Съезд в Пшерове и начало Русского Студенческого Христианского движения // За рубежом. Белград, Париж. Оксфорд. (Хроника семьи Зерновых) (1921–1972) / Под ред. Н.М. и М.В. Зерновых. Париж: УМСА-Press, 1973.)

Трудно судить человеку о путях Промысла Божия, но, всматриваясь в некоторые обстоятельства жизни митрополита Вениамина, невольно задаешься вопросом: видимо, не случайно дано было ему «беженство», вынужденный отрыв от Родины, длившийся четверть века. Он очень тяжело переносил разлуку с Россией и всем суще-

ством своим стремился к ней. Но именно в этот период ему удалось собрать и сохранить многое из того, что на Родине сохранить тогда было бы трудно.

Собранное и сохраненное за рубежом сокровище он приумножил в России. Даны были годы на это. А какие помощники посылались ему на жизненном пути! И «помогающая Александра», о которой мы совсем ничего не знаем, и хорошо известная теперь православному читателю Надежда Александровна Павлович, и некто, тоже оставшийся неизвестным, — бескорыстный помощник, приславший митрополиту Вениамину пять рукописных тетрадей с записями о современных подвижниках.

Да, ему был дан от Бога талант рассказчика, дана была возможность получить прекрасное образование, даны были годы долгой жизни, Господь хранил его среди скорбей и испытаний. Талант рассказчика со временем развился в писательское мастерство...

Митрополит Вениамин был разносторонне развитым человеком. Любил классическую литературу, особенно — русскую, интересовался достижениями науки и техники, следил за происходящими в мире событиями, был интересным собеседником. «Культурный и общественный нигилизм», свойственный некоторым неофитам, был совершенно чужд ему. Идеал, к которому стремилась его душа, был неизмеримо выше.

Православие, как живая жизнь, тождественно отражающая евангельское учение, воплощающая его в реальной действительности; православие во всей полноте, с его вероучением и канонами,

нравственными нормами, мистическим опытом и богатейшим святоотеческим наследием, богослужбным строем, с особыми отношениями, возникающими между людьми, со своими праведниками, светящими миру, — вот что определяло творчество владыки Вениамина, творчество, посвященное Богу и людям.

Алексей Светозарский

БОЖЬИ ЛЮДИ

Мои духовные встречи

Предисловие

Я многим рассказывал свои впечатления о монастырях и святых людях. И не раз слушатели просили меня записать мои воспоминания для пользы другим, которые уже не видели и даже не слышали о подобных предметах прошлого времени. А может быть, на мне лежит долг благовествовать об этом, по слову Писания: *сердцем веруется в правду, устами же исповедуется во спасение* (ср.: Рим. 10, 10)¹ — и мне самому. А упоминаемые угодуники Божии вспомнят пред Престолом Господним о нас с вами.

ПРИХОДСКИЕ СВЯЩЕННИКИ

1

На этот раз я намерен рассказать об одном необычайном сельском священнике-молитвеннике.

Моя встреча с ним произошла еще в молодые семинарские годы. Зимой на святках мне пришлось гостить у своего друга и товарища Е. М. Он был талантливым юношей, впоследствии сделался профессором университета. Хотя отец его был священником, но мой друг считал себя неверующим, к величайшему огорчению его благочестивой матери. На стенах его комнаты висели портреты Маркса, Энгельса и других. Но это ничуть не мешало ему дружить со мною, человеком верующим, — за что его мать весьма сильно любила меня, а сына своего все-таки «обожала».

У этой семьи, особенно у матушки, была теплая дружба и даже какое-то родство с семьей священника отца Василия С.¹, жившего верстах в сорока от нашего села. Матушка уже не раз рассказывала мне о нем совершенно исключительное: о случаях чудес его, о святой жизни, хотя он был многосемейный человек. Я очень заинтересовался им; и в один

день с раннего утра мы втроем выбрались на санях в гости. Поехал и мой друг, но он интересовался не святым батюшкой, а прогулкой и молодыми дочерьми. Путь был красивый: по чистому снегу, среди громадного соснового леса, при тихой погоде мы незаметно проехали часов шесть. Выехав на открытое поле, я увидел немного пониже длинное село с белой церковью. Друг мой говорит матушке:

— Я не буду подходить под благословение к отцу Василию.

Я по тщеславию тоже хотел показаться «сильным», но добрая матушка предупредила это искушение мое:

— И. А.* — обратилась она ко мне, — вы-то уж не слушайтесь моего сына, благословитесь.

Очевидно, она не желала нанести огорчение почитаемому ею духовному отцу таким нашим вольнодумством. Я промолчал, но в глубине грешного сердца затаилось легкомысленное искушение. Через четверть часа мы въехали в село, повернули к церкви; направо от нее стоял деревянный священнический дом, довольно большой, в пять—шесть окон по длине его. Наш приезд не был предупрежден, и мы заметили, как за занавесками окон замелькали не ожидавшие нас женские лица.

В зале нас встретила матушка отца Василия, довольно полная женщина с розовым лицом и тихой, медленной улыбкой. После нее появились две молодые девушки и еще двое или трое детей. Мы поздоровались. Девушек заинтересовал наш приезд: молодые «богословы». Кто знает — может быть, женихи? Друга они знали и раньше, а я был новым человеком для них.

---

* Иван Афанасьевич — мирское имя будущего владыки. — Ред.

— А где же батюшка? — осведомилась мать друга.

— Он все еще в церкви, привезли какого-то больного, — спокойно и медленно ответила нам матушка. И, может быть, она послала кого-нибудь оповестить его о неожиданном приезде гостей.

Минут через десять появился незаметно и отец Василий. Довольно высокого роста, очень худой, с бледно-розовым лицом, тонким носом, светло-рыжей бородой и волосами, он сразу произвел на меня очень серьезное и благоговейное впечатление. И мне стало стыдно от глупого предположения уклониться от благословения. Но товарищ мой уже успел пожать ему лишь руку; зато наша матушка с любовью и благоговением протянула к нему свои тонкие руки; вслед за нею я сделал то же самое. Отец Василий медленно и с молитвою осенил каждого из нас широким крестом. Я почувствовал, что это благословение принесло мне радость. И с той поры я каждое утро стремился прежде всего получить благодать Божию через его благословение... Не знаю, испытывают ли другие от нас что-нибудь подобное, но я ощутил это опытно. После я испытывал нечто подобное и от других духовных служителей Божиих, но едва ли с таким радостным трепетом, как от отца Василия.

2

Здесь мы погостили три-четыре дня. И многое запечатлелось особенно сильно в моей памяти доселе, хотя с того времени прошло уже сорок пять лет.

Сначала меня немного удивило, что у святого такая большая семья, едва ли не семеро детей.

Обычно мы представляем святых в виде монахов-пустынников или девственных святителей, или мучеников. Здесь же была с виду обычная мирская и мирная семья. Но скоро это недоумение испарилось само собой: святой лик иерея Божия не нуждался в объяснениях и оправданиях. Факт оказался убедительнее теорий.

Кажется, в тот же вечер — это был канун воскресенья — отец Василий, направляясь по звону колокола к вечерне, сказал своей жене:

— Ныне ты не бери маленьких детей в храм: привезли одного больного, опасного. Как бы они не испугались.

Все мы прочие пошли к службе: не идти казалось совершенно немислимо и грешно... Не помню лишь о друге... Со всех сторон к храму стекался народ. Село было большое. Кроме обычных сельских занятий, крестьяне работали еще на огромном винном заводе какого-то богача. Не доходя до храма, мы прошли мимо зданий (почему-то их называют флигелями), стоявших против алтаря церкви через проезжую дорогу. Мне объяснили, что это — дома для приезжающих больных и богомольцев.

Храм был уже полон народа. Началась служба... Она шла очень чинно, не спеша, а главное — по полному уставу, что не только в селах, но и в городских церквях почти никогда не исполняется. И если вечерня, при сокращении, продолжается обычно минут двадцать, то на этот раз она шла не менее часа. У самого отца Василия был прекрасный тенор, и он пел стихиры (помню, был глас 7-й) попеременно со стариком псаломщиком.

По окончании службы народ расходился не сразу. И я увидел, как отец Василий направился в гущу толпы направо. Там и стоял «опасный» больной. Это был человек очень высокого роста, с красивым лицом, черной бородой и волосами. Родом — мордвин. Его держали два таких же огромных красавца — братья. А он все порывался куда-то идти. Но народ не шарахался от него; видимо, не впервые был такой случай. А кроме того, простой православный человек глубоко жалеет таких несчастных страдальцев и потому не чуждается их. Впрочем, больной вел себя в основном мирно: не кричал, никого не трогал; других он точно не видел перед собою.

Отец Василий подошел к нему совсем спокойно и обычным медленным крестом благословил его. А потом сказал братьям, чтобы они переночевали в доме для приезжих, а завтра привели его к утрене.

Другой день начался для батюшки очень рано. Кажется, около трех часов он уже вставал и начал читать положенные Правила ко Причащению. У него была особенная «моленная» комната, большого размера, уставленная подсвечниками и множеством икон, некоторые — с частицами мощей. Там он и совершал свои молитвы. Не знаю, вычитывал ли он вечерние правила с вечера; а они, при истовом их исполнении, занимают никак не менее часа, а при внимании — и полтора; да утреннее правило берет три четверти или с час... Обычно мы, ленивые, лишь в начале своего служения пытаемся исполнять эти правила. Да и то с поспешностью, лишь «вычитать» положенные четыре канона — Спасителю, Божией Матери, дневным

святым, Ангелу хранителю, — потом акафист и вечерние молитвы; а утром — утренние молитвы, канон ко Причащению. А потом начинаем отставать, отставать и остывать, остывать. И наконец совсем оставляем эти правила. И лишь исключительные единицы из нас хранят этот мудрый обычай. А признаться, иногда никого не видать кругом, кто совершал бы те и другие правила.

И уже по одному этому можно удивляться таким единицам. Отец Василий был одним из таких иереев. Потому ему и нужно было вставать в 3 часа утра. Другие в деревне еще спали сладким сном, а он уже молился одиноко. В 5 часов началась утренняя. Народ быстро наполнял храм. И снова служба шла по уставу. Однако чтобы сократить немного времени, батюшка установил такой порядок: одну кафизму он читал на правом клиросе вслух, а псаломщик в это время вычитывал другую про себя. Иной может и возражать против такого «формализма», но едва ли нам, ленивым, следует критиковать ревнителей устава. Лучше помолчим.

Среди богомольцев на вчерашнем же месте я заметил привезенного больного. Мне показался он немного спокойнее, чем вчера.

В восемь часов утра утренняя кончилась. И весь народ разошелся по своим домам, чтобы отдохнуть и подкрепиться пищей. А отец Василий один оставался в храме и начинал служить проскомидию, которая продолжалась еще целых три часа. Как известно, на проскомидии мы вычитываем помянники за живых и умерших. И таких книжечек у отца Василия были сотни: и он считал своим долгом поминать имена записанных

лиц. Вероятно, ему присылали или оставляли богомольцы с разных стран эти помянники, не считая уже прихожан своего села за многие годы. На это и уходило три часа... В 10 часов раздавался благовест к литургии, потом псаломщик читал третий и шестой часы, а батюшка все вынимал и вынимал частицы в алтаре. Псаломщик читал — уж сверх устава — девятый час, но и этого оказывалось мало, он раскрывал Псалтирь и продолжал читать... Так проходил час. И начиналась уже литургия.

Нельзя не остановиться и на этом обычае отца Василия. Я уверен, что таких других священников почти нет. Да и вычитывать-то нам нечего: никто к нам не несет, не посылает своих помянников. Лишь исключительные молитвенники достаиваются этого...

После запричастного стиха он предложил мне сказать поучение. Оно было выслушано внимательно, но без особого впечатления: да и что я, юноша, мог бы сказать им сильного, когда у них постоянно горел пред глазами такой светильник?!

Не нужно забывать, что народ после двух-трехчасовой передышки снова массой приходил в храм и проводил здесь еще добрых два, а то и три часа: всего с утреней, следовательно, 5–6 часов. Много ли таких приходов на Руси?.. Про заграницу я уже и не говорю...

Время подходило уже к часу дня, когда кончилась литургия. Народ ушел. Остались лишь десятки. Среди них и больной. И начались молебны... Отец Василий совершал один общий для всех молебен; только на запевах поминал всех

тех святых, кому «заказывали» молебен просители; да еще вычитывал множество «Евангелий» по роду святых — Божией Матери, мученикам, святителям и прочее, и прочее. После этого он помазывал больных елеем.

Наши все уже ушли давно в дом, а я продолжал наблюдать. Но и мне стало трудно, я тоже ушел. Не дождался я и молитв батюшки об опасном больном. Такие мы легкомысленные: не ценили в России наших изрядных людей. А теперь таких и посмотреть негде за границей.

Наконец, после трех часов дня пришел батюшка. С радостным видом, но уравновешенно, спокойно он приветствовал всех нас и, как будто обычный семьянин, принялся кушать (умеренно) и говорить с нами на житейские темы: о знакомых, о здоровье, о семейной жизни и тому подобное.

Его собственная семейная жизнь была не совсем заурядной. Я, конечно, ничего не могу сказать о неизвестных мне сокровенных сторонах ее и сужу лишь отчасти по некоторым внешним признакам. Например, во всем доме не видно зеркал. Батюшка считал грешным занятием заглядываться на свой лик. И лишь после долгой борьбы его дочерям удалось отвоевать право поставить маленькое зеркальце, вершков с пять на четыре, в гостиной (она же и столовая). Да и то место для него нашлось на выступе голландской печи. Разумеется, соблюдались строгие посты, говенья. А теперь?

Но вот что особо отличало жизнь их семьи. Отец Василий категорически решил не учить в губернских школах девочек: ни в гимназиях, ни даже в женском епархиальном училище. Он был

уверен во вредном влиянии этих школ на невинных детей. А тогда господствовала мода на Высшие женские курсы. И слово «курсистка» стало нарицательным именем нечистой и «политической» девицы; остриженные короткие волосы, развязные манеры, курение табака, неприменный революционный либерализм, безверие и нередко нравственная невоздержанность. Вот так рисовался образ «курсистки». И почти всегда такие девицы уходили из-под влияния родителей, это тоже считалось знаком самостоятельности и свободы. Конечно, не все были такими, но молва шла плохая о них. И отец Василий боялся за своих девочек. И потому решил учить их сам, дома... И действительно, выучил, все они были весьма умными и широко образованными девушками. К моему удивлению, они знали так много, сколько не знали рядовые гимназистки и «епархиалки»². Откуда они научились? Не отец же наставлял их в знании и политических систем, и экономических социальных реформ, и русской литературы, и истории европейской цивилизации? Секрет нам открыли сами девушки. Выросши уже до возраста невест, они упростили отца выделить им в огромных сенях маленькую «светелочку», по четыре-пять шагов в длину и ширину. Здесь была и спальня их, и библиотека. И чего только там не было! И Толстой, и Достоевский, и «Заочный университет», издававшийся в Киеве. Вот откуда девушки набирались знаний. Все это делалось как-то секретно от отца, чтобы не огорчить его. Но зато они остались глубоко верующими душами, как и родители. В «светелке» у них было, конечно, и зеркало, значительно большего размера,

чем в гостиной. Батюшка тут не наводил ревизии, деликатно щадя любимых дочек. Здесь мы, молодежь, и проводили время.

Однажды нам, «богословам», пришла легкомысленная затея: покататься с девушками в отдельных двух санках. У отца Василия были две хорошие лошади. Мы сначала обратились к матушке, справедливо надеясь соблазнить ее скорее, чем батюшку, ведь случай не частый — ну-ка и замуж выйдут, а женихи неплохие... Я тогда тоже думал о женатом священстве... Действительно, матушка без особенной борьбы склонилась на нашу затею. Но по осторожности она добавила, что надо спросить батюшку. Мы это знали, но попросили ее быть нашей соумышленницей и помочь нам уговорить и его. Был уже вечер. Батюшка воротился откуда-то. Мы приступили к нему. И он, не сразу разобравшись, дал согласие. Я поспешил на кухню. Там на полатях собирался уже спать рабочий, Алексей. Я горячо торопил его скорее запрячь лошадей в двое саней. Он не с особой охотой, но покорно стал слезать с полатей. Но в это время вошел на кухню и батюшка. Вероятно, он успел посоветоваться и с матушкой своей. Или та не успела в своей помощи нам, или она оказалась благоразумной матерью, но только отец Василий спокойно сказал мне:

— Я с вами тоже поеду.

Но такое предложение расстраивало все наши юношеские планы, и я отказался:

— Тогда уж мы лучше совсем не поедем.

Это было и грубо, и грешно. Но отец Василий сохранил равновесие и совершенно спокойно ответил:

— Что же делать! Хорошо. А то ведь люди увидят на улице вас одних с девушками да и начнут потом говорить Бог знает что.

Все это было совершенно правильно и благо-разумно. Алексей, довольный такою развязкою, полез обратно на полати, а мы с батюшкой ушли в комнаты и решили раньше лечь спать. Но этот случай ни во мне, ни в батюшке не изменил добрых отношений. На другой день я утром снова бежал к нему получить радостное благословение, а он нимало не обижался на нашу действительно дурную и злую выходку. Девушки же, понятно, и не возбуждали потом никаких вопросов. Да и во время обсуждения с ними нашей затеи они лишь молча соглашались с нами... Видимо, отец Василий понял всех нас как опытный отец и постарался покрыть все тихим миром.

Я рассказал такой далеко не поучительный случай потому, чтобы показать жизнь не в отвлеченной, надуманной благочестивой форме, а такою, какою она действительно бывает в эти наши годы. Все это человечно. Но другая семья могла бы использовать подобный случай, а здесь отец Василий развязал все по-христиански мирно и благо-разумно. Это тоже одна из светлых сторон домашней жизни святого сельского священника. Святость не в одной лишь молитве оказывается, а и в остальных сторонах целой жизни. *Верный в малом верен и во многом*, — говорил Господь (Лк. 16, 10). И наоборот — можно сказать.

Припоминаю еще случай из пастырского быта отца Василия. В один из будничных дней к нему зашли почему-то две монашки. Может быть, они шли «по сбору» на монастырь, а может быть, это

были мирские «чернички», жившие в своих селах девственно и носившие черные одежды и платки. Они обратились к батюшке с просьбой сказать им что-либо «во спасение души». И он начал говорить им о смирении. Доселе мне запомнилось сравнение: колос, наполненный хорошим зерном, гнется незаметно вниз головой, а пустой — топорщится вверх: так и тщеславный человек.

3

Я скоро поступил в академию. Потом принял иночество и был уже ректором семинарии, в сане архимандрита. Наступила первая война с немцами. В этом же году открылись мощи святого епископа Тамбовского Питирима³. Как питомец этой семинарии, я счел долгом присутствовать на великом торжестве. Со всей епархии были вызваны лучшие священнослужители и благочинные. Среди них я встретил и отца Василия. За эти одиннадцать лет он значительно постарел. Острый нос его сделался еще тоньше. Выражение лица стало еще более серьезным. Мы приветствовали друг друга. Но побеседовать нам так и не удалось.

Через три года после этого началась революция. Что случилось с этой святой семьей за те одиннадцать лет и после — ничего не знаю. А так теперь хотелось бы узнать...

Да, мало мы ценили наших изрядных людей... А иные даже злословили:

— Ну, какие там святые?! Знаем мы...

А теперь хоть посмотреть бы...

Одного из таких его критиков я видел. Он был тоже сельским священником. Но потом, вероятно,

как вдовец, поступил студентом в академию. На святки приезжал домой. При встрече со мной он стал зло и высокомерно отзываться об отце Василии. Но этим он вызвал в моей душе лишь отрицательное отношение к себе самому. После описанных личных встреч со святым батюшкой я окончательно убедился в душевной порче критики вообще. А чем же он сам тогда интересовался? Он стал пропагандировать меня и других революционными и политическими идеями, настойчиво рекомендовал прочитать какую-то книжку английского экономиста по вопросу о реформе подоходных налогов. И эту книгу он считал чуть ли не откровением миру и спасением от всех зол и бед. Я взял почитать ее, но она оказалась для меня скучной и неважной, и я скоро возвратил ее «ученому-богослову». Если он дожил бы до второй революции, то есть прожил бы со времени нашей встречи 15–20 лет, то, наверно, он оказался бы в рядах «живой», или обновленческой, церкви... Избави, Боже, нас от такого духовенства... Нам нужны отцы Василии, отцы Алексии...

ОТЕЦ ИОАНН

Приступать к воспоминаниям о приснопамятном отце Иоанне мне всегда бывало особенно трудно: слишком он был высок, а я — грешный. И лишь ради пользы других принимаюсь за описание моих личных впечатлений о нем. Начинаю писать в больнице (в городе Бруклине), лежа от болезней.

Краткая биография

Буду записывать, что осталось в памяти из прочитанных книг и из виденного мною лично.

Отец его, Илья Сергиев, был простым псаломщиком в селе Сура Пинежского уезда Архангельской губернии. Мать его звали Феодорой. Насколько можно судить по разным данным, отец был человеком уравновешенного кроткого нрава, а мать несомненно была чрезвычайно энергичной женщиной, со взглядом орлицы. Отец обладал тонким каллиграфическим почерком, который передался по наследству и сыну, но от матери перешли в почерк будущего светильника порывы силы.

Кроме мальчика, были в семье и девочки. Ребенок родился хилым, поэтому его поспе-

шили крестить в день рождения, 19 октября 1829 года, в день памяти болгарского подвижника Иоанна Рыльского, именем которого и назвали младенца.

Когда он стал подрастать, его начали учить грамоте и отдали в школу. Но первоначальная мудрость сложения букв в слоги давалась мальчику с трудом. И вот, рассказывал потом сам батюшка, стал он на колени и начал горячо молиться, чтобы Господь открыл ему разум к учению. И вдруг в голове его точно сняли какую-то пленку, и он стал понимать все ясно. А духовную семинарию он кончил уже лучшим учеником.

Тогда, не в пример моему времени (1900-е годы), студенты учились добросовестно, а Сергиев отличался особым прилежанием. До меня, между прочим, дошел учебник по философии, по которому проходил эту науку усердный студент. Книга сохранилась в удивительной чистоте, и только кое-где его красивым почерком были сделаны примечания к читаному: видно, что он усваивал все серьезно, глубоко.

Но, кроме обязательных предметов, Иван Ильич читал и святых отцов. Особенно любил он творения святителя Иоанна Златоуста. Иногда, сидя за чтением его поучений, он вдруг начинал хлопать в ладоши святителю Златоусту: до такой степени восхищала его красота и глубина ораторства великого вселенского учителя.

В это время отца уже не было в живых, и молодой студент, чтобы помогать матери и сестрам, определился писцом в канцелярию духовной академии и получаемое небольшое пособие отсылал на родину. Здесь ему пригодился красивый на-

следственный почерк. А помещение канцелярии, закрытое для других, дало серьезному студенту еще большую возможность заниматься в уединении своим образованием и в особенности святыми отцами. Читая теперь (1948 год) Златоуста и отца Иоанна, ясно видишь, как близки они, в особенности — в вопросах о богатстве, бедности, любви, причащении, покаянии.

С товарищами, по-видимому, у него не было каких-либо особо близких отношений и дружбы, а тем более — веселых товарищеских пирушек. Подобно древнему святителю Василию Великому, и он пользовался уважением и даже боязнью со стороны студентов: не до веселья и не до празднословия было ему. Учение, канцелярия и самообразование отнимали у него все время и внимание.

Зато в такой тишине и занятиях в нем рос дух родительской веры, укрепленной Словом Божиим, просвещенный к тому же православной наукою и святыми отцами, а вообще и в особенности — воспитанный Святой Православною Церковью.

К концу академии у него явилось сначала желание взять на себя подвиг миссионерства в монашеском чине. Но, присмотревшись внимательнее к окружающей жизни столицы, он узрел, что пастырско-духовной работы и кругом него — непочатый край. Поэтому передумал свое первое решение и остановился на пастырстве. Как известно, священник должен был сначала обвенчаться на девице: безбрачных пастырей тогда совсем почти не бывало; да это в общем — и правильнее, и мудрее.

В это время в городе Кронштадте скончался протоиерей Андреевского собора отец Константин¹; и от него осталась взрослая дочь Елизавета². По старым обычаям, особенно если после умерших оставались сироты, приход передавался кандидату, который женился на осиротевшей дочери. Обычай тоже добрый. Так Иоанн и Елизавета сочетались браком. Но с самого начала совместной жизни молодой муж упрямил жену жить в девстве, как брат с сестрой³. Подобные примеры — хотя и немного — знает история Церкви. Знал о них и Сергиев, но не они решили такой трудный вопрос, а чистая целомудренная душа и твердая воля будущего пастыря. Ему хотелось всецело отдать себя на служение Богу и ближним. Если уж отклонено было монашество, то нужно сохранить девство при браке. Всякий понимает, какую трудную задачу брал на себя молодой студент. Но он поднял ее с дерзновением.

Не так легко восприняла безбрачие в браке молодая жена. Предание свидетельствует, что она даже подавала жалобу на мужа епархиальному архиерею. Но молодой священник уговаривал ее добровольно согласиться с ним:

— Лиза! Счастливых семей и без нас с тобою довольно. А мы отдадим себя всецело Богу и ближним.

И она наконец согласилась. Я лично видел ее еще в доме при жизни отца Иоанна. При одном посещении бабушки на звонок мой вышла встретить нас глубокая седая старушка, вся в старческих морщинах. Я увидел ее впервые.

— Бабушка дома? — спросил я ее.

— Да, брат Иоанн дома, — кротко ответила она и тихо пошла доложить ему.

Тут я понял, что это и есть славная «жена»-матушка знаменитого на весь свет «отца Кронштадтского». Какая она была простая и тихая. И всегда она была в тени, при такой славе «мужа»!

Рукоположенный в иереи, отец Иоанн отдался своему делу с присущей ему энергией: богослужения, занятия в школах, посещения прихожан на домах, составление проповедей, домашние молитвы, благотворение бедным — все это занимало у него и время, и силы. Скоро он начал записывать особенные мысли свои в дневник, под заглавием «Моя жизнь во Христе»⁴.

Богослужения все учащались и учащались; и он наконец стал совершать литургию ежедневно: это стало потребностью его души.

Все это постепенно создавало молву о нем как о совершенно исключительном пастыре. Его начали чаще приглашать на частные требы по домам, особенно — где было какое-либо горе, больные и тому подобное. И начали совершаться по его молитвам чудеса. Но в этом последнем виде служения был один особенный момент. Пригласили его служить молебен о здравии болящего. По обычаю своему, он служил твердо и с верою. Но присутствовавшая тут одна почитательница его сказала, что батюшка не так молится, как нужно, и как он может молиться. Молиться следует ему с великим дерзновением, с несомненным упованием на исполнение просимого, а не просто, как все молятся⁵.

Эти слова — по собственному признанию батюшки — произвели на него исключительное

действие: он услышал в них глас Божий — и с той поры начал молиться дерзновеннее, как бы лично предстоя Богу и «требуя» от Него милосердия, милости и помощи несчастным, страдающим, бедным земным детям Небесного Отца.

Чудес в его жизни совершено множество. Счета им никто не знает. Но весь православный и даже инославный мир знает Кронштадтского чудотворца. И сам в своем дневнике он не раз открыто свидетельствует, что Господь через него творил чудеса. Поэтому становится понятным: почему его стали звать во все места, где была нужда, горе, страдание. И прежде всего его стали приглашать в многомиллионный Петербург. Но и со всей России ехали и ехали многочисленные группы богомольцев, по телеграфу текли ежедневно сотни просьб о молитвах или о советах. Слава его росла все более и более. И его начали вызывать и в другие города: в Москву, Харьков, Казань, Киев, Вильно, Уфу и так далее.

Знала его и царская семья. Когда заболел царь Александр III⁶, то великого молитвенника вызвали в Крым, в Ливадийский дворец. Царь принял его с почитанием и любовью. Отец Иоанн отслужил литургию, причастил больного. И хотя дни царя были сочтены, но по молитвам батюшки он получил некоторое облегчение.

Наконец, слава его возросла до такой степени, что образовались по разным местам России ячейки его особенных почитателей и почитательниц, которые дошли даже до сектантского увлечения, что батюшка есть воплощение Самого Бога. Такие секты называли себя по имени батюшки «иоаннитами». Пришлось принимать против них церков-

ные меры. И сам отец Иоанн публично и печатно осуждал этих безумцев, но и это не всегда помогло...

Подходили дни революции⁷. Батюшка выступал со своими речами против поджигателей ее. Особенно он обличал Льва Толстого за его безбожные и антихристианские мысли и пропаганду.

Зато церковная слава его поднялась до такой высоты, что царь Николай II⁸ назначил отца Иоанна членом Святейшего Синода: награда единственная. Но отец Иоанн был так занят и считал себя недостойным заседать среди архиереев, что не воспользовался таким своим положением и ни разу не принял участия в заседаниях Святейшего Синода.

Время же делало свое дело. Отец Иоанн близился к концу восьмого десятка. Незадолго перед смертью его постигла болезнь. А 20 декабря 1908 года он отдал Богу свою святую душу. Точно удар громовой раздался по всей России. Но об этом еще будет речь впереди. А теперь прибавим, что несколько месяцев спустя тихо почил и его духовная «сестра», раба Божия Елизавета. Я поминую их обычно вместе.

У отца Иоанна

Вероятно, уже во второй, а не в первый год моего студенчества (то есть в 1904 году) мне удалось поехать к батюшке. Почему же не в первый? — естественно спросит читатель. Да, стоит спросить об этом. Объясняется это общим духовным, точнее, недуховным состоянием России. Теперь, после потрясений революции, принято у многих хвалить прошлое. Да, было много пре-

красного. Но вот беда: мы сами не хотели замечать его. Так было и с отцом Иоанном. По всему миру славилось имя его. И мы, студенты, знали об этом. А теперь мы и живем рядом с Кронштадтом: через час-два можно было быть в гостях у отца Иоанна... Но у нас, студентов, и мысли не было об этом. Что за загадка? Нужно сознаться, что внешность религиозная у нас продолжала быть еще блестящей, но дух очень ослабел. И «духовные» сделались мирскими. Чем, например, интересовались сначала мы, новые студенты? Неделями ходили по музеям, забирались под самый верх купола «Исаакия», посещали театры, заводили знакомства с семейными домами, где умеющие танцевали. Лекциями интересовались очень мало: ходили лишь по 2–3 «дежурных» для записи за профессорами и чтобы не было полной пустоты в аудиториях. Службы тоже посещали по желанию. И лишь небольшая группочка покупала себе столики и керосиновые лампы с абажурами, ставили мы их не в «занятных», где не было тишины, а в аудиториях, по стенам. По крепко установившейся традиции, здесь уже не разрешалось говорить. В этой тишине всякий занимался любимым предметом: кто святыми отцами, кто вавилонскими раскопками, кто политической литературой (таких было очень мало). А еще образовалась группочка богомолов: эти ходили и на будничные богослужения утром — на литургии, а вечером — на вечерню с утреней. Во главе этой группы стояли сам ректор академии, тогда — епископ Сергей (впоследствии патриарх), и инспектор — архимандрит Феофан (скончавшийся во Франции беженцем)⁹. Но здесь были буквально

единицы. А общестуденческая жизнь шла мимо религиозных интересов. Совершенно не нужно думать, что духовные школы были питомниками отступников, безбожников, ренегатов. Таких были тоже единицы. И они опасались даже перед товарищами показывать свой атеизм, ибо все мы хорошо знали друг друга и не придавали никакой серьезной цены этим атеистам.

Но гораздо опаснее был внутренний враг: религиозное равнодушие. Большинство из нас учились не для священства, а чтобы получить места преподавателей, иногда — чиновников, и лишь 10 процентов шли в пастырство, то есть на 50–60 человек курса каких-то 5–6 человек.

При таком равнодушии вообще, к пастырству в частности, должно быть понятным и равнодушие студентов к всероссийскому светильнику, отцу Иоанну. А тут еще подошли революционные времена: студенты интересовались политикой, забастовками, а отец Иоанн попал на «доску» правых: не по времени уже был он.

И даже профессора, более ответственные люди, чем мы, молодежь, ничуть не интересовались отцом Кронштадтским. Однажды мне как регенту хора пришлось завести разговор с учнейшим профессором, протоиереем Орловым, о богословии. Я сослался на отца Иоанна. А он иронически сказал мне:

— Ну какой же это богослов?!

Пришлось прекратить разговор.

Была некоторая часть столичного духовенства, которая вместе с паствами своими почитала отца Иоанна. Еще более почитало его духовенство в провинции.

Но самым главным почитателем — как всегда — был наш так называемый простой народ. Не обращая никакого внимания на высших, он тысячами и за тысячи верст и шел, и ехал, и плыл в Кронштадт. К тому времени уже вполне определилось разделение между народом и интеллигенцией, а отчасти — и духовенством, которое скорее можно было отнести к интеллигенции, чем к простонародью. Это разделение было и в наших школах... Мало того: даже архиереи не проявляли особого интереса к отцу Иоанну. Мне, впрочем, известно несколько имен, которые почитали его и старались быть с ним в общении... Но в глубине души и архиереи, и иереи чувствовали высоту батюшки. Очевидцы рассказывали мне, как огромная зала Дворянского Соборания, во главе с тремя митрополитами, ждала обещавшего приехать на духовный концерт отца Иоанна. И когда он вошел туда, то тысячи людей встали, в потрясающем до слез благоговении, как один человек. Архиереи облобызались с ним, предложили сесть рядом на приготовленное ему место... И концерт начался.

Среди глубоких почитателей отца Иоанна был и архиепископ Финляндский Сергей, впоследствии — патриарх всея Руси. Я в то время (1908–1910) был у него личным секретарем. И помню, что он завел у себя и в Выборге, и на Ярославском подворье¹⁰ обычай — читать ежедневно вместо всяких поучений — слова батюшки. И один из монахов, отец В-фий, читал нам его простые, но православные беседы. Это уже было начало прославления. А другой богослов, архимандрит Феофан, ставил его творения наряду со

святыми отцами и советовал их изучать так же серьезно, как и древних отцов.

А мы, студенты и профессора, не интересовались. Боже, как горько! Как стыдно теперь! И сейчас вот плачется от нашей нищеты и от окамененного нечувствия. Нет, далеко не все было благополучно и в Церкви. Мы становились теми, о коих сказано в Апокалипсисе: *так как ты ни холоден, ни горяч, то изблюю тебя из уст Моих* (ср.: Откр. 3, 15–16)... Пришли скоро времена, и мы, многие, были *изблеваны* даже из Родины... Не ценили мы святынь ее. Что посеяли, то и пожали.

Вот почему и я не на первый год поехал в Кронштадт, а уже на второй, вместе с двумя другими товарищами, младшими по курсу.

То был холодный ноябрь¹¹. Но снегу почти не было. Извозчики ездили еще на пролетках.

Приехали в гостиницу «Дома трудолюбия», созданного отцом Иоанном. Там нас как студентов академии приняли со вниманием. Утром нужно было вставать рано, чтобы в 4 часа уже быть в храме. Нас провели в алтарь собора. Андреевский собор вмещал, вероятно, 5000 человек. И он уже был полон. В алтаре, кроме нас, было еще несколько человек духовных и несколько светских лиц.

Утреню начал один из помощников отца Иоанна. А скоро через узкую правую боковую дверь алтаря вошел и батюшка в меховой шубе — дар почитателей. Отдавши ее на руки одному из сторожей (их было много в соборе, как увидим), он, ни на кого не глядя, ни с кем не здороваясь, быстро и решительно подошел к престолу и также быстро пал на колени перед ним... Не помню:

перекрестился ли он на этот раз? После я заметил, что он не раз падал ниц не крестясь: очевидно, так требовала его пламенная душа. Иногда вместо креста всплескивал руками, а иногда и крестился. Ясно, что для него форма не имела связывающего значения — как и должно быть у людей, горящих духом: *не человек для субботы, а суббота для человека*, — говорил Господь (Мк. 2, 27). Конечно, это право принадлежит не нам, рядовым и слабым людям, а окрепшим в благодати Божией; поэтому никому нельзя искусственно подражать таким великанам...

После этого батюшка обратился уже к присутствовавшим в алтаре и со всеми нами весьма ласково поздоровался, преподав мирянам благословение.

Потом быстро оторвался от нас и энергично пошел к жертвеннику. Там уже лежала целая стопка телеграмм, полученных за день и за ночь со всех концов Руси. Батюшка не мог их сразу и прочитать здесь. Поэтому он с тою же горячностью упал перед жертвенником, возложил на все эти телеграммы свои святые руки, припал к ним головою и начал тайно молиться Всевидящему Господу о даровании милостей просителям... Что потом делалось с этими телеграммами, я лично не знаю: вероятно, секретарствующие лица посылали ответы по адресам, согласно общим указаниям, данным батюшкою. В особых случаях им самим составлялись тексты для телеграмм. Да ведь, собственно, и не в этих ответах было главное дело, а в той пламенной молитве, которая возносилась им перед жертвенником или в других местах, где захватывали его просьбы...

Между тем, утренняя продолжала идти своим порядком.

После шестопсалмия, во время великой ектении, батюшка в одной епитрахили быстро вышел на правый клирос. На этот раз ему показалось, что недостаточно света. И он, подозревая одного из церковных служителей, вынул из кармана какую-то денежную бумажку и вслух сказал:

— Света мало! Света!

Очевидно, полутемнота храма не соответствовала его пламенному духу: Бог есть Бог светов! Бог славы и блаженства! И потому отец Иоанн послал за свечами...

Подошло время чтения канонов. По уставу полагается читать два очередных канона дня недели; а сверх этого, третий канон — в честь святого, память которого совершалась в тот день. Была среда. А праздновалась, как сейчас помню, память преподобного Алипия¹², 26 ноября. И как читал батюшка! Совсем не так, как читаем мы, обыкновенные священнослужители: то есть ровно, без выражений, певучим речитативом. И это мы делаем совершенно правильно, по церковному учинению с древних времен: благоговение наше пред Господом и сознание собственного недостойнства не позволяют нам быть дерзновенными и в чтении; бесстрастность ровного, спокойного, благоговейного совершения богослужения — более пристойна для нашей скромности. Не случайно же подчиненные вообще разговаривают с начальствующими не развязно, не вольно, а «почтительно докладывают» ровным тоном. Особенно это заметно в военной среде, где воины отвечают начальникам подобно церковному речитативу — на «одних нотах».

Закон положен, — говорит апостол Павел, — *не для праведника* (1 Тим. 1, 9)...

И отцу Иоанну — при его горячей энергии, гремящей вере; при тысячах людей, жаждущих его дерзновенной молитвы; при сознании им нужд, горя, скорбей, грехов этих простых чад Божиих; даже при огромности самого храма, требующего сильного голоса, — отцу Иоанну нельзя было молиться так, как мы молимся. И он молился чрезвычайно громко, а главное: дерзновенно. Он беседовал с Господом, Божией Матерью и святыми, беседовал со смелостью отца, просившего за детей, просил с несомненной верой в то, что Бог не только всемогущ, но без меры и милосерд. *Бог есть Любовь* (1 Ин. 4, 8, 16)! А святые богоподобны. Вот почему отец Иоанн взывал к ним с твердым упованием. Как именно, этого на бумаге не передашь. Можно себе лишь отчасти представить, как это было:

— Слава, Господи, Кресту Твоему Честному!
— Пресвята-ая Богородице!!! Спаси-и нас!
— Преподобне отче Алипие! Моли-и Бога о нас!

И потом следовало чтение тропарей канона с тою же громкостью, выразительностью, страшной силой.

Да, я никогда в жизни еще не слышал подобной силы молитвы! И у батюшки все это выходило совершенно естественно.

Народ при этих возгласениях крестился. А отец Иоанн взывал и взывал: «Спаси!.. Моли Бога!» Немедленно после утрени начались часы и Божественная литургия. Тысячи просфор вынимались другими священниками в левом приделе. Начинается литургия. Отец Иоанн громо-

гласно, дерзновенно и величественно возглашает славу Царству Троицы:

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков!

...И так вдохновенно шла вся литургия! Даже больше того: чем дальше она шла, тем все больший подъем охватывал отца Иоанна. Даже такие короткие слова, как «Мир всем», произносились им внушительно, отрывисто:

— Мир!.. всем!..

При этом лицо его становилось все возбужденнее и розовее; очи светились. Это было не служение, а именно священнодействие, с начала до конца.

Но своей вершины это дерзновение, восторг и вдохновение достигали во время пресуществления Святых Даров. Совершив таинство по чину, он сначала падал ниц перед престолом. А потом брал Святую Чашу и целовал ее; прикладывал к своему челу и снова целовал... Нигде в мире никто так не совершал этого таинства!

Но вот приходило время причащать верующих. А их были тысячи... Это было просто физически невозможно для одного лица — ибо заняло бы несколько часов. А ведь у отца Иоанна каждый день был заранее расписан по часам, как в Кронштадте, так и в Санкт-Петербурге. На этот раз лишь немногих причащал он сам.

Всякий может понять, что каждому из богомольцев хотелось причаститься «у батюшки». Для этого перед главным амвоном сделано было особое ограждение, куда служители и впускали группами по несколько человек; затем еще и еще... Но привычные почитатели знали, что

скоро эти «счастливые» десятки кончатся, а они останутся не в ряду их. И что же тогда начинало твориться? Люди — как мужчины, так и женщины, — подходили с боков к свободным местам амвона, отделенным высокой железной оградой, и старались перелезть через нее. Тотчас сюда подбегали служители и начинали лезших отбрасывать назад. Раздавались протесты, крики, жалобы, вопли, но иного способа остановить хаос не было... Конечно, даже смотреть на все это было больно. А с другой стороны, как осудить такое стремление простых душ к чтимому и любимому батюшке?! Ведь перед ними был пастырь, единственный на всю Россию, был великий молитвенник, чудотворец; был огонь, зажигающий всех! Потому и стремились к нему... К нам вот не стремятся так.

Батюшка иногда отказывал в Причастии некоторым, попавшим и в оградку. Помню, как он одной женщине почему-то резко сказал:

— Отойди-и! Недостойна!

Ее отвели и выпустили за ограду, подошли другие. Чем это объясняется, для меня тайна; но нужно думать, что его прозорливому взору было видно, почему ее не следовало допускать до Причастия.

Затем он быстро кончил на этот раз причащение и унес Святые Дары в алтарь, где потом сам и потреблял часть их.

Кончив литургию, он никого уже не подпускал к целованию креста — как это делается обыкновенно... Быстро разоблачился, оделся, благословил нас. Некоторые в алтаре спрашивали его о чем-то, он кратко тут же отвечал. И через ту же

правую дверь алтаря вышел в сад, окруженный высокой оградой.

Батюшка не мог ни войти, ни выйти через храм, как это делаем мы все — и священники, и архиереи. Нам это можно, а ему было нельзя. Народ тогда бросился бы к нему массою и в порыве мог затоптать его. Мне пришлось слышать о давно прошедшем подобном случае, как толпа сбила его с ног, разорвала в клочки «на благословение» его рясу и едва оставила его живым.

И потому нужно было избрать иной путь: его из дома привозили на извозчике (а не в карете, как пишут иные) до сада, хотя тут было всего каких-то пять минут ходу. И на извозчике увозили. В саду не было ни души: высокие ворота были заперты. Батюшка быстро садился на пролетку; извозчик сразу мчался по саду к воротам. А там уже стояли служители, они сразу открывали выезд, и лошадь мчалась прямо, хотя там стоял народ, ждавший батюшку «хоть еще разок взглянуть». И лишь от страху попасть под копыта или под колеса люди невольно раздвигались, и батюшка вылетал «на свободу».

Но и тут не обошлось без инцидента. На моих глазах — мы из алтаря вышли за ним по саду — какой-то крестьянин бросился прямо в середину пролетки, желая, видимо, получить личное благословение. Но быстрой ездой он был мгновенно сбит с ног и упал на землю. Я испугался за него и, закрыв лицо руками, закричал инстинктивно:

— Ай, задавили, задавили!

И вдруг на мой испуг слышу совершенно спокойный ответ:

— Не бойся, не бойся! Батюшкины колеса не давят, а исцеляют!

Я открыл глаза: это сказала худенькая старушечка, действительно спокойная.

Поднялся и смельчак невредимым, отряхнул с себя пыль и пошел в свой путь, а люди — в свой: точно ничего и не случилось. Куда уехал батюшка, не знаю: говорили, что в Петербург.

Общая исповедь

В древности исповедь бывала открытой: грешник каялся пред всей Церковью. Но потом этот обычай был заменен теперешней тайной исповедью. Причина этого заключалась в том, что не у всякого хватало силы смирения бичевать себя публично пред всеми; а кроме того, подобная исповедь вводила в соблазн невинные души. Но вот бывают такие обстоятельства, что они вынуждают иногда пользоваться и общими исповедями. Главной причиной тут является громадное количество причастников, когда невозможно справиться не только одному, но даже и несколькими священникам. Остается одно из двух: или не допускать желающих до причащения, а это болезненно и неспасительно; или же сделать общую исповедь для всех. Что избрать? В древние времена христиане причащались вообще без исповеди, жили свято, за исключением особых случаев. И эта практика существует доселе в Греческой, Сербской, Сирийской Церквах. Я лично наблюдал это в некоторых приходах Югославии; видел в Крыму, когда азиатские беженцы от турок молились в приделе Симферопольского собора, и в свое время их священник мерно обходил строй-

ные ряды и причащал всех подряд, без исповеди. Слышал от очевидцев, как греческий смиренный священник после литургии шел еще со Святой Чашей по селу и причащал тех, кто по хозяйственным препятствиям не был в церкви: и эти — большей частью женщины — выбегали из своих хижин на улицу в чем были, кланялись в землю и с детскою верою причащались Святых Божественных Таин. Картина такой первобытной чистой веры была умилительна. Эти и другие примеры показывают, что Церковь допускает возможность причащения и без исповеди, и даже считает это нормальным порядком для добрых христиан; поэтому на всякой литургии она приглашает всех «верных»: «Со страхом Божиим и верою приступите» к Причащению...

Прежде и приступали. Святитель Василий Великий говорит, что в его время люди причащались по три и по четыре раза в неделю. А Златоуст отвечает:

— Не спрашивай, сколько раз; а скажи, как ты приступаешь?¹³

Конечно, и теперешний способ говения и причащения один раз в году¹⁴ тоже имеет свой смысл, чтобы верующие с бóльшим страхом, благоговением, приготовлением, очищением, покаянием, ответственностью приступали ко Святому Причащению, именно «со страхом Божиим». Но этот обычай совсем не есть закон, обязательный на все случаи. Во время трудного периода последних тридцати лет Церковь наша разрешала желающим и еженедельное Причащение, при условии, если это благословляет местный духовник для желающих. И нормально — перед каждым

Причащением нужно исповедоваться каждому. А если таких желающих оказывалось бы много, тогда дозволялось духовнику делать и общую исповедь. Но при этом внушалось, что имеющий какие-либо особые нужды духовные должен подойти после к духовнику и раскрыть ему душу, чтобы получить и особое разрешение.

Так иногда делалось в разных приходах. Но я хочу рассказать, как при мне происходила общая исповедь у отца Иоанна.

Мы с юношеской простотою обратились к нему в алтаре:

— Батюшка! Нам бы хотелось видеть вашу общую исповедь.

Он с простотой и любовью ответил:

— Я только вчера совершил ее. Но ради вас я и ныне покажу вам, как она делается мною.

Перед Причащением отец Иоанн вышел через Царские врата на амвон и сказал приблизительно следующую проповедь. Привожу ее в извлечении.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь! — с силой начал он. — Царь и псалмопевец Давид сказал: *Бог с небесе прииде на сыны человеческия, видети, аще есть разумеваая или взыскаая Бога? Всеи уклонишася, вкупе непотребни быша: несть твораяй благое, несть до единого*» (Пс. 52, 3–4). По-русски: «Господь посмотрел с Неба...» и так далее. Батюшка перевел псалом на русский язык. Затем обратился ко всем с указанием, что и в наше время все уклонились в грехи... И он начал перечислять их. В храме стали раздаваться всхлипывания, рыдания, потом восклицания:

— Батюшка! Помолись за нас!

Тогда батюшка на весь храм воскликнул:
— Кайтесь!

В храме поднялся всеобщий вопль покаяния: каждый вслух кричал о своих грехах; никто не думал о своем соседе; все смотрели только на батюшку и в свою душу... И плакали, и кричали, и рыдали... Так продолжалось не одну минуту... Затем отец Иоанн дал рукою знак, чтобы верующие стихли. Довольно скоро шум утих. И батюшка продолжал свою проповедь:

«Видите, как мы все грешны. Но Отец наш Небесный не хочет гибели чад Своих. И ради нашего спасения Он не пожалел Сына Своего Единородного, послал Его в мир для нашего искупления, чтобы ради Него простить все наши грехи. И не только — простить нас, но даже позвать нас на Свой Божественный пир! Для этого Он даровал нам великое чудо, даровал нам в пищу и питье Святое Тело и Святую Кровь Самого Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа. Этот чудесный пир совершается на каждой литургии, по слову Самого Господа: *примите, ядите: сие есть Тело Мое!* и: *пейте от нея* (Чаши) *вси: сия есть Кровь Моя* (Мф. 26, 26, 27–28).

Как в притче, отец с любовью принимает своего прегрешившего, но покаявшегося блудного сына и устраивает ему богатый пир, радуясь его спасению, — так и ныне Отец Небесный ежедневно и каждому кающемуся учреждает Божественную Трапезу — Святое Причащение.

Приходите же с полною верою и надеждою на милосердие нашего Отца, ради ходатайства Сына Его! Приходите и “приступайте со страхом и верою” к Святому Причащению.

А теперь все наклоните свои главы, и я как священнослужитель властью Божией, данной нам, прочитаю над вами отпущение грехов».

Все в благоговейной тишине склонили головы; и отец Иоанн поднял на воздух над всеми свою епитрахиль и прочитал обычную разрешительную молитву, совершая над всею церковью знамение креста при словах «прощаю и разрешаю... во имя Отца и Сына и Святаго Духа...»

Затем началось Причащение.

Чтобы закончить об общей исповеди, я вспомню о нескольких подробностях и случаях в связи с ней. Когда я уже был иеромонахом, приходит ко мне один знакомый старый богомолец и почитатель отца Иоанна и сообщает мне следующее:

— Стоял я у батюшки в соборе; и он велел нам каяться. Я вслух рассказывал ему свои грехи. И вдруг мой сосед ударил меня, в какой-то злобе, по щеке. Я вспомнил Евангелие Христово, чтобы подставить ударившему и другую мою щеку. А он ударил меня и по другой.

— Зачем вы рассказываете мне об этом?

Он замешался в ответе. Я подумал: «Вероятно, ему хотелось похвалиться своим мнимым смирением». И тогда становилось несколько понятным, почему Бог попустил ему потерпеть дважды посрамление.

Оказалось все же, что он пришел ко мне с вопросом:

— Хорошо ли я сделал, что подставил ему и вторую щеку?

— Не думаю, — ответил я. — Смирнее было бы подумать вам о том, что вы не доросли еще до

такой высоты. А еще лучше, если бы вы чем-то не задели вашего соседа и не довели его до раздражения и до первой пощечины.

— Как так? — не ожидал он этого поворота.

— Мы, несовершенные, можем расстроить наших ближних даже своим благочестием. Бесы хорошо умеют различать истинную святость от неистинной. Первой они боятся, а над второй издеваются. Помните, в книге Деяний рассказывается, как бес поступил с семью сынами иудейского первосвященника Скевы, которые заклинали бесноватых именем Господа Иисуса: *злой дух сказал: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто? И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома* (см: Деян. 19, 13–16). А апостолу Павлу духи повиновались. Поэтому я думаю, — говорю ему, — нам, грешникам, лучше скрывать свое доброе, если оно и есть. Вот — мое мнение вам.

Потерпевший замолчал, но я не был уверен, согласился ли он со мною. Ему, по-видимому, хотелось лучше оставаться с хорошим мнением о себе и «пострадать» за правду, чем сознать себя недостойным ни того, ни другого.

Да, и в «добрых делах» каждому нужно ведать свою меру. Без меры и добро не есть добро, — учит святой Исаак Сирин.

Когда мы возвращались в тот же вечер из Кронштадта в Петроград, то ко мне на пароходе обратился с вопросом какой-то простец из богомольцев, бывший на той же литургии у отца Иоанна:

— Что-то я слышал, батюшка звал нас всех на обед, а обеда-то не было?! А-а?

Я понял наивность души этого посетителя и спокойно разъяснил ему, что под «пиром» батюшка разумел Святое Причащение. И повторил поселения мысль поучения. Он понял и успокоился:

— Вот оно что! А я-то думал, он обедать позвал.

Много лет спустя, уже за границей, мне привелось самому быть участником подобной исповеди. Но должен откровенно сознаться, что она на меня не произвела такого действия, силы и мира, какие почти всегда сопровождают отдельную, личную, тайную, обычную исповедь. А у отца Иоанна была особая сила Божия.

Чудеса отца Иоанна Кронштадтского

Задача этих записок заключается отчасти в том, чтобы писать о том, что я лично видел или, по крайней мере, сам слышал от достоверных свидетелей. Об этом и запишу.

О чудесах его знали по всей России. Одна мать привела своего сына, страдавшего глазами. Она попросила меня провести их к отцу Иоанну. Батюшка принял их со мною. Мать рассказала ему о десятилетнем сыне. Отец Иоанн взял его, поставил между своих колен и начал, молясь внутренне, гладить по закрытым его зеницам своими большими перстами. «После, — говорила мать, — сын никогда не жаловался на свои глаза».

Другой случай мне сообщил сын о своем родном отце. Я уже печатал о нем в кратком листке об отце Иоанне. Вспоминаю снова.

Отец был из богатой купеческой семьи Шустиных. Сын его был потом слушателем богослов-

ских курсов, организованных мною в Югославии (Бела Црква). Это был чистый и добросовестный человек, неспособный на обман. Теперь он священствует¹⁵. И вот что он рассказывал мне.

Отец заболел горловой чахоткой. Никакие доктора не могли помочь. Смерть была у дверей. Как раз время было к Рождеству. В прежнее время готовились к «елке», теперь было не до нее: все ждали конца со дня на день. Больной уже не мог вслух говорить.

Послали за отцом Иоанном, как за последней надеждой. А он был восприемником одного из детей купца. Приехал батюшка и спрашивает, почему не послали за ним прежде? Около кровати больного был столик с бесполезными уже лекарствами. Он отодвинул его ногою, пузырьки попадали на пол.

— Ты веруешь в Господа Иисуса Христа всем сердцем?

— Верую, — прошептал больной.

— Веруешь, что Он волен и силен творить чудеса и теперь?

— Верую.

— Раскрой рот твой.

Больной раскрыл. Батюшка с молитвою трижды дунул ему в горло и сказал:

— Через три дня приезжай ко мне в Кронштадт: поговеешь и причастишься.

И уехал. Как везти такого больного зимою в Кронштадт? На верную смерть?

Но больной приказал исполнять повеление батюшки. Его свозили и привезли...

— И после того, — закончил сын, — отец прожил еще 25 лет.

Третий случай произошел в Париже в 1933 году, 2 апреля. В одно воскресенье назначено было совершить крещение взрослой еврейки. Она выразила желание, чтобы это было сделано после литургии в пустом храме... Ушли все. Осталось лишь духовенство да восприемники. Кроме них, я вижу еще двух женщин среднего возраста. «Вероятно, — думаю, — это знакомые крещаемой». На всякий случай подхожу к ним и спрашиваю, не знакомые ли они этой еврейки?

— Какой?

— А вот которую мы будем крестить сейчас.

— Мы даже и не знали об этом.

— Почему же вы остались?

— У нас есть свое дело к вам.

— Ну, в таком случае подождите до конца крещения.

Перекрестили. Назвали Евфросинией. Одели ее. Увели. Я подошел к двум женщинам. И вот что они сообщили. Одна из них была жена казачьего генерала О. А другая — жена полковника (фамилию этой теперь забыл). А она в эту ночь видела необычайный сон.

— Я прежде была верующей, когда училась в гимназии. А потом — высшие курсы, товарищество: я сделалась «неверующей» без особых оснований, так себе! Потом — замужество, революция, эвакуация: не до веры. И я просто перестала интересоваться всем этим. И не мучилась. Но вот ныне вижу сон. Является ко мне какой-то священник с золотым крестом на груди, а рядом с ним старичок, весь в белом. Священник грозно говорит:

— Я — отец Иоанн Кронштадтский, а это — отец Серафим Саровский.

Затем он строго сказал мне:

— Ты совсем забыла Бога. Это — грешно! Возвратись к вере опять. Иначе тебе будет плохо! — и они исчезли.

Я проснулась. Утром побежала вот к моей знакомой генеральше О. А она — верующая. И показала мне иконочку Серафима, а потом нашла и картинку отца Иоанна. Я их именно и видала во сне. Мы теперь просим вас прийти ко мне в квартиру и отслужить там молебен.

Я взял певца, брата Г., и тотчас же исполнил их просьбу.

Кроме этих случаев, я слышал десятки подобных рассказов об отце Иоанне, но забыл их, а записать в свое время — не записал.

Давно пришлось слышать рассказ, записанный самим отцом Иоанном в «Дневнике». Как известно, он возвращался из Санкт-Петербурга в Кронштадт поздно, иногда чуть не к полуночи. После молитв ложился спать.

«Если ты хорошо помолишься, — советовал он в “Дневнике”, — то выгадаешь два-три часа хорошего сна».

Утром, не позже 3-х часов, он уже вставал, чтобы прочитать утреннее правило к Причащению. Книжка эта — как и вообще все в небольшой квартирке его, — была всегда в определенном месте. Но на этот раз она точно пропала куда.

«Долго я искал ее напрасно. И вдруг я заметил, что за все это время совсем забыл о Боге. И, остановившись, сказал в себе: “Господи! Прости

меня, что я из-за твари позабыл о Тебе, Творце!” И тотчас книжка нашлась».

Больше я не буду выискивать в памяти моей чудес. Чудеса ведь совсем не главное свидетельство о высоте или святости человека.

Апостол Павел говорит коринфянам, что *если я и чудеса творю, а любви не имею, — то я ничто* (ср.: 1 Кор. 13, 2–3). Так мне можно сказать: чудеса без святости — тоже ничто.

Самое главное чудо — это был сам отец Иоанн! Пройти такую жизнь, благодетельствовать своими молитвами, жить непрестанно в Боге — это высшее чудо!

И притом как прожить? Будучи в Париже, я однажды посетил русскую библиотеку в католическом монастыре. И там попался мне «Дневник» отца Иоанна. Начав читать его, я скоро наткнулся на запись его под Новый, 1898, год. Он пишет благодарения Богу за многое. А в конце написал слова, способные потрясти кого угодно: он благодарит Бога за непорочное житие свое!!! «За непорочное житие!»

Боже, Боже! Кто из нас мог бы дерзнуть даже не только сказать, но и подумать подобные слова?! Буквально — никто. А он изрек и записал навеки... Сколько же ему тогда было лет? Уже — 70!.. Вот это — чудо! Дожить до старости в «непорочности».

Чудо и его богослужение, особенно ежедневные литургии. Дело даже не в том лишь, что он служил их ежедневно, а в том, что он возрос духовно до этой церковной высоты — до литургии. Литургия есть вершина и средоточие всего христианства, литургия есть полнота и завершение

всех прочих богослужений. И если кто дошел до этой вершины и жил ею (а не служил только), тот, значит, дошел до вершины церковной жизни! Вот это еще более высокое чудо! Человек не только сохранился от грехов, но и дошел до высоты Небесной, ибо отец Иоанн считал и называл литургию «Небом на земле»*.

И если бы мы не знали ничего больше об отце Иоанне, как лишь об этой высоте его литургического богослужения, и тогда мы могли бы сказать о нем:

«Это был святой служитель Церкви Божией!»

Последние дни

Насколько было известно, батюшка хотя и болел не раз, но сравнительно мало и редко. В нужных случаях обращался к врачам. Апостол Павел своему ученику Тимофею и то давал в болезни совет: *ради стомаха и частых твоих недугов пей мало вина с водою* (ср.: 1 Тим. 5, 23)¹⁶. Но не всегда отец Иоанн слушался предписаний врачей. Например, однажды доктора предписали ему в посту есть мясо: иначе грозят плохие последствия. Он отказывался. Доктора настаивали. Тогда батюшка заявил, что спросит телеграфом благословения матери. Эта духовная орлица ответила телеграммой: «Лучше умереть, а постов не нарушить!»

Конечно, отец Иоанн беспрекословно послушался мать.

---

* Под этим заглавием мною издана книга его мыслей о литургии, в планомерном порядке. Книга очень полезна для священнослужителей. (См. соврем. изд.: *Вениамин (Федченков), митр. Небо на земле*. М.: Отчий дом, 2008. — Ред.)

Я думаю, что такой повелительный приказ могла дать одна из тысячи, а может быть, из миллионов матерей! И неудивительно, что от нее родился человек подобной силы духа. История великих святых свидетельствует нам, что у них были и великие матери: святые Василий, Григорий, Златоуст, Августин¹⁷ родились от славных матерей, преподобный Сергей Радонежский, святитель Тихон Задонский, святой Серафим Саровский воспитаны были сильными и святыми по духу матерями. Филарет Московский, Феофан Затворник родились от благочестивых родителей. И вообще, если мы просмотрим все Четьи-Минеи (я этим однажды занимался), то увидим, что или оба родителя святых были богоугодны, или кто-либо один из них, большей частью — мать, а иногда бабушка. И лишь в очень исключительных случаях святые дети имели дурных родителей: для *Бога все возможно* (ср.: Мф. 19, 26)! Святая Варвара¹⁸ родилась от злого отца, святая Анфуса¹⁹ — от дурного императора Константина.

Недаром сказано в слове Божиим, что за благочестие родителей Господь благословляет их потомков до 20 рода! А *наказывает* за грехи их — *до третьего и четвертого колена* (ср.: Исх. 20, 5).

Но меня всегда удивляло в отце Иоанне другое: поразительная сила в несении невероятных трудов по пастырству. Ведь только подумать: с 3 часов утра и до 11–12 ночи он был занят. Занят с людьми. Мы сами по своему опыту знаем, как нелегко переносить людей вообще. Человек — существо тяжелое! Ибо греховное, изломанное, испорченное. Если уж Сам Господь однажды воскликнул: *доколе буду с вами? доколе буду терпеть*

вас? (Мф. 17, 17) — то тем более трудно нам. И мы любим хоть на некоторое время уединиться от людей, «отдохнуть» от них. Поэтому строят отдельные дома, отдельные комнаты, затворяют двери; работают в конторах, а спешат уехать домой, да и дома просят еще «не беспокоить» их.

А отец Иоанн не имел ни уединения, ни отдыха чуть не круглые сутки! Да и с кем бывал? С больными, с несчастными, со страдающими... Это особенно трудно.

В Париже мне пришлось посещать иногда дома для сумасшедших, вмещавшие до пяти тысяч больных. В одном из них главный доктор, верующий католик, сказал мне в кабинете:

— Прошу вас: молитесь обо мне! С этими несчастными, мне кажется, я и сам начинаю сходить с ума!

Подумать лишь, какого напряжения вообще, и в особенности — молитвы, требовали люди от отца Иоанна: ведь почти все ждали чуда! Легко сказать! И в Евангелии сказано, что после исцеления кровоточивой Христос почувствовал *силу, изшедшую из Него* (ср.: Мк. 5, 30). Вероятно, и в других чудотворцах происходит нечто подобное. Какая же нужна была громадная сила, чтобы переносить все это каждый день, месяцы, годы, почти до 80 лет! Вот что поражает больше всего в отце Иоанне.

Но Божественная благодать поддерживала его в таком непрерывном подвиге. Служение ежедневных литургий, непрестанная сердечная молитва, призывание Божией силы во время молебнов — это укрепляло и, вероятно, обновляло его природную силу.

Кроме того, думаю, радовало его и то, что он постоянно пребывал в среде верующих, то есть среди лучших людей!

Зато какую же борьбу вел против него *ангел сатанин* (2 Кор. 12, 7)! В «Дневнике» он постоянно пишет об этом! И неудивительно, что батюшка по временам уезжал на отдых: то на родину, то к друзьям... Даже и апостолы после проповеди нуждались в этом, и Сам Христос отводил их в уединенное от народа место.

Да и самая молитва его требовала огромной траты сил. Нам, обычным людям, служить легко; но так молиться, как он молился, — нужна сила! Или говорить проповеди: мы ровненько объясняем слушателям, точно урок в классе, а у него всякое слово горело. Однажды в Сербии старый и разумный богомолец спросил меня (по-сербски):

— Отче владыко! Что это значит? Один скажет «Бог», и «нема ништа» (нет ничего); а другой скажет тоже «Бог», и «огонь запалисе» (огонь загорится)?

Вот и у отца Иоанна все всегда было с «огнем». И именно от этого были сильны и его молитвы, и действенны проповеди. Последние по содержанию своему и с ораторской точки зрения не представляли ничего чрезвычайного. Будучи преподавателем в Санкт-Петербургской академии, я однажды задал для доклада курсу тему: определить по проповеди проповедника. А автора я скрывал, конечно. На этот раз три докладчика дали по проповеди такой отзыв:

— Автор — священник какого-нибудь уездного городка. Ничего особенного.

Другой сказал:

— Обыкновенный проповедник. Обыкновенная проповедь.

И лишь третий сказал:

— Нет, я чувствую в авторе особого человека. Но понять его не могу.

— А ведь это — великий отец Иоанн Кронштадтский! — к общему удивлению всей аудитории сказал я.

Тогда поднялся вопрос, почему же проповеди его так просты и обычны? Ответ был понятен: сила его слов была не в оригинальности мыслей и не в ораторском их изложении, а в силе его духа: у него слова дышали пламенем... Именно как сказал серб: один скажет «Бог» — и «нема ништа»; а другой скажет то же самое слово «Бог» — и «огонь запалисе».

Апостол Павел тоже писал: наша сила *не в убеждающих словах, а в явлении духа и силы* (ср.: 1 Кор. 2, 4)!

И отец Иоанн тратил колоссальные силы в своем служении Богу и людям. Но при всем том дожил почти до 80 лет. По словам царя Давида, — *еще в силах*, то есть при особой силе, — *восемьдесят лет* может прожить человек (ср.: Пс. 89, 10). Всему приходит конец.

Незадолго перед смертью и он заболел. Перед этим мне удалось еще дважды быть с ним. Один раз, будучи уже иеромонахом, я был приглашен сослужить ему на литургии. Он председательствовал. Я стоял пред престолом с левой стороны. И как только он возгласил с обычною ему силою: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа», меня, точно молния, пронзило ясное сознание, вызвавшееся в уме в таких словах: «Боже!

Какой он духовный гигант!» И, созерцая это с очевидностью, я в размышлении закрыл уста свои Службеником: «Какой гигант». Вдруг он протягивает ко мне левую руку, отодвигает книгу от уст, говорит властно:

— Не думай! Молись!

Вероятно, он прозрел мои тайные мысли о нем.

Последнее мое посещение было приблизительно за полгода до кончины его. Мы с товарищем по академии, иеромонахом Ш-м²⁰, посетили отца Иоанна по причине болезни моего друга. Батюшка вышел к нам уже слабеньким. Пригласивши сесть, он устало спросил нас:

— И чего вам от меня, старика, нужно?

— Батюшка, — вольно ответил я, прости меня за это, Господи! — если бы вы были простой старик, то к вам Россия не ходила бы.

— Ну, ну, — махнул он рукою, не желая спорить.

— Скажите нам что-нибудь во спасение души.

Тогда он взял в руки крест, висевший на груди моего товарища, и, смотря на него, стал молиться. Потом начал многократно и долго целовать его; прижимал его к своему лбу, опять целовал. Затем то же самое он делал с моим крестом... Все это творилось молча, несколько минут. Потом он сказал:

— Монахи, монахи! Не оглядывайтесь назад! Помните жену Лотову!

Дальше я задал ему такой вопрос:

— Батюшка! Скажите, откуда у вас такая горячая вера?

— Вера? — переспросил он и на минуту задумался.

Потом с твердой ясностью ответил:

— Я жил в Церкви!

— А что это такое — жили в Церкви? — спросил я.

— Ну, — с некоторым удивлением от моего вопроса продолжал он, — что значит жить в Церкви? Я всегда пребывал в церковной жизни... Служил литургию... Любил читать в храме богослужебные книги, Минеи. Не Четьи-Минеи (жития святых), хотя и те прекрасны! — а богослужебные Минеи, стихиры, каноны... Вот! Я жил в Церкви!

К сожалению, я не записал тогда подробнее всю беседу, но эти слова о значении Церкви врезались в память мою на всю жизнь.

Поблагодарив батюшку, мы ушли... Вскорости мой друг скончался в молодых годах. Я... еще живу, по милости Божией. И часто вспоминаю о его словах...

Болезнь отца Иоанна не проходила. Ждали конца. И 20 декабря (старого стиля) 1908 года батюшка скончался. Весть эта мгновенно облетела всю Россию. Похоронили его в созданном им женском монастыре в Санкт-Петербурге, «на Карповке»²¹.

Мне не удалось попасть в храм на отпевание, и я шел далеко за гробом в необъятной толпе народа. Всякое движение здесь было прекращено. Зато дышали сердца тысяч и тысяч людей: в одном месте пели «Со святыми упокой», другая группа начинала «Вечную память», третьи — «Святой Боже» — похоронное... Большой стон стоял над этими духовными детьми батюшки. Иногда приходилось слышать выкрики:

— Уж больше не видеть нам такого отца!

Или:

— Дорогой батюшка! Помолись за нас!

И опять пение тьмы голосов... Трудно было сдержаться от слез среди этой общей печали и рыданий.

В подвальном этаже монастырского храма — светлом, облицованном белым мрамором, — была приготовлена белая же мраморная гробница на полу. И здесь положили честные мощи святого батюшки. Теперь, вместо Кронштадта, началось паломничество «на Карповку». Ежедневные службы... Постоянные панихиды. Снова чудеса. Всеобщее почитание. Святейший Синод постановил считать день смерти отца Иоанна — неучебным в духовных школах. Царь обратился к России с особым манифестом — о значении его и почитании. А народ унес о нем память в сердцах своих и записал в «поминаниях»... Так началось уже прославление батюшки в Церкви. И недолго ждать, когда завершится это и канонизацией его во святые²².

Три года тому назад (1948) я был в Ленинграде и узнал, что монастырь «на Карповке» закрыт, но там все, включая и гробницу, остается нетронутым²³.

Преподобне отче Иоанне! Моли Бога о нас, грешных!

...Вот я и записал, что помнил о нем.

Как ни описывай, все же это не может дать о нем такого впечатления, как живые подлинные слова самого батюшки...

Подвиг преподобничества²⁴

В главе о чудесах отца Иоанна уже говорилось, что не они составляют самое высокое достоинство угодников Божиих, а их святая жизнь, чудеса же

являются результатом и знамением — да и то не всегда и обязательно — их святости. Поэтому и в отце Иоанне нас должно больше привлекать и удивлять его внутреннее совершенство, его духовные подвиги, или иначе: его святая жизнь. В этом — главное величие святых людей. Да и во всяком вообще христианине важно больше всего его внутреннее состояние.

Об этом говорит нам Евангелие. Когда ученики Христовы возвратились с проповеди, то *с радостью... говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем*. Что же Господь? Он не порадовался с ними, а наоборот, умерил их радость: *тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10, 17, 20), — то есть что они «записаны» в книге жизни Небесной как граждане Царства Небесного или как спасенные. Слово «записаны» взято из земных порядков: граждане приписаны к какому-либо государству, городу, месту; и чем славнее это государство, тем славнее подданство гражданина. Во времена Спасителя и апостолов было почетным, важным и ценным иметь право римского гражданина (см.: Деян. 22, 25–29). Но для верующего человека ценнее всего иметь право Небесного гражданина. А если важно иметь и *власть наступать на всю силу вражью* (Лк. 10, 19), то опять лишь с той стороны, что это было свидетельством поражения сатаны, бывшего доселе *князем мира сего* (Ин. 12, 31), а теперь он *осужден* (Ин. 16, 11) и *изгнан будет вон* (Ин. 12, 31) и *из мира сего*, как он был низвергнут прежде и *с неба*. Потому Господь на слова учеников о власти их над демонами и сказал им:

Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию (Лк. 10, 18), — после его духовного падения Господь низверг его. А теперь и люди — ученики — попирают бесов, впрочем, не своею силою, а о имени Христовом.

И тем не менее не об этом радуется Господь за Своих учеников, а о том, что им Отец Небесный открыл Сына Своего и дал веру в Него; а теперь, после чудес и над бесами, эта вера усилилась у них. Этому бы и нужно им радоваться, а не чудесам над бесами. Но ученики, как *младенцы*, не оценили еще этого главного дара, данного им. А Спаситель *возрадовался* за них и вместо их благодарит Отца Своего именно за то, что Он определил их к Небесному Царству через Него, Сына Своего. И в этом заключается их главное счастье, *блаженство*. Потому, *обратившись к ученикам, сказал им особо* (не ко всем обратился, ибо иудеи еще не уверовали в Него, а лишь к ученикам): *блаженны очи, видящие то, что вы видите!* (см.: Лк. 10, 21–23), то есть Христа, Спасителя мира, с Которым они имеют общение теперь и будут иметь в Царстве Небесном. Вот это важно, а не чудеса. *Многие*, — говорил Господь в Нагорной проповеди, — *скажут Мне в тот день (Суда): Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас* (как Своих); *ойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф. 7, 22–23).

Поэтому святые люди старались скрывать чудесные события из своей жизни. Например, апостол Павел, когда против него восстали вра-

ги в Коринфе, защищая себя от них, говорил о скорбях своих и хвалился своими немощами (см.: 2 Кор., гл. 11, 12). И только в заключение защиты вспомнил и о чудесах, да и то — против воли: *Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним.* И рассказывает о восхищении своем до третьего неба в рай... но я удерживаюсь от этих рассказов, чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений... четырнадцать лет молчал он о своем видении (2 Кор. 12, 1, 2, 4, 6, 7). И лишь теперь, вынужденный нападениями, сообщает коринфянам о великом чуде откровения ему. Не этому радуется апостол Павел, а о другом: *Мы радуемся, когда мы немощны* (2 Кор. 13, 9), то есть в искушениях, скорбях, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа (ср.: 2 Кор. 12, 10). Радуемся, когда вы сильны духовно; о сем-то и молимся, о вашем совершенстве (2 Кор. 13, 9), а не о чудесах, — о чем он даже не упоминает им.

Таково воззрение Слова Божия на значение чудес: не столько они важны, сколько спасение, совершенство, святость.

Здесь уместно мне вспомнить о словах святого Антония Великого. Еще в студенческие годы мне пришлось вычитать из «Отечника», собранного епископом-подвижником Игнатием (Брянчаниновым)²⁵, следующее. Однажды собрались святые старцы к нему. И он задал им вопрос: до какой степени достигли они, подвизаясь долгое время? Один ответил, что он дошел до высот молитвы. Другой, что он удостаивается видеть Ангелов. Третий, что он творит чудеса. Потом спросили его слова. Он ответил:

— Истинно говорю вам, братия: не великое дело творить чудеса, не великое дело и видеть Ангелов. Великое дело — видеть собственные грехи.

Признаюсь, что я тогда даже не поверил правдивости этих слов. Я заподозрил, что святой отец сказал так для того, чтобы из педагогических целей направить нас на путь смирения и на подвиг покаяния, а что на самом деле чудеса и видение Ангелов несравнимо выше зрения наших грехов.

Но впоследствии я понял, что в словах святого Антония — истинная правда. Действительно, для нашего спасения и совершенствования ни чудеса, ни видения не имеют такого значения, как зрение нашей греховности, ибо чудеса для нас — внешнее дело, а самозрение — внутреннее; чудеса не делают нас обязательно лучше, а зрение грехов непременно побуждает нас к внутренней, органической работе над собою; чудеса — дело не наше, а Божие, а борьба с грехом — наш прямой подвиг и путь к спасению.

Такой взгляд на чудеса и спасение есть воззрение вообще нашей Православной Церкви и, в частности, святых отцов. Они видят в чудесах духовную опасность славы и гордости даже для святых людей.

«Если некоторые из святых, — пишет епископ Игнатий в своих творениях²⁶, — приняли дарования, то приняли по требованию нужды или по причине (духовной) простоты своей; другие приняли по указанию Божественного Духа, действовавшего в них, а отнюдь не случайно, без причины». Но и при всем этом «истинные праведники постоянно помышляют, что они недостойны Бога.

Тем, что они признают себя окаянными, свидетельствуется их истина».

Эти слова взяты епископом Игнатием из творений великого подвижника, святого Исаака Сирина²⁷. И дальше епископ Игнатий говорит: «После этого делается ясным, почему великие отцы — Сисой²⁸, Пимен²⁹ и другие, — имея обильный дар исцелений, старались скрывать его». А другим при этом даре посылались искушения и скорби, чтобы предохранить их от превозношения. «Говорит святой Исаак Сирский: “Дарование без искушений — гибель для приемлющих его. Если твое делание благоугодно Богу и Он даст тебе дарование, то умоли Его дать тебе и разум: каким образом смириться тебе при даровании... потому что не все могут сохранить богатство безвредно для себя...”»

Священное Писание, — пишет епископ Игнатий, — на всем пространстве своем свидетельствует, что Бог посылает различные скорби, а между ними и телесные недуги, тем человекам, которых Он возлюбил (см.: Евр. 12, 6). Священное Писание утверждает, что все без исключения святые Божии совершили земное странствие по пути узкому и тернистому, исполненному разнообразных скорбей и лишений (см.: Евр. 12, 1–5)». «Без них невозможно стяжать душевной крепости», — сказал святой Исаак. От искушений приходит человек в смирение; а «вѣдение своего ничтожества и своей немощи», а вместе с этим и «вѣдение Бога», «Его величества, всемогущества и бесконечной благодати возбуждает душу устремляться с молитвою к Богу. Вся надежда такой души сосредоточена в Боге».

«Святые, все без исключения, несмотря на то, что раскрыли в себе вечную жизнь еще во время этой временной жизни, подвергались многим и тяжким скорбям и искушениям», — говорит епископ Игнатий³⁰. Для чего же это? «Разрешается этот вопрос, по наставлению Священного Писания и святых отцов, следующим образом. Хотя греховность и побеждена в праведных людях... присутствием в них Святого Духа, но им не предоставлена неизменяемость в добре на всем протяжении земного странствования: не отнята и у них свобода в избрании добра и зла», — как учит святой Макарий Великий. «Неизменяемость в добре — принадлежность будущего века. Земная жизнь до последнего часа ее — поприще подвигов произвольных и невольных...»

«Доколе христианин, хотя бы он был сосудом Святого Духа, странствует на земле... греховность может снова объять душу и тело». «Самое чистое естество человеческое имеет в себе нечто гордое», — замечает преподобный Макарий Великий. «Путь земной жизни для всех святых был путем многотрудным, тернистым».

Были примеры, когда чудотворцы сами просили Бога отнять у них этот дар. «Некоторый из святых отцов, по причине чистоты своей, получил от благодати Божией дар провидеть приходивших к нему; но он просил у Бога, умолив и друзей своих молиться о том же, чтобы этот дар был взят от него».

Но есть иные «невидимые благодатные дары, несравненно высшие видимых, как, например, дар — руководить души ко спасению и врачевать их от страстей». Эти дары часто «не понимаются

и не примечаются миром», а между тем они полезнее чудес.

Все это я предпосылаю в начале главы о преподобническом подвиге, или — иначе сказать — о святости отца Иоанна, для того, чтобы правильно понять дальнейшее описание великого целожизненного подвига отца Иоанна.

Иные думают, что святые — это безгрешные люди, и потому когда приходится слышать об искушениях их от диавола или от собственных грехов, то это простым неопытным судьям представляется и непонятым, и недопустимым во святых. А на самом деле, как мы видели, им приходится испытывать особенно сильную борьбу от диавола и от собственных страстей и искушений. И это имеет весьма важное значение для них, да и вообще для всякого христианина: через это человек и смиряется, и начинает сильнее подвизаться; при этом опытно усматривает и нападение врагов, и явную нужду в помощи Божией; через это укрепляется вера и надежда на Бога; и постепенно, при великих трудах и духовной борьбе, подвижник достигает мало-помалу спасения, очищения, бесстрастия, освящения, святости — насколько это вместиимо человеку.

Вот это подвижничество — когда всматриваешься в жизнь отца Иоанна, — и поражает нас больше всего, значительно более, чем даже чудеса. И в самом деле: чудеса обычно занимают короткое время, а подвиг спасения — всю долгую жизнь; чудеса могут сопровождаться победным восторгом, а внутренняя борьба сопряжена с крестonosными скорбями, мукою: ее правильно именуют иногда добровольным мученичеством,

а самый результат подвига — приобретение благодати Святого Духа, или святости, — есть величайший дар Божий, конец и цель всей жизни христианской; наконец, самые чудеса, как много раз говорилось, есть уже плод и знамение святости.

И потому нам следует дивиться во святых больше всего их святому подвигу.

Вот это и мне, недостойному, далось ощутить явственно, когда пришлось служить впервые с отцом Иоанном литургию: еще раз повторю об этом. Когда началась служба, то я, стоя на левой стороне и взглянув на него без всяких помыслов, вдруг узрел его духовную высоту и величие, что сформулировалось у меня в таких словах:

— Боже! Какой он гигант духовный!

Почему уж пришло мне это слово «гигант» — не знаю. Не знаю также и не понимаю доселе: каким именно образом я постиг, узрел, ощутил это? Ведь ничего внешнего я не увидел, например, ни света, как это бывает иногда вокруг глав святых; ни благодатного огня, окружающего их; ни иного чего особенного; но ощущение великого духовного состояния его было явственно. Впрочем, и все другие душевные свойства мы воспринимаем неким внутренним способом; например, добросердечный человек производит на нас отрадное, приятное впечатление, а злой — мучительное. Отец Иоанн произвел впечатление высокой святости и силы.

Правда, я опасаясь теперь особенно верить своим чувствам, но факт огромного впечатления от него на меня был и остается несомненным. Мне даже стало тогда страшно стоять возле него! Таково было непосредственное действие от духа

отца Иоанна. И если оно — истинное, то есть было от Бога, то я и тогда, и теперь воспринимаю его как действие святости, сущей в нем; подобно тому, как веяние благодати Божией в апостолах действовало и на соприкасавшихся с ними: *мы Христово благоухание Богу в спасаемых...* — говорит апостол Павел (2 Кор. 2, 15). От первых христиан и апостолов *был страх на всякой душе*, — говорится в книге Деяний. *Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их* (Деян. 2, 43; 5, 13).

Вероятно, и там тогда ощущалось *посторонними* некое особенное духовное впечатление от христиан. Подобным образом и от отца Иоанна исходило на людей благодатное непосредственное действие жившей в нем особой силы Божией: без чудес, без слов, без усилий со стороны их Дух Божий, как благоухание, шел от него на людей.

И думается мне, что церковный народ, это *тело Христово* (1 Кор. 12, 27), непосредственно духовным ощущением воспринимает дух святости во святых людях, прежде чем обнаружится он в знамениях; почитает их, прежде чем совершится церковная канонизация их. Так было с преподобным Серафимом Саровским; так — и со многими местночтимыми святыми, которых народ церковный прославлял и которым молился задолго до официального прославления их по смерти, и чтит, и стремился к ним еще и при жизни их.

Это было и с отцом Иоанном.

Но достиг этого он великими и непрерывными подвигами всей жизни. Этим подвигам и дивишься в нем, когда читаешь его дневники, — заранее можно сказать, что если бы мы не знали никаких

чудес его, то он одним своим подвижничеством возбуждал бы и возбуждает удивление, благоговение в нас. И как-то само собою в душе является ощущение святости его. Так давно почувствовал в нем святого русский православный народ. А потом усмотрели в нем ту же святость и собратия священники, и архиереи, и писатели, и ученые, и миряне-интеллигенты...

Вот несколько свидетельств таких признаний.

В день юбилея 50-летия священства его, 12 декабря 1905 года, среди многих речей было и приветствие от «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения». Выдающийся, талантливый проповедник протоиерей отец Ф. Орнатский³¹ говорит прежде всего именно о святости отца Иоанна:

«История духовной жизни народов создается... исключительными личностями, сознательными носителями и яркими выразителями идей, около которых, как около знамен, собираются массы.

Не может быть сомнения в том, что к таким историческим личностям беспристрастный суд потомства отнесет и вас; ибо и теперь народ уже видит в вас личность исключительную и производит имя ваше с благоговением... Какое же слово написано на том знамени, с которым пастырствуете вы, наш достойнейший и любимый представитель, живой образец современного пастырства, имя которого стало собственным именем «Батюшки», пастыря «Всероссийского»?

На этом знамени написано одно слово: «**святость**». И оно-то собрало около вас миллионы

народа русского, православного, носящего идеал святости в тайниках души своей, всегда готового поклониться тому, в ком он видит воплощение этого идеала.

Ваша 50-летняя пастырская деятельность была воистину непрерывным подвигом, служением спасению других...

Нужно бы добавить вначале: подвигом собственного спасения и совершенства. Пастыреначальник Христос явил вас *избранным сосудом* благодати (Деян. 9, 15). Ваша крепкая и сильная вера, пламенная... молитва, неисчислимы, беспримерные в наши дни дела милосердия и любви — вот всем ведомые плоды этой живущей в вас благодати и яркое проявление вашего служения идеалу святости.

Верующая Россия видит это и стремится войти с вами в общение».

Подобное же говорил в 40-й день по кончине отца Иоанна и другой проповедник, член того же «Общества», протоиерей Павел Лахостский³²:

«Отец Иоанн был родным, своим всякой православно верующей душе; и потому-то эта душа так рвалась к нему.

Как ни обременен народ наш грехами... но и в лице этих грешников сознает, что это не настоящая его жизнь, что это — грех, беззаконие, отступление от Бога...

Стремясь со всех концов России к отцу Иоанну, народная душа как бы говорила ему: я — грешная, окаянная, погрязла в суете и пороке, но я не так хочу жить; я тоскую по иной жизни, по той, которой ты учишь и словом, и — главное — примером; и потому я благоговею и преклоняюсь

пред тобой... Дай же мне частичку, искорку этой силы и этой жизни...

И отец Иоанн, по данной ему благодати, щедро раздавал всем от обильного источника духовной жизни, которая была в нем».

Да! Отец Иоанн был «представителем и ярким выразителем святости». «Этим именно и объясняется то несравнимое обаяние его в русском народе, какого не имел и не имеет за последнее полу столетие никто другой».

А вот и третий свидетель, тоже священнослужитель: все они лично знали отца Иоанна.

«Без какого-либо предварительного уговора или намерения, — мы видим, — сам собою совершается и произносится общий приговор над жизнью подвижника, сиявшего праведностью».

Дальше проповедник перечисляет разные виды подвигов: подвижников науки, благотворительности, семьи, общественных деятелей, храбрых воинов, патриотов.

«И все-таки есть подвиг — превыше всех перечисленных подвигов и заслуг человеческих; тот целожизненный подвиг, который приял и совершил батюшка, отец Иоанн: это — подвиг праведности, столь любезный русскому сердцу народному».

В отце Иоанне сочетались многие из этих подвигов. Но «подвиг праведности... все прочие подвиги поднимает, осмысливает, освящает... Только праведность... дает ту цельность и гармонию духа и жизни, которые так поражают в христианских святых. Более 50-ти лет на свещнице горел пред миром светом праведности и молитвы

покойный батюшка отец Иоанн» (протоиерей И. Восторгов³³).

Архиепископ Антоний³⁴ произносит большую проповедь в Санкт-Петербурге, где сравнивает отца Иоанна с другими праведниками мира:

«Что всех влекло к нему? Что особенно привлекательного было в его душе и благочестии? Эти вопросы естественно возникают при мысли о той исключительной знаменитости и славе отца Иоанна при жизни, какой не удостаивались другие праведные люди, подвизавшиеся в последние времена, и — пожалуй, во времена древнейшие».

И далее оратор сравнивает отца Иоанна с Николаем Чудотворцем. Но сравнивает не по множеству чудес, а по благодатному подвигу отца Иоанна:

«Ему всегда был присущ дух радостного прославления Бога... Он больше радовался, чем скорбел: он, видимо, в молодости еще отмолил свои грехи; и в нем постоянно ликовала эта благодатная духовная победа над грехом, дьяволом и миром. Видеть такого человека, слышать сего облагодатствованного христианина, молиться с этим великим пастырем Церкви Христовой составляло великое духовное наслаждение для русского народа. Отец Иоанн проходил в своей жизни пред нами как носитель веры побеждающей, торжествующей.

Вот почему люди так неудержимо тянулись к нему, так жаждали его. Каждый из них как бы так говорил себе: «Пусть я немощен и весь во грехах; но вот есть в мире праведник, который препобеждает нашу греховную природу, есть такая душа христианская, которая все победила и получила

благодатную силу великого молитвенного дерзновения, которая только и торжествует о красоте Сладчайшего Иисуса»».

В словах этого оратора есть сомнительные мысли, будто отец Иоанн «в молодости отмолил грехи», что он больше радовался, что «от него не было слышно покаянных воплей»: далее увидим, что это все очень преувеличено. Но что он был праведник, и именно больше торжествующего, победного духа, это — истинно.

В заключение повторим свидетельства высшей церковной власти, Святейшего Синода, об отце Иоанне и о почитании его:

«В его лице угас яркий светильник Церкви... Весь русский православный народ чтит отца Иоанна как праведника, верил в его молитвы и предстательства пред Богом».

Наконец, дает свое свидетельство о нем почти современный ему другой подвижник, епископ, затворник, Феофан Вышенский, в своих письмах. Примечательно, что сначала он с сомнением относился к нему, так как совершенно исключительный пример подвижничества в миру, в суете, среди множества людей казался епископу Феофану подозрительным, небывалым, опасным. Потом начались и чудеса: и это заставляло епископа Феофана быть осторожным. Но постепенно он изменил свое мнение и на вопросы переписывавшихся с ним лиц стал свидетельствовать, что отец Иоанн — «воистину муж Божий», «избранный сосуд Божией благодати»; иначе и проще сказать: святой.

Целый «облак» этих свидетельств и общее почитание отца Иоанна именно как праведника

настолько укоренились уже в сознании массы православного церковного народа, что в наши времена мы чтим его как святого и называем этим именем.

«Святость!» — в нашем обычном понимании это слово имеет чрезвычайно высокий смысл: святой — это уже совершенный, то есть безгрешный человек. И обыкновенно этим именем мы называем прославленных уже Церковью или канонизированных ею в этом качестве «святых» людей. Поэтому к обычным христианам, даже к лучшим из них, мы не прилагаем этого имени, а называем их «благочестивыми» или «богоугодными», в лучшем случае называем «людьми праведной жизни», но даже не «праведниками»: это слово у нас понимается уже почти как и слово «святой».

И такая осторожность в наименованиях похвальна: человек святой или праведный — это люди крайне редкие, исключительные, особенные, выделяющиеся по благочестивой жизни. Поэтому и мне, при написании данных строк, сначала было затруднительно поставить такой заголовок здесь и применить слово «святой» даже к отцу Иоанну казалось выше моих прав. Вследствие этой душевной боязни я и озаглавил весь этот отдел иначе: «Подвиг преподобничества», это слово более умеренное, осторожное.

Но как мы видели, не только отдельные проповедники уже прямо говорили еще при жизни отца Иоанна о его «святости», но и высшая наша церковная власть назвала его «праведником».

Затем: чем более я вчитывался в его сочинения и всматривался в его духовный лик, я все более и

более устанавливался в убеждении, что отец Иоанн действительно отвечал требованиям святого человека, — как это мы и увидим далее.

Но еще более дает нам право называть его этим именем само Слово Божие, а также и сочинения отца Иоанна.

В пасхальном Евангелии говорится, что *тем, которые приняли Воплотившегося Бога Слово, верующим во имя Его, Он дал власть быть чадами Божиими, которые... от Бога родились* (Ин. 1, 12–13). Быть чадами Божиими не меньшее достоинство, чем быть святыми.

Апостол Петр пишет всем христианам, «рассеянным» по миру: *не сообразуйтесь с прежними похотями, бывшими в неведении вашем, но, по примеру призвавшего вас Святаго (Бога), и сами будьте святы во всех поступках. Ибо написано: будьте святы, потому что Я свят* (1 Пет. 1, 14–16). А этому учил Петра Сам Учитель, Господь Иисус Христос: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48). Это сказано для всех, а не для исключительных лишь людей.

Так же и апостол Павел пишет: *все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божи... Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии* (Рим. 8, 14, 16). И под мы разумелись вообще истинные христиане. Поэтому в своих Посланиях он нередко называет их святыми. Например, в том же Послании пишет: *я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми* (то есть христианами) *в Иерусалиме* (Рим. 15, 25–26).

Так же называет христиан вообще святыми в Первом послании к Коринфянам (см.: 1 Кор. 16, 1) и во Втором (см.: 2 Кор. 1, 1). В конце этого послания шлет привет от одних христиан к другим: *Приветствуют вас все святые* (2 Кор. 13, 12). Иногда он различает слово «святой» от слова «верующий» или «верный» (см.: Еф. 1, 1), указывая, что христиане должны быть святы, ибо Бог избрал нас... чтобы мы были святы и непорочны... *предопределив усыновить нас Себе чрез Христа Иисуса* (Еф. 1, 4, 5).

В Послании к Солунянам в заключение пишет: *Заклинаю вас Господом прочитать сие послание всем святым братьям* (1 Сол. 5, 27). И к евреям пишет: *Приветствуют вас Итальяские* (верующие) (Евр. 13, 24). Здесь отличаются рядовые христиане от наставников.

И вообще целью христианской жизни является исполнение воли Божией; а воля Божия, *благая, угодная и совершенная*, заключается в том, чтобы *представить себя в жертву живую, святую* (ср.: Рим. 12, 2, 1), или короче: *святость* ваша (Рим. 6, 22).

Вот каково истинное воззрение на христиан вообще: это люди, избранные для святости. Поэтому нам, христианам, не следовало бы удивиться не только имени «святой», а и самому существованию действительно святых людей. Но так как мы ослабели в благочестии, то теперь святые, то есть истинные христиане, стали редкостью; и они выделяются среди нас как нечто необычайное, исключительное.

А по существу дела все христиане призваны к святости: в этом цель Пришествия Спасителя.

Так именно смотрит и отец Иоанн.

В одной из проповедей перед праздником Рождества Христова, когда полагается читать Евангелие от Матфея о родословной по человечеству Господа нашего Иисуса Христа, он высказывает замечательную мысль, о какой ныне почти никто из проповедников уже не дерзает и говорить:

— Дивное чудо! Дивное смотрение благодати Божией о падшем роде человеческом!.. Сын Божий делается Сыном человеческим, Братом человеков, Братом — скажу ближе — твоим, моим!

Какое «высокое, преблагородное родство наше с Богом!

Об этом ныне побеседуем.

Мы, братия мои, называемся христианами, то есть Христовыми чадами, членами Его святейшего тела, как апостол говорит: *уди (члены) есмы тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 30), членами Церкви Его. Не видите ли, что мы приняты в самое близкое родство с Сыном Божиим чрез Его вочеловечение?! Скажите: какого благородства в мыслях, чувствах, желаниях, намерениях, в словах, в поступках требует от нас *Единородный Сын Божий, Сын в лоне Отчи* (ср.: Ин. 1, 18), Совершенный Причастник святости Отца, Бесконечная Святость? Да, братия, родство наше с Сыном Божиим, Господом Иисусом Христом, требует от нас великого благородства, благонравия в жизни. Не лишнее скажу, если скажу, что христиане должны жить на земле, как Ангелы во плоти, — и вот почему девство в христианском мире имеет высокое значение. Но чистота и целомудрие не единственная добродетель,

требуемая от нас родством с Сыном Божиим. От нас требуется простосердечие... требуется сердечная благодать, смирение, незлобие... требуется беспристрастие к земным благам... требуется... повиновение, покорность христиан Церкви...

Видите, каких свойств требует от нас родство наше с Воплотившимся нас ради Сыном Божиим! Будем дорожить своим родством со Христом и не станем считать ничего в мире дороже этого родства...

Позаботимся о стяжании святости, как говорил Господь: *святи будите, якоже Аз свят (есмь) Господь Бог ваш* (Лев. 19, 2); или как говорил апостол: *Мир имейте и святую со всеми, ихже кроме, то есть без коих, никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14)».

В Неделю святых отец отец Иоанн снова говорит о родстве нашем с Христом: «Бог соделался Братом нашим по человечению». За это от нас требуется «искреннее всегдашнее покаяние и исправление жития, непорочная жизнь... дела милосердия — вообще жизнь святая».

Итак, жизнь святая, святость, не есть — по учению отца Иоанна — только удел исключительных подвижников, а долг, цель и возможность для всякого христианина: для этого воплотился Сын Божий, для этого Он жил на земле, для этого он совершил Свой искупительный подвиг. Но эту мысль об общей святости христиан мы видим осуществленной особенно во святых как в высших представителях Церкви Христовой. И потому отец Иоанн пользуется случаем открытия мощей святителя Тихона Задонского, чтобы еще и еще звать и всех христиан к святости.

Поставив в заголовке своей проповеди слова Ветхого Завета *святи будите, якоже Аз свят (есмя), Господь Бог ваш*, он начинает вопросом:

— Можно ли оставить сегодняшней день без слова церковного?

«Много вер на земном шаре, но не все спасительны; а многие — прямо погибельны, например, магометанская, иудейская, языческая; много исповеданий христианской веры, но не все чисты, не все вполне богоугодны и спасительны. Одно наше, поистине православное, исповедание чисто, вполне богоугодно и спасительно. И желающий всем сердцем спасения вечного найдет в нашей Церкви спасение несомненное.

Доказательством тому служат все святые, жившие и Богу угодившие в нашей Православной Церкви, и — новопрославленный святитель Христов Тихон: чудесное нетление его мощей; чудеса, совершающиеся при гробе над притекающими к нему с верою и любовью, — как Божия труба, громко, неопровержимо свидетельствуют о том, что святая душа его предстоит Престолу Божию и ликует на Небе вместе... со всеми святыми и что ходатайство его о нас, грешных, пред Господом сильно и действительно...

Что же, братья, будем ли мы только праздными зрителями святости святых Божиих? Или — будем ли только прославлять их вместе с Церковью, а о уподоблении им святостию собственного жития заботиться не станем, а о своем собственном спасении ежедневно помышлять не будем?

Нет, братья возлюбленные, такое прославление святых Божиих человек — и Богу неугод-

но, и святым Божиим неприятно. Прославляя святых прославленных, мы сами должны уподобляться им верою и добродетелию; сами должны стараться быть святыми». *Святи будите*, — говорит Господь, — *якоже Аз свят (есмя), Господь Бог ваш*, снова и снова повторяет эти слова Писания отец Иоанн.

И далее он произносит такие слова о святости, которые для нас, обычных христиан, представляются совсем необычными, но отцу Иоанну они не только были приемлемы, но, очевидно, отвечали самым глубоким его собственным стремлениям и затаенным личным воззрениям. Вот эти слова:

«Неблагонадежный, неистинный тот христианин, который не хочет, не надеется и не старается быть святым, — как неблагонадежен и тот воин, который не хочет, не надеется и не старается быть победителем. Мы все, возлюбленные братья, можем и должны быть святыми! — не своею силою и заслугами пред Богом — нет, а силою благодати Божией; а *благодать комуждо*, — сказано, — *дадеся нам* (ср.: Еф. 4, 7), то есть дана каждому из нас; и (можем) — заслугами Христовыми».

Необычайная и дерзновенная мысль! Иной из нас даже убоится такой смелости; но отец Иоанн, в душе которого эта мысль о святости была вкоренена как основная движущая цель и сила, снова с настойчивостью повторяет ее тотчас же после предыдущих слов своих:

«Да! Мы можем быть святыми; и действительно бываем уже святыми и в этой жизни — хотя ненадолго — тогда, когда достойно причащаемся Святых Пречистых и Животворящих Таин Христовых. О, тогда мы несомненно бываем святы святостию

Христовою; и душа наша *паче снега убеляется* (ср.: Пс. 50, 9) Кровию Христовою.

Поэтому причащайся каждый чаще, причащайся достойно: и ты будешь часто возвращать теряемую святость; будешь часто обновлять растлеваемое грехом естество свое — и мало-помалу сделаешься святостью и по собственному расположению, возбуждаемому и поддерживаемому благодатию Христовою».

Но отец Иоанн и повторным призывом всех к святости не насытился. После только что приведенных слов он в третий раз говорит то же самое, но еще более усиленно, уверенно:

«Да, непременно сделаешься святым — если не будешь жить в духовной дремоте и бездействии, а будешь деятельно воевать на страсти и на врага бесплотного, ежедневно усиливающегося поджигать нас страстями и пристрастиями житейскими».

За этим он высказывает именно ту самую мысль, которую мы доселе ищем в его творениях:

«Святость не есть завидная доля одних только апостолов, святителей, мучеников, преподобных и всех святых — а прекрасная доля всех нас». Вот эти золотые слова его собственной святой души! И он подтверждает и подкрепляет их свидетельством Божественного Писания: «Апостол говорит, что *Бог призвал всех нас не на нечистоту, а в святость*» (1 Фес. 4, 7).

«Видите, что все мы и можем, и должны быть святыми; да, в первые времена Церкви верующих во Христа и апостолы называли не иначе как святыми».

И дальше он приводит длинную выдержку из Послания к Колоссянам; я возьму оттуда лишь часть: *Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие... Более же всего [облекитесь] в любовь, которая есть совокупность совершенства... И всё, что вы делаете, словом или делом, всё [делайте] во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца* (Кол. 3, 12, 14, 17).

Вот какую высокую проповедь сказал отец Иоанн в праздник открытия мощей святителя Тихона Задонского. Дерзну заявить, что ни в этот день канонизации святителя, ни вообще в иной какой день никто не говорил так дерзновенно о святости нашей и никто не призывал к ней всякого христианина без исключения.

И к этой мысли, к этому призыву отец Иоанн возвращается очень часто. Вот он в день своего Ангела говорит проповедь в похвалу преподобного Иоанна Рыльского, болгарского великого святого. Прославляет его за любовь к Богу, за победу над грехами и дьяволом, за отвержение мира, за святую жизнь и не преминет призывать к святости и нас, грешников:

Святая Церковь празднованием святого «хочет понудить и нас подражать его добродетелям, по силе каждого; потому что и нам повелено от Бога быть святыми. *Святи будите, якоже Аз свят есмь, Господь Бог ваш* (Лев. 19, 2; 1 Пет. 1, 16)».

Мы видим, как настойчиво повторяет он эти слова, сказанные еще в Ветхом Завете и приведенные апостолом в Новом: *будьте святы*.

Или вот еще пример. Наступает Новый год. Отец Иоанн приветствует с ним всех. Но он со-

всем не говорит о «новом счастье», как это делаем обычно мы. Наоборот: он и тут говорит о духовном обновлении, о святости:

«Братия и сестры! Если мы не обновились духом, если в нас остаются старые грехи и страсти (и далее он, как и всегда, перечисляет их) — то напрасно мы радуемся новому году: год-то новый, а мы — все старые грешники. А между тем, характер (основа, дух) христианской веры, характер Нового Завета Христова есть именно обновление душ благодатию Святого Духа... *кто во Христе, [тот] новая тварь* (2 Кор. 5, 17), — говорит апостол, — то есть новый человек с новым... сердцем, с новым состоянием искупления благодатию Христовою. Мы призваны во святость: свято во всем житии и поступать должны...» И снова, и снова звонит теми же словами Писания: *Святи будите!* А на этот раз добавляет и другие слова Писания о том же: *вы — народ святой, царское (царственное) священство, люди обновления, народ Божий* (ср.: 1 Пет. 2, 9, 10).

Вот, «когда мы обновимся через искреннее покаяние и добродетель и сделаемся *новою тварью*, тогда с радостью поздравлю себя и вас с новым для себя и для вас годом. А теперь еще рано, мне кажется».

«Да обновит же нас всех Дух Святый, очистив от всякого греха».

ПРОЗОРЛИВЫЙ

Когда я был студентом Петроградской духовной академии, на втором курсе, группа товарищей решила посетить известный Валаамский монастырь на Ладожском озере¹. Среди них был и я. Очень много любопытного и поучительного увидел я там*. Но самое значительное — это был отец Никита².

О нем говорили как о святом, а с этим словом у меня соединялось всегда (хотя это и не связано непременно) представление и о прозорливости. Без особой нужды, пожалуй, больше из хорошего любопытства, я и мой друг Саша Ч. попросили отца игумена монастыря — без разрешения которого ничего не делается в обители — посетить отца Никиту.

До Предтеченского острова нужно было плыть проливами, отделяющими группу островов, носящих общее имя Валаам; но в монастыре дано каждому островку свое имя. Отец Никита жил на «Предтече», то есть на островке, где был скит с храмом в честь святого Иоанна Предтечи³. Этот скит считался одним из самых строгих и постнических: там скромного не ели никогда, и

---

* Свои впечатления я после напечатал в журнале «Странник» под заглавием «На “Северный Афон”», за 1906 г.

только, кажется, на Рождество и Пасху давалось молоко немногочисленным насельникам скита. А в посты и все среды и пятницы — а может быть, даже и понедельники — не употребляли даже и постного масла.

Никогда не пускались туда женщины; но даже и мужчинам-богомольцам очень редко удавалось посетить «Предтечу»: не хотело начальство беспокоить безмолвие старцев-молитвенников; да и добраться туда нелегко было: нужна была лодка, гребец, а люди в монастыре нужны для своих дел.

Но нам как студентам-«академикам» сделано было исключение: везти нас поручено было брату Константину, бывшему офицеру. Этому брату было тогда уже около 50–55 лет. И такой солидный монах должен был везти нас, почти еще мальчиков; но в монастыре все делается «за послушание», и потому хорошему иноку и в голову не приходит смущаться подобными странностями. А скоро и мы освоились, узнав добродушие брата Константина. Дорогою мы немного помогли ему грести.

Другой монах, проводник, посланный познакомить нас с отцом Никитою, был отец Зоровавель. Способный строитель монастырской жизни. Хоть он происходил из крестьян, но относился к монаху-офицеру с властью — впрочем, спокойною: отец Зоровавель был уже в сане иеромонаха и занимал начальственные должности в монастыре.

Тронулись мы по тихим проливам, среди гор и лесов, к нашей цели без волнения, скорее — как туристы, «посмотреть святого». Светило июньское теплое солнце, по небу плыли редкие белые облака. Мы благодушно перебрасывались с мо-

нахами своими впечатлениями. И незаметно доплыли до «Предтечи».

А нужно отметить, что и я, и Саша были одеты не в свои студенческие тужурки с голубыми кантами и посеребренными пуговицами, а в монастырские подрясники, подпоясанные кожаными широкими поясами, на голову нам дали остроконечные скуфьи, в руки — четки, даже на ноги дали большие монастырские сапоги, называвшиеся «бахилами». Короче, мы, с благословения отца игумена, были одеты, как рядовые новоначальные послушники. Это нужно будет дальше в рассказе. Но это совсем не означало того, что мы собирались идти в монахи, просто нам было приятно нарядиться оригинально, по-монашески. Это иногда делали раньше нас и другие студенты, коих обычно «баловали» в монастыре.

Оставив отца Константина в лодке, мы втроем отправились к отцу Никите.

Через несколько минут я увижу «святого». Сначала мы заглянули около берега в крошечный «черный» домик, обитый черным толем, принадлежавший послушнику, тоже офицеру и тоже Константину — но молодому. В то время он был на Японской войне, где и окончил дни своей жизни. Сердце человеческое — тайна великая. И разными путями Бог ведет души...

Затем направились и выше по острову к домику отца Никиты.

Монахи скита — их было немного, кажется, едва ли даже 10, а может быть, и меньше — жили в отдельных домиках, разбросанных там и сям по небольшому высокому островку — *на верженье камня* (Лк. 22, 41), то есть на такое расстоя-

ние, что можно было добросить камень от одной келии до другой. Почему это — я и сам не знаю. Думается, чтобы не было близко от монаха до монаха, дабы не ходили по «соседству» для разговоров, но, с другой стороны, чтобы жили все же общинной жизнью, вместе.

Домики были деревянные: сосновый лес свой, плотники свои. Дошли мы до домика отца Никиты. Вижу, к дверям его приставлена палка. Разумеется, запора нет.

— У дверей палка: значит, батюшки нет дома, — пояснил нам отец Зоровавель, отлично знающий самые последние мелочи в монастырском обиходе.

— Где же он? — спросил я в недоумении. — Неужели я его не увижу?

— Где-нибудь тут, — спокойно ответил отец Зоровавель. — Поищем.

И тут я заметил уже странную для меня черточку в голосе проводника: мы пришли к «святому», а он разговаривает о нем совсем просто, как о рядовом человеке; я уже начал ощущать в душе трепетное беспокойство пред встречей с Божьим угодником, а он благодушно, по-видимому, не видит в нем ничего особенного.

Мы начали искать. Пошли к берегу.

— Не моет ли он белье себе? — высказал предположение отец проводник. И потому пошел к тому месту, где обычно монахи стирали свое незатейливое одеяние.

И действительно, отец Зоровавель усмотрел сверху отца Никиту за этим занятием. Увидел его и я. В белом «балахончике», то есть коротком летнем рабочем подряснике, какие примерно надевают

доктора на приемах клиентов, но только на Валааме они были из грубого и крепкого самотканого крестьянского полотна, «ряднины» или холста.

Но лица его я не мог разглядеть: слишком низко был берег.

И лишь тут я вполне пришел к сознанию: сейчас я увижу «свя-то-го»! Бывшая беспечность исчезла совсем, и ее заменил страх. Отчего? — я не успел еще разобраться, как мой спутник отец Зоровавель (про Сашу я точно забыл) шутливо и громко закричал вниз:

— Отец Никита-а! К тебе го-ости пришли!

Я очень растерялся: что за обращение со святым? Мы привыкли читать их дивные жития, удивляться подвигам, молиться благоговейно пред их иконами, на коих они изображены большей частью строгими или, по крайней мере, внутренне сосредоточенными. И вдруг так запросто: «Гости пришли!» Желая исправить такую недостойную, как мне показалось, ошибку отца проводника, я тотчас же после его слов громко закричал вниз:

— Батюшка! Мы лучше туда к вам сойдем!

А в это время промелькнула мысль, еще более испугавшая меня: вот сейчас увидит он мою душу да начнет обличать мои грехи.

И представился мне отец Никита со строгими пронизывающими очами, глядящими исподлобья, с нависшими на них густыми бровями, сходящимися у глубоких складок над переносицей.

И зачем мы поехали? Для любопытства? Вот за это-то «они» особенно строго относятся.

Вспомнился случай: пришел один такой любопытный к отцу Иоанну Кронштадтскому «по-

болтать», а тот увидел это и велел прислуге вынести посетителю стакан воды и ложку да прибавить:

— Батюшка приказал вам поболтать.

Тот не знал, куда и деться...⁴

Но каково же было мое приятное разочарование, когда я услышал снизу тихий, но довольно ясный ответ:

— Нет, нет! Я сам поднимусь.

Но не в словах лишь дело, а главное — в голосе: он был замечательно ласков и кроток.

И у меня сразу отлегло от сердца: ну, если такой приятный голос, то несомненно и сам отец Никита хороший, добрый... Обличать, должно быть, не станет? И, должно быть, и вид у него такой же ласковый, как голос... Сейчас увижу...

А отец Никита неторопливо надевал внизу верхнюю черную рясу и, оставив свое дело, стал тихо подниматься по ступенькам лестницы вверх.

Мы молчали в ожидании.

Вот он уже близко. «Да, — думаю, — лицо у него, кажется, тоже доброе!» Поднялся к нам. Отец Зоровавель, улыбаясь, весело поздоровался с ним взаимным «поцелуем» в руку и объяснил, что мы — студенты и пришли к нему за благословением и для беседы, с разрешения отца игумена.

Я впился в него глазами.

Какой же он добрый — сразу увидел я; и ни густых бровей, ни строгих морщин. Морщины, впрочем, есть, но не между бровями, а около внешних углов очей, и как-то так улеглись, что от них получается двойное впечатление:

— и кроткой грусти,

— и тихой улыбки.

Да, он обличать не будет. Мы подошли под благословение к нему и поцеловали у него руку. Все вышло как-то необыкновенно просто. Но вместе с тем я увидел действительно святого. И понятен мне стал тон отца Зоровавеля: святые были удивительно кротки и просты.

И всякий страх исчез из моей души.

— Батюшка, скажите нам что-либо на спасение души! — начал я обычным приемом.

— Что же мне вам сказать. Ведь я простой, а вы — ученые.

— Ну, какая же наша ученость? — возражаю я. — Да если что и выучили, то лишь по книгам, а вы — по опыту прошли духовную жизнь.

Но отец Никита не сразу сдавался:

— Так-то оно так, да все же я необразованный. Я — еще из крепостных крестьян: лакеем был у своих господ. Хорошие были люди, добрые: отпустили меня на свободу, а я и ушел в монастырь сюда. Вот и живу понемногу.

Но мы продолжали его просить. Тогда он, так же просто, как отказывался, стал говорить:

— Что же? Скорби терпите, скорби терпите! Без терпения нет спасения!

И понемногу начал говорить о разных вещах; но, к моему сожалению, я не записал тогда, а теперь не все помню.

Потом пригласил нас обоих сесть на соседнюю скамеечку, над берегом: кажется, я сидел от него направо, а Саша налево. Отец Зоровавель, должно быть, стоял, спокойно слушая беседу и ласково глядя на батюшку. Не помню, сколько уже прошло времени. На душе было так тихо и отраднo, что я точно в теплом воздухе летал... Затем раз-

говор прервался; и вдруг отец Никита берет меня под левую руку и говорит совершенно твердо, несомненно следующие поразившие меня слова:

— Владыка Иоанн (мое имя было — Иван)!
Пойдемте, я вас буду угощать.

Точно огня влили мне внутрь сердца эти слова... Я широко раскрыл глаза, но произнести ничего не мог от страшного напряжения.

Тут я припомню, что мы оба были одеты по-монашески, и это могло дать отцу Никите основание думать, что я приму иночество и, возможно, дойду и до епископского сана, как и другие ученые-монахи. Но вот Саша был одет так же, как и я! А о монашестве за все время беседы ни он, ни я не сделали ни малейшего намека; да и не думали еще тогда о том... Впрочем, я-то думал раньше, но в тайниках души лишь, и никому не говорил своих дум... И на этот раз не осмелился говорить: пред святым особенно стыдно было бы говорить об этом, иначе выходило бы, что вот он — монах, и я — буду «тоже» монахом, «как и он». А это было бы и неприличием, и дерзостью — думать о себе наряду с ним, святым...

И Саша ни слова не говорил...

И вдруг такие — потрясшие меня — слова! А Саше — ничего... Как есть ничего, ни одного слова. Поддерживаемый под руку отцом Никитою — как обычно «водят под руки» и настоящих архиереев, — я, почти без мысли, повиновался и пошел рядом. А Саша, не получив ничего, пошел за нами вслед с отцом Зоровавелем.

В особом домике, где помещалась общая трапезная, отец Никита усадил всех нас. Сюда пришел «хозяин» скита, отец Иаков, из карел, тихий,

кроткий, но с постоянной улыбочкой и веселым лицом. Нам подали чаю с сухими кренделями, их называют еще «баранками». А перед этим принесли соленых огурцов с черным хлебом. В этом и состояло все угощение. Но на «Предтече» другого лучшего и не было: нам дали все, что могли. Да и не в пище же — человек!

После угощения я, пораженный пророчеством батюшки, захотел уже подробнее и наедине поговорить о монашестве. А может быть, батюшка меня сам повел. И мы, гуляя тихо по острову, продолжили беседу.

— Батюшка! Боюсь, монашество мне трудно будет нести в миру.

— Ну, что же? Не смущайтесь. Только не унывайте никогда. Мы ведь не Ангелы*.

— Да, вам здесь в скиту хорошо; а каково в миру?

— Это — правда, правда! Вот нас никто почти и не посещает. А зимою занесет нас снегом: никого не видим. Но вы — нужны миру! — твердо и решительно dokonчил батюшка. — Не смущайтесь: Бог даст сил. Вы — нужны там.

Но я продолжал возражать:

— А вот один человек дал мне понять, что мне нельзя идти в монахи.

Вдруг батюшка точно даже разгневался, что так странно было для его кроткого и тихого облика, — и спросил строго:

— Кто такой? — и, не дожидаясь далее моего ответа, с ударением сказал мне очень многозначительные слова, но я их боюсь передать неточно, а приблизительно смысл был таков: «Как он сме-

---

* И еще мне было сказано нечто ободряющее... Умолчу...

ет? Да кто он такой, чтобы говорить против воли Божией?»

И отец Никита продолжал говорить мне прочее утешительное.

Мы еще провели в скиту ночь и часть другого дня... После уехали. Батюшка прощался с нами и со мною — опять просто: точно ничего и не было сказано мне особого. И я тоже успокоился.

Прошло лет пять после того. Отец Никита скончался. Составитель его жития, как-то узнав о предсказании его, попросил меня дать материал. Я тогда уже был иеромонахом и жил в архиерейском доме архиепископа Финляндского Сергия секретарем и «очередным»⁵.

Я с радостью написал; но только скрыл, что батюшка предсказал мне об архиерействе: иеромонаху неловко было писать об этом. Еще прошло после того девять лет — а со времени прозорливой беседы четырнадцать, — и я, грешник, был хиротонисан во епископа в Симферополе...⁶

А что же случилось с Сашей? Он женился... И женился не по чистой совести: два брата, они полюбили двух родных сестер; но так как законы наши запрещают такие браки, то они сговорились обвенчаться одновременно, в разных лишь церквах. Но все же пред Богом это был обман...

Видно, и это прозревал батюшка, потому и оставил его на Валааме сидеть на скамеечке без ответа; а меня повел «угощать».

После мне еще раз пришлось быть на «Предтече». В домике отца Никиты жил его ученик и преемник по старчеству — отец Пионий. Тоже тихий и кроткий⁷.

Я у него попросил что-либо на память о батюшке. Отец Пионий снял бумажную иконочку

святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и благословил меня ею от имени отца Никиты.

А Саша — Александр М. Ч. — пошел по педагогической службе. После был он года три в ссылке.

Кстати — о греховности. Ныне лишь я прочитал такой утешительный случай из жизни преподобного Серафима. Перепишу его целиком — в ободрение и утешение нам...

«Надежда Федоровна Островская рассказывала, какое совершенно неожиданное для себя предсказание получил ее брат от дивного прозорливца, отца Серафима: “Родной мой брат, подполковник В. Ф. Островский, часто гостил в Нижнем Новгороде у родной нашей тетки, княгини Грузинской, которая имела большую веру в отца Серафима. Однажды по какому-то случаю она послала его в Саровскую пустынь⁸ к этому прозорливому старцу. Отец Серафим принял моего брата очень милостиво и, между прочими добрыми наставлениями, вдруг сказал ему:

— Ах, брат Владимир, какой же ты будешь пьяница!

Эти слова чрезвычайно огорчили и опечалили брата. Он награжден был от Бога многими прекрасными талантами и употреблял их всегда во славу Божию; к отцу Серафиму имел глубокую преданность, а к подчиненным был, как нежный отец. Поэтому он считал себя весьма далеким от такого наименования, неприличного его званию и образу жизни.

Прозорливый старец, увидев его смущение, сказал ему еще:

— Впрочем, ты не смущайся и не будь печален: Господь попускает иногда усердным к Нему людям впадать в такие ужасные пороки; и это для того, чтобы они не впали еще в больший грех — высокоумие. Испытание твое пройдет, по милости Божией, и ты смиренно будешь проводить остальные дни своей жизни, только не забывай своего греха.

Дивное предсказание старца Божия действительно сбылось потом на самом деле. Вследствие разных дурных обстоятельств брат мой впал в эту несчастную страсть — пьянство и, к общему прискорбию родных своих, провел несколько лет в этом жалком состоянии. Но наконец, за молитвы отца Серафима, был помилован Господом: не только оставил прежний свой порок, но и весь образ своей жизни изменил совершенно, стараясь жить по заповедям евангельским, как прилично христианину»»*.

---

* Житие, подвиги, чудеса и прославление преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца / Сост. Н. Левитский М., 1905. С. 249–250. (См. соврем. изд.: *Левитский Н. Житие, подвиги, чудеса и прославление преподобного Серафима, Саровского чудотворца. М.: Отчий дом, 2007. С. 198–199. — Ред.*)

ОТЕЦ ИСИДОР

Соль земли

Вот теперь и о нем расскажу. Удивительный был человек¹. Даже и не «человек», а ангел на земле... Существо уже богоподобное. Воистину «из того мира». Или, как Пресвятая Богородица говорила о преподобном Серафиме, «сей от рода нашего», то есть Небесного...

Об отце Исидоре, сразу после смерти его в 1908 году, было написано одним из почитателей его, известным автором книги «Столп и утверждение истины», священником Павлом Флоренским, житие его, под оригинальным и содержательным заглавием: «Соль земли, или Житие гефсиманского старца отца Исидора»². А напечатано оно было другим его почитателем, епископом Евдокимом, бывшим тогда ректором Московской академии, впоследствии обновленцем, в его журнале «Христианин»³.

В том-то и величие истинных Божиих святых, что они, по богоподобию своей любящей души, не различают уже (хотя, вероятно, и знают) ни добрых, ни злых: а всех нас приемлют. Как сол-

нышко сияет на праведных и грешников и как Бог дождит на благия и злыя (ср.: Мф. 5, 45), так и эти хриstopодобные люди, или земные ангелы, ласкою своею готовы согреть всякую душу. И даже грешных-то нас им особенно жалко. Недаром и Господь Иуду почтил особенным доверием, поручив именно ему распоряжение денежным ящиком (см.: Ин. 12, 6; 13, 29)... То и дивно во святых: это особенно и влечет к ним грешный мир.

Впервые я познакомился с ним еще студентом академии.

Хотя отец Никита (см. «Прозорливый») и благословил меня на иночество и предсказал мне, что я буду удостоен даже епископства, но не знаю уже, как и почему, только у меня опять возник вопрос о монашестве. Вероятно, нужно было мне самому перестрадать и выносить решение, чтобы оно было прочнее. И в таком искании и колебании прошло года три-четыре. По совету своего духовного отца я и направился к отцу Исидору, которого тот знал лично.

Батюшка жил в Гефсиманском скиту⁴ — вблизи Сергиева Посада*, рядом с Черниговскою пустынью — где раньше подвизался известный старец Варнава⁵...

В «Гефсимании», как обычно называли этот скит, жизнь была довольно строгая, установленная еще приснопамятным угодником Божиим митрополитом Филаретом Московским. Женщинам туда входа не было, за исключением лишь праздника Погребения Божией Матери, 17 августа⁶.

---

* На полпути от Троицкой Лавры до Вифании. (Вифания — скит недалеко от Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, основанный в 1783 году митрополитом Московским Платоном. — Ред.)

Здесь-то, в малюсеньком домике, избушке, и жил одиноко отец Исидор.

Когда я прибыл к нему, ему было, вероятно, около 80 лет. В скуфеечке, с довольно длинной седой бородой и с необыкновенно ласковым лицом, не только улыбающимся, а прямо смеющимся глазами — вот его лик... Таким смеющимся он всегда выходил и на фотографиях.

Кто заинтересуется жизнью этого — несомненно святого — человека, тот пусть найдет житие его «Соль земли». Там много рассказано о нем... Я же запишу, чего там еще нет.

Когда я пришел к нему и получил благословение, он принял меня, по обыкновению своему, ласково, тепло и с радостною улыбкою. Страх у меня уже никакого не было — как тогда, на Балааме. А если бы и был, то от одного ласкового луча улыбки батюшки он сразу растаял бы, как снег, случайно выпавший весной.

Направляясь же к отцу Исидору, я все «обдумал», решил рассказать ему «всю свою жизнь», «открыть всю душу», как на исповеди, и тогда уж спросить его решения: идти ли мне в монахи? Одним словом — как больные рассказывают врачу все подробно.

Но только что хотел было я начать свою «биографию» — а уже о цели-то своей я сказал ему, — как он прервал меня:

— Подожди, подожди! Сейчас не ходи. А придет время, тебя все равно не удержишь.

Вопрос сразу был кончен. И без биографии. Им, святым, довольно посмотреть, и они уже видят все. А Бог открывает им и будущее наше.

Я остановился: рассказывать более нечего было. Монахом придется быть... Осталось лишь невыясненным: когда? И спрашивать опять нечего: сказано, «придет время». Нужно ждать.

А отец Исидор тем временем начал ставить маленький самоварчик — чашек на 5–6. Скоро он уже зашумел. А батюшка непрерывно что-нибудь говорил или пел старческим, дрожащим тенором. Рассказывал мне, какое у нас замечательное, у православных, богослужение: такого в мире нет! Вспомнил при этом, как он послал по почте германскому императору Вильгельму наш православный Ирмологий*. Кажется, после ему за это был выговор от обер-прокурора Синода... Потом принимался петь из Ирмология:

— Христос — моя Сила, Бог и Господь (4-й ирмос 6-го гласа).

Я после, долго после стал понимать, что не случайно пел тогда святой старец: он провидел и душу, и жизнь мою, и знал, что мне единая надежда — Христос *Господь и Бог мой* (ср.: Ин. 20, 28)...

...Самоварчик уже вскипел. Явились на столе и чашки. Батюшка полез в маленький сундучок, какие бывают у новобранцев-солдат, и вынул оттуда мне «гостинцев»: небольшой апельсин, уже довольно ссохшийся. Разрезал его, а там соку-то совсем уж мало было. Подал его мне. Потом вынул стаканчик с чем-то красным:

— А это нам варенье с тобою. Маловато его здесь...

А там было всего лишь на палец от дна.

---

* Специальный сборник ирмосов на 8 гласов с приложением других песнопений, употребляемых певцами на вечерне, утрени и литургиях.

— Ну, ничего, — весело шутил он, — мы добавим!

И тут же взял графин с красным квасом, дополнил стакан с клюквенным вареньем доверху и поставил на стол, все с приговорками:

— Вот нам и варенье.

Так мы и пили чай с квасом...

И опять запоет что-либо божественное. А «Христос — моя Сила» — несколько раз принимался петь, видимо, желая обратить мое внимание именно на веру в Господа, на Его силу — в моих немощах.

Теперь-то я уже понимаю, что и сухой апельсин, и варенье с квасом, и это песнопение — находятся в самой тесной связи с моею жизнью... Тогда же я не догадался искать смысла в его символических действиях. Очевидно, чего не хотел, по любви своей, сказать мне прямо, то он открывал в символах. Так и преподобный Серафим делал. Так поступал и батюшка Оптинский, отец Нектарий⁷.

Выпили мы чаю. Он рассказал, что у него есть ручная лягушечка и мышки, которые вылазят из своих норок в полу, а он их кормит с рук...

А потом обратился ко мне с просьбой-желанием:

— Хотелось бы мне побыть у преподобного Серафима*.

— Да в чем же дело?

— Денег нет.

— А я вот летом получу деньги за напечатанную статью — и свожу вас. Хотите, батюшка?

— Хорошо, хорошо! Вот хорошо.

---

* Тогда уже он был прославлен.

Так мы и условились: как получу деньги, то напишу ему и приеду за ним.

С тем и уехал я домой на каникулы. Летом получил деньги и сразу написал отцу Исидору, предвкушая радость путешествия с ним, да еще к такому великому угоднику: со святым — к святому. Но в ответ неожиданно получил странное чужое письмо, подписанное каким-то Л-м, просившим у него помощи и жаловавшимся отчаянно на свою злосчастную судьбу. На мой же вопрос — о времени монашества — вверху письма старческим дрожащим почерком, но очень красивым, почти каллиграфическим, была приписана им лишь одна строчка: *заповедь Господня светла, просвещающая очи*, — слова из псалма царя Давида (Пс. 18, 9).

Прочитал я их и письмо просмотрел. И ничего не понял...

— Вероятно, — думалось мне, — у батюшки не хватило денег и на чистую бумагу, чтобы написать письмо, и он сделал надпись на чужом письме. Но почему же не ответил даже о поездке к преподобному Серафиму?.. Странно...

Доживши каникулы, я отправился в академию и на пути решил снова заехать к отцу Исидору: поедет ли он к преподобному Серафиму в Саров? При встрече я об этом сразу и спросил.

— А ты мое письмо-то получил?

— Получил, да вы там ничего почти не написали. Я не понял.

— Как же? Ведь этому человеку, от которого письмо я тебе послал, и нужно помочь. Преподобный-то Серафим не обидится на меня, а деньги, что для меня приготовил, ты на него и израсходуй.

— А где же он?

— Да в Курске живет: в письме-то и адрес его написан.

— В Курске? — спрашиваю. — Значит, туда ехать нужно?

— Вот и съезди туда, разыщи его, да помоги устроиться ему. Он несчастный, безрукий. А письма-то пишет левою рукою.

Тогда я понял, почему почерк письма большой и прямой, неуверенный...

— Ему руку-то на заводе оторвало.

Я получил благословение и немедленно отправился в Курск, где родился преподобный Серафим. Долго подробно рассказывать. Где-то на краю Курска, в Ямской слободе, у нищей женщины, у которой кроме пустой хатки и полуслеплого котенка ничего не было, и нашел себе приют несчастный И. Ф. У нищей была внучка, шестилетняя Варечка... Бедные, бедные! Как они жили! Можно было судить уже и по котенку: все ребра у него были наперечет... Но какие обе кроткие... Святая нищета. И не роптали. Так и котенок: смотрит вам в глаза и лишь изредка жалобно замыкает, когда вы едите: «И мне дайте». А посмотришь на него, он стыдливо сомкнет глазки свои — точно и не он просил, и опять молчит кротко. А человек ест себе в полное удовольствие. Вот и в миру такая же разница бывает.

А избушка-то низенькая и сырая: до потолка головою достанешь.

И у такой-то нищей нашел себе пристанище другой бездомный, безрукий, несчастный...

У богатых ему не нашлось ни места, ни хлеба. Недаром и нас Господь наказал: не видели мы

скорбей, а теперь и самим пришлось смотреть из чужих рук...

Познакомились... Потом пошли собирать помощь по богачам: задумали с ним «лавочку» открывать. Мало набрали... За жуликов, должно быть, нас больше принимали. Ничего не вышло.

— Поедемте к отцу Исидору, посоветуемся.

И опять — в Гефсиманию. А характер-то у безрукого — отчаянный. И у меня смирения нет... Сколько раз с ним мы ссорились в пути.

Наконец доехали. Было уже начало октября. И в Москве снег выпал. Холод стоял. Идем мы к келии отца Исидора. Я вошел первый, скинув галоши. А И. Ф. еще в сенях обивал свои сапоги от снега.

— Батюшка! — воспользовался я, пока был один с ним. — Какой он трудный, И. Ф.!

— Трудный? — спокойно переспрашивает меня ласковый отец Исидор. — А ты думаешь, добро-то делать легко? Всякое доброе дело трудно.

В это время вошел и И. Ф. Мы только что пред входом раздраженно о чем-то говорили с ним. Но как только он увидел отца Исидора, с ним произошло какое-то чудесное превращение: он улыбался радостно, сделался милым и с любовью подошел к батюшке — так и он называл его. Отец Исидор ласково благословил его.

— Садись, брат Иван, садись, — спокойно и любезно указал ему на стул.

И. Ф. сел, все молча улыбаясь.

— Ах, брат Иван, брат Иван! — грустно, но сострадающе-ласково сказал батюшка. — Как тебя Бог смирил, а ты все не смиряешься.

Здесь можно сказать, хотя бы кратко, о несчастье Ивана Федоровича. Сначала он был машинистом на Московско-Курской железной дороге. Но, по-видимому, благодаря крайне неуживчивому характеру своему, и там не ужился. После поступил на завод к какому-то еврею в Киеве. Тот предложил начать работу на второй день Пасхи. И. Ф. согласился, хотя другие не желали. Во время работы он увидел, что приводной ремень может соскочить с малого колеса. Желая поправить его на ходу, он неосторожно приблизился и был втянут машиною. Ему оторвало правую руку совсем, порезало спину, а на левой руке остались лишь большой палец да половина указательного. Едва не скончался... Суд определил ему или пожизненную пенсию от хозяина, или единовременное удовлетворение. Он, конечно, согласился на второе... Но скоро все прожил. И остался и без денег, и без рук. Во всем прочем он был человек очень здоровый, высокий и красивый. И лишь ранняя лысина — ему тогда было около 30 лет — еще более открывала большой лоб его.

По разным местам долго скитался он калекою, и уж не знаю как, но попал он в Гефсиманский скит к отцу Исидору. А батюшка особенно призывал людей несчастных, выброшенных из колеи жизни, как говорится — «потерянных»: какой-то бывший московский адвокат, исключенный не за хорошие дела своею корпорацией, хотел покончить с собою, но был пригрет батюшкою и спасался им; всякие бедные, нищие из Сергиева Посада встречали в нем покровителя. Нередко он в неурочное по-монастырски время ходил к ним, чтобы утешить, как-нибудь помочь; ему за

то делались выговоры от игумена, но он продолжал делать свое дело милосердия. Зимой из рук кормил мерзнущих воробьев.

Вот к нему-то, как к солнцу теплomu, и привел Бог несчастного калеку. И с той поры И. Ф. так привязался к батюшке, что, собственно, им, можно сказать, и жил.

— Я — всем лишний, — говорил он мне много после, — только один батюшка Исидор любил меня...

И это, по-видимому, была правда: любить его при несмиренном характере было трудно, а у нас тоже терпения не хватает, ибо любви нет. А отец Исидор был — сама любовь, потому-то грелся около него несчастный. Потому и всякие слова его принимались И. Ф. совершенно легко. «Как тебя Бог смирил», — скажи это я, была бы буря злобы, упреков. Но когда эти слова сказаны были от любящего сердца отца Исидора, то И. Ф. ни слова не промолвил, только наклонил покорно голову и, улыбаясь, молчал.

Я удивился: как же он только минуту назад без удержу ссорился со мною, а сейчас с улыбкой молчит?

«Какое-то укрощение зверей!» — подумал я. Преподобный Серафим кормил медведя, а не знаю, легче ли бывает утихомирить иного человека?

И батюшка ласково подошел к нему и тихонько стал гладить его по лысой голове. Тот наклонился еще ниже и сделался совсем кроткою овечкою. А хорошо бы, если он еще и поплакал: еще легче ему было бы, и еще более он смирился. А благодать Божия еще более согрела бы и укрепила его, бедного. Но и виденного мною было до-

статочно, чтобы удивляться великой силе любви отца Исидора.

Потом мы говорили о том, что же делать нам с И. Ф. Батюшка «особенного» ничего не сказал, дал лишь нам заповедь:

— Как-нибудь уж старайтесь, хлопочите: Бог поможет вам обоим во спасение.

Это и было «особенное»: ему нужно было, чтобы у несчастного калеки был хоть какой-нибудь попечитель, — тем более что скоро батюшке предстояло уже и умирать, и тогда И. Ф. остался бы опять одиноким. А для меня нужно было упражнение в заповеди Божией о любви к ближним. Апостол Павел говорит, что *весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя* (Гал. 5, 14).

И тогда я понял, что означала коротенькая надпись, сделанная тонким и прекрасным почерком отца Исидора на письме И. Ф., посланном мне летом: *заповедь Господня светла, просвещающая очи* (Пс. 18, 9).

Так мало-помалу раскрывался ответ отца Исидора о моем монашестве: я думал преимущественно о форме, а он — о духе; я полагал, что вот примешь постриг, наденешь иноческие одеяния — и будто главное уже сделано. А батюшка обращал мою душу к мысли об исполнении заповедей Божиих, о следовании закону Господню. А этот закон у царя Давида в указанном псалме сравнивается со светом солнышка, озаряющего всю вселенную (см.: Пс. 18, 2–7). И как оно затем *укрепляет душу... умудряет простых... веселит сердце... просвещает очи* на все, *пребывает вовек* (ср.: Пс. 18, 8, 9, 10).

Вот почему заповеди, а не монашество *возжеленнее золота... слаще меда... и раб Твой*, — говорит Господу царь Давид, — *охраняется ими*, а не одеждами черными; и в *соблюдении их великая награда* (Пс. 18, 11, 12)!

Вот куда повертывал мои мысли батюшка, опытно исполнявший заповеди Божии... А мы, молодые студенты, увлекались другим; не скажу — карьерой, нет, но — мечтаниями о горячей любви к Богу, о подвигах святости, о высокой молитве...

А до этого-то нужно было еще долго исполнять заповеди Божии. И только исполняя их, на деле научишься всему; и, в частности, прежде чем возноситься в заоблачные сферы созерцания, молитвы, святости, человек, пробующий исполнять заповеди Божии, увидит сначала **самого себя**, свои немощи, свое несовершенство, грехи свои, развращенность воли своей, до самых тайников души. Вот что значит: заповедь Господня *просветит очи...*

И об этом, и в том же псалме, говорит по своему опыту псалмопевец, хранивший закон: *Кто усмотрит погрешности свои? От тайных моих очисти мя и от задуманного (зла) удержи раба Твоего, чтобы оно не возоблагодало мною. Тогда я буду непорочен и чист от великого развращения* (ср.: Пс. 18, 13–14).

И только пройдя этот путь борьбы, открывающийся лишь через исполнение заповедей, человек достигнет и высшего — молитв и богоугодного созерцания — и войдет в общение с Господом, познав предварительно и свою беспомощность, с одной стороны, а вместе с этим и через это — и твердость упования только на Господа Избавителя, Спасителя.

Так и поет царь-праведник: *Да будут слова уст моих и помышление сердца моего благоугодны пред Тобою, Господи, Твердыня моя и Избавитель мой!* (Пс. 18, 15).

И теперь, потребовав — не в мечтании о святости, а в действительном опыте — осуществления самых начальных букв алфавита добра, то есть в исполнении заповедей Божиих на И. Ф., я увидел себя: кто же я таков?!

— Какой он трудный! — вырвалось у меня признание...

Но не один он был трудный, а я прежде всех был трудный для добра. А мечтал о монашеской святости. О! Далеко еще до цели. Да я тогда и не понял еще себя: я все винил другого, а не себя. И только чем дальше, тем больше раскрывалось *великое развращение* души моей, как поет царь. Не говорю уже о *тайнах моих*. И постепенно приходил я к опытному выводу: один Господь — *Твердыня моя и Избавитель мой*. Не так я думал о себе раньше. И еще более стал мне понятным ирмос 6-го гласа, который не раз напевал мне отец Исидор старческим голосом:

— Христос — моя Си-и-ла, Бог и Госпо-оды!

И теперь мне предстояло упражняться в законе через И. Ф.

«Как-нибудь уже старайтесь, хлопочите... во спасение обоих...»

И еще 11 лет пришлось мне «стараться». Много всякого было... Но не об нас, немощных, речь. Потому ворочусь к дивному старцу Божию...

Должно быть, я после этой встречи его не видел уже. Так он и запечатлелся в моем сознании — смеющимся, ласковым. Он уже был «из того

мира». Он был — христоролюбивый сын Любви. Воистину — «соль земли».

Вероятно, года через два-три мне удалось опять попасть в Гефсиманию. И там я узнал несколько подробностей о смерти батюшки.

Об этом — особо.

Смерть праведника

Один из близких учеников и почитателей батюшки отца Исидора, молодой послушник, исполнявший у него иногда обязанности келейника, вот что рассказывал мне.

«Перед смертью батюшка позвал нас, близких, к себе, простился со всеми нами, дал нам наставления, а потом и говорит:

— Ну, теперь уходите: я буду умирать. А святые не любили, чтобы кто-нибудь наблюдал таинство смерти.

Так и сказал: “святые”.

Батюшка был сам святой, — не сомневаясь, тихо и уверенно сказал послушник. — Мы ушли. Через час постучались: ответа нет. Мы вошли. Он уже скончался, сложив на груди руки. Лик его был мирный».

Похоронили его на общем кладбище и на крест сделали простую надпись о рождении и кончине батюшки (4 февраля 1908 года).

«Святые не любили...» Как он сравнил себя с ними? Очевидно, имел на это право. И преподобный Серафим говорил Елене Васильевне Мантуровой, когда она испугалась предложения батюшки умереть ей вместо брата, Михаила Васильевича:

— Нам ли с тобою бояться смерти, радость моя? Мы будем с тобою во Царствии Пресвятой Троицы!⁸

Да, святые уже достигли бесстрашия любви, как сказал апостол любви Иоанн: *Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви* (1 Ин. 4, 17–18).

Значит, и преподобный Серафим, и батюшка отец Исидор достигли высоты любви. И как просто говорил мне отец Исидор о прославленном уже тогда Саровском праведнике:

— Преподобный-то Серафим не обидится на меня.

Так мы говорим лишь про подобных или равных себе.

Замечательно и другое обстоятельство в кончине батюшки. Он скончался 4 февраля. А в этот день творится память его Ангела, преподобного Исидора Пелусиота... Значит, его святой одноименник и покровитель в иночестве призвал к себе, в горние селения, батюшку в день своей Небесной славы.

И подобные совпадения смерти совершенно не случайны. Жития святых отмечают их довольно часто*.

«Праведники и по смерти живут», — говорит Слово Божие (см.: Мф. 25, 46). Мне неизвестны

---

* Например, хотя бы в январе: 17-е — несколько Антониев. 19-е — несколько Макариев, 28-е — Ефремы. 30 августа — Александры и т. д. Иногда они соединяются по именам, но несомненны факты, когда они и умирали в один и тот же день.

чудеса блаженного батюшки, но сила одного имени его — велика и по смерти. И все с тем же И. Ф.

Лет восемь спустя мне снова пришлось устраивать его на новое место. На этот раз — в том же городе Т., где и я служил тогда. Мы здесь встречались часто, не менее раза в неделю. И странно: редко было, чтобы мы не спорили и не раздражались.

— Да, я — всем лишний. Надоел всем. Жить не стоит. Брошусь в воду или под поезд. И вы не любите меня. Келейника своего П. любите больше, чем меня.

— Послушайте, И. Ф.! Ну что же я поделаю, если я такой дурной?!

— Да-а! Должны любить. Сами ученые, знаете.

— Но, по крайней мере, хоть не говорили бы о нелюбви моей: еще труднее от этого любить вас.

— Да, а вот батюшка отец Исидор любил.

— Да ведь батюшка-то был ангел, а я — человек; он — небо, а я — земля. Куда же мне с ним равняться?

— Нет, раз он связал нас, значит, вы должны любить. А вот вы не любите: лучше мне уйти от вас.

— Ну вот и уходите: на что я дался вам? Раз я — такой дурной, и в самом деле я плохой, — так и ищите себе лучших.

— Да! Батюшка мне велел не уходить от вас до самой смерти.

— Ну, в таком случае уж терпите меня, а не ухудшайте дела постоянными упреками в нелюбви моей.

— Да, я знаю, что только один батюшка Исидор любил меня, — говорил уже тише И. Ф. — Если

бы не он, мне бы и жить нечем было. Он только и держит меня на жилочке. А то бы покончил с собой.

Потом мы или мирились, или прощались в раздражении. А через неделю повторялось что-либо подобное — о любви батюшки и о моей худости.

Так было до 1917 года... Приблизилась революция. Мне предстояло переселение на юг и дальше. Приходилось расставаться с И. Ф. на годы, а может быть, и до смерти? Кто знает... И угодник Божий позаботился о калекке: передал его в иные руки.

Однажды И. Ф. в очередное воскресенье пришел ко мне в приподнятом настроении.

— О. В.! — называет он меня. — Давно я собираюсь сказать вам... Я хочу жениться.

— Жениться? — удивленно спрашиваю я. — Да кто же за вас пойдет при вашем характере?

— Нашлась такая.

— Кто же — такое чудо?

— Работница с Морозовской мануфактуры.

— А она хорошо знает вас?

— Да, знает.

— Удивляюсь... Ну, попросите ее прийти ко мне, хоть подивиться.

А в то время мною были заведены акафисты с общенародным пением и проповедями. Ходили почти одни рабочие, работницы — вообще простые люди. Среди них была и невеста. Но я ее, как и других, лично не знал.

Приходит она... Девушка лет 30–35. Лицо самое обычное.

Но сразу видно, что — совсем тихая.

— Как вас зовут? — спрашиваю.

— Зовите меня Катя.

— Вы решаетесь выходить замуж за И. Ф.? А знаете вы его? Ведь у него характер очень трудный.

— Знаю.

— Как же вы решаетесь?

— Да уж очень жалко мне его. Ведь он всему свету — лишний.

— Но выдержите ли вы?

— Бог поможет.

— Ну, тогда Бог вас благословит!

«Такая тихая выдержит», — думал я, глядя на эту добровольную мученицу.

Скоро они повенчались... Я был у них на обеде.

Наедине спрашиваю ее, как живут?

— Да что же? Разбушуется он, а я молчу. Он и стихнет.

Потом настала революция. Я переведен был в другой город⁹. Катя была оставлена отцом Исидором вместо меня...

И несравнимо много лучше: она-то сумеет исполнять заповедь Божию о любви...¹⁰

Иной раз вспомнишь о Кате, и придет на память рассказ Чехова «Кухарка» (или вроде этого)¹¹.

Одного пропойцу-попрошайку «действительный статский советник» отправил на свою квартиру дрова колоть. Тому это не понравилось... А кухарка, придя в сарай, говорит: «У-у, несчастный!» Заплакала, глядя на него, да дрова при нем все и переколола, а деньги от барина ему отдала. Так раз, другой, третий. Перестал ходить «бывший студент», он же и «статистик»... Спустя года два

он и барин встречаются у кассы Большого театра. Вспомнили один другого. Попрошайка прилично одет. «Получили место?» — «Да, получил».

— Вот видите, что значит трудиться? Это я вас спас.

— Нет, ваше превосходительство: не вы, а кухарка ваша.

И он рассказал ему историю спасения — стыдно стало!

«Миша!»

Прошло уже много лет и после революции... В 1927 году мне нужно было поехать в один монастырь (в Сербии), где я хотел пожить в уединении. В монастыре были только — настоятель да иеромонах. И прислуга. Настоятелю, русскому архимандриту, видимо, не очень-то хотелось брать «на шею» лишнего человека, хотя я просил себе дать только запущенный, полуразвалившийся домик, обещая его даже отремонтировать за свой счет.

«Там у меня сложено кое-что из припасов. Да и дорог ремонт».

Невольник — не богомольник. Видно, нужно назад возвращаться. Пред прощанием сидим ужинаем при свете лампы... Разговорились между прочим об одном праведном монахе — отце Макарии (Розанове). Одно время я даже жил вместе с ним у архиепископа С.* Тогда он уже был безнадежно больной — от белокровия. А скоро и скончался в Ялте. Это было смиреннейшее

---

* Архиепископ с вниманием всегда слушал его проповеди на вечерних беседах в архиерейской церкви: так он уважал батюшку... Моих же бесед не слушал. Разница была.

существо. Казалось, обидеть его никак невозможно! Он уж был как дитя, о коих сказал Господь: *если... не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3). Между тем, история его жизни была довольно сложная.

Он был лучшим учеником Рязанской семинарии. Но к концу семинарии — кажется, под влиянием близкого родственника — потерял веру. И потому, окончив семинарию, решил отправиться в Юрьевский университет¹², куда тогда разрешали поступать и семинаристам.

Но на пути его встретился блаженный батюшка Исидор.

О конце жизни отца Макария и рассказал мне подробно отец настоятель. Оказывается, Бог привел его принять последнюю исповедь отца Макария в Ялте. А в разговорах частных батюшка рассказал ему и чудесный случай из своей жизни, определивший всю дальнейшую судьбу его.

Отправившись в Юрьев, Розанов остановился в Москве, осмотрел достопримечательности и отправился на Николаевский вокзал, чтобы ехать в университет. И не помню уж, чуть ли не в поезде, ему пришла мысль: «Не съездить ли мне, кстати, и в Сергиеву Лавру?»

Ему не нужны были ни преподобный Сергей, ни монахи. Это все — «суеверие»... А просто — посмотреть исторический памятник, место осады поляками, интересные постройки старых времен. И только...

Но неожиданно началась в душе борьба — «не поеду — поезжай», «нечего делать — поеду»... И уже, кажется, прозвенел второй звонок, как Розанов хватает свой довольно скромный семи-

нарский чемоданчик и выбегает из вагона. Поезд уходит, а он торопливо направляется на соседний Ярославский вокзал, берет билет до «Сергиева» и едет. Осмотрел все в Лавре. Ему посоветовали сходить еще и в Вифанию — в обитель, созданную митрополитом Платоном. Там — очень интересной архитектуры храм, красивое место и тому подобное. Розанов пошел. Пути всего три версты — отличною дорогою, между прекрасным лесом, полями, озерами. Тишь да гладь да Божия благодать. Время стояло чудное: сухая солнечная осень — был конец августа. Идет будущий студент университета, наслаждаясь Божиим миром и совсем не думая о Боге. На полпути, вблизи Гефсимании, он вдруг слышит сзади себя голос:

— Ми-и-ша-а!

А Розанова звали Михаилом. Он идет, не оглядываясь: мало ли Миш на белом свете? А его здесь решительно никто не знает: он в первый раз в этих местах... А сзади опять:

— Ми-и-ша-а! Ми-и-ша! Остановись!

Тогда он оглянулся на всякий случай: кого это зовут?

И вдруг видит, что какой-то седой старец-монах в островерхой скуфеечке машет ему рукою и кричит:

— Остано-ви-ись! Миша!

Удивленный, Розанов стал... Кто-то знает здесь его имя? Странно! Подходит старец: в первый раз видит Миша такое лицо. Незнакомый — а знает имя. Что за чудеса?! Но не успел он и раздуматься над таким «непонятым феноменом», как подошедший монах сказал ему:

— Здравствуй, Миша!

Тот поклонился из вежливости и спрашивает:
— Откуда вы знаете мое имя?

А батюшка отец Исидор — это был он — говорит уже дальше:

— Миша! Тебе дорога не в университет, а в академию! И поезжай, поезжай с Богом в Петроград. Там тебе воля Божия укажет путь и дальше.

Окончательно выбитый из колеи «естественных законов» Миша вступил уже в разговор с батюшкой. А потом вернулся обратно в Москву и поехал в Петроград. Выдержал испытания и стал студентом академии...

На этом кончился рассказ отца настоятеля... Из других источников я раньше еще знал следующее. В академии с Розановым случилась одна трудная история, которая так перевернула его душу, что он решил идти в монахи. Но чтобы окончательно решить этот вопрос, направился к своему батюшке отцу Исидору вместе с инспектором, архимандритом Ф.¹³ Отец Исидор благословил его на иноческий путь... А когда они ехали обратно в Петроград, то в окне вагона им обоим совершенно явно виделся бес в образе пса, грозящего и неистовствующего. Студент пришел в трепет. Но видение летело вместе с ними. Тогда духовник предложил студенту уткнуться головой в его колени и не смотреть на окно... Через некоторое время бесовское видение исчезло.

Миша постригся в иночество с именем Макария. И отличался не только смирением и поразительною кротостью в отношении к людям, но и глубокою молитвою и постничеством... В последнем подвиге он даже не знал меры, «перепостился».

— Неправильно я понял святых отцов, — сказал он моим знакомым, — и надорвался: теперь уже не поправить дела. Вот умираю; и знаю — по своему неразумию: без руководства жил.

Все, кто знали его монахом, говорили о нем всегда с тихой серьезностью, а иные — и с улыбкою, как говорят о детях.

И все думали: «Святой...»

...Да, он сделался праведником. Пусть «перепостился». Это — человеческое. А воля Божия — привела его к святости.

...Я уехал от отца настоятеля в другой монастырь. А через несколько дней домик, который я просил себе для жилья, неожиданно загорелся: кажется, коптели в нем ветчину. Погибли и припасы кукурузы, и свиные туши...

ЗОСИМОВА ПУСТЫНЬ

Это было в 1910 году. Посетить Зосимову пустынь¹ побудило желание разрешить один душевный вопрос, который беспокоил меня долгое время. Для этого нужно было посоветоваться с лицом опытным и духовно тонким. Таким мне показался, со слов знавших его лично, настоятель Зосимовой пустыни, отец Герман². И я выехал к нему через Москву. Из Москвы нужно было ехать по железной дороге несколько десятков верст на север, мимо Сергиевой Лавры. Крошечная станция Лесики³. Кругом было сплошное чернолесье. Ни деревни, ни иного какого человеческого жилья. Действительно — пустыня лесная. Но до монастыря нужно было еще пройти пешком около 4 или 5 верст по узкой лесной дороге. День был хороший, августовский. В лесу тихо. Через час пути в просвете между деревьями я увидел обитель. Она была еще новая, храмы и дома казались свежими по краскам. Архитектура была красивая.

Дорога подвела меня к монастырской гостинице, построенной для богомольцев вне обители. Заведующий ею был иеромонах Иннокентий⁴. Года два назад он был еще жив. Тогда ему было

лет около 35–40. Острое лицо, остренькая черная бородка, серьезный взгляд. Он отвел мне в гостинице маленькую чистенькую комнатку.

Скоро я направился к настоятелю. Я ранее слышал, что к нему обращаются с духовными вопросами и монашествующие из близкой Московской духовной академии, и писатели светские, и великая княгиня Елизавета Феодоровна⁵. Следовательно, по одному этому можно было заранее видеть в старце незаурядного подвижника и духовного руководителя. Известна мне была и небольшая брошюра, в которой была издана переписка его с знаменитым Затворником Вышенским, епископом Феофаном⁶. Там затрагивались, главным образом, вопросы о молитве. Но мне особенно запомнилось одно письмо епископа Феофана о бесах. Отец Герман просил Затворника подарить ему на память какую-либо одежду свою. Епископ Феофан отклонил просьбу. И между прочим мотивировал это тем, что с одеждой его в келию отца Германа налетит много бесов и искушений.

Вспоминается и ответ о духовничестве. Батюшке до настоятельства было дано послушание исповедовать монахов и богомольцев. Оно казалось ему трудным и опасным для него самого, почему он просил настоятеля снять с него этот крест, но ему отказывали. Тогда он обратился с вопросом к Вышенскому Затворнику. И между прочим сообщал, что иные приходят к нему исповедоваться с одними и теми же грехами многократно; как быть с такими?

Епископ Феофан, насколько помню, ответил ему, чтобы никогда не отказывал и таким в испо-

веди, и сам не расстраивался их немощами, а также советовал ему разрешать грехи с милосердием, сколько бы раз такие ни приходили. Одно лишь строго заповедовал старцу Затворник: никому не давать и намеков о том, в каких именно грехах каются проходящие. «Для этого положите около места исповеди нож, да поострее, и, посматривая на него, думайте: лучше отрезать себе язык, чем объявить чью-либо тайну духовную».

Вот к какому человеку шел я теперь. Увидевши его, я сразу сделался серьезным и строгим, каким показался мне и отец Герман. Высокого роста, с седою малорасчесанною бородою, с дряблеющим старческим лицом, с опущенными на глаза веками, с холодно-спокойным строгим голосом, как у судьи, без малейшей улыбки — он произвел на меня строгое впечатление. Мы познакомились. Среди вопросов он задал и такой: «Что вы будете преподавать в академии?» Я начал с более невинного предмета: «Гомилетику» (учение о проповедничестве).

— А еще? — точно следователь на допросе, спрашивал он.

Я уже затруднялся ответить сразу.

— Пастырское богословие, — говорю.

А самому стыдно стало, что я взял на себя такой предмет, как учить студентов быть хорошими пастырями.

— А еще? — точно он провидел и третий предмет.

Я уже совсем замялся.

— Аскетику, — тихо проговорил я, опустивши глаза...

Аскетику... Науку о духовной жизни... Легко

сказать! Я, духовный младенец, приехавший сюда за разрешением собственной запутанности, учу других, как правильно жить... Стыдно было.

После мой духовный отец в Петрограде, когда я рассказывал все это в деталях, сказал мне: «Вы уж лучше умолчали бы об этом предмете».

Потом я открыл отцу Герману свою душу со всеми ее недостатками и задал тревожащий меня вопрос. Мое откровение он выслушал с тем же холодно-спокойным вниманием, как и все прочее. На вопрос дал нужный ответ, удовлетворяющий меня. В конце беседы я сказал ему:

— Батюшка! Мы, грешные люди, и так вообще не заслуживаем сочувствия, но когда вот так расскажем о своих грехах, вы, вероятно, и совсем перестанете любить нас?

— Нет! — все тем же спокойным и ровным, бесстрастным голосом ответил отец Герман. — Мы, духовники, больше начинаем любить тех, кто обнажает перед нами свои духовные язвы.

Потом я попросил его назначить мне какое-нибудь послушание в монастыре, о чем речь далее.

Кстати, с самого входа в его комнату я заметил высокий мольберт и на нем большую незаконченную икону Божией Матери; оказывается, батюшка был еще и хорошим иконописцем.

Уходя от него, я уносил впечатление, что он — строгий. Это, впрочем, не удивляло меня и не разочаровывало: из святоотеческой литературы я давно знал, что и святые люди бывают индивидуальны: одни — ласковы, другие — суровы, одни — гостеприимны, другие — чуждаются встреч, одни — молчаливы, другие — приветливые собеседники. А перед очами Божиими все они могут быть угодни-

ками. Впрочем, об отце Германе от других лиц мне не раз приходилось потом слышать, что с ними он был весьма ласков... Может быть, лично для меня он принимал такой строгий тон, как спасительный мне?.. Нет, думается, он по природе был действительно серьезным и строгим вообще.

Грибное послушание

Как только что было упомянуто, перед уходом я обратился к нему с просьбой:

— Батюшка! Не дадите ли вы мне какое-нибудь послушание, чтобы я до отъезда поработал в монастыре?

Мне тогда припомнилось, что один из товарищей по академии вот так же попросил в Валаамском монастыре послушания, и его отправили на скотный двор доить коров. Вот думалось теперь: и мне дадут сейчас какую-нибудь грязную и тяжелую работу, и я... смирюсь, приму и исполню ее. Но старец оказался проницательнее меня:

— Какое же дать послушание? Уж лучше отдохайте. Ну, вот разве грибов пособираете на монастырь?

— Хорошо, — ответил я, недовольный, однако, что не удостоился «грязного» послушания.

Но прошел день, прошел другой, а я и не думал о грибах. Потом как-то раза два-три сходил в лес, набрал немного и отдал их на кухню. Думаю, что отец Герман и забыл о таком пустяке. Но перед отъездом при прощании он неожиданно задает мне вопрос:

— А послушание-то грибное исполняли?

— Плохо, — ответил я в смущении.

Батюшка ничего не сказал, но я сам почувствовал, что и тут я не оказался твердым.

Однажды, собирая грибы, я запоздал на обед. Пришел в трапезную, когда все столы были вычищены. Трапезный послушник, брат Иван — он же нес и послушание церковника в храме, — молча, со скромной улыбкой, поставил мне пищу. Это был молодой человек, с красивым родовитым лицом... Во время моего обеда монастырские певчие делали в трапезной спевку к празднику. И так мне все казалось прекрасным: и пели хорошо, и грибов я набрал, и брат Иван — такой хороший. И я как-то сказал отцу Герману:

— Какой хороший брат Иван!

— Это у вас — душевное, а не духовное чувство к нему, — точно холодной водою облил меня старец.

Я замолчал и думал: как духовные люди осторожно разбираются во всем, даже — и в «хорошем». Они правы: в нас много бывает всякой смеси; особенно же — в начале опыта. Я снова получил печальный урок. Но самое печальное было еще впереди, к концу.

Этот новый урок был связан с прибытием сюда в монастырь Елизаветы Феодоровны и ее сестер, монахинь Марфо-Мариинской обители в Москве⁷. Ввиду наезда их нужно было освободить для них несколько номеров монастырской гостиницы. И некоторым из богомольцев предложено было переселиться внутрь монастыря. Среди них и я получил какую-то маленькую запущенную келейку, в которой давно никто не жил. Но скоро началась всенощная, и я, по обычаю, стал на клирос с певчими.

Службы в монастыре совершались необыкновенно медленно. Мне еще нигде не приходилось

наблюдать такой растянутости: и ектений, и пения. Вероятно, настоятелю почему-то нужно было это — не хочу судить его. Но мне такая тягучесть была просто нудна, мучительна. И я стал ускорять темп пения, за мной потянулись и певчие.

Мелькало у меня и желание подкрасить этим богослужение еще «ради княгини».

Но через несколько минут из алтаря, где стоял на этот раз и настоятель, вышел тот самый брат Иван, о котором упоминалось раньше, и, подойдя к регенту хора, сказал:

— Батюшка, — то есть отец Герман, — благословил петь реже...

Я понял, что вина тут моя, и немного сократился. Но оказалось — не вполне. Через некоторое время брат Иван во второй раз передал то же распоряжение отца игумена. Стали петь еще пореже. Но батюшка и этим не удовлетворился. «Пойте как всегда!» — передал он регенту строго через брата Ивана. И хор возвратился к обычной тягучести. Служба шла от 6 часов до 11 ночи. Все разошлись после по своим местам.

Я пришел в свою запущенную келейку. Лег спать. Но это оказалось совершенно невозможным: мириады оголодавших блох ожесточенно бросились на меня. Никакие усилия заснуть не помогали. Так я промучился часов до пяти утра, когда уже начинало рассветать. Наконец, утомленный, я задремал. Но не прошло, вероятно, и часу, как в дверь моей временной келии раздался стук с обыкновенной монашеской молитвой: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!» Я немедленно проснулся и ответил: «Аминь».

Наскоро накинув подрясник, отворил дверь, и какой-то послушник спокойно сказал: «Батюшка, — то есть игумен, — просит вас прийти к нему», — и ушел. Через несколько минут я был в кабинете старца. Пригласив меня сесть, он стал собирать пришедшую почту. А зрение у него было уже плохое.

— Это письмо кому? — спросил он, подавая мне прочитать адрес.

— Отцу ... (такому-то).

— А это?

— Это — отцу ... (другому)...

— Вы уж к нам больше на клирос не становитесь! — вдруг заявил он мне все так же ровным голосом, как и с адресами. Я понял, что этот урок мне за вчерашнее ускорение пения. А он в объяснение своего приказа добавил: «Ваши напевы к нашим не подходят».

Не напевы, а темп мой действительно не подходил к их тягучести... Мне, разумеется, ничего не оставалось делать, как молча согласиться: в чужой монастырь со своим уставом не ходят, говорит пословица. Игумен был прав.

После этого он отпустил меня в мою «блошиную келию». Но уходя, я чувствовал необыкновенную душевную боль от этой «обиды». Хотя игумен был обязан сделать, чтобы посторонний человек не разрушал установленного порядка, но это правильное соображение не могло умирить мое взбаламученное сердце. Наоборот, боль все возрастала и усиливалась. Я мог бы теперь и заснуть после бессонной ночи, но было уже не до сна. Душа горела от горечи «обиды». Не помню, пошел ли я уже на литургию или было не до молитвы, но я стал

настолько мучиться, что нужно было принимать какие-то меры к облегчению страданий. И тут мне вспомнился совет, который я вычитал где-то у Толстого: во время гнева должно заняться какой-то тяжелой физической работой. Что мне делать? Грибы собирать? Это — легкое дело. Дрова рубить у кухни? Монахи обратят внимание и смутятся. Что еще?.. И я решил замучить себя ходьбой по оврагам, по чащам... Так и сделал... Прошел час, больше... Я уже взмок от пота... Но ничто не помогало: боль не унималась. Сердце щемило: как «он» не пожалел меня? Ведь я — даже не простой монах, а будущий «профессор» академии! Да и почему бы ему не потерпеть меня? Осталось день или два жить. Да и пение уже возвратилось к обычной медлительности...

Старался и повторять молитву Иисусову; и это не помогало залить огонь самолюбивого раздражения.

А назавтра — в воскресенье — он уже благословил меня сослужить ему на литургии: как же я буду служить с таким озлоблением против него? Один грех будет!

И метался так я несколько часов. Но наконец пришла мне мысль: «Необходимо обратиться к Таинству исповеди!» Однако и к исповеди следует идти, примирившись сначала! Значит, я должен попросить у него же еще и прощения?.. Ах, как все это — трудно, трудно!

А тут вспомнился мне и другой инок, против которого у меня уже несколько дней зародилось раздражение: он мне казался святошей, любителем учить и наставлять, самомнительным старцем и так далее. Значит, и у этого нужно просить

прощения?.. А исповедником в монастыре был известный старец отец Алексей⁸. Он назывался затворником, потому что большую часть недели проводил в одиночестве, но в среду (если верно помню) и субботу исповедовал приходивших; к этому затворнику, собственно, и приезжала великая княгиня с сестрами на исповедь. После мне приходилось слышать, как и княгиня говорила одному лицу, что отец Герман — «строгий и суровый». А отец Алексей был много проще и мягче. Сам он прежде был одним из протоиереев при Успенском Кремлевском соборе. Потом, овдовев, ушел в затвор в Зосимовскую пустынь, отдав себя в послушание отцу Герману. Тут ему было дано послушание исповедовать. Впоследствии, через семь лет, он был участником в Московском Поместном Соборе: и ему именно было благословлено вынимать жребий одного из кандидатов в патриархи. Помню (я тоже был членом Собора), как он, широко осенив себя трижды крестным знаменем, опустил руку в ящичек и передал записку митрополиту Владимиру⁹.

— Митрополит Тихон, — громко прочитал тот имя избранного в патриархи.

Вспомню кстати, что он, после революции, советовал приходившим слушаться Высшую Церковную власть, заповедавшую (хотя и не сразу) признать новую власть.

Вот к нему я и должен был идти на исповедь. Вопрос у меня был лишь в том, нужно ли у обоих «нелюбимых» монахов просить прощения или же лишь у отца Германа? Ломая свою волю, я уже готов был пойти к обоим. Но потом усумнился в благоразумности «мириться» с другим

иноком, когда у нас с ним не было никакого столкновения и он даже не подозревал, что таилось в моей дурной душе. Обдумав, я предрешил: пока не смущать того напрасно, а если отец Алексей благословит, то потом попрошу прощения и у него. А теперь, перед исповедью, пойду лишь к отцу Герману.

Обычно по будням он становился в самом конце храма, на правой стороне, среди других иноков. И как сейчас вижу его: высокий, прямой, с закрытыми глазами, он неподвижно стоял, как столп; и точно не замечал никого и ничего, углубившись во внутреннюю молитву. Вероятно, он беспрестанно творил молитву Иисусову. Несомненно, он был высоким молитвенником, исключительным. Но под праздник отец Герман стоял в алтаре. К нему я и направился перед исповедью.

Поклонившись, по обычаю, в ноги, я сказал:

— Благословите, батюшка, исповедаться у отца Алексея!

— Бог благословит! — бесстрастно, как всегда, ответил он.

— Батюшка! Простите меня!

— Бог простит, — сказал он, точно и не помышляя об утреннем уроке.

— Но у меня против вас, — говорю я, — есть особенное огорчение.

— Какое? — все так же спокойно продолжал он.

— Утром вы строго обошли со мною.

Отец Герман не стал оправдываться, а кратко сказал следующее:

— Простите меня! Я от природы — человек гордый.

Так именно и сказал: не твердый, не строгий или суровый, а — гордый.

Но мне уже не требовалось теперь объяснений и извинений: как только я поклонился и сказал это дивное слово «простите», из моей души исчезла решительно всякая злоба, мука, а водворилась полная тишина! Совершилось известное всем нам чудо благодатного исцеления кающегося. Ни Толстой, ни утомление не помогли, а «простите» дало мир. И я спокойно пошел к затворнику. Рассказал и о грехах раздражения. Он одобрил мое покаяние перед игуменом, а к другому монаху тоже не посоветовал ходить, лишь бы в сердце покаяться на исповеди.

На другой день я с миром сослужил отцу Герману.

Потом, намереваясь в понедельник уезжать, сходил к нему попрощаться. Беседа была недолгая, но мирная. В заключение он подарил мне два красных малых яблочка и еще что-то.

Теперь я стараюсь вспомнить: спал ли я две последних ночи? Кажется, да. Куда делись блохи, не знаю... Вероятно, внутренний мир преодолел их кусание...

Закончу главу эту последним актом отца Германа. Довольно рано утром я пешком направился к станции. А свой узелок бросил в возок, на котором должен был ехать игумен — провожать княгиню... Погода была тихая, но облачная... Чувствовалось уже приближение осени. На траве была, помнится, свежая роса... На душе было мирно...

Так прошел с полпути. Слышу, сзади тархтит возок. Оглянулся: впереди — кучер-монах,

а сзади игумен с приставом, тоже ехавшим провожать княгиню. Поравнявшись со мною, отец Герман велел остановиться. Потом молча, без слов, коснулся рукой до плеча офицера и без слов же указал ему на козлы, чтобы он туда пересел. А меня батюшка посадил рядом с собою. Лошадь тронулась опять. Едем. А отец Герман правой рукою обнял меня и ласково поглаживает по спине. Молчим. А я про себя думаю: «Да, вот два дня назад побил! А теперь ласкаешь? Лучше бы тогда не бил...»

Но эти мысли были без яда злобы и раздражения.

За нами подъехала и княгиня с сестрами. Подошел поезд. И мы сели. Отец игумен стоял — как всегда бесстрастно. И даже кланяясь княгине, хранил свое обычное внутреннее спокойствие... Конечно, это был святой подвижник, хотя и сурового типа.

С того времени прошло целых 35 лет. Пронеслась революция... Потом вторая война с немцами... Я был в Москве на выборах патриарха. И тогда встретил одного человека, бывшего монаха в Зосимовой. Он тоже считал батюшку святым. Но говорил о его ласковости и любви.

Обитель просуществовала, кажется, до 1923 года. Отец Герман еще окормлял ее. И предсказал:

— Пока я жив, обитель не тронут. А помру, придется вам всем разойтись.

Так и случилось: буквально в день его погребения монастырь был закрыт. Иноки разошлись — кто куда.

Что будет дальше — Бог весть...

13 декабря 1956 г.

ОТЕЦ СХИИГУМЕН ГЕРМАН

Детство отца Германа

Отец схиигумен Герман родился 20 марта 1844 года в городе Звенигороде Московской губернии и при Крещении был наречен Гавриилом¹. Родители его Симеон и Марфа Гомзины², из мещанского сословия, были люди благочестивые: любили посещать храм Божий и совершать дела благотворительности. Симеон Гомзин родился в 1805 году, за семь лет до войны с французами; был стекольщиком. И когда он проходил по улицам со своим ящиком, бывало, бедные жители просили его вставить им стекло. Он никогда не отказывал и платы за работу не требовал. Часто возвращался он с опустевшим ящиком и без денег. Человек он был образованный по тому времени: составлял бумаги и прошения. Всеми был уважаем и любим. Он обладал прекрасным голосом, басом, и постоянно пел в хоре, на клиросе и дома.

«Отцу моему, — говорил Гавриил, — мать моя (день Ангела матери 1 сентября) понравилась. Однажды он подошел к дому ее, стукнул в окно и говорит ее матери: “Купец пришел, соседка, нет ли у вас живого товару?” Та поняла и говорит:

“Есть, как же не быть”. А он просунул в окно три золотых и говорит: “Готовьте угощенье: я вечером приду!” Приготовили угощение, и вечером отец пришел со своими товарищами; и так дело окончилось».

Семья их состояла из двух дочерей (Натальи, скончавшейся 22 лет девицей, и Феклы, бывшей замужем и умершей в 70-м году, после рождения ребенка, в Петрограде) и из четырех сыновей, из которых отец игумен был младший (да еще самой младшей дочери — Анастасии, после рождения которой умерла мать; ребенок также умер). Всех детей у родителей было десять; но те умирали совсем малолетними³. Старшая сестра отца Германа, Фекла, была старше его на 9 лет и всегда противилась его желанию идти в монастырь. Перед смертью она страшно мучилась, и доктора сказали, что ее можно спасти только операцией. Ее перевезли в больницу, операция была очень тяжелая. Больная кричала: «Что вы делаете со мною? Изверги, кровопийцы, живодеры!» Во время операции ее приобщили Святых Таин, а после операции она умерла. Ребенок также умер. Хоронил ее отец Герман, 30 лет от роду, уже постриженный в рясофор⁴.

«Мать моя, — рассказывал батюшка, — родила детей с большим трудом и болезнью; так трудно ей бывало, что перед рождением каждого ребенка она готовилась к смерти, пила святую воду с артосом, так как приобщаться часто тогда не считалось возможным». Она как бы предчувствовала, что умрет от родов; и действительно, умерла после рождения последнего ребенка, дочери Анастасии, когда Гавриилу было всего 4 года, а матери его было 37 лет.

Отец игумен так вспоминал о кончине своей матери:

«Бабушка разбудила нас ночью и сказала: “Дети, молитесь! Мать умирает”. Мы тут же, лежа на полу, стали молиться. Отец сильно скорбел, убивался, рыдал, а потом головою грохнулся об угол или об стену, где попало, а бабка водила мать вокруг стола. Потом нас подвели к ней; мы стояли, ничего не понимая. Помню, как мать звала брата Ивана и просила его посветить ей.

— Ванюша, я тебя больше всех люблю, — говорила она, — что же ты не посветишь мне?

У нее уже мутилось в глазах.

Умерла она на следующий день, 22 октября, в день Казанской Божией Матери»⁵. Отца дети любили, но и боялись, потому что он был строг.

«Бывало, — рассказывал батюшка, — играем мы на улице и издали слышим, отец идет по горе к дому и поет, а мы тотчас все врассыпную — кто куда: под кровать залезем или за шкаф спрячемся, потому что отец не любил, когда мы играли на улице, и видел нас издали. Отец придет домой, повытаскивает нас отовсюду за шиворот и поставит на колени перед иконами:

— Читайте, — говорит, — молитвы “Отче наш”, “Богородицу”!

А бабушка за нас заступается:

— Полно тебе детей-то мучить! Брось!

А сама за нас отцу в ноги кланяется, прощения просит!

Маленький я был забавным: толстенький, неуклюжий такой, и братья старшие надо мною потешались. Бывало, скажут:

— Ганя, а Ганя! Сделай “трясучку”!

А я сожму кулачки крепко-крепко и начну трястись: их это очень забавляло. А то еще помню: сестры шелк мотают, а мать на погребке масло сбивает. Братья меня учат:

— Ганя! Поди скажи матери: “Ком масла”.

Я сейчас же встану и иду, переваливаясь, к матери. Порог высокий, я с трудом перешагну через него и говорю:

— Мама!

— Что, голубчик?

— Мама! Ком масла!

— Спасибо, родной сынок, спасибо! — говорит она и гладит меня по голове.

Раз как-то брат Иван, который постарше меня был на два годочка, зовет меня на улицу — а дело было зимой, и мороз крепкий стоял, — и говорит:

— Ганя, смотри, вот решетка железная, оближи ее — вкусно!

Я сейчас же послушался; а язык-то у меня прилип к решетке, да так крепко, что не оторвать его никак. Очень больно было, я плакал, кричал; наконец, кое-как отделился язык, на железе мясо осталось, а на языке у меня две глубокие ранки образовались и долго болели; метки и до сих пор остались. Мне было тогда лет шесть, а брату — восемь. Слава Богу за все!»

«После смерти матери, — рассказывал батюшка, — я остался четырех лет, и отец отдал меня на воспитание тетке Матрене, моей крестной⁶, жившей тоже в Звенигороде, но в посаде — слободке. Домик ее был против Саввинского монастыря, где покоятся мощи преподобного Саввы, ученика преподобного Сергия. Монастырь стоит на горе, рядом с ним — собор, очень это красиво⁷.

Помню я, как меня тетка будила раз к Светлой заутрене:

— Вставай, Ганя, вставай! Пойдем в церковь!

Я вскочил: слышу звон чудный, и церковь вся освещенная; а спать хочется, голова клонится к подушке, и я опять засыпаю. А утром плачу:

— Тетя! Отчего ты меня не разбудила?

А она меня разбудила, да я опять заснул, да и проспал».

У тетки Гавриил прожил до 8 лет. Мальчика посылали учиться в школу, он учился охотно и особенно успевал в Законе Божиим. Грамоты в доме тетки никто не знал, и когда, бывало, мальчик просил тетку: «Спроси меня урок, знаю ли я?» — она отвечала: «Ничего не знаю в грамоте».

Батюшка вспоминал, как на последнем экзамене Закона Божия он отвечал толкование на слова из Символа веры: «И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца».

После этого экзамена учение мальчика Гавриила окончилось по той причине, что для дальнейшего образования требовалось затратить пять рублей на покупку книг, а это показалось родным слишком большой суммой⁸. Отец посоветовался с теткой, и они решили, что слишком это дорого, да и будет с него: «Мы прожили, и он проживет».

«На этом и окончилось мое образование, — добавляет всегда батюшка. — А мне очень хотелось учиться».

Про жизнь в Звенигороде батюшка вспоминает, что еще маленьким мальчиком его посылали продавать в лукошке капустную рассаду.

«Несу я за плечами на ярмарку у преподобного Саввы; народу много на ярмарке. Я одному предложу, другому — никто не берет. Иногда дадут одну копеечку или две, а я и рад; и иду покупать себе гостинцу...» А иногда мальчик возвращался после неудачного старания целого дня с увядшей рассадой на лотке; а просил он за нее всего пятак.

В монастырь за хлебом бегали, бегали по монастырю, просили хлеба. Трапезный говорил: «Ударят к “Достойно”, тогда приходите».

В Саввином монастыре жил 50 лет иеромонах отец Даниил, дядя батюшки. Он все звал Гавриила к себе в монастырь, но тот стремился в Гефсиманский скит и просил схимника Саввиного монастыря, отца Иоанна, будущего строителя Зосимовой пустыни: «Научи меня монашеству». Тот отвечал: «Да какое наше монашество? А как постригли меня, да на другой же день дали палку в руки и собирать послали на обители — вот какое нынче монашество».

«Отец мой ушел в скит, когда я еще жил в Звенигороде; мне было 9 лет». Старший брат батюшки содержал питейное заведение и взял мальчика к себе. Он всячески старался приучить брата помогать ему в этом деле. Много дурного приходилось видеть здесь мальчику, да и жилось ему у брата нелегко. Жена его обращалась с ним грубо, ласки он от нее не видал. Жена брата была молодая и вела себя плохо. Гавриил рассказывал про нее брату, он ее бил, а она мальчика за это. «Правда, я ябедником был, а ей обидно было. И я часто плакал от побоев где-нибудь в углу; а брат Иван, проходя, утешал меня, говоря своим картавым выговором:

— Терпи, Ганя, терпи! Терпение все преодолевает.

Или:

— Бог терпение любит».

Когда мальчику исполнилось 10 лет, брат взял его на жительство в Москву для обучения живописи. «Помню, — рассказывает батюшка, — как я в первый раз въезжал в Москву. На возу положен был весь скарб домашний, поклажа вся, шкапы со всем добром сестры, а на самом верху поклажи, на шкапу, посадили меня. Сидел я и смотрел сверху на Москву, на улицы, на дома, на прохожих, на освещенные лавки. Очень мне интересно было. Помню, подъезжаю к Дорогомиловской заставе, а меня пугали, говоря:

— Солдат придет, тебя бить по ногам будет.

— Так я лучше слезу.

— Нет, ничего, сиди.

Подъехали к заставе. Возы остановили, и солдаты стали пиками их ворошить и осматривать, нет ли чего запрещенного. Я испугался, сердце замерло, а солдат говорит:

— Видно, в первый раз!

Потом, слава Богу, проехали. Брат мой жил на “Балканах”*. В начале Грохольского переулка был пруд, теперь он засыпан, и из него садик сделали. Вот там я и жил сперва, а потом — тут же, недалеко, на “Балканах”, в Протопоповском переулке⁹. Кругом нас было много садов. Иду, бывало, а через стену висят ветви с яблоками, и я часто возьму камушек да сшибу себе яблочко».

---

* Ныне Балканский переулок.

Отрочество и юность

Брат открыл трактир в том самом доме, где он жил. А маленького брата Гавриила отдал в обучение к живописцу Василию Яковлеву, который жил у Николы Звонаря, в Звонарском переулке¹⁰, в доме Фалеева. Нелегка была и здесь жизнь отрока Гавриила. Брат был хороший, но его жена не проявляла ни заботы, ни ласки к мальчику. Даже обращалась с ним грубо и жестоко. И ему часто приходилось вспоминать мудрое наставление брата: «Терпи, Ганя, терпи! Терпение все преодолевает!» Ему приходилось в трактире быть свидетелем самых безобразных сцен. И вообще вся обстановка представляла бесконечные искушения и соблазны для Гавриила.

«Я, — рассказывает он, — начал учиться у живописца, постепенно изображая руки, глаза, голову; и довольно скоро научился. Живописец меня полюбил; и у него я проработал 4 года. По условию с отцом он должен был меня не только обучать, но и одевать; в будущем он надеялся взять меня к себе в помощники. Но они неладили с отцом. Отец хотел такого условия, что если он плохо выучит меня, то отдал бы ему меня доучиться. Это условие показалось художнику неисполнимым. Пришлось уйти, пожить у брата. Лучше бы я остался у прежнего хозяина, а то пришлось поступить к другому хозяину еще на 4 года. Мастеров у этого хозяина не было, а детей была целая куча. Человек он был благочестивый, но любил и выпить. Бывало, помню, работаю, он запоет: “Помощник и Покровитель”¹¹, и мы за ним. А то потихонечку сунет пузырек из-под

лаку и пошлет за шкаликом, чтоб жена не видала. Я был товарищем его сына. Жили мы, ученики, и его семья очень благочестиво. Достал я книжку “Наставление в христианской должности” святителя Тихона Задонского¹². Прежде сна мы молились, просили друг у друга прощения и в ноги кланялись друг другу; потом постарше стали, показалось нам это стыдно, и мы стали прощаться за руку. В это время мне очень хотелось видеть Бога, и я старался молиться, закрыв глаза, даже когда шел. От этого я, конечно, натыкался на тумбы, но испытывал сладость. Я обрел благоволение у священника и богомольцев в богадельне. Батюшка, который часто меня видел, сказал мне однажды: “Приди, мальчик, ко мне”. Вот я однажды к нему пришел, он дал мне книжку Димитрия Ростовского “Мысли о Боге”. И все мы ее читали. Он дал мне еще два листика: “Никто же добре путь к небу не совершает, кто с Богом не начинает”. Другой раз он дал мне девятичинную просфору. Прихожане в церкви привыкли ко мне, мальчику в мазаном халатике... “Кто такой, — спрашивали, — мальчик в рубашке вышитой?” И очень любили, как я клал всю службу земные поклоны до конца; всю службу, бывало, на коленках стоишь, весь точно горишь. А я, бывало, мокрый от пота; распотеешь, как куренок, а все с жаром молюсь: это по наставлению святителя Тихона. Богомольцы обыкновенно расступались, и у меня было свое местечко. Когда меня несколько дней не было в церкви, священник замечал мое отсутствие и при встрече спрашивает: “Где ты был?” Нужно было мне идти исповедоваться, помню, написал на записочке все свои грехи, и об этой

исповеди пришлось нам поговорить с батюшкой. Я ему сказал, что хочу идти в монастырь.

— Не советую, — сказал он. — Ты еще молод; сколько тебе лет?

— Тринадцатый.

— Вот, — сказал батюшка, — Василий Блаженный, пока был мирянином, то другой блаженный при встрече ему говорил: “Здравствуй, монах”, а когда стал монахом, то этот блаженный встретился и сказал ему: “Здравствуй, мирянин”¹³. Хорошо живи в миру, а уж если идти в монастырь, то через 10 лет; раньше не поступай.

Действительно, пришлось мне пожить в Москве. В другом месте я ходил в церковь Георгия на Лубянке¹⁴, а потом пожил в Петербурге. Так прошло 10 лет, когда я и поступил в монастырь. Когда после, в течение десяти лет, я был в монастыре в скиту, где жил и мой родитель, то отец Александр очень удивился: у кого я научился прекращать дыхание во время молитвы? В монастыре меня спрашивали, где это я научился прекращать дыхание и другим способом творить молитву? А я еще мальчиком вычитал у святителя Тихона, святого Феодосия о представлении Бога сидящим на Престоле; он назвал это грубым. Я же тогда не понимал этого. Отец Тихон наставлял меня о молитве Иисусовой, это мне казалось все — сухота; то ли сладость не в этой коротенькой молитве — а в самых словах Шестопсалмия, например: *Господи, устне мои отверзеши* (Пс. 50, 17), и мне казалось, что старцы не знают глубины молитвы».

Вскоре отец перевел его к другому живописцу, Ивану Ивановичу Иванову, на Рождественке.

И он некоторое время жил у хозяина, ревностно обучаясь живописи, в которой все более и более стало проявляться его дарование.

Когда мальчику минуло 15 лет, опасно заболел его отец, и его перевезли из Гефсиманского скита в Москву и поместили в Троицком подворье¹⁵, где Гавриил часто посещал его и с любовью ухаживал за ним: ночью сидел у его постели, мочил ему голову уксусом с водою и все просил отца пособороваться и приобщиться Святых Таин. Сыновья хотели поместить отца в больницу, но долго не могли этого сделать за неимением паспорта. Однажды Гавриил пришел навестить отца в субботу вечером. Проходя мимо келии одного монаха, он услышал звуки поцелуев, как будто кто-то крепко целовал кого-то. Он смутился и подумал:

— Что же это такое? Уж не женщина ли в келии у монаха?

Он подошел к двери и посмотрел в щелку: в келии стоял монах, в руках его был образ Божией Матери, который он горячо целовал, а лицо его было все залито слезами. Глубоко тронутый и потрясенный этим, Гавриил передал виденное своему отцу; тот просто отвечал ему:

— Таков и должен быть монах.

Здоровье родителя все ухудшалось, и наконец удалось устроить его в Екатерининскую больницу¹⁶, но потом это расстроилось и его поместили в Мариинскую больницу¹⁷. С большим трудом удалось найти лошадку. Из подворья эконоом дал ее. Говорили, что в больницу не принимают умирающих. Доктор велел всю ночь мочить больному голову водою с уксусом. Потом он спросил отца, не хочет ли он пособороваться.

— А хорошо бы, — сказал отец.

В больницу на следующий день священник пришел в 8 часов пособоровать его и приобщить Святых Таин. Доктор сказал:

— Отец Семен, благословите и тех детей, которые в Петербурге.

Все прочие сыновья его — Алексей, старше отца Германа на 9 лет, Василий — на 14 лет, и Гавриил — собрались вокруг постели умирающего, который был так слаб, что уже не мог поднять руки, чтобы их благословить. Когда очередь дошла до младшего, Гавриила, тот подошел, взял руку умирающего отца, положил себе на голову и мысленно произнес:

— Батюшка, благословите меня вместо себя в монастырь пойти.

Не сказал он этого громко, потому что боялся старшего брата, который был тут же, да и народу было много в комнате. И с этой минуты он почувствовал, что как бы дал обещание посвятить свою жизнь Богу¹⁸.

Через два года, на Пасху, брат взял его к себе в Петербург, где он содержал питейное заведение. Брат желал, чтобы он занялся также его делом, и всячески прельщал его, говоря, что он со своей живописью умрет с голоду. В это же время Гавриил должен был идти в рекруты, и братьям с трудом удалось собрать 50 рублей, чтобы его отпустили. Старший брат был человек очень светский. Гостей у них всегда бывало много; любили они и в театры ходить, и на гулянья; и всегда звали с собой молодого Гавриила.

«И в театрах я, бывало, — вспоминал батюшка, — вижу сцену освещенную: играют на ней,

поют, все кругом хлопают, и я тоже хлопал, только мне все это гадко было».

Наконец, нестерпимо тяжела стала ему эта жизнь, и он решил переговорить с братом, но, боясь его возражений, сказал ему, что отец благословил его идти в монастырь, на что брат ответил:

— Если отец благословил, значит, на то Божья воля!

Иконописное послушание

Отпросившись у брата, он хотел отправиться в Гефсиманский скит, где жил и его отец (около Троице-Сергиевой Лавры, в двух верстах). А от Москвы до Лавры — 68 верст.

«Я не шел, а как на крыльях летел туда, — говорил он, — всех обгонял по дороге. Но зато так устал, что, когда дошел до Лавры и остановился в гостинице, то лег да и не встану: так я себе отшлепал ноги. Заутреню проспал. На следующий день пошел в Гефсиманский скит. До этого я в скиту еще не был».

Настоятеля он не застал. Видя в этом указание Божие, решил поехать на богомолье в Киев, куда он давно стремился. В то время не было еще железной дороги до Киева, она доходила только до Тулы. От Тулы до Ельца его подвезли мужики, которые шли в Елец с обозом с солониной. Гавриил направился в Елец потому, что желал оттуда проехать в Задонск, поклониться мощам святителя Тихона, так как творения святителя впервые пробудили в нем стремление к монашеству. В Ельце он остановился в Троицком мужском монастыре¹⁹ у знакомых иноков, которые проводили его на лошадях в Задонск, откуда он

проехал еще и в Воронеж, поклониться мощам святителя Митрофания.

В Киев тогда он и не попал, а прожил некоторое время у радушно принимавших его монахов Троицкого монастыря, а затем уж вернулся в Москву. Вскоре он получил здесь заказ от брата на икону для церкви святого Трифона²⁰ и еще — на изображение святителя Алексия, митрополита Московского, и святой мученицы Параскевы: имена этих святых имели брат и его жена. Этот заказ был особенно ему приятен, чтобы проверить свое искусство перед поступлением в монастырь: насколько он может быть полезен там в этом деле. Окончив заказ, по работе которого он убедился, что может владеть кистью, он наконец решительно объявил домашним, что уходит в монастырь.

Среди родных и знакомых поднялось возмущение, и все стали убеждать его не уходить, не покидать мир.

— Что вы, Гаврила Семенович, — говорили ему, — зачем вам в монастырь идти? Можно и здесь спастись.

На что он отвечал им:

— Если можете, спасайтесь здесь сами, а я не могу.

Пришел Гавриил в скит на 2-й неделе поста, на 23-м году, ровно через 10 лет после того, как он в первый раз просил на это благословения у отца Иоанна в Москве.

В то время в Гефсиманском скиту настоятелем был отец Анатолий²¹ и жили замечательные два старца²², и новому послушнику было суждено сделаться последовательно учеником обоих.

Поступив в монастырь, Гавриил никому не сказал о своем даровании. «По делам своим, — говорил он, — считал я себя достойным только послушания на кухне». Но недолго оставался скрытым его талант: кто-то из знакомых рассказал про него настоятелю, который призвал его и поручил ему писать иконы²³. Первая икона, написанная им в скиту, была икона Черниговской Божией Матери, на колокольне скита. Но нелегко ему было приниматься за дело: среди братии не было никого, кто мог бы помогать ему; и он сам разводил краски и приготавливал все необходимое: дело шло медленно. К тому же одновременно с Гавриилом поступил в Гефсиманский скит другой живописец, который всячески становился ему поперек дороги. Им обоим поручено было писать иконы; но тот монах писал яичными красками, не требующими столько времени для высыхания, как масляные, которыми писал Гавриил, и дело у того шло гораздо скорее и успешнее. Его все хвалили и отдавали ему предпочтение; но человек он был ненадежный: он несколько раз порывался пить вино и уходить из монастыря — сначала на время, а потом совсем его покинул. Тогда все работы по реставрации икон в обители стали возлагать на Гавриила: им были исполнены работы по реставрации почти всех икон пещерного храма в Черниговском. В самих пещерах он написал образ Черниговской Божией Матери, около могилки своего первого старца, отца Тихона; там приходилось писать почти в полной темноте, со свечой, что очень утомляло зрение, так что, выходя после работы на свет, он некоторое время не мог ничего видеть. Особенно трудно и утомительно было

реставрировать иконопись на потолке пещерного храма, в алтаре и самом храме. Гавриилу приходилось писать, почти лежа на лестнице, держа в одной руке кисть, а в другой палитру, на которой была прикреплена свеча; после этой работы он долго чувствовал боль в спине и шее. Гавриилом же были написаны на стене Иверской часовни, около могилки отца Варнавы, изображения его старца отца Александра, архиепископа Антония и других, а также реставрировано изображение Покрова Божией Матери на потолке и стенах часовни; им тоже был реставрирован чудный образ Иверской Божией Матери, главное украшение часовни. В притворе Черниговского храма находится изображение Скорбящей Божией Матери во всю стену под лестницей — также его работа. Гавриилу предлагали дать помощника; и одно время ему помогал старичок 70-ти лет. Пробовал он также взять себе человек трех помощников маляров, но ничего не вышло; и он вскоре отказался от всякой помощи, потому что опытных в живописи в монастыре не было, а неумелого приучать было трудно. Так и продолжал работать отец Герман один.

«Много икон написал я в жизни, — говорил отец Герман, — да писал-то я плохо, неумело — так, больше тщеславился да думал, что пишу хорошо, а на самом деле живописец я был плохой. И заказывали мне много икон, когда я еще в Гефсиманском скиту жил. Я все иконы писал с благословения отца игумена скита, сперва — Анатолия, а потом — Даниила²⁴. Только Даниил работы моей не ценил, относился к ней с пренебрежением: это для меня было полезно, а то

я слишком гордился. Когда я письмо получал с заказом, то прямо шел к отцу игумену; он благословлял принять и назначал цену. Потом я находил свои иконы в разных городах и местах. Раз, помню, ехал я в Киев; прихожу в женский монастырь, что против Киево-Печерской Лавры, там недалеко стоит монастырская часовня. Она была открыта. Я вошел, хотел свечку поставить.

Смотрю, икона Черниговской Божией Матери. Подхожу ближе: Боже мой! Моя икона! — в углу написано мое имя, 1887 год. Поставил я свечу и спрашиваю у монахини, почему на иконе Божией Матери привешены золотые и серебряные руки, ноги, голова? Она мне отвечает: “Потому что икона чудотворная”. Боже мой! Моя икона, мною написана — и чудотворная!

— А кто ее писал? — спрашиваю.

— Не знаю, — отвечает она нехотя.

А то еще раз вызвали меня из скита к Троице в монастырскую гостиницу. Приехал важный генерал один, фамилия его Леонтьев, и с ним девочка больная, дочка его, лет 14-ти. Девочка видела во сне икону Божией Матери, которая в Черниговском пещерном храме, около иконы святого Пантелеимона. Справа Божия Матерь изображена с Младенцем и держит скипетр в руке. Вот он и просил меня нарисовать им копию с этой иконы.

— Вы можете это, батюшка? — спрашивают.

— Могу, — отвечаю.

— А она чудотворная, эта икона? — спрашивают они.

— Да, — говорю, — чудотворная.

А девочка спрашивает:

— Батюшка, как вы это можете писать с чудотворной иконы? Разве вам не страшно?

— Нет, — говорю, — ничего не страшно.

Они мне заказали икону; я им цену по-тогдашнему очень высокую назначил — 30 рублей. Потом они велели принести из гостиницы обед, накормили меня так радушно и отпустили. Я икону им и нарисовал и отослал».

Были иконы — в Петербурге, в Саратове, в Чернигове, в Нижегородской губернии, в Кашине. Еще в Москве, в часовенке преподобного Сергия на Ильинке²⁵, есть икона, написанная отцом Германом; есть даже в Иерусалиме, в Сионском монастыре, у одной монахини, духовной дочери его. Была икона Черниговской Божией Матери и на Афоне.

Монашество в скиту

Поступив в обитель, отец Гавриил стал ходить к старцу. В Гефсиманском скиту был в то время знаменитый старец отец Александр²⁶. Но один иеродиакон из братии отсоветовал батюшке идти к нему, говоря, что он очень строг, и отвел его к отцу Тихону²⁷, другому старцу. Отец Тихон был очень простой и добрый, он с любовью принял к себе молодого инока, и тот часто стал ходить к нему, открывать свои помыслы, каяться в своих прегрешениях и просить наставлений и советов.

«Простой он был такой, — вспоминает о нем батюшка, — и такой любвеобильный. Бывало, придешь к нему, а стулья у него все завалены одежей, и он говорит:

— Ну, портошенька, скидывай на пол одежонку-то, садись. Давай чай пить.

И тут за чайным столом ему все говоришь и рассказываешь про себя, что на душе, да и то, что против него подумаешь и что против него говорят, а он отвечает, бывало:

— А ты ко мне не как к старцу, а как к брату ходи, а *брат от брата* утверждаем, *яко град тверд* (ср.: Притч. 18, 19).

Меня все помысел смущал, будто старец для меня слишком прост, и я ему и это открыл!»

Удивительная любовь была у отца Тихона к своим духовным детям: бывало, ходит он в зимние теплые вечера в келии к тем из них, кто вновь пострижен, наставляет, укрепляет их; забывал про свою болезнь и усталость.

Но все же душа батюшки стремилась больше к отцу Александру, как бы чувствуя всю ту важную духовную пользу, которую он от него должен был получить.

В это время у отца Александра не было келейника, и он, встретив однажды Гавриила, попросил его помочь прибрать келию; потом стал часто звать к себе помочь ему то в том, то в другом деле; наконец, переговорив с настоятелем, отец Александр захотел взять его себе в келейники. Отец Александр жил против отца Тихона. Однажды, встретив отца Тихона, отец Александр просто сказал ему:

— Я у тебя ученика хочу отнять.

На что тот благодушно с поклоном ответил:

— Ну что же? Бери, пожалуйста, пусть он тебе послужит.

«Так меня из полы в полу и передали. Был я в послушании у отца Тихона три с половиной года, семь лет — у отца Александра, а потом перешел к

епископу Феофану Затворнику; и он очень добре устроил меня».

Батюшка с любовью стал ходить к старцу, исполняя у него свое новое послушание, помогать ему, в чем мог. Он благоговел перед ним и чувствовал от общения с ним великую душевную пользу. Но вдруг помыслы стали мучить его: как это он, занимая уже ответственное место в монастыре старшего в живописной, несет такое послушание келейное у старца, и он с полной искренностью и простотой открылся в этом старцу, который сказал ему на это:

— Если не хочешь, не ходи.

Батюшка отвечал на это:

— Я не могу к вам не ходить, потому что чувствую от того великую пользу для души, только помолитесь, чтобы помысел этот меня не мучил!

Старец дотронулся слегка до его головы и этим прикосновением как бы изгнал мучивший ученика помысел.

И он продолжал ходить к старцу, все больше и больше проникаясь тем духом, которым горел отец Александр.

«Великий это был старец, — с умилением вспоминает о нем отец Герман. — Молитвенник, деятель молитвы Иисусовой. Зайдешь к нему, бывало, благословение взять ко всенощной идти, а он сидит и весь погружен в молитву. Вернувшись от всенощной, зайдешь к нему опять, он все сидит на том же месте — и весь ушел в молитву.

— Ты разве в церковь не ходил? — спрашивает меня.

Он и не замечал, сколько прошло времени, а прошло четыре часа. И благоговел же я перед

ним: бывало, принесу ему обед, поставлю на стол, а сам стану на колена у дверей. И пока старец кушает, говорю все хорошее и дурное про себя; а старец все молчит и молится, только спросит иногда:

— Ты что? Еще долго будешь так стоять?

— Батюшка, да разве я вам мешаю?

— Ты мне аппетиту придаешь. Когда я один, то того, что ты мне принес, мне на два дня хватит, а когда ты здесь, то я все съем, да еще попрошу.

А то скажет мне старец:

— Ты мне сегодня трапезу не носи, не надо.

А я пойду от старца, да думаю о нем и жалею его. Думаю: “Как же это? Старец мой трудится, устает, сколько поклонов кладет, и вдруг — без пищи!” И ослушаюсь старца, принесу ему обед и поставлю перед ним.

— Да как же это так? — скажет старец. — Ведь я тебе говорил, что не надо.

— Батюшка, простите, не мог утерпеть, простите, виноват, хуже медведя несмысленного.

— Как так?

— Да как же, батюшка, когда медведь-то приходил к старцу одному, и приходил в тот самый час, когда ему велит старец, а я-то, батюшка, когда не велите — и прихожу.

Улыбается старец. А иногда я и войти к нему не смею за благословением, так встану за дверью на коленочки и приложусь губами к дверной ручке, потом поклон земной сотворю, прося мысленно благословения у старца.

Я, молодой, был здоровый, сильный, и все хотелось мне побольше набирать правило молитвенное, побольше совершать, делать побольше,

чтобы было куда силы девать. И вот приду, бывало, к своему старцу:

— Батюшка, благословите на поклоны: сколько класть, батюшка?

— Сколько? Да десяток положи один.

— Батюшка, да как же это? Мне так мало. А стану я на правило, кругом меня в келиях послушники, слышу, поклоны кладут: бух! бух! — и не пересчитаешь... По пятьсот, по шестьсот кладут.

— А ты клади десять.

Прошел год. Старец поклоны прибавил несколько, да и спрашивает:

— Ну, что?

— Батюшка, — говорю, — хорошо мне!

— Ну, а где же те, что по пятьсот, по шестьсот поклонов клали?

Начали считать: кто из монастыря ушел, кто с пути сбился, кто совсем молитву бросил. Так-то!

И вот при таком-то старце, казалось бы, можно было научиться всему, а я все в суете да в делах время проводил, и время шло незаметно. Все думал: «Старец здоровенький, долго еще проживет, успею еще научиться», — да так день за днем лень свою заговаривал, а старец мой неожиданно умер. Я разохался — «ах, ах!» — а старца-то уже нет; так вот я и остался, как рак на мели, ничего от него не успел узнать».

Вскоре батюшка был пострижен (25 июня 1889 года) отцом наместником Леонидом²⁸. При пострижении назвали его Германом.

«Пострижение мое в рясофор было 29 ноября 1889 года²⁹ в Гефсиманском скиту. Нас было несколько человек; и постригал нас отец архиман-

дрит Леонид. И вот когда после пострижения я подошел к нему, он спросил у меня, как обычно спрашивают монаха после пострижения:

— Как тебе имя, брате?

Я ответил:

— Герман.

А он говорит:

— Казанский.

Никогда не слышал я про такого святого³⁰. И вот после пяти дней (пять дней после пострижения монахи должны проводить в церкви) я пошел к старцу моему отцу Александру. Помню, я вхожу к нему, а он меня поздравляет и параман мне поправляет: он в сторону сбился. И спрашивает, как мне имя. Я ему снова говорю, что Германом меня называли». Некоторое время спустя неожиданно прислали заказ из Свяжского монастыря³¹ на икону святителя Германа Казанского. Отец Герман обрадовался и написал туда, прося прислать ему акафист и службу этому святому. Память святителю Герману бывает недалеко от дня пострига, то есть от 29 ноября — 6 ноября.

Недолго жил он при старце, всего семь лет. И вспоминает это время как самую счастливую пору своей жизни. При жизни старца отец Герман дорожил каждым его словом, слагал все советы его в сердце своем, а по смерти его написал о нем свои воспоминания. Умилителен рассказ об этом самого отца Германа. По смирению своему он и не думал, что может что-либо записать, однако, понуждаемый любовью к памяти старца, он просто начал писать и, сам того не замечая, написал сразу, не отрываясь, шесть страниц.

«Пишу, — рассказывает отец Герман, — и сам удивляюсь. Смотрю — уже шесть листов написано. Боже мой! Да как же это я так написал? И опять пишу, и еще написал двадцать страниц.

Переписал рясофорный послушник Мирон. Боже мой! Удивляюсь, как же это я так написал? Рядом со мной жил студент духовной академии. Я отнес ему листки, спрашиваю:

— Можно прочесть?

— Можно, — говорит.

Боже мой! Сам удивляюсь, как это я так написал? Но я не решился бы их напечатать, если бы не Преосвященный Феофан Вышенский. Когда я еще в Гефсиманском скиту жил, я о себе возомнил много, по гордости: и наставлял, и учил кое-кого, и даже старцем прикинулся; ко мне даже приходили за советом из братии, да и миряне тоже. Так вот я и писал тогда Преосвященному Феофану о своих сомнениях. И он меня наставлял. Послал я ему и свои записки о старце моем, отце Александре, и он мне на это ответил, что советует напечатать, потому что скрыть это от могущих почерпнуть в них назидания было бы “небезгрешно”.

Вот я и задумал напечатать эти записки. Отдал я их моим духовным детям — ученые были среди них: академики, иеромонахи. Они все исправили, где нужно, запятые, точки расставили, оттого и вышло хорошо — “похоже на дело”. Только напечатали их, когда уже прошло 25 лет со смерти моего старца, а раньше нельзя было»³².

Поступил он в Гефсиманский скит с 1868 года, февраля 20-го дня, где был принят в число послушников. В 1870 году был приукажен; того

же года, июня 25-го, пострижен был в рясофор. В 1877 году, ноября 29-го дня, пострижен в мантию с наречением Германом; 1880 года, июля 5-го, рукоположен во иеродиакона в Сергиевой Лавре митрополитом Макарием³³. 1885 года рукоположен был в иеромонаха, августа 17-го дня, в скиту на скитский праздник Воскресения Божией Матери митрополитом Иоанникием³⁴.

«Экзамена для ставленников во иеродиакона и иеромонаха из монастырей не бывало. Когда пришлось мне посвящаться, то и меня рукополагали без экзамена. Помню, когда накануне рукоположения во иеродиакона, под летний Сергиев день 1880 года, пришли мы, отец Иларий и я, к митрополиту Макарию, он в это время обедал; и когда ему доложили о нас, то сказал:

— Не будет им экзамена; скажите, пусть приходят завтра в Троицкий собор для посвящения.

На другой день приходим мы из скита в Лавру. Я говорю Иларию:

— Так неловко, что мы митрополита-то не видели.

Пошли в покои, выходит к нам митрополит, благословил и спрашивает:

— Сколько ты времени живешь в монастыре?

Иларий, ставленник в иеромонаха, отвечает:

— Шестнадцать с половиной.

— А ты сколько? — спрашивает меня.

— Двенадцать с половиной.

— Ну, я вас рукоположу.

На том все и кончилось. В иеромонахи ставил меня митрополит Иоанникий. Это было в скитский праздник 1885 года.

Митрополит приехал прямо к службе; в ските до рукоположения мы его не видали, а после рукоположения я позамешкался.

В 1892 году, марта 13-го дня, утвержден духовником братии Гефсиманского скита митрополитом Леонтием³⁵.

По поступлении в обитель скита проходил послушание живописное. Первый год нес еще послушание: по праздникам служил при трапезе и еще читал Псалтирь по два часа, череду правил. Более 10 лет при храме читал череду, в неделю одни сутки. Для меня было большим искушением и затруднением, что приходилось нести череду чтения во вторник. Очень я боялся, что собьюсь. Робкий был я, да и думал: какой я чтец! Ведь, бывало, идешь через всю церковь к алтарю читать Пролог, а тебе говорят: “Иди назад, без тебя прочтут”. Стыдно бывало, идешь назад. Я обращался к старцу, отцу Тихону, чтобы благословил меня отказаться от чтения. Старец благословлял.

Но когда я пришел к игумену и стал просить:

— Благословите мне не читать в церкви, я не умею, — тот ответил мне:

— Нет! Чтением человек освящается.

Тогда я стал спокойно нести свою череду.

По живописному послушанию я проходил: настоятелю писал иконы для благословения благодетелям обители и еще в лавку писал для продажи. Тоже в обители вновь писал иконы для храма и старые возобновлял как-то в храме, промывал в скиту, в пещерах; заказы на сторону исполнял по благословению настоятеля».

Первый год поступления в обитель жил под руководством старцев. Первый был старец, ду-

ховник, иеромонах Тихон, к которому ходил на откровение мыслей и на совет три с половиной года.

После сего иеромонах отец Александр, когда захотел уединиться на безмолвие и затвор, просил Германа, чтобы он ему послужил в затворе — воды и пищи когда принести. Говорил так отец Александр Герману:

— Моя душа к тебе расположена, ибо мне многие предлагали свои услуги.

На это отец Герман с великою радостью на сие согласился, желая от него научиться духовному любомудрию; и с благословения настоятеля и духовника своего отца Тихона начал ему келейничать. Это было 1871 года, августа 1-го дня.

Итак, отец Герман до самой кончины иеросхимонаха Александра, последовавшей 1878 года, февраля 9-го дня, предался старцу в полное повиновение и духовное руководство. При пострижении в мантию батюшки восприемником его от Евангелия был иеросхимонах отец Александр. Первые годы жизни в монастыре отец Герман перенес сильную борьбу с помыслами. Дух гордости не давал ему покоя. Но при Божией помощи и за молитвы старцев Господь облегчил сии мысли: это было спустя четыре года с половиной по поступлении в монастырь.

В 1893 году иеромонах Герман утвержден духовником больницы и богадельни скита.

В 1894 году, августа 7-го, предложено было настоятельство над монастырем Вятской губернии. Иеромонах Герман отклонился от этой тяготы.

17 августа того же года было предложено духовничество Хотькова монастыря³⁶. Тоже укло-

нился, боясь женского пола исповедовать, и от многого знакомства.

28 сентября награжден набедренником митрополитом Сергием³⁷.

После кончины старца отца иеросхимонаха Александра прошло 9 лет. В течение этого времени он все искал себе наставника и руководителя в духовной жизни, но не мог найти такого, которому можно было предаться всею душою под руководство. Познакомился в 1886 году с валаамскими старцами³⁸, начал с ними иметь переписку; а наипаче письменно стал обращаться к Преосвященному епископу Феофану, который заменил ему истинного руководителя и наставника в духовной жизни; в его письмах многих он получил успокоение, вразумление и указания³⁹.

«Я искал себе руководителя в духовной жизни: видел много в себе неисправностей во внутренней жизни.

Между тем, стали ко мне некоторые из братьев обращаться за советами, хотя я и сам еще — ученик и желал научиться от людей: как удобнее спастись. По этому поводу я и обращался за советом к Преосвященному Феофану, который и благословил принимать всех приходящих и дал заповедь — никому не отказывать, но всех принимать с любовью.

Я приходил в недоумение и не знал: что мне и делать? Сам вижу, что я слаб в духовной жизни.

Потом дали мне послушание духовника скита.

Тогда ради послушания нельзя было кому-либо отказывать в духовной жизни. И теперь не знаю: какой будет конец жизни моей? И боюсь, и трепещу, как бы не получил осуждение даже за

мои слова, которые я предлагал из писаний святых отец наших.

Пишу я эти строки, мне от роду 50 лет и 7 месяцев. Кто найдет эти мои строки, прошу помолиться обо мне, чтобы не быть мне осужденному за мои дела и слова в день Страшного Суда Божия; ибо я много согрешаю и прогневаю Создателя моего и Искупителя моего; такожде и ближних моих.

Прошу, прости меня, Господи, в чем-либо я мог пред кем согрешить делом, словом и мыслями, ведением или неведением.

1894 года, октября 26-го дня.

Иеромонах Герман».

Игуменство в Зосимовой пустыни

«Отец наместник Леонид все звал меня жить в Лавре: он хотел, чтобы я научился там в совершенстве живописи и остался жить там. Но отец игумен скита и старец советовали мне никуда не уходить. Не желалось мне уходить и после, когда отец наместник Павел⁴⁰ велел мне идти в Зосимову пустынь. Ведь меня не раз хотели взять из скита. Приезжает к нам отец Павел в скит прощаться: это, помню, было накануне Сретения — и велит мне приехать в Лавру поговорить. Отец игумен Даниил был в это время болен; все решили, что меня скоро поставят на его место: я боялся этого.

Митрополит Сергей, — как говорил мне отец наместник Павел, — желал найти двух начальников: в Гуслицкий монастырь⁴¹ и в Зосимову. Тогда наместник вызвал меня к себе и сказал, что хотел бы видеть меня в Зосимовой, чтобы сердце его

было за нее покойным. Я отнекивался: говорил, что я неспособен. Напоил он меня чайком и отпустил. Только сказал:

— Не говори никому об этом.

Приезжаю я обратно, братия меня спрашивает, я молчу. Толки пошли. К игумену Даниилу меня позвали; я и тут — молчок, по заповеди. Вскоре дело разъяснилось. Как-то мы говорили с отцом Варнавой, вот он и говорит, что отцу наместнику желательно тебя в Зосимову пустынь. А я и говорю ему:

— Отец Варнава, ты там в чужой губернии (Владимирской) женский монастырь строишь⁴², а лучше бы сам пошел в Зосимову.

Прошло еще несколько времени, живем мы этак молча. Отец Иоанн из Зосимовой прислал сказать, чтобы я там побывал. Поехал я туда 15 июня. Со станции Арсаки посчитал: Зосимова стоит на седьмом холме. Пришел в Зосимову, направляюсь в трапезу. Отец Корнилий по дороге показывает мне, сколько дел еще осталось: денег мало, кресты надо золотить, лошадей пара, которые нас везли, оказались не монастырские, а — помещика Головина, собор не готов, пола нет, приходится идти по дощечке.

Вдруг слышу я — наместник идет. Я не успел и рясу достать, так в подряснике и встретил его.

— Как я рад тебя видеть здесь! — восклицает он. — Здесь лучше скита, уединеннее. И мне, и тебе было бы хорошо...

— Благословите в три часа обратно уехать.

— Не позволяю, — сказал он.

Пошли мы с ним в покои. Он и говорит, убеждает меня:

— Я тебя игуменом сделаю.

А я все отказываюсь, говорю:

— Там, в скиту, учеников у меня много!

— А я сюда и их переведу: хочу, чтобы ты духовную жизнь тут настроил. В братии тут никого нет подходящего; отец Иоанн⁴³ стар.

Я все отказываюсь; а он в покои пришел, видит, здесь все не в порядке. Наконец он меня убедил. Думал, думал я; испугался того, что меня то туда, то сюда зовут: в Гуслицы называли, епископ Антоний Каржавин⁴⁴ в Устюг меня звал. Думаю: не усидеть мне! И согласился в Зосимову. Наместник от радости заплакал. Скоро он устроил все дело у митрополита. 2 октября зовут меня в пещеры скита и читают там указ в присутствии игумена Даниила, что иеромонах Герман назначается в Зосимову пустынь. Отец Даниил стал выражать неудовольствие, что “он нам самим нужен: неужели у вас из своих монахов не найдется? У вас целых шестьдесят в Лавре!” А наместник в ответ на это вынимает письмо с жалобой на Даниила относительно старца Варнавы. Этим он его укротил. Что делать? 5 октября поехали мы ко владыке с наместником. В это время был у него отец Товия, иподиакон Знаменского монастыря. Владыка велел, чтобы пришел к нему завтра. На другой день прихожу. Владыка велит:

— Садитесь, — говорит.

Я было думал отказываться, что я не способен. А он сразу заговорил со мною: напомнил о письмах моих и ответах святителя Феофана Затворника и, не давши времени отказаться, говорит:

— Наберите себе новых послушников из мужичков; заводите уставной порядок, чтобы служ-

ба была уставная, а то, — говорит, — стыдно и ходить: такая служба!»

Отец Герман говорит:

— Я боюсь, что неспособен.

А он отвечает:

— Бог поможет, молитесь!

«Что делать?! 9 октября поехал я; узнаю, что по дороге несчастье: женщину убило, и что нас поэтому повезли другой дорогой.

Встретили меня с иконою; и я привез с собою икону, какую игуменья из женской Зосимовой пустыни⁴⁵ прислала мне в благословение, чтобы внести ее с собою в обитель. Урядник встретил нас. А в пустыни рыбы нет: щи горькие из сырой капусты. Пошли, чайку попили, потом ввели меня в церковь, многолетие мне сказали. Тогда иеродиакон был Феофан. Потом ввели меня в наместнические покои, в келию отца Павла; ввел меня сам наместник: кушетка стоит, а в ней нет ни гвоздочка; а в шкафу ризница, и ничего-то в ней нет. Что делать? Мне стыдно было: ведь отец Иоанн оставался в пустыни. Ничего я еще не знаю. На другой день сразу же ввел я уставную службу. А потом начали мы с отцом Иоанном разбирать бумаги. Деньги, которые в изобилии и часто жертвовали или присылал отец наместник, отец Иоанн держал под шкафом и раздавал их всем, кто бы ни просил у него: он ведь был добрый, не то, что я. Бывало, придет мужик, просит на лошадь; придет баба, просит на корову: он сейчас палочкой вынет и отдаст; хлеба он всегда давал мужикам. Мужик придет, попросит овсеца, отец Иоанн кошель насыплет, а тот пойдет, да и продаст его. Много ходило к нему. От этого братии

иногда была нехватка. Наместник за это сердился: ему было неприятно, что то, что доставалось для любимой им Зосимовой пустыни с трудом, отец Иоанн от простоты раздавал иногда и не нуждающимся, но прикидывающимся бедными. Отец Иона, казначей, искусно насчитал, что отец Иоанн растратил таким образом 6000 рублей, на которые были расписки только отца наместника. Когда я стал жить здесь, порядки переменялись: он жил добродетельно, а я не так; про меня стали говорить:

— Это — не отец Иоанн, у этого не попользуешься.

Я со скупостью все делал. Когда отец Иона показал отцу наместнику все начеты на отца Иоанна, то отец Иоанн сказал мне:

— Ну, отец Герман, он и тебе зла наделает много, и тебе от него плохо будет. Берегись, натерпишься от него.

Действительно, отец Иона в Зосимовой вооружал против меня братию. Вскоре отец Иоанн уехал в Лаврскую больницу на покой; оскорбился старец. 23 декабря стало ему плохо, а 8 января 1898 года он скончался.

Отец Даниил был недоволен, что я взял 13 послушников, — но они же сами по усердию пошли со мной: Димитрий, Иннокентий, он прежде был повар, Дионисий, Митрофан. Отец Варнава напроочил отцу Иннокентию, что будет на гостинице».

Но строгость эта в отце Германе была от мудрого управления монастырским добром и вообще всем, что касалось обители: он ревниво оберегал каждую мелочь из не принадлежащего ему, а вверенного ему Богом. Так, искренно любящий его и

преданный ему духовный сын епископ Феодор⁴⁶ даже с удивлением рассказывал, что когда он попробовал было купить в Зосимовой пустыни лошадь, то думал, что батюшка, по расположению своему к нему, продаст ему лошадь получше; но он ошибся в расчетах и получил лошадь незавидную по той простой причине, что батюшка бы и не продал лошади, нужной для обители. Когда же дело касалось личных средств батюшки, то старец никогда ни в чем не отказывал, а щедро подавал просящему.

Отец Иннокентий, бывший постоянным спутником батюшки по святым местам, вспоминает, как, бывало, когда нищие просили милостыни, а мелких денег у него не было, отец Герман требовал, чтобы непременно подать нищему, если нет мелких денег, то рубль или больше, что есть, но не отказывал в подаении.

А пророчество отца Иоанна сбылось. Отец Иона действительно после навредил игумену Герману, даже готов был его «уничтожить». И его перевели в Махрищскую обитель⁴⁷, якобы для наведения порядка.

«Когда я, — рассказывает отец Герман, — приехал в Махру, там меня торжественно встретили. Это было 13 сентября, в день изгнания Златоуста; 14-го я служил⁴⁸; а 15-го принял монастырь. Под 26-е — пожар: жилища загорелись. Под 5 октября — другой пожар, на скотном дворе. Я хотел поехать в Киев, чтобы там найти место и не возвращаться. Но куда дену тех, которые со мною пошли?»

4 ноября вдруг пришел указ о возвращении в Зосимову. Я сдал Махру и 14 ноября приехал

обратно. Случилось это так. Приняла участие великая княгиня Елизавета Феодоровна в 25-летие ее православия⁴⁹. Я благодарил ее за то, что она поддержала меня в дни моего испытания (не печали). Я благодарил ее за молитву обо мне. Она, как рассказывала мне рижская игуменья Иоанна Мажурова, за меня читала каждую ночь акафист “Всех скорбящих Радость”».

Беседы отца Германа

Беседа первая

Вопрос. Батюшка, скажите нам что-нибудь на пользу души.

Ответ. Что же я сказать могу? Как я в монастырь поступил, все чувствовал свое недостойнство: жалкий, ничтожный я человек, и ничего я не могу по себе, ничего! И это чувство и нужно хранить и иметь в себе — это главное в монастыре; да и в миру тоже.

Помнить надо завет Спасителя: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). А еще терпение надо иметь в послушании. Читали вы житие Павла Препростого⁵⁰ — ученик он был Антония Великого? Непременно себе купите эту книгу: много там назидательного. Так вот, когда пришел он к преподобному Антонию, стучит к нему в келию, просит принять его в число братии, а Антоний взглянул на него и говорит:

— Нам таких не надо: стар ты слишком, ничего делать не можешь.

Ему 62 года было. Долго умолял его Павел Препростый, говоря, что он все будет исполнять,

но святой Антоний прогнал его от себя и затворился в келии. Три дня и три ночи простоял Павел Препростый у келии преподобного, на четвертый день отворил преподобный дверь и видит его, исхудавшего, измученного, и спрашивает:

— Ты еще здесь?

А тот ему отвечает:

— Здесь и умру, святой отче, если не примешь меня.

И принял его старец. Велел одежду ему самому шить. Только тот кончил с трудом, а преподобный Антоний велел ему все распороть и потом опять заново сшить. Ведь иной, незнающий, подумает:

— Вот дурак какой, что же это? Сшить, распороть и опять сшить?

А Павел Препростый смиренно все это выполнял на пользу душе своей.

Вы непременно его жизнь прочтите. А ведь вот я-то возгордился! Ведь воображаю о себе, что могу и наставить, и поучить, ведь как теперь вам разглагольствую. Вы ведь, пожалуй, подумать можете, что и я делатель какой?! А я только все это слышал, что другие так делают; а сам ничего и не делал, и не начинал делать.

А смиренномудрие — великая это вещь и глубина бесконечная.

Святые отцы сравнивают и говорят, что вот как жемчуг драгоценный из глубины моря достают, так и из глубины смиренномудрия драгоценнейшие жемчужины духовные достаются. А на вопросы ваши что же могу я вам ответить? Читали вы жизнь и подвиги старца, затворника Гефсиманского скита, Александра? Ведь это мой

старец был, я у него келейником был, да записал о нем. Много там поучительного — вы вот прочтите! Я это все записывал, когда келейником был у него. Да и не решился бы напечатать, если бы не Преосвященный Феофан Вышенский. Когда я еще в Гефсиманском скиту жил, я о себе возомнил много, и наставлял, и учил кое-кого, и даже старцем прикинулся; ко мне даже на совет приходили из братии, да и миряне тоже. Так вот я и написал тогда Преосвященному Феофану о своих сомнениях; и он меня наставлял. Послал я ему свои записки о старце моем отце Александре, и он мне на это ответил, что советует напечатать, потому что скрыть это от могущих почерпнуть в них назидания было бы «не совсем безгрешно». Вы, может быть, не верите?

Отец Герман встал и своей тихой, слабой походкой удалился в соседнюю комнату и через несколько минут вернулся, неся в руках холщовую обертку от посылки, на которой был написан адрес ему от Преосвященного Феофана, с наименованием отправителя и приложением печати на сургуче Преосвященного Феофана. Показав нам ее, он благоговейно унес ее обратно в свою келию.

— Дивный был старец, — продолжал он, вернувшись, про отца Александра. — Вот он был делателем молитвы Иисусовой. Бывало, приду к нему, а он сидит в углу на низеньком стуле и весь ушел в молитву, так что не замечает моего прихода. Стану я на коленки у входа в его келию, да так и стою, долго стою; наконец он меня заметит: «Ты что пришел?»

Я скажу да и опять стою, как стоял, все хочется, хочется услышать от него что-нибудь

поучительное, а старец опять весь ушел уже в молитву.

Молитва Иисусова? Не всем она дается, не всем: а смиренным она дается, а иным и совсем не дается.

21 августа 1916 г.

Беседа вторая

«Помню, говорили мы с вами раньше; говорил я вам тогда много, помню. Уж простите, это по гордости я так говорил. Что могу я полезного сказать? Я, весь век свой в грехах проживший? Ведь вот всю жизнь свою прожил я в монастыре, а чему научился? В чем преуспел? Что сделал? — Ничего! Из всех людей я самый грешнейший; и вот теперь уже с трудом хожу, еле передвигаюсь; и гроб мне уже давно готов; и все в нем лежит готово для погребения — только еще меня одного в нем нет. Скоро положат и меня в него, защелкнут ключом, и предстану я пред Господом моим. Только вот с чем предстану и куда пойду потом? — Не знаю. А уж скоро это будет. Ведь вот я теперь уже с трудом хожу, еле ноги передвигаю. Говорят мне многие: “Вы, батюшка, не утруждали бы себя службами церковными”. А по мне лучше даже умереть у Престола Божия, чем у себя в келии. Но на все воля Господня! И страшно только, когда подумаешь, что ничего-то я не сделал, ничего не собрал, ничему не научился. А ведь у какого старца я был! Мог бы кое-что перенять; да вот так, по моей лености да моему нерадению, ничего у меня и не вышло.

А про старца моего, отца Александра, я, кажется, вам рассказывал еще в тот раз. Книжечку

вам давал? Да это я написал ее, да не написал, а так, кое-что собрал, записки о нем вел еще при его жизни. И вот когда старец мой умер, так меня многие просили эти записки издать, да я все не решался; а потом послал эти записки отцу Амвросию Оптинскому, он их одобрил. И епископу Феофану Затворнику — может быть, слышали? — так вот он в них кое-что исправил, пересмотрел да и написал мне, чтобы я их непременно издал, и даже выразился так, что “сохранять их под спудом было бы не совсем безгрешно”. Ну вот я и решился их напечатать. Некоторые из моих духовных детей, ученые иеромонахи, мне эти записки поправили: расставили где нужно знаки, все в порядок привели, и потому хорошо и вышло».

Одной женщине, Д-кой, он говорил:

«В монастырь собираетесь? Зачем вам, голубушка, монастырь? Рано вам еще. А вот вы дома живите, как в монастыре: в театры не ездите! Кто бы ни говорил вам — этого держитесь.

Ведь вот я в молодости тоже в театре был; был у меня брат старший женатый; он и в театры ездил, и вообще образ жизни вел светский, а я нет; меня все в монастырь тянуло. Было мне лет восемнадцать. Так вот брат этот мой старший и взял меня с собою в театр; и ушел я оттуда, не высидел.

Упросил я родителей моих отпустить меня в монастырь. Они меня благословили, и я ушел в Гефсиманский скит, от Троицы недалеко. И взял меня к себе послушником старец отец Александр. Дивный был старец! Вот он был молитвенник, делатель молитвы Иисусовой, в затворе жил. Вот

и вам в послушании надо быть, в полном послушании у духовного отца; надо такого выбрать, чтобы сам в послушании был у старца; и без его благословения ничего не делать. Или вам старицу иметь, но это — уже потом. Правило молитвенное исполнять надо с осторожностью: лишнего не набирать, и тоже без благословения отца духовного нельзя».

Книг у старца было немного: авва Дорофей, Иоанн Лествичник, Макарий Египетский, Исаак Сирий да преподобный Серафим: «О молитве Иисусовой», только это он и читал, особенно «Семь слов» Макария Египетского.

«Вы это читаете? И хорошо. Читайте, да не раз, не два, а разов четыре, пять прочтите! Очень это смиряет — меня это очень смиряло.

Помню еще: выхожу я раз от старца, слышу, кто-то подъезжает. Выхожу на крыльцо — вижу, офицер, и лица на нем нет, вид такой страшный. Спрашивает меня, можно ли видеть старца? Я говорю, что старец в затворе и никого не принимает, а он мне в ответ прерывающимся голосом:

— Попросите старца меня принять, иначе я лишу себя жизни!

Я испугался: иду к старцу, говорю ему — так и так; он говорит:

— Впусти его!

Я пошел за приезжим и ввел его к старцу, а сам вышел перед крыльцом, там, где ждал офицер, и вижу: на дорожке крупными буквами начертано три раза: «Преподобный отче Сергие, помоги мне». Видно, в крайней нужде был этот человек. Я постоял, постоял да потом подумал: «Как же это я его так к старцу одного впустил?»

Вид у него страшный — а ну как он моего старца убьет?”

Испугался я и пошел к дверям его келии. Все было тихо. Только слышны были глухие рыдания приезжего и тихий голос старца. Уезжая, офицер сказал, что открыл старцу то, чем он мучился пять лет, что старец спас его от гибели и теперь он совсем спокоен и счастлив.

В чем было дело, он не сказал.

После смерти старца я вскоре возгордился по греховности своей: кое-кому из братии советы давал, и ко мне приходили; даже старцем прикинулся; вот как я возгордился. А сам ничего не знал, ничему не научился, а о делании молитвы Иисусовой только от других понаслышке знал. Потом меня перевели в Зосимову пустынь, игуменом поставили. Когда я приехал, здесь одни были бедные деревянные строения да деревянная ограда кругом; а вот как Господь все устроил, помимо наших трудов, снисходя к нашей немощи. И вот здесь я весь в дела ушел, о молитве не радел; из Марии в Марфу превратился (см.: Лк. 10, 38–42). А в монастыре трудно жить. В житии святых мучеников Евлампия и Евлампии⁵¹ сказано: когда мучили святого Евлампия, бросили его в котел с маслом горящим, а он восхвалял Бога, как бы не чувствуя мучений. И пришла его сестра Евлампия с твердым намерением пострадать вместе с ним. И он стал звать ее к себе. Святая Евлампия, желая войти к нему, ухватила за край раскаленного котла, страшно обожгла себе руки и не могла войти. Когда же святой позвал ее опять, она с разбега сразу впрыгнула в котел и умерла с братом мученической смертью. Память их 10 октября.

О монастыре и о жизни в нем не мечтайте: на все да будет воля Божия. Вот я в монастыре весь свой век прожил, а ничему не научился. Недостойный игумен! Скоро предстану пред лице Божие; а с чем предстану — не знаю. Ничего не имею, кроме грехов. Помните всегда завет Спасителя: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29).

Читайте непременно молитву Иисусову: имя Иисусово должно быть постоянно у нас в сердце, уме и на языке: стоите ли, лежите ли, сидите ли, идете ли, за едой — и всегда-всегда повторяйте молитву Иисусову. Это очень утешительно! Без нее нельзя. Ведь можно молитву Иисусову и короче говорить: это отцы святые советуют для новоначальных. Это полезнее и крепче будет. Помните шесть слов: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешнаго”. Повторите медленнее: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешную” — и еще медленнее: “Господи — Иисусе — Христе, — помилуй — мя, — грешную”. Так хорошо! Учитесь самоукорению: без него нельзя. Вот я пятьдесят лет в монастыре живу, мне 76 лет, слепой, еле ноги передвигаю, и только потому меня Господь милует, что я вижу свои грехи: свою лень, свое нерадение, гордость свою, и постоянно себя в них укоряю — вот Господь и помогает моей немощи».

Беседа третья

«Я не знал, что вы здесь. Садитесь. Я вам книжечку приготовил: “Письма старца отца Леонида”, почитайте. Это очень интересная книжечка; только я не насовсем вам ее дам.

Что теперь кругом делается?! Трудно вам жить среди такого развращенного мира. Меня все спрашивают: “Конец ли это мира?” Что можем мы на это ответить? Спаситель сказал: *О дне сем и часе никто не знает, ни Ангелы на небеси, а только Отец* ваш Небесный (ср.: Мф. 24, 36). Я думаю, что это еще не конец! Но сердце Божие к нам теперь близко. Не до конца прогневается Господь. Он милостиво хранит нашу обитель под покровом Матери Божией. И опять будет мир и тишина. Господь нас помилует за веру нашу — все-таки еще многие веруют и многие молятся еще на Руси.

А книжечка отца Леонида — очень интересная; великий это был старец, отец Леонид. А его старец был отец Феодор Санаксарский⁵² — тоже великий старец; а он был учеником молдавского старца Паисия Величковского — слышали про него? Вот у него чудная книжечка есть о молитве Иисусовой. Так отец Леонид ему духовный внучек приходится. Очень хорошая это книжечка!

Молитва — это главное в жизни. Если чувствуете лень, нерадение, как вы говорите, что же делать? Таков уж есть человек! А вы молитесь Богу в полном внимании, просто, как дети, говорите слова молитвы Самому Господу: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную”. Господь Сам знает, что вы — грешная. Так и молитесь: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя”. Так легче, короче и лучше будет внимание удерживать на словах. Вот так и молитесь. Да укрепит вас Господь Бог. И за меня иногда молитесь так: “Спаси, Господи, и помилуй Германа”, так и говорите. Не надо — ни игумена, ни иеро-

монаха, а просто: “Спаси, Господи, и помилуй Германа”. Молитесь обо мне так. Помогите вам, Господи».

Беседа четвертая

«Любить надо Господа. Ведь Господь добрый! Господь Кровь Свою за нас пролил. За это надо Господа благодарить; и, как дети Отца, молить простить нам наши грехи. Молитесь стоя или даже сидя: ведь Господь видит, что вы дети маленькие, сил у вас мало. Он не взыщет. Просто говорите с Господом. Ведь Он так близок к нам. Святитель Тихон Задонский так молился: “Кормилец мой, Батюшка!” Вот как он Господа призывал! Вникайте в каждое слово молитвы умом; если ум отбежит, опять его возвращайте, принуждайте его тут быть, а сами языком слова молитвы повторяйте. Так будет хорошо! А сердце пока оставьте и не думайте о нем, довольны вам такой молитвы. Главное, чтобы чувство самоукорения неотступно было бы, чувство своей греховности и безответности — перед Богом. Разве это трудно? Говорите: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную” — и чувствуйте, что говорите. Вы говорите: “Страшно”. Но разве сладчайшее имя Господа может быть страшно? Оно благодатно, но надо произносить его с благоговением. Епископ Феофан говорит: “Надо стоять перед Богом, как солдат на смотре”. А укорять себя надо не только в делах плохих. Дел-то греховных у вас, может быть, и немного, а за мысли греховные тоже отвечать будем.

Люди мирские и не знают, что такое помыслы; они каются только в делах; а монахи все свои

мысли перед глазами имеют, в греховных помыслах каются и себя за них укоряют. Один мирянин даже соблазнился этим. Книгу какую-то издали: в ней про помыслы, какие являются, написано было; а мирянин-то и говорит: “Вот чем монахи занимаются, вот какова святость их жизни”. Монахи за это по смирению себя укоряли, делами-то они не грешили; а мирянин не понял того и соблазнился. Так что миряне и не знают про это делание монашеское; в книгах обыкновенно об этом не пишут. А за помыслами надо следить; а главное — на них не останавливаться, скорее укорить себя да помолиться Богу. Если себя не укорять и своей греховности не чувствовать, можно в прелесть попасть. Вот один монах — я его сам знал, он до сих пор в одном монастыре просфоры продает. Если пойдете туда, можно его увидеть; нарочно-то не ходите, это может быть и бесполезно: так, без дела, в мужские монастыри не ездите, а разве если что нужно будет. И вы там будете вспоминать мои слова. Вот этот монах, кажется, послушником еще тогда был, — захотел молитвою Иисусовою заниматься, не узнав как следует о ней, и начал заниматься. Появились у него чувства отрадные, и он думает, что это уже плод молитвы. И все больше и больше надмевается. Видения у него начались, а он все утешается. И казалось ему, что будто он порою ходит в чудном саду: и так всякий раз ему отраднo было молитву начинать.

Только один раз поговорил он с кем-то из знающих, и его спросили: вникает ли он в слова молитвенные? А он даже и не знал, что это нужно. А как начал он вникать в слова да укорять себя, так

и пропали чувства утешительные да видения всякие; потому что все это неправильно. Смирения, самоукорения да простоты держитесь!»

Беседа пятая

«Что же могу я вам сказать? Ничего не могу я сказать. Сам ничего не знаю, ничему не научился; а что же еще могу сказать другим? Ведь я неученый, вы понимаете? Малоученый. Ведь как меня учили-то? Читать научили по Псалтири, “Отче наш”, “Богородицу”, — это когда мне восемь лет исполнилось; и больше ничему не учили. Хотелось бы дальше поучиться, спросили: что книжки стоят? Говорят: “Пять рублей”. Откуда же нам было такие деньги взять? Так я восьми лет свое образование и кончил — совсем необразованным остался, ничего не знаю. А хотелось бы тогда еще поучиться».

Беседа шестая

«Все жду смерти, а смерть ко мне не приходит. Вот думал: “Не доживу до 77 лет”, а 20 марта исполнился мне 77-й год; и вот уже 13 дней я прожил 78-го года; а все смерть не идет за мною. На что я живу? Кому я нужен? Всем я в тягость! Братия терпят меня — спасибо им, не выгоняют! А я, лентяй, живу, ничего не делаю, на соблазн другим. Братия кругом работают, трудятся, а я, лентяй, ничего не делаю. Недостойный монах, недостойный игумен! В монастыре живу уже 55 лет и ничего не сделал — о монашеской жизни и понятия не имею. Вот мой старец отец Александр жил 70 лет, преподобный Серафим 70 лет, отец

Амвросий Оптинский 73 года — а какие светильники были, истинные старцы, подвижники; а я 77 лет прожил и не сумел угодить Богу. И с чем предстану я, окаянный, на Страшный Суд Божий? Всем меня наделил Господь: привел 22-х лет в святую обитель в 1866 году; через восемь лет меня посвятили в иеродиаконы, а в 1885 году в иеромонахи; и в схиму Господь меня облек. Все мне даровал Господь, а я ничего не сделал, ничем не угодил Богу и страшусь праведного суда Божия на Страшном Суде Его.

Обитель вся устроена трудами братии; все они у меня хорошие, труженики, послушные такие! Один я им показываю пример лени и нерадения.

26-го был день моего Ангела⁵³ — ведь меня Гавриилом звали. Родился я 20 марта 1844 года».

Беседа седьмая

Слово отца игумена Германа о схиме

«Многие монашествующие боятся схимы, боятся накладывать на себя обеты, которых сдержать не смогут. Была у отца Александра, моего старца, духовная дочь, монахиня Евфросиния, она потом у меня исповедовалась и умерла года два тому назад. Я ей всегда говорил: “Принимай схиму!” А она мне отвечала: “Батюшка, да разве я могу? Разве я достойна?” А я ей отвечал: “Кто же из нас-то достоин? Кто может считать себя достойным? Мы только смиряться можем и смирением дополнять дела, которых у нас нет... Какой я схимник?! Господи, Ты видишь немощь мою! Никуда я не гожусь! Без Тебя, Господи, я — ничто!”»

Кончина отца схиигумена Германа

«Светильник догорает — свеча угасает! Отходит от нас батюшка! Он какой-то совсем неземной стал; весь в Небе — в молитве! Душа его уже давно переселилась туда, где он собрал себе трудами всей жизни своей сокровище неоскудеваемое; а с нами только дух его в слабом теле. И как умилительно смотреть на святого старца теперь особенно, в последние дни его жизни. Каким он был всегда — истинным, строгим монахом, таким он остается и до конца; постоянное во всем себе понуждение, самоукорение, слезы о грехах своих.

Когда заболел батюшка, ослабел, он очень волновался, все торопился, хотел куда-то уходить, собирался — все звал меня с собою!

— Пойдем скорее, пойдем.

— Да куда мы, батюшка, пойдем?

— В Кремль пойдем, или поедем в Крым, ведь у нас обителей много, — и все торопил батюшка, все понуждал себя.

Третьего дня его соборовали в келии: соборовали отец Дионисий, отец Митрофан и мы с отцом Мелхиседеком. Отец Алексей молился с ним. Батюшка лежал на постели. После соборования батюшка поуспокоился, но очень был слаб.

Последние дни батюшка совсем ничего не ел, только принимал Святые Тайны. И когда говоришь ему:

— Батюшка, вы бы покушали немного, — он отвечает:

— Только бы Господь не лишил нас Небесной пищи, — и плачет.

Батюшка так слаб, что встать уже не может и все лежит и смотрит на небо, туда, куда стремится, чего жаждет его душа, — смотрит на небо, а лицо у него чисто ангельское, тихое, кроткое.

Сегодня утром как будто подороже был батюшка, приобщился и сам прочел громко всю молитву: *Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром: яко видесте очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей: свет во откровение языком, и славу людей Твоих Израиля* (Лк. 2, 29–32). Потом выпил только полчашечки чаю и съел кусочек просфорки. И в обращении батюшка все тот же, каким был всю жизнь, — никаких послаблений. Принес я ему днем кашку рисовую, молочную. Батюшка покушал немного, а я спрашиваю:

— Батюшка, кажется, хороша кашка?

А батюшка говорит:

— Нет, не хороша!

Отец Мелхиседек подошел к нему и тронул его, а батюшка ложкою ударил его по руке. А отец Пантелей мне говорит:

— Знает батюшка, что делает: это он тебя учит.

Он считал всякое самоволие не духовным.

После обедни 27 июня отец Иннокентий послал всех монахов проститься с батюшкой. Батюшка сидел на постели в своей келии, в сером подряснике. Лицо у него было светлое, ясное, кроткое, как у ребенка. Отец Мелхиседек стоял у аналая в противоположном углу. Отец Иннокентий подошел к батюшке и сказал, что мы пришли проститься. После нас подошли Ольга и Анна Патрикеевы. Их уже батюшка не узнал.

Когда мы поклонились батюшке в землю, отец Иннокентий сказал:

— Батюшка, это прощаются с вами, просят у вас прощения, скажите им что-нибудь.

Батюшка поднял глаза к небу и тихо сказал:

— Нам нужно теперь всем готовиться в Небесные обители!

Отец Иннокентий сделал знак, что пора, и мы ушли».

Старец скончался.

Об обители он предсказал, что, пока он жив, она будет цела, а как скончается, ее закроют. Так и было: после его смерти и погребения ее закрыли.

Это было в 1923 году⁵⁴.

ОПТИНА

«Оптина»... Так сокращенно называли обычно этот монастырь богомольцы. Подобно и Саровский монастырь звали просто «Саров». А иногда к Оптиной присоединяли и слово «пустынь», хотя пустынного там не было ничего, но этим хотели, вероятно, отметить особую святость этого монастыря.

Оптина находится в Калужской губернии, в Козельском уезде, в четырех верстах от города, за речкой Жиздрой, среди соснового бора.

Самое слово «Оптина» толкуют различно. Но нам, с духовной точки зрения, больше по душе легенда, что эта пустынь получила свое имя от какого-то основателя ее, разбойника Опты. Так ли это было на самом деле или иначе, но посетителям, да и монахам, это объяснение нравилось больше, потому что богомольцы тоже приходили туда с грехами и искали спасения души; да и монашеское житие, по сущности своей, есть прежде всего покаянное подвижничество.

Прославилась же Оптина своими старцами. Первым из них был отец Лев, или Леонид¹, — уче-

ник знаменитого старца Паисия Величковского, подвижника в Нямецком монастыре, в Молдавии². После отца Льва старчество перешло к преемнику его, иеромонаху отцу Макарию (Иванову)³, происходившему из дворян. Про него сам митрополит Московский Филарет⁴ сказал однажды: «Макарий — свят». Под его руководством воспитался и вызрел «мудрый» Амвросий⁵, учившийся сначала в семинарии. Потом были старцы — два Анатолия⁶, Варсонофий⁷ — из военной среды, и Нектарий⁸. Последнего, а также и второго Анатолия, видел я лично и беседовал с ними. Но, кроме этих выдающихся иноков, и настоятели, и многие монахи тоже отличались высокою святою жизнью. Впрочем, и вся Оптина славилась на Россию именно духовным подвижничеством братии, что связано было больше всего со старчеством, и в свою очередь воспитывало опытных старцев.

Старец — это опытный духовный руководитель. Он не обязательно в духовном сане, но непременно умудренный в духовной жизни, чистый душою и способный наставлять других. Ради этого к ним шли за советами не только свои монахи, но и миряне со скорбями, недоумениями, грехами. Слава оптинских старцев за одно второе полстолетие распространилась за сотни и тысячи верст от Оптиной, и сюда тянулись с разных сторон ищущие наставления и утешения. Иногда непрерывная очередь посетителей ждала приема у старца с утра до вечера. Большею частью это были простые люди. Среди них иногда выделялся священник или послушник монастыря. Не часто, но бывали там и интеллигентные люди: при-

ходили сюда и Толстой, и Достоевский⁹, и великий князь И. Константинович¹⁰, и Леонтьев¹¹, и бывший протестант Зедергольм¹²; жил долго при монастыре известный писатель С. А. Нилус¹³; постригся в монашество бывший морской офицер, впоследствии епископ, Михей¹⁴; при отце Макарии обитель была связана со славянофильской семьей Киреевских¹⁵, которые много содействовали издательству монастырем святоотеческих книг; отсюда же протянулись духовные нити между обителью и Н. В. Гоголем¹⁶; известный подвижник и духовный писатель епископ Игнатий Брянчанинов¹⁷ тоже питался духом этой пустыни. А кроме этих лиц, дух внутреннего подвижничества и старчества незаметно разлился по разным монастырям. И один из моих знакомых писателей, М. А. Н.¹⁸, даже составлял родословное древо, корнями уходившее в Оптину... Хорошо бы когда-нибудь заняться и этим вопросом какому-либо кандидату богословия при писании курсового сочинения... А мы теперь перейдем уже к записям наших воспоминаний.

Конечно, они не охватывают всех сторон монастырской жизни обители, не говорят и о подвижнической страде иноков, какая известна была лишь им, их духовникам да Самому Богу. Я буду говорить лишь о более выдающихся лицах и светлых явлениях Оптиной. Разумеется, такое описание будет односторонним. И правильно однажды заметил мой друг и сотоварищ по духовной академии, впоследствии архимандрит, Иоанн (Раев), скончавшийся рано от чахотки, что я подобным описанием ввожу читателей, а прежде — слушателей, в некое заблуждение. Он привел тогда та-

кое сравнение. Если смотреть на луг или цветник сверху, то как покажется он красив со своими цветами и яркой зеленью. А спустись взором пониже, там увидишь голенький ствол с веточками. Но и здесь еще не источник жизни, а — внизу, в земле, где корявые и извилистые корни в полной тьме ищут питание для красивых листочков и цветочков. Тут уже ничего красивого для взора нет, наоборот, — и неблагоприятно, и грязно... А то и разные червяки ползают рядом и даже подгрызают и губят корни, а с ними вянут и гибнут листочки и цветочки.

«Так и монашество, — говорил отец Иоанн, — лишь на высотах и совне — красиво; а самый подвиг иноческий и труден, и проходит через нечистоты, и в большей части монашеской жизни является крестной борьбой с греховными страстями. А этого-то, — говорил друг, — и не показываешь в своих рассказах».

Все это — совершенно верно, скажу я. Но ведь и в житиях святых описываются большей частью светлые явления из жизни их и особенные подвиги. А о греховной борьбе упоминается обычно кратко и мимоходом. И никогда почти не рассказывается о ней подробно. Исключением является лишь житие святой Марии Египетской¹⁹, от смрадных грехов дошедшей потом до ангелоподобной чистоты и совершенства. Но и то писатели оговариваются, что они делают это вынужденно, чтобы примером такого изменения грешницы утешить и укрепить малосильных и унывающих подвижников в миру и в монастырях. Так и мы не будем много останавливаться на наших темных сторонах: это не поучительно. Да они мне и не-

известны в других людях: о чем же стал бы я и говорить?! Впрочем, где следует, там будет упомянуто и об этом. Читателю же действительно нужно и полезно не забывать, что высоте и святости угодников Божиих и предшествует, и сопутствует духовная борьба; иногда — очень нелегкая и некрасивая...

Кстати, и сам упомянутый отец Иоанн должен по справедливости быть причислен к лику подвижников: он мало жил (умер лет 33–34, будучи инспектором Полтавской семинарии), но многого достиг духовно: только это было скрывается от посторонних... Царство ему Небесное. Помяни мя, друже и отче, грешного.

Имя Божие

Воспоминания мои будут отрывочны и без плана. Одно лишь будет связывать все: светлая духовная сторона.

Мне дважды привелось бывать в Оптиной. Еще с академии я узнал о ней. И, будучи студентом, встречал в селе духовных чад старца Амвросия и слушал их рассказы о нем. Но сам и не думал о посещении пустыни: не воспитывали в нас ни в семинариях, ни в академиях интереса и любви ни к монастырям, ни к подвижникам, ни к таким светилам Церкви, как даже отец Иоанн Кронштадтский или Феофан, Затворник Вышенский, — наши современники. Учеба, книги, наука, ученые — вот был наш интерес. Потому и после академии почти никто из нас не думал о посещении обителей вообще... Уж не помню, почему и как я, будучи ректором Таврической семинарии, решил к концу летних каникул посетить Оптину.

На следующий год или через два я вторично побывал там, будучи ректором Тверской семинарии. Жил недолго — не больше двух недель. Конечно, за такой короткий срок я заметил лишь немного из богатых сокровенных сокровищ святой обители. Оба воспоминания солью воедино.

В первый раз я приехал на извозчике в монастырь днем и остановился в так называемой «черной» гостинице, где останавливались «обыкновенные», простые богомольцы: мне не хотелось выделяться из них и обращать на себя внимание. Помню заведующего инока, с темными густыми волосами. Мы пили вместе с ним чай. Ничего особенного не было. Но вот однажды он пригласил к чаю афонского монаха, удаленного со Святой Горы за принадлежность к группе «имябожников»²⁰, а теперь проживавшего в Оптиной. Сначала все было мирно. Но потом между иноками начался спор об имени Божиим. Оптинец держался решения Священного Синода, осудившего это новое учение о том, что «имя Бог есть Сам Бог». Афонец же защищал свое. Долго спорили отцы. Я молчал, мало интересуюсь этим вопросом. Оптинец оказался остроумнее; и после долгих и разных споров он, казалось, почувствовал себя победителем. Афонец хотя и не сдался, но вынужден был замолчать. И вдруг — к глубокому моему удивлению — победитель, точно отвечая на какие-то свои тайные чувства, ударяет по столу кулаком и, вопреки прежним своим доказательствам, с энергией заявляет: «А все-таки имя Бог есть Сам Бог!» Спор больше не возобновлялся. Я же удивленно думал: что побудило победителя согласиться с побежденным?! Это

было мне непонятно. Одно лишь было ясно, что обоим монахам чрезвычайно дорого было имя Божие. Вероятно, и по опыту своему, творя по монашескому обычаю молитву Иисусову («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго»), они оба знали и силу, и пользу, и сладость призывания имени Божия, но только в богословствовании своем не могли справиться с трудностями ученых формулировок.

Потом, посещая некоторых монахов, я заметил у них в келиях, большей частью у икон, листы бумаги, где славянскими буквами были выписаны эти святые слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго». По-видимому, эти иноки в какой-то степени сочувствовали защите имени Божия. Но, не смея и не имея сил делать это словами, выражали свое почитание имени Божия вывеской на бумаге²¹.

«Боже, — думал я, — в миру безбожие ширилось, маловерие, равнодушие, а тут люди еще горячатся и спорят о значении и силе даже имени Божия. Значит, они живут, так или иначе, интересами и жизнью в Боге».

Не будем мы мудрствовать: это дело трудное, но приучимся творить молитву Иисусову, чтобы умолять Господа спасти наши грешные души.

Боже, буди милостив ко мне, грешнику.

Образ Божий

Старец Анатолий

Через 2–3 дня моей жизни пронеслась весть: в монастырь прибывает чудотворная икона Калужской Божией Матери (память 2 сентября).

К указанному времени многие монахи и богомольцы вышли навстречу святой иконе по лесной дороге и, приняв ее, пошли обратно в монастырь с пением молитв.

Вдруг я вижу, как из нашей толпы некоторые отделяются от процессии и спешно-спешно торопятся в правую сторону. Через некоторое время там уже собралась густая толпа народа, плотным кольцом кого-то или что-то окружившая. Из простого любопытства — впрочем, меня в монастыре все интересовало, — я тоже направился туда: в чем дело? Чтобы оставить икону Богородицы, нужна была какая-то особая причина к этому. Протискавшись немного к центру толпы, я увидел, что все с умиленной любовью и счастливыми улыбками смотрят на какого-то маленького монаха в клобуке, с седенькой, нерасчесанной, небольшой бородкой. И он тоже всем улыбался немного. Толпа старалась получить от него благословение. И я увидел, как вокруг этого маленького старичка все точно светилося и радовалось... Так малые дети встречают родную мать.

— Кто это? — спрашиваю я соседа.

— Да батюшка отец Анатолий²², — ласково ответил он, удивясь, однако, моему неведению.

Я знал о нем, но не пришлось еще встретить его лично; да и не было особой нужды в этом: не имел никаких вопросов к нему. А теперь явился вопрос о нем самом: что за чудо? Люди оставили даже икону и устремились к человеку. Почему? И ответ явился сам собою: святой человек тоже чудо Божие, как и икона, только — живое чудо. Святой есть тоже образ Божий, воплощенный в человеке. Как в иконе, так и во святых людях живет Сам

Бог Своею благодатью. И тут и там Сам Бог влечет нас к Себе Своими дарами радости, утешения, милосердия, духовного света. Когда Спаситель с Моисеем и Илией явились на Фаворе в благодатном несозданном свете ученикам, и тогда Петр от восторга воскликнул: *Господи! хорошо нам здесь быть* (см.: Мф. 17, 1–4), так и через святых людей эта же Преображенская благодать и светит, и греет. А иногда — как это не раз было с отцом Серафимом Саровским — она проявляется и в видимом, хотя и сверхъестественном, свете. Так было и теперь: через батюшку (ласковое и почтительное слово!) светило Солнце правды, Христос Бог наш. И люди грелись и утешались в этом свете.

Вспоминались мне и слова апостола Павла о христианах: *Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?* (1 Кор. 3, 16).

И — другое его изречение, что всякий христианин должен бы возрастать в образ совершенный, *в меру возраста полноты Христовой* (ср.: Еф. 4,13)... Вот какая высота дана христианину: Сам Богочеловек Христос. И это — не дерзость похищения невозможного, а повеление и заповедь Спасителя, данная на последней Его беседе: *Если кто будет исполнять Мои заповеди, то будет возлюблен Отцем Моим; и Мы придем к тому и обитель в нем сотворим* (ср.: Ин. 14, 21, 23).

Это — цель и задача христианской жизни: общение с Богом через благодать Святого Духа. И тогда облагодатствованные люди начнут изливать свой — то есть Божий — свет и на других.

Боже, как велики сами по себе и чрезвычайно важны для других эти святые люди. Выше их нет никого.

Пришлось и мне встречать в жизни своей так называемых «великих» людей, но никогда я не чувствовал их величия: человек как человек, обыкновенный. Но вот когда приходилось предстоять пред святыми, тогда ясно чувствовалось действительное их величие... Вот это — необыкновенные люди. А иногда и страшно становилось при них, как это мне пришлось ярко пережить при службе с отцом Иоанном Кронштадтским, о чем напишу после.

И тогда понятным становится, почему мы прославляем святых, пишем их иконы, кланяемся им в землю, целуем их. Они — воистину достойны этого.

Понятнее станет и то, что мы в храмах кадим не только иконы Спасителя, Богородицы и святых, но и вообще всех христиан: мы в них кадим, воздаем поклонение и почитаем Самого Бога, проявляющегося в Своих образах: и в иконах, и в людях.

Ведь всякий христианин должен быть образом Божиим. Однажды мне пришлось спросить некоего старца:

— Как нужно относиться вообще к человеку?

— С почитанием, — ответил он. — Человек есть образ Божий.

И когда этот образ восстанавливается в человеке, тогда его чтут и люди, повинуются даже и звери, как первобытному Адаму в раю (см.: Быт. 1, 28), о чем нам говорят жития Герасима Иорданского²³ и Серафима Саровского, и трепещут их даже бесы. Зато радуются им небожители. Когда Божия Мать явилась с апостолами Петром и Иоанном святому Серафиму, то Она сказала им: «Сей — от роду нашего».

От того же роду был и батюшка отец Анатолий. Сколько радости, любви и ласки на всех окружающих проливалось от его лика в оптинском лесу, на солнечной прогалине.

Но все же мои духовные очи не были тогда вполне открыты, дабы тоже устремиться к старцу, хотя бы для того, чтобы поближе посмотреть на него, спросить его о чем-нибудь, попросить молитв. Истинно слово Господне: *Очи имеют и не видят* (ср.: Мк. 8, 18). Да и один ли я...

Обязанности к жене

А вот — и наставление его, старческий совет.

Кажется, уже пред вторым посещением обители я получил письмо от своего друга и товарища по академии, священника отца Александра Б. из Самарской губернии, о разладе с женою... Уж как он любил К. невестой! Весь курс наш знал о ней, какая она хорошая и прекрасная. И вот они повенчаны. Он получает приход в рабочем районе уездного города. Нужно строить храм. Молодой и идейный священник с любовью и энергией принимается за дело. Постройка быстро двигается вперед.

Казалось бы, все хорошо. Но вот горе для матушки: ее батюшка почти всегда запаздывает к обеду. Матушка недовольна этим: то пища остыла, то пережарилась и переварилась. Да и время напрасно пропадает: и другие дела по дому есть. Уже и дети, кажется, появились... И огорченная хозяйка начинает роптать и жаловаться на такой непорядок и расстройство в жизни. А еще важнее то, что она, вместо прежней любви, начинает уже сердиться на мужа: разлагается семья.

Батюшка же оправдывается перед ней:

— Да ведь я не где-нибудь был, а на постройке храма.

Но ее это не успокаивает. Начинается семейный спор, всегда болезненный и вредный. Наконец матушка однажды заявляет решительно мужу:

— Если ты не изменишь жизни, то я уйду к родителям.

И вот к такому моменту мы обменялись с отцом Александром письмами. Узнав, что я еду в Оптину, он описал все свое затруднение и попросил меня зайти непременно к отцу Анатолию и спросить старческого совета его: как ему быть, кого предпочесть — храм или жену.

Я и зашел в келью батюшки. Он принимал преимущественно мирских, а монахи шли к другому старцу, отцу Нектарию. В келии отца Анатолия было человек десять-пятнадцать посетителей. Среди них обратился с вопросом и я. Батюшка, выслушав с опущенными глазами историю моего товарища, стал сокрушенно качать головою, как бы говоря: «Ах, какая беда, беда-то какая!» Потом, не колеблясь, хлопотливо начал говорить, чтобы батюшка в этом послушался матушки, иначе плохо будет, плохо.

И тут же припомнил мне случай из его духовной практики, как развалилась семья из-за подобной же причины. И припоминаю сейчас имя мужа: звали его Георгием...

— Конечно, — сказал отец Анатолий, — и храм строить — великое дело, но мир семейный хранить — тоже святое Божие повеление: муж должен, по апостолу Павлу, любить жену, как самого

себя; и сравнил апостол жену с Церковью (см.: Еф. 5, 25–33). Вот как высок брак. Нужно сочетать и храм, и семейный мир. Иначе Богу не угодно будет и строение храма. А хитрый враг — дьявол, под видом добра хочет причинить зло: нужно разуметь нам козни его. Да, вот так и отпишите: пусть приходит вовремя к обеду. Всему есть свое время. Так и отпишите.

А потом, немного подумав, добавил:

— А тут добро-то добро: строить храм-то. Но к нему тайно примешивается и тщеславие... Да, примешивается, примешивается: ему хочется поскорее кончить... людям понравиться... Так и отпишите...

Я так и отписал. И дело, конечно, поправилось.

Из «дворянской» в скит

Во второе посещение я приехал ночью. Извозчик из Козельска подвез меня почему-то не к «черной» гостинице, а к «дворянской», где принимали почетных или богатых гостей. Я не стал возражать. Было уже около часу ночи, если не два. Нужно сказать, что в то время моей жизни мне сопутствовала Иверская икона Божией Матери. Бывало, одну отдам кому-нибудь — получу скоро другую. И я уже так привык к сей святыне, что, куда бы ни приезжал, искал сначала: а нет ли и здесь Иверской? Так было и тут. Вхожу в первую комнату — в переднем углу висит икона Спасителя. Я жалею уже — не Иверская. Вхожу в спальню: и в углу — Иверская: слава Богу!

Ложусь спать... Едва успел задремать, слышу звон: к утрени. Хорошо бы встать да идти в храм.

Но лень. Устал. И снова заснул... Проснулся довольно рано, часов около пяти. Было прекрасное августовское утро. Небо чистое. Солнце яркое. Зеленые деревья. Я открыл окно. И вдруг ко мне на подоконник прилетает голубь, совсем без страха. Я взял оставшийся от пути хлеб и стал крошить ему. Как мне это было отрадно: не боится людей! Но тут прилетает второй голубь. Я и ему отделяю крошки. Но первый уже стал ревновать: зачем я даю и другому?! И начинает клевать нового гостя. Сразу пропала моя радость: «Господи, Господи! Вот и голуби враждуют и воюют. А уж, казалось бы, какие это мирные птицы! Даже Спаситель указывает на них, как на пример, апостолам: *будьте... кротки, как голуби*» (ср.: Мф. 10, 16). И грустно стало на душе. А уж чего же требовать от нас, людей, при нашем самолюбии?! Говорят иные: не будет войн когда-то... Неправда: всегда будут, до конца мира. И не могут не быть, так как каждый из нас в самом себе носит источник войн: гордость, зависть, злобу, раздражение, сребролюбие... Недаром сказал один из писателей перед смертью, когда его спросили об этом: «Пока человек останется человеком, будут и войны». Так передавал мне сын его, встретившись [со мной] за границей после Первой мировой войны и революции.²⁴

А Сам Сын Божий предсказывал, что мир ожидает не прогресс, а ухудшение человеческих отношений. И к концу мира будут особенно страшные войны: *восстанет народ на народ* (а не одни армии на армии), *царство на царство* (Мф. 24, 7). «Не наше ли это время?» — подумает кто-либо. Никто не знает это с несомненностью. Одно лишь ясно,

что зло лежит в нас самих, в сердцах наших; поэтому вся история этого мира и человека вообще — есть трагедия, а не легкая и веселая прогулка. Мир испорчен, и все мы грешны. А из-за нашего греха испортились не только животные и птицы, но даже сама природа — так учит святой апостол Павел (см.: Рим. 8, 19–22) вслед за Христом Господом. Так голуби мои и не примирились — улетели оба.

В тот же день я, посетивши отца игумена, попросил у него разрешения пожить мне в скиту: там больше уединения и духовного отдыха, чем при монастыре²⁵. И к вечеру я ушел туда.

Скит — это отделение монастыря, где монахи живут более строго и в большей молитвенности. Туда обычно не пускают посторонних лиц вообще, а женщинам — и совсем не разрешается входить.

Оптинский скит во имя святого Иоанна Предтечи находится приблизительно в полуверсте от монастыря. Кругом стройные высокие сосны. Среди них вырублено четверугольное пространство, обнесенное стеной. Внутри — храм и небольшие отдельные домики для братии скита. Но что особенно бросается в глаза внутри его, это — множество разведенных цветов. Мне пришлось слышать, что такой порядок заведен был еще при старце отце Макарии. Он имел в виду утешать уединенную братию хотя бы красотой цветов. И этот обычай хранился очень твердо.

Мне сначала было отведено место в правой половине «Золотухинского» флигеля; в левой жил студент Казанской духовной академии отец А. Войдя в новое помещение, я устремился к углу с

иконами: нет ли Иверской? Но там была довольно большая икона с надписью: «Портаитисса». Я пожалел... Но потом спросил сопровождавшего монаха, что значит «Портаитисса»?

— Привратница, — ответил он, — или иначе — Иверская. Ее икона явилась Иверскому монастырю на Афоне (Иверия — Грузия); и ей построили храм над воротами обители, потому что Матерь Божия в видении сказала: «Я не хочу быть хранимой вами, а Сама буду вашей Хранительницей».

Я возрадовался. И с той поры прожил в этом скиту около двух недель. К этому времени и относится большая часть моих воспоминаний об Оптиной, а скорее — об оптинском ските и его подвижниках.

Провожал меня сюда, если не изменяет мне память, что, впрочем, маловажно, высокий статный инок с светло-белыми волосами и густой бородой. Имя его я уже не помню теперь. Но запомнил, что он был из семинаристов. Почему он — такой представительный, образованный и с хорошим басом — оставил мир и ушел в пустынь? Не знаю, а спрашивать было неделикатно.

Еще вспоминаю, что он почему-то рассказывал мне про искушение одного египетского монаха, боримого плотскими страстями; как тот ни унывал от своего падения, а бежал обратно в монастырь, несмотря на то, что бес шептал ему вернуться в мир и жениться... Когда же монах пришел к старцу своему, то пал ему в ноги со словами: «Авва, я пал!» Старец же увидел над ним венцы света — как символ того, что диавол несколько раз хотел ввести его в уныние и убеждал оставить монастырь, а благоразумный инок столько

же [раз] отвергал эти искусительные помыслы и даже не сознавался в содеянном грехе, пока не пал в колена старца.

На могилках старцев

Перед уходом в скит я — по совету ли игумена монастыря или кого из иноков — пожелал отслужить панихиду по усопшим старцам. За главным храмом, около стены алтаря, были две могилы — отца Макария и отца Амвросия. Мне дали в качестве певчего клиросного монаха-тенора. В засаленном подряснике, с довольно полным животом, он произвел на меня неблагоприятное впечатление: «Не похоже на оптинских прославленных святых», — думалось мне...

Поя панихиду, я заметил под надгробной плитой ямочку. Монах объяснил мне, что почитатели старцев берут с верою песочек отсюда для исцеления от болезней. И вспоминаются мне слова Псалмопевца об Иерусалимском храме, что верующие в Господа любят не только самый храм, но *благоволят и о камнях его, и персть (прах) его* полижут (ср.: Пс. 101, 15)²⁶. И что тут дивного, если и теперь русские эмигранты, возвращаясь на родину, берут горсть земли и целуют ее; а иные припадают к ней лицом и тоже целуют. Пусть же не осуждают и нас, верующих, если мы берем песочек от святых могил. Русский народ, при всей своей простоте, совершенно правильно и мудро понимал святые вещи. И чудеса могли твориться от этого. Из Деяний мы знаем, что не только головные уборы апостолов изливали исцеления, но даже тени их творили чудеса (см.: Деян. 5, 15). А от отца Серафима Саровского оставшие-

ся вещи — мантия, волосы, камень, на котором он молился тысячу дней и ночей, вода из его колодца и прочее — творили чудеса.

Велий еси, Господи; и чудна дела Твоя (ср.: Пс. 85, 10; 138, 14)!

Продолжу, однако, историю о «плохих» монахах. Для этого забегу немного вперед. Накануне праздника Успения Богоматери я стоял среди богомольцев; монахи там стояли в левой, особо выделенной части храма. Впереди на амвоне ходил с клироса на клирос послушник-канонарх и провозглашал поющим стихиры. Свое дело он вел хорошо. Но мне бросился в глаза белый ворот рубахи, выпущенный сверх воротника подрясника. И мне показалось, что и этот монах недалек от мирян, тщеславящихся своими одеждами. «Какой же он оптинец?!» — так вот я осудил этих двух иноков. И думал, что я прав в своих помыслах.

Но вот на другой день за литургией я сказал проповедь (об этом ниже). И что же? Когда я сходил с храмовой паперти, ко мне подбежали два монаха и при всем народе поклонились мне с благодарностью в ноги, прося благословения. Кто же, думали бы вы, были эти два монаха?.. Один из них — полный певчий на могилках, а другой — этот канонарх с белым воротничком. Я был ошеломлен, что именно те двое, которых я осудил как плохих монахов, они-то именно и проявили смирение... Господь как бы обличил меня за несправедный суд о людях. Да, сердце человека ведомо лишь одному Богу. И нельзя судить нам по внешности... Много ошибок делаем мы в своих суждениях и пересудах...

Игумены

Вместе с этими монахами мне вспомнился и отец игумен монастыря. Я теперь забыл его святое имя — может быть, его звали Ксенофонт²⁷? Это был уже седовласый старец с тонкими худыми чертами бледного лица. Лет около семидесяти. Мое внимание обратила особая строгость его лица, даже почти суровость. А когда он выходил из храма боковыми южными дверями, то к нему с разных сторон потянулись богомольцы, особенно — женщины. Но он шел поспешно вперед, в свой настоятельский дом, почти не оглядываясь на подходивших и быстро их благословляя. Я не посмел осудить его: слишком серьезно было лицо его. Наоборот, я наполнился неким благоговейным почтением к нему. Этот опытный инок знал, как с кем обращаться. И вспоминается мне изречение святого Макария Великого, что у Господа есть разные святые: один приходит к Нему с радостью; другой — в суровости; и обоих Бог приемлет с любовью.

Вспоминаю другого игумена, по имени Исаакий²⁸. Он перед служением литургии в праздники всегда исповедовался духовнику. Один ученый монах, впоследствии известный митрополит, спросил его, зачем он это делает и в чем ему каяться? Какие у него могут быть грехи? На это отец игумен ответил сравнением:

— Вот оставьте этот стол на неделю в комнате с закрытыми окнами и запертой дверью. Потом придите и проведите пальцем по нему. И останется на столе чистая полоса, а на пальце пыль, которую не замечаешь даже в воздухе. Так и грехи: большие или малые, но они накапливаются не-

прерывно. И от них следует очищаться покаянием и исповедью.

По поводу этих «малых» грехов припоминается здесь широко известный случай с двумя женщинами, имевший место в Оптиной пустыни. К старцу, вероятно, отцу Амвросию, пришли две женщины. Одна из них имела на своей душе великий грех и потому была крайне подавлена. Другая была весела, потому что за ней никаких «больших» грехов не значилось. Отец Амвросий, выслушав их откровения, послал их обеих к реке Жиздре. Первой он велел найти и принести огромный камень, какой только она была в силах поднять, а другая должна была набрать в подол своего платья маленьких камней. Те исполнили повеленное. Тогда старец велел обоим отнести камни на старые места. Первая легко нашла место большого камня — оно было заметно, а другая не могла запомнить всех мест своих небольших камней и воротилась со всеми ними к старцу. Он и объяснил им, что первая всегда помнила о великом грехе и каялась и теперь могла снять его с души своей; вторая же не обращала внимания на мелкие грехи, а таких оказалось много, и она, не помня их, не могла очиститься от них покаянием.

Здесь же заметим, что в монастырях обычно один лишь игумен монастыря называется «батюшка», как одна матка в пчелином улье. А прочие монахи — как рясофорные, так и манатейные (постриженные в мантию), и иеромонахи — именуются «отцы», с прибавлением их монашеского имени. Исключение составляют лишь старцы: народ обычно называет их тоже «батюшка»; а монахи и тут отличают их от игуменов, называя —

*Святой праведный отец
Иоанн Кронштадтский*

*Схимонах Валаамского монастыря
Никита (Филин)*

*Иеромонах Гефсиманского скита
Троице-Сергиевой Лавры
Исидор Грузинский (Козин)*

*Схиигумен Герман Зосимовский (Гомзин),
местночтимый святой Владимирской епархии*

*Схиигумен Герман Зосимовский (Гомзин)
и преподобный Алексей Зосимовский (Соловьев)*

*Преподобный Анатолий Оптинский
(Потапов)*

*Преподобный Нектарий Оптинский
(Тихонов)*

*Священномученик Вениамин Петроградский
(Казанский)*

*Епископ Иннокентий Херсонский
(Солотчин)*

*Архиепископ Феофан
(Быстров)*

*Преподобный Иосиф Оптинский
(Литовкин)*

Протоиерей Иоанн Домовский

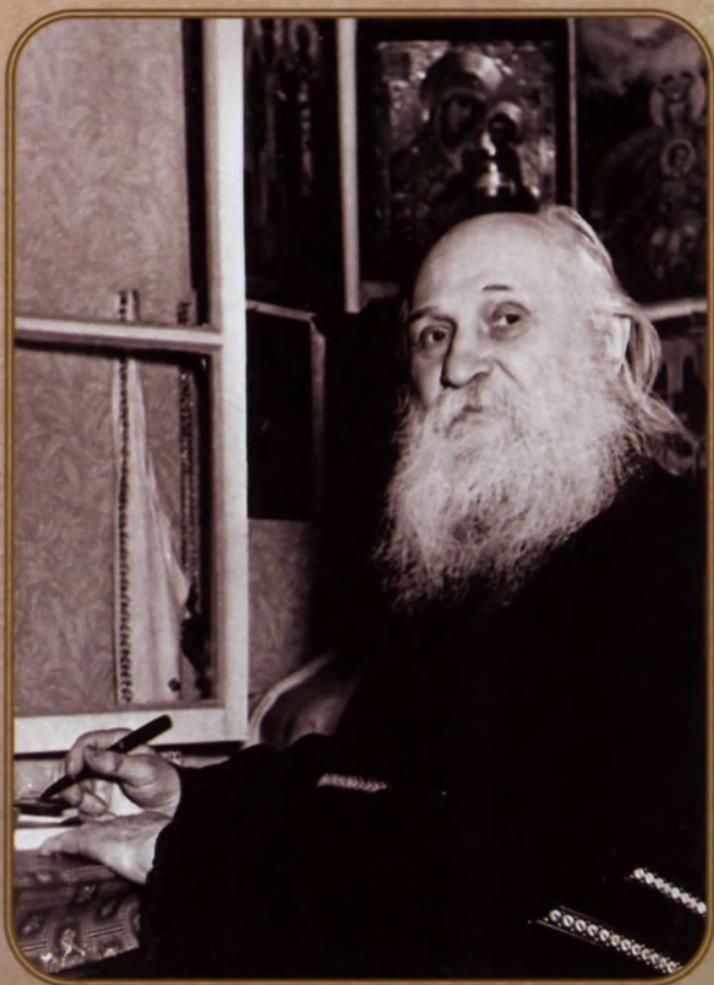
*Протоиерей Иона Атаманский,
местночтимый святой
Одесской епархии*

*Епископ Севастопольский
Вениамин (Федченков).
1920-е годы. Константинополь*

*Епископ Вениамин (Федченков).
1920—1930-е годы. Париж*

*Митрополит Вениамин (Федченков).
Конец 1950-х годов. Печоры*

старец такой-то, по имени. И в монастырях ничего не делается без благословения и разрешения игумена, как в хорошей семье — без разрешения отца.

Святые скитники

Запишу разговор со мною отца Феодосия²⁹ о монашестве моем, почему-то затронутый в беседе: в этот ли раз или в иной — не помню.

— Вы для чего приняли монашество? — спросил он меня.

— Ради большего удобства спасения души и по любви к Богу, — ответил я.

— Это — хорошо. Правильно. А то вот ныне принимают его, чтобы быть архиереями «для служения ближним», как они говорят. Такой взгляд — неправильный и несмиренный. По-нашему, по-православному, монашество есть духовная, внутренняя жизнь; и прежде всего — жизнь покаянная, именно ради спасения своей собственной души. Ну, если кто усовершится в этом, то сможет и другим послужить на спасение. А иначе не будет пользы ни ему, ни другим.

Припоминаю, что утренние службы совершались около трех часов ночи и, кажется, состояли из чина чтения 12 псалмов. Это было недолго, но зато скитские иноки вообще проводили значительную часть дня в свободных молитвах, по келиям. И эта сторона их жизни была ведома лишь им да Богу... Известно, что всякие «правила» и уставы о молитве нужны больше для новоначальных, не воспитавших еще молитвенного горения «непрестанной» молитвы и «стояния пред Богом». Усовершившимся же в этом внешние

правила необязательны; а иногда даже они отвлекают от внутренней молитвы.

Какова была эта сторона жизни у подвижников и у старца Нектария, мне было неизвестно, а спрашивать не смел; да, признаться, и не очень-то интересовался этим, будучи сам нищим в молитве. Только я прежде уже заметил, что, например, у отца Нектария глаза были воспалены: не от молитвенных ли слез? Говорил мне кто-то, что у него еще и ноги больные, распухшие: ясно, от долгих стояний и поклонов...

В молитвенности и заключается главная жизнь подлинных иноков, путь к благодатному совершенству, и даже средство к получению особых даров Божиих: мудрости старческой, прозорливости, чудес, святости. Но эта сторона жизни — сокровенная у подвижников. Однако мы никогда не должны забывать о ней, как самой главной, если желаем хоть умом понять жизнь святых. А нам, грешным и земным, даже вставать к трем часам утра было трудно. Будил нас по келиям довольно молодой еще послушник, отец Нестор. Очень милый и ласковый, всегда с улыбкой на чистом с небольшой бородкой лице. Говорили про него, что он любит спать, поэтому ему и дано было послушание будить других: для этого он вынужден был поневоле вставать раньше, чтобы обойти весь скит. Но и после, говорят, его тянуло ко сну.

Отец Макарий. В противоположность отцу Нестору, это был человек сурового вида. Огромная рыжая борода, сжатые губы, молчаливый, он напомнил мне отца Ферапонта из «Братьев Кара-

мазовых» Достоевского. Он занимал положение эконома в скиту; на эту должность вообще назначают людей посуровее, чтобы не расточал зря, а берег монастырское добро. Познакомился же я с ним по следующему поводу. Однажды мы с сожителем в «Золотухинском» корпусе, отцом Афанасием, пошли к литургии и, позабыв внутри ключ от дома, захлопнули дверь его. Что делать? Ну, думаем, после попросим отца эконома помочь нам: у него много всяких ключей. Так и сделали. Отец Макарий молча пошел с нами в рясе и клобуке — величаво. А замок наш был винтовой. Отец эконом вынул из связки один подобный ключ, но его сердечко было меньше дырочки замка. Тогда он поднял с земли тоненькую хворостиночку, вложил ее в отверстие замка и молча начал опять вертеть ключом. Не помогало. Тогда я посоветовал ему:

— Отец Макарий, вы бы вложили хворостиночку потолще! А эта — тонка: не отопрете.

— Нет, не от того. Без молитвы начал! — сурово ответил он.

И тут же перекрестился, прочитав молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!» И снова начал вертеть ключ с прежней хворостиночкой. И замок тут же открылся. Отец Макарий, не говоря более ни слова, ушел к себе, а мы разошлись по своим комнатам.

По этому поводу и в связи с ним мне вспоминается и другой случай. Спустя десять лет, будучи уже эмигрантом в Европе, я был на студенческой конференции «Христианской ассоциации молодых людей» в Германии, в городе Фалькенберге³⁰.

По обычаю, мы устраивали временный храм и ежедневно совершали богослужения, а в конце недельной конференции все говели и причащались.

В устройстве храма мне помогал друг — студент А. А. У-в. На алтарной стороне нужно было повесить несколько икон. Юноша начал вбивать в стену гвозди, но они попадали на камни и гнулись. Увидев это и вспомнив отца Макария, я сказал: «А вы сначала перекреститесь и молитву сотворите, а потом уже выбирайте место гвоздю».

Тот послушно исполнил это. Помолился и наставил гвоздь в иное место, ударил молотком, и он попал в паз, между камнями. То же самое случилось и со вторым гвоздем, и с прочими.

Был подобный случай и с отцом Иоанном Кронштадтским. Встав рано утром, около трех часов, по обычаю, он должен был читать утреннее правило ко Причащению. Но никак не мог найти этой книжки. Безуспешно пересмотрев все, он вдруг остановился и подумал: «Прости меня, Господи, что я сейчас из-за поисков твари (книги) забыл Тебя, Творца всяческих!» — и немедленно вспомнил место, куда он вчера положил книгу.

Потом в жизни я многим рассказывал об этих случаях. И сам нередко на опыте проверял истинность слов «сурового» отца Макария: «Без молитвы начал».

Отец Кукша. Странное имя, никогда прежде мною не слышанное ни в монастырях, ни в миру. Вероятно, таково было имя святого до обращения в христианство. Потом он был святым иноком в Киево-Печерском монастыре. Жизнь

свою он окончил среди язычников-вятичей, где был за проповедь о Христе обезглавлен вместе со своим учеником Никоном (после 1114 года). Память этого святого 27 августа / 9 сентября, а 28 сентября / 11 октября — со всеми святыми, почивающими в Ближних пещерах. В память этого священномученика почему-то и было дано при постриге имя оптинскому иноку.

Я с ним познакомился ближе потому, что монастырское начальство нашло нужным (почему, я не знаю, а спрашивать там не полагается — все делается беспрекословно, по послушанию) перевести меня из «Золотухинского» дома в другой, в келию рядом с отцом Кукшей. Это был пожилой уже монах, лет около 65-ти, а может быть, и больше; небольшого роста, со светлой бородой; и необыкновенно простой и жизнерадостный. Он мне готовил чай в маленьком самоварчике, вмещавшем 4–5 чашек. Тут лишь мы и встречались с ним. И в скиту, и в монастыре не было обычая и разрешения ходить по чужим келиям без особого послушания и нужды. И я не ходил. А однажды зашел-таки по приглашению к одному монаху, но после получил от отца Феодосия легкое замечание:

— У нас — не ходят по келиям.

Вероятно, и пригласивший меня получил выговор. Хотя наша беседа с ним была не на плохие темы, а о святых отцах и их творениях, но раз — без благословения, то и хорошее — не хорошо...

И к отцу Кукше я не ходил; и даже не видел его келии, хотя жили рядом в доме. Да и он заходил ко мне исключительно по делу, и наши разговоры были случайными и короткими. Однажды

он с удивительной детской простотой сказал мне о старчестве и о старцах:

— И зачем это, не знаю... Не знаю! Все так ясно, что нужно делать для спасения! И чего тут спрашивать?!

Вероятно, чистой душой его, руководимой благодатью Святого Духа, и в самом деле ни о чем не нужно было спрашивать: он жил свято, без вопросов. Беззлобный, духовно веселый, всегда мирный, послушный — отец Кукша был как дитя Божие, о которых Сам Спаситель сказал: *если... не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3). Но однажды с нами случилось искушение. Мне захотелось отслужить утром литургию. А отец Кукша заведовал церковной стороной скита и ризницей. Потому я и сказал ему накануне о своем желании. По чистой простоте он радостно согласился, и я отслужил.

А в скиту был обычай — вечерние молитвы совершать в домике отца скитона начальника. После этого мы все кланялись отцу Феодосию в ноги, прося прощения и молитв, и постепенно уходили к себе. А если ему нужно было поговорить с кем-либо особо, то он оставлял их для этого после всех. Но на этот раз отец Феодосий оставил всех. Братии в скиту было немного. После «прощения» он обращается к отцу Кукше и довольно строго спрашивает:

— Кто благословил тебе разрешить отцу архимандриту (то есть мне) служить ныне литургию?

Отец Кукша понял свою вину и без всяких оправданий пал смиренно в ноги скитона начальнику со словами:

— Простите меня, грешного! Простите!

— Ну, отец архимандрит не знает наших порядков. А ты обязан знать! — сурово продолжал выговаривать отец Феодосий.

Отец Кукша снова бросается в ноги и снова говорит при всех нас:

— Простите меня, грешного, простите!

Так он и не сказал ни одного словечка в свое оправдание. А я стоял тоже как виноватый, но ничего не говорил... Потом, с благословения начальника, мы все вышли... И мне, и всей братии был дан урок о послушании... Действительно ли отец Феодосий рассердился или он просто через выговор смиренному отцу Кукше хотел поучить и других, а более всего — меня, не знаю. Но на другой день утром вижу в окно, что он, в клобуке и даже в мантии, идет к нашему дому. Вошел ко мне в келию, помолился перед иконами и, подавая мне освященную за службой просфору, сказал:

— Простите меня, отец архимандрит, я вчера разгневался и позволил себе выговаривать при вас отцу Кукше.

Не помню теперь, ответил ли я что ему или нет. Но вот скоро встретился другой случай. В Калужскую епархию приехал новый архиерей: епископ Георгий (после убитый в Польше архимандритом С-м)³¹. Он был человек строгий и даже крайне властный.

День был солнечный. Утро ясное. Вижу, отец Феодосий направляется с отцом Кукшей к храму святого Иоанна Предтечи. Я поклонился. Батюшка говорит мне, что ныне он с отцом игуменом монастыря едет в Калугу представляться новому владыке:

— Вот сначала нужно отслужить молебен.

А я про себя подумал: монахи едут к общему отцу епархии и своему, а опасаются, как бы не случилось никакого искушения при приеме... Страшно...

В это время отец Кукша отпер уже храм, и мы двинулись туда. На пути отец Феодосий говорит мне:

— Вы знаете, отец Кукша — великий благодатный молитвенник. Когда он молится, то его молитва — как столп огненный летит к Престолу Божию.

Я молчал. И вспомнил выговор этому столпу: видно, было нужно это и ему, и всем нам...

Седовласый отец Афанасий. Представьте себе глубокого старца с белыми волосами, с белой широкой бородой, закрывавшей почти всю грудь его.

На голове мягкая монашеская камилавка. Глаза опущены вниз и духовно обращены внутрь души — точно они никого не видят. Если кто помнит картину Нестерова «Пустынник», то отец Афанасий похож на него, только волосы блее. В первый раз я обратил внимание на отца Афанасия в скитской трапезной. В чистой столовой, человек на 20–25, в середине стоял стол, а по стенам — лавки. Первый приходивший сюда, положив, по обычаю, троекратное крестное знамение, садился направо, на первое от дверей место. Входивший за ним другой инок, после крестного знаменья, кланялся пришедшему раньше и занимал соседнее место. Так же делали и другие, пока к строго определенному времени не приходили все. И никто ничего не говорил. Нагнувши голову, каждый или

думал что, или — вернее — тайно молился. На этот раз мне пришлось в ожидании трапезы сидеть рядом с отцом Афанасием. В молчаливой тишине я вдруг услышал очень тихий шепот со стороны соседа. Невольно я повернул свое лицо и заметил, как отец Афанасий двигает старческими губами и шепчет молитву Иисусову... По-видимому, она стала у него беспрестанною привычкою и потребностью.

После обеда я спросил у кого-то из скитников: какое особое — кроме молитвы — послушание несет старец? Оказалось, что он из скита носит на скотный двор грязное белье монахов для стирки. Этот двор расположен где-то в лесу, в стороне от монастыря, и там трудится несколько женщин, Бога ради. Вот туда и посылают старца, убеленного сединами.

Отец Иоиль. Я еще упомянул о нем как об очевидце визита Л. Н. Толстого к отцу Амвросию. Теперь — его рассказ о сотрудничестве с этим святым старцем. Батюшка начал и вел постройку женского Шамординского монастыря³² больше с верою, чем с деньгами, которые давал ему на это дело народ и благодетели. И не раз в конце недели рабочим нечем было платить. Отец Иоиль был подрядчиком на этой постройке, от лица отца Амвросия. Приходит время расчета, а денег нет... Народ — все бедный. Приступают к подрядчику: «Плати!» — «Нечем!» Подождите да потерпите. И рабочие — хоть бросай дело. А отцу Иоилю и их жалко, и постройку нельзя остановить.

— Вот я один раз решил отказаться от послушания; неумогу мне, — рассказывал он сам. —

Пришел к батюшке, упал ему в ноги и говорю: «Отпусти, сил никаких нет терпеть людское горе».

Отец Амвросий уговаривает:

— Не отказывайся, проси их подождать.

И сам я плачу, а сил нет.

— Ну, подожди, подожди! — говорит батюшка.

И пошел он к себе в келию. «Ну, — думаю, — где-нибудь в столе своем отыщет деньги?» А он выходит с иконой Казанской Божией Матери и говорит:

— Отец Иоиль! Сама Царица Небесная просит тебя: не отказывайся!

Я упал ему в ноги. И опять пошел на дело.

Отец Исаакий. Кажется, таково было имя одного из скитских старых иеромонахов. Мы с ним встретились во внутреннем садике. Это был старец, лет под 70, но еще бодрый. Длинная, с проседью борода. Он был духовником в этом самом Шамординском монастыре, наезжая туда по временам. К сожалению, из небольшой случайной нашей беседы осталось очень мало в памяти моей. Но он утешал меня, убеждая не унывать. Причем обратил мое внимание на то, что образованные монахи тоже делают святое дело в миру, тоже исполняют церковное послушание в школах, семинариях, во славу Божию. И при этом в глазах его светилась ласка и тихое ободрение.

Первый визит в скит

Когда я через ворота под колокольной вошел внутрь двора скита, меня приятно поразило множество цветов, за коими был уход. Об этом я уже

говорил. Налево узенькая дорожка вела к скито-начальнику отцу Феодосию. Он был здесь как бы «хозяином», но подчинялся отцу игумену монастыря, как и все прочие. Это был человек высокого роста, уже с проседью и довольно плотный. Познакомились. И я сразу попросил у него благословения сходить исповедаться у старца отца Нектария.

Опишу ту комнату, в которой я встретился с ним и где бывали и Достоевский, и Л. Толстой, и другие посетители, коим разрешалось входить в скит.

Она была небольшая, приблизительно аршин пять на восемь. Два окна. По стенам скамьи. В углу икона и картина святых мест. Лампадка. Под иконами стол, на котором лежали листочки религиозного содержания. Эта комната составляла часть всего домика, называемого «хибаркой», где жил старец. Из приемной комнаты вела дверь в помещение самого старца. А другая дверь от него вела в подобную же комнату, соседнюю с нашей; там принимались и мужчины, и женщины, так как в нее вход был прямо из леса, с внешней стороны скита; я там не бывал.

Другой старец, батюшка отец Анатолий, жил в самом монастыре и там принимал народ, преимущественно мирян; а монахам рекомендовалось больше обращаться к отцу Нектарию.

Когда я вошел в приемную, там уже сидело четверо: один послушник и какой-то купец с двумя мальчиками, лет по 9–10. Как дети они о чем-то говорили и весело, но тихо щебетали и, сидя на скамейке, болтали ножками. Когда их разговор становился уже громким, отец прика-

зывал им молчать. Молчали и все мы, взрослые: как в церкви; и здесь была благоговейная атмосфера. Рядом святой старец. Но детям это было невтерпез, и они сползли со скамьи и начали осматривать красный угол с иконами. Рядом с ними висела картина какого-то города. На ней и остановилось особое внимание шалунов. Один из них говорит другому: «Это наш Елец». А другой возражает: «Нет, это Тула». — «Нет, Елец». — «Нет, Тула!» И разговор опять принимал горячий оборот. Тогда отец подошел к ним и обоим дал сверху по щелчку. Дети замолчали и воротились назад к отцу на скамейку. А я, сидя почти под картиной, поинтересовался потом: за что же пострадали малыши? За Тулу или за Елец? Оказалось, под картиной была подпись: «Святой град Иерусалим».

Зачем отец приехал и привез с собой своих деточек, я не знаю, а спросить казалось грешно: мы все ждали выхода старца, как церковной исповеди. А в церкви не говорят и об исповеди не спрашивают. Каждый из нас думал о себе, о своих грехах и нуждах.

А о чем же думали, сидя здесь, Достоевский, Толстой? Увы, это покрыто тайной забвения. Впрочем, о Толстом рассказал маленький эпизод отец Иоиль, видевший его в скиту.

Долго Толстой говорил с отцом Амвросием-старцем. А когда вышел от него, лицо его было хмурое. За ним вышел и старец. Монахи, зная, что у отца Амвросия известный писатель, собрались вблизи дверей хибарки. Когда Толстой направился к воротам скита, старец сказал твердо, указывая на него:

— Никогда не обратится ко Христу! Гордыня!
Так именно и случилось.

Второй раз Толстой посетил Оптинский скит перед смертью. Как известно, он ушел из своего дома. И, между прочим, посетил свою сестру Марию Николаевну, монахиню Шамординского монастыря, созданного отцом Амвросием верстах в 12-ти от Оптиной. И тут у него снова явилось желание обратиться к старцам. Но он опасался, что они откажутся принимать его теперь, так как он был уже отлучен Церковью за свою борьбу против христианского учения — о Святой Троице, о воплощении Сына Божия, о Таинствах (о коих он выражался даже кощунственно). Сестра же уговаривала его не смущаться, а идти смело, уверяя, что его встретят с любовью... И он согласился... Слышал я, что он будто бы подошел к двери хибарки и взялся за ручку, но... раздумал и ушел обратно. Потом он поехал по железной дороге и, заболев, вынужден был остановиться на станции Астапово Тульской губернии, где и скончался в тяжелых душевных муках. Церковь посылала к нему епископа Тульского Парфения³³ и старца Оптинского Варсонофия, но окружавшие его лица (Чертков и другие) не допустили их до умирающего.

Некоторые подробности об этом визите в Оптину были записаны после смерти его в «Церковных Ведомостях».

Припомню тут и слышанное мною о нем во Франции. Одно время я жил на побережье Атлантического океана. Там же в одном доме жила тогда и жена одного из сыновей Л. Толстого

со своим внуком Сережей. И она иногда рассказывала кое-что о нем и тоже повторяла, что он был «гордый»... Но она жалела его... Внук был тоже чрезвычайно капризный: если что-либо было не по нем, то он бросался на пол и затылком колотился об него, крича и плача. А в другое время он был ласков ко всем... После отец, чех, выкрал его от бабушки; он тогда уже разошелся с внучкой Толстого.

О Достоевском мне, к сожалению, не пришлось ни услышать, ни прочитать ничего [связанного с Оптиной]. А его беседа была бы, конечно, интересна. И дух ее был иной, так как он был христианин и скончался — исповедавшись и причастившись Святых Таин, читая Евангелие.

СТАРЕЦ НЕКТАРИЙ¹

Тогда мне рассказывали, но теперь я уже не помню, когда и почему он прибыл в монастырь. Одно лишь припоминаю, что он пришел молодым, чистым юношей. И старец Амвросий, прозрев в нем будущего угодника Божия, дал заповедь: принять его сразу в скит и никогда отсюда не посылать на послушание в монастырь! Так и было. В скиту он прожил до старости, лет до 70–75, каким я увидел его при посещении (1913). Да после он жил еще до выселения монахов из Оптиной. А скончался он в доме одного крестьянина, который взял его к себе в деревню... Еще из Парижа (1925–1926) я переписывался с ним через одно семейство, а потом получил известие о кончине его. Следовательно, в то время ему было, вероятно, около 85 лет².

Ворочусь к воспоминаниям в хибарке.

Прождали мы в комнате минут десять молча: вероятно, старец был занят с кем-нибудь в другой половине домика. Потом неслышно отворилась дверь из его помещения в приемную комнату, и он вошел... Нет, не вошел, а как бы вплыл тихо... В темном подряснике, подпоясанный широким

ремнем, в мягкой камилавке, отец Нектарий осторожно шел прямо к переднему углу с иконами и медленно-медленно и истово крестился... Мне казалось, будто он нес какую-то святую чашу, наполненную драгоценной жидкостью, и крайне опасался: как бы не пролить ни одной капли из нее... И тоже мне пришла мысль: святые хранят в себе благодать Божию и боятся нарушить ее каким бы то ни было неблагоговейным душевным движением — поспешностью, фальшивой человеческой лаской и прочим. Отец Нектарий смотрел все время внутрь себя, предстоя сердцем пред Богом. Так советует и епископ Феофан Затворник: сидя ли, ходя ли или делая что, будь непрестанно перед лицом Божиим³.

Лицо его было чистое, розовое, небольшая борода — с проседью. Стан тонкий, худой. Голова его была немного склонена книзу. Глаза — полужакрыты.

Мы все встали... Он еще раз три перекрестился перед иконами и подошел к послушнику. Тот поклонился ему в ноги; но стал не на оба колена, а лишь на одно, вероятно, по тщеславию стыдился делать это при посторонних свидетелях. От старца не укрылось это, и он спокойно, но твердо сказал ему:

— И на второе колено стань!

Тот послушался... И они о чем-то тихо поговорили... Потом, получив благословение, послушник вышел.

Отец Нектарий подошел к отцу с детьми: благословил их и тоже поговорил... О чем, не знаю. Да и не слушал я: было бы грешно подслушивать. О себе самом думал я... Все поведение старца про-

извело на меня благоговейное впечатление, как бывает в храме перед святынями, перед иконою, перед исповедью, перед Причастием.

Отпустив мирян, батюшка подошел ко мне, к последнему. Или я тут отрекомендовался ему как ректор семинарии, или прежде сказал об этом через келейника, но он знал, что я — архимандрит. Я сразу попросил его принять меня на исповедь.

— Нет, я не могу исповедовать вас, — ответил он. — Вы человек ученый. Вот идите к отцу скитона начальнику нашему, отцу Феодосию, он — образованный.

Мне горько было слышать это: значит, я недостойн исповедаться у святого старца? Стал я защищать себя, что образованность наша не имеет важности. Но отец Нектарий твердо остался при своем и опять повторил совет — идти через дорожку налево к отцу Феодосию. Спорить было бесполезно, и я с большой грустью простился со старцем и вышел в дверь.

Придя к скитона начальнику, я сообщил ему об отказе отца Нектария исповедовать меня и о совете старца идти за этим к образованному отцу Феодосию.

— Ну, какой же я образованный?! — спокойно ответил он мне. — Кончил всего лишь второклассную школу. И какой я духовник?! Правда, когда у старцев много народа, принимаю иных и я. Да ведь что же я говорю им? Больше из книжек наших же старцев или из святых отцов, что-нибудь вычитаю оттуда и скажу. Ну, а отец Нектарий — старец по благодати и от своего опыта. Нет, уж вы идите к нему и скажите, что я благословляю его исповедать вас.

Я простился с ним и пошел опять в хибарку. Келейник с моих слов все доложил батюшке, и тот попросил меня к себе в келию.

— Ну, вот и хорошо, слава Богу! — сказал старец совершенно спокойно, точно он и не отказывался прежде. Послушание старшим в монастыре — обязательно и для старцев: и может быть, даже в первую очередь, — как святое дело и как пример для других.

И началась исповедь... К сожалению, я теперь решительно не помню ничего о ней... Одно лишь осталось в душе, что после этого мы стали точно родными по душе. На память батюшка подарил мне маленькую иконочку из кипарисового дерева с выточенным внутри распятием.

Подошел праздник Успения Божией Матери. Накануне, часов около 11-ти, ко мне приходит из монастыря благочинный отец Федот. Несколько полный, с проседью в темных волосах и бороде, спокойный, приветливый; он и с собою принес тишину. Помолившись и поздоровавшись со мною, он сначала справился о моем здоровье и самочувствии, потом порадовался — «какая ныне хорошая погода» — был тихий, безоблачный день. Я подумал: подход — как в миру, между светскими людьми... Жду дальше: напрасно монахи не ходят по келиям, как писалось раньше. И действительно, отец благочинный скоро перешел к делу:

— Ваше Высокопреподобие! Батюшка отец игумен просит вас сказать завтра, на поздней литургии, поучение...

Это предложение было для меня совершенно неожиданным: я в миру довольно много говорил

проповедей, речей, уроков. И устал духовно от многоглаголанья; потому, живя в монастыре, хотел уже отдохнуть от учительства в тишине, одиночестве и молчании. И в самом деле отдыхал. И вдруг — проповедуй и здесь?

— Нет, нет! — запротестовала моя душа. — Не могу, батюшка!

И начался между нами долгий спор.

— Почему же, Ваше Высокопреподобие?!

— Ну чему я буду учить вас в монастыре?! Вы — истинные монахи; а живя в миру, какие мы монахи? Нет, и не просите напрасно.

Но отца благочинного нелегко оказалось заставить отказаться от данного ему игуменом поручения:

— А как же вон у нас жили другие ученые монахи, — стал он перечислять их имена, — и проповедовали?

— Это не мое дело, — отстранял я его возражение. — Я про себя говорю, что не могу учить вас, монахов. Да и что особого я могу вам сказать? У вас на службах читаются, по уставу, и жития святых из Пролога, и поучения из творений святых отцов. Что же лучше?

— Так-то так, но и живое устное слово полезно нам послушать, — настаивал отец Федот.

— Святые отцы — всегда живые, — возражал я, — нет уж, батюшка, не просите! Мне трудно это. Так и объясните отцу игумену.

— Да ведь отец игумен и благословил меня просить вас проповедовать.

Видя, что никакие уговоры не действуют на посланца, я вспомнил о старце Нектарии. «Вот кто может выручить из неожиданной беды, —

думалось мне, — я у него исповедался, он знает мою грешную душу и скорее поймет мой отказ по сознанию моего недостойнства, а слово старца — сильно в обители».

— Я спрошу у батюшки, отца Нектария, — сказал я.

— Хорошо, хорошо! — согласился сразу отец Федот.

И с этими словами он начал прощаться со мной. Да было и время: в монастыре зазвонил небольшой колокол к обеду. Благодичный ушел, а я направился к хибарке старца. В знакомой мне приемной никого не было. На мой стук вышел из келии отец Мелхиседек: маленького роста, в обычной мягкой камилавке, с редкой молодой бородою, с ласковым лицом.

Я объяснил ему наше дело и добавил:

— Мне нет даже нужды беспокоить самого батюшку, он занят другими. Вы только спросите у него совета. И скажите ему, что я прошу его благословить меня не проповедовать.

И я верил в такой ответ старца: мне казалось, что я хорошо поступаю, смиренно. Келейник, выслушав меня, ушел за дверь. И почти тотчас же возвратился:

— Батюшка просит вас зайти к нему.

Вхожу. Целуем друг у друга руки. Он предложил мне сесть и, не спрашивая больше ни о чем, сказал следующие слова, которые врезались мне в память до смерти.

— Батюшка, — обратился он ко мне тихо, но чрезвычайно твердо, авторитетно, — примите совет на всю вашу жизнь: если начальники или старшие вам предложат что-нибудь, то, как бы

трудно или даже как бы высоко ни казалось это вам, — не отказывайтесь. Бог за послушание поможет!

Затем он обратился к окну и, указывая на природу, сказал:

— Смотрите, какая красота: солнце, небо, звезды, деревья, цветы... А ведь прежде ничего не было! Ничего! — медленно повторил батюшка, протягивая рукою слева направо. — И Бог из ничего сотворил такую красоту. Так и человек: когда он искренно придет в сознание, что он — ничто, тогда Бог начнет творить из него великое.

Я стал плакать. Потом отец Нектарий заповедовал мне так молиться:

— Просите в молитве у Бога — благодати.

Я хотя был уже тогда ректором семинарии, но не знал, о чем, собственно, я буду молиться. И спросил его:

— Как, батюшка, молиться?

— Молитесь просто: «Господи, дай мне благодать Твою».

А затем добавил:

— На вас идет (допустим) туча скорбей, а вы молитесь: Господи, дай мне благодать! — И Господь пронесет мимо вас грозу.

При этом он медленно протянул рукою слева направо, подобно тому, как грозовая туча неожиданно сворачивает в сторону и пронесется мимо.

Много лет спустя (около 20) я должен был усердно молиться этой молитвой, и беда миновала.

Отец Нектарий, продолжая свою речь, рассказал мне почему-то историю из жизни патриарха Никона, когда он, осужденный, жил в ссылке и

оплакивал себя. Теперь уж я не помню этих подробностей о патриархе Никоне, но «совет на всю жизнь» стараюсь исполнять. И теперь слушаюсь велений Высшей Церковной власти. И, слава Богу, никогда в этом не раскаивался. А когда делал что-либо по своему желанию, всегда потом приходилось страдать.

...Вопрос о проповеди был решен: нужно слушать отца игумена и завтра — говорить. Я успокоился и ушел. Обычно для меня вопрос о предмете и изложении поучения не представлял затруднений; но на этот раз я не мог подыскать нужной темы до самого всенощного бдения. И уже к концу чтения канона на утрени в моем уме и сердце остановились слова, обращенные к Богородице: «Сродства Твоего не забуди, Владычице!» Мы, люди, сродники Ей по плоти. Она — из нашего человеческого рода. И хотя Она стала Матерью Сына Божия, Богородицею, но мы, как Ее родственники, все же остались Ей близкими. А потому смеем надеяться на Ее защиту нас пред Богом, хотя бы были и бедными, грешными родственниками Ее... И мысли потекли, потекли струей... Вспомнился и пример из жития святителя Тихона Задонского о грешном настоятеле этой обители, как он был помилован и даже воскрешен Господом. «За молитвы Моей Матери возвращается в жизнь на покаяние», — слышался ему голос Спасителя, когда душа его спускалась на землю. А настоятель этот, будучи по временам одержим нетрезвостью, имел обычай в прочие дни читать акафист Божией Матери.

В день Успения я отслужил раннюю в другом храме... И вдруг во мне загорелось желание ска-

зять поучение и тут. Но так как это было бы само-волием, я воздержался.

Какие лукавые бывают искушения!

На поздней литургии я сказал приготовленную проповедь. Она была действительно удачною. В храме кроме монахов было много и богомольцев-мирян. Все слушали с глубоким вниманием.

Но на этом «слава» моя не кончалась. Когда я возвратился в скит, меня на крылечке нашего домика встретил преподобный отец Кукша:

— Вот хорошо сказали, хорошо! Вот был у нас в Калуге архиерей Макарий⁴: тоже хорошо-о говорил проповеди!

Я промолчал. На этом разговор и кончился.

Через некоторое время из монастыря пришла уже целая группа послушников и стала просить меня:

— Батюшка, пойдёмте погуляем в лесу и побеседуем: вы такую хорошую проповедь нам ска-зали.

«О-о! — подумал я про себя. — Уже учителем заделаться предлагают тебе? А вчера считал себя недостойным и говорить?! Нет, нет: уйди от искушения!» — И я отклонил просьбу пришедших.

Кстати: вообще монахам не дозволяется ходить по лесу и лишь по праздникам разрешалось это, и то группами, для утешения. Но этим пользовались лишь единицы, а другие сидели по келиям, согласно заповеди древних отцов: «Сиди в келии, и келия спасет тебя».

На следующий день мне нужно было выезжать из монастыря на службу в Тверскую семинарию, и я пошел проститься сначала с отцом

Нектарием. Встретив меня, он с тихим одобрением сказал:

— Видите, батюшка: послушались, и Бог дал вам благодать произнести хорошее слово.

Очевидно, кто-то ему уже об этом сообщил, так как старец не ходил в монастырь.

— Ради Бога, — ответил я, — не хвалите хоть вы меня, бес тщеславия меня уже и без того мучает второй день.

Старец понял это и немедленно замолчал. Мы простились.

От него я пошел через дорожку к скитоначальнику отцу Феодосию. Тот спросил меня, как я себя чувствую, с каким настроением отъезжаю.

Я искренно поблагодарил за все то прекрасное, что я видел и пережил здесь. Но добавил:

— А на сердце моем осталось тяжелое чувство своего недостойнства.

Мне казалось, что я говорил искренно и сказал неплохо, а сознание недостойнства мне представлялось смирением. Но отец Феодосий посмотрел иначе.

— Как, как? — спросил он. — Повторите, повторите!

Я повторил. Он сделался серьезным и ответил:

— Это — не смирение. Ваше преподобие, это — искушение вражье, уныние. От нас, по милости Божией, уезжают с радостью; а вы — с тяготою? Нет, это — неладно, неладно. Враг хочет испортить плоды вашего пребывания здесь. Отгоните его. И благодарите Бога. Поезжайте с миром. Благодать Божия да будет с вами.

Я простился. На душе стало мирно.

Какие вы духовно опытные! А мы, так называемые «ученые монахи», в самих себе не можем разобраться правильно... Не напрасно и народ наш идет не к нам, а к ним... «простецам», но мудрым и обученным благодатью Духа Святого. И апостолы были из рыбаков, а покорили весь мир и победили «ученых». Истинно говорится в акафисте: «Ветія многовещанная», — то есть ученые ораторы, — видим «яко рыбы безгласныя»⁵, по сравнению с христианской проповедью этих рыбаков.

И теперь «ученость» наша была посрамлена еще раз.

Когда я приехал на вокзал в Козельск, то в ожидании поезда сидел за столом. Против меня оказался какой-то низенький крестьянин с остренькой бородкой. После короткого молчания он обратился ко мне довольно серьезно:

— Отец, ты, что ли, вчера говорил проповедь в монастыре?

— Да, я.

— Спаси тебя Господи! А знаешь, я ведь думал, что благодать-то от вас, ученых, совсем улетела...

— Почему так?

— Да, видишь: я безбожником одно время стал; а мучился. И начал я к вам, ученым, обращаться: говорил я с архиереями — не помогли. А вот потом пришел сюда, и эти простецы обратили меня на путь. Спаси их Господи! Но вот вижу, что и в вас, ученых, есть еще живой дух, как Сам Спаситель сказал: *Дух дышет, идеже хоцет* (Ин. 3, 8).

Скоро подошел поезд. В вагон второго класса передо мною поднялись по ступенькам две ин-

теллигентные женщины. За ними вошел и я. Они очень деликатно обратились ко мне со словами благодарности за вчерашнее слово. Оказалось, это были две дворянки, приезжавшие издалека на богомолье в Оптину и слышавшие мою проповедь. И думается, что эти «ученые» — не хуже, а даже лучше, смиреннее, чем бывший безбожник... Да, воистину Дух Божий не смотрит ни на ученость, ни на «простоту», ни на богатство, ни на бедность, а только на сердце человеческое, и если оно пригодно, то Он там живет и дышит...

Началась революция. И вот какое предание дошло до меня за границей. Отец Нектарий будто бы встретил пришедших его арестовывать с детскими игрушками и с электрическим фонариком, совершенно спокойный. И перед ними он то зажигал, то прекращал свет фонаря. Удивленные таким поведением глубокого старца, а может быть, и ожидавшие какого обличения за свое безобразие от святого, молодые люди сразу же от обычного им гнева перешли в благодушно-веселое настроение и сказали:

— Что ты? Ребенок, что ли?

— Я — ребенок, — загадочно-спокойно ответил старец.

Если это было действительно так, то стоит серьезно задуматься над смыслом поведения его и загадочным словом о «ребенке».

А ребенком он мог назвать себя, поскольку идеальный христианин становится действительно подобным дитяти по духу. Сам Господь сказал ученикам при благословении детей: *если... не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3).

Записки об отце Нектарии⁶

Когда я возвратился в Россию в 1948 году, то мне пришлось здесь познакомиться с одной писательницей⁷. Она прежде была неверующею. К ней правительство обратилось с предложением съездить в Оптину пустынь и произвести там перепись рукописей. Но она отказывалась.

В это время во сне увидела какого-то монаха. И согласилась. Каково же было ее удивление, когда этим монахом оказался отец Нектарий. Это изменило все воззрения ее: она стала духовной дочерью старца и была ею до его смерти. Написала житие его; собрала документы о его жизни. И теперь я пользуюсь ими.

Совершенно неожиданно, как бы чудесно, сбылись мои желания, которыми я закончил свои воспоминания в Америке. «Хорошо бы со временем, — писал я, — узнать об этом», то есть о судьбе отца Нектария после революции, «да и вообще о конце его».

Случилось это так. 8–21 июля я служил в храме Казанской Божией Матери под Ригой. И говорил, по обычаю, проповедь. Среди слушателей была и эта женщина. После службы она передала знакомому свое впечатление о мне такое:

— Этот владыка, вероятно, имел связь с Оптиной: так близок дух его к ней!

Что, собственно, она нашла во мне «оптинского», кроме обыкновенного общеправославного духа, не знаю. Да ведь я и не мог занять в Оптиной много, потому что был там всего лишь два раза, и то на короткий срок. Но это предположение привело ее ко мне; и она была необычайно удивлена,

когда я через несколько минут разговора упомянул не только об Оптиной, но и стал читать ей свои воспоминания именно об отце Нектарии. Разве это не поразительно? Приехать из Америки в Ригу и здесь узнать о желанном мне предмете? Да если бы я изъездил всю Россию, и то не нашел бы такой встречи! А тут приходит ко мне самому человек, лично и близко знавший обстоятельства истории Оптиной и жизни святого старца и даже написавший именно о нем свои записки!

Святые и усопшие, живущие на Небесах, имеют гораздо более тесное, близкое общение с нами, живыми, чем мы обычно привыкли об этом думать в жизни своей. И эту женщину послал ко мне сам отец Нектарий. Это я и считаю чудом.

От нее я узнал чрезвычайно важные подробности о его исключительной духовной высоте и о событиях жизни последних его лет. А теперь, получив в свои руки на время ее рукописи, считаю необходимым сделать из них выписки для восполнения своих малых воспоминаний. И как увидим сейчас, мои записки представляются крайне незначительными по сравнению с новыми материалами: у меня запечатлены лишь некоторые факты из моих встреч и бесед, а здесь вскрыты такие мистические высоты, о которых я и не мог подозревать!

Записки N

Батюшка крещен в городе Ельце, в церкви преподобного Сергия; служил он потом приказчиком у купца Хамова. Мать звали Елена. Отца — Василием. Фамилия — Тихоновы. Крестные — Николай и Матрона.

***

Батюшка стал старцем в 1913 году.

***

В первый раз я увидела старца Нектария в июне 1922 года. Тогда это был старец с чудесным лицом: то невероятно древним — тысячелетним, то молодым — лет сорока. Черты лица — правильны; из-под шапочки выбиваются длинные редкие пряди полуседых волос... Длинные пальцы; походка скользящая, словно он мало касается земли, — и вместе старческая. Очи его небольшие. Такая в них мысль, ясность и иногда любовь.

К 1925 году старец одряхлел, согнулся; ноги страшно отекали, сочатся сукровицей (это следствие бесконечных стояний на молитве). Лицо его утратило отблеск молодости. Это все вернулось к нему только во время предсмертной болезни (я видела его за 2 месяца до смерти). Он очень ослабел... Часто засыпал среди разговора.

***

В 1921 году умер близкий мне человек⁸... Мне нужен был учитель, который спас бы меня от прелесть. Я молилась. В тот день пришли ко мне (знакомые) и рассказали об отце Нектарии⁹. Я написала ему письмо... Тогда же я увидела его во сне; и сон этот произвел на меня глубокое впечатление. Я видела, что я и другие люди стоим в какой-то комнате и ждем выхода старца Нектария.

...Наконец проходит он; я запоминаю его лицо, и все мое существо стремится за ним. Потихоньку я иду за ним в другую комнату. Там стоят столы, и монахи рассаживаются и пьют чай. Я чувствую себя недостойной, забиваюсь в угол и оттуда со слезами гляжу на трапезующих. Предо мною как

бы развертывается вся моя жизнь; а выйти из своего угла из-за шкафа просто невозможно. И когда я дохожу до какой-то предельной точки этого горького сознания, отец Нектарий встает, подходит ко мне, берет меня за руку, ведет к столу, усаживает рядом с собой и начинает поить меня чаем.

Проснувшись, я как-то затаила в себе сон.

***

В июне 1922 года ко мне пришел неверующий литератор О., не знавший ничего вообще о моей духовной жизни, не говоря уже о моем обращении к старцу, и предложил мне написать книгу об Оптиной. Я сначала отказывалась, ссылаясь на незнакомство с предметом.

— Поезжайте туда, чтобы писать на месте.

— У меня нет денег.

— Вот вам аванс.

Это было настолько удивительно, что я больше не посмела отказываться.

Приезжаю в Оптину.

***

...Отец Нектарий вышел в хибарку на благословение. Я его сразу узнала: я видела его во сне.

***

Наконец старец говорит:

— Нет, хорошо, что вы приехали. Это — Божий Промысл. Оставайтесь здесь и пишите книгу.

Молчание. И вдруг лицо его загорается и делается строгим:

— Вы верите в Бога?

— Да.

— Вы хотите у меня исповедоваться?

— Да.

— Идите сейчас в церковь. Там идет повечерие, через полчаса возвращайтесь ко мне на исповедь. Вы обедали?

Я ела в тот день скоромное.

Прихожу через полчаса. Я была в каком-то бесконечном восторге. Я не знала, как сложатся мои отношения со старцем; я видела только необыкновенное обаяние этого человека, и я узнала в нем того, кого видела во сне. После исповеди он был очень ласков со мной и сказал (не помню: теперь или в конце исповеди) после долгого молчания:

— Да, грешна, но дух истинно христианский.

...(После) я при всех сказала ему: «Простите меня».

Тогда он положил руку мне на голову и сказал три раза: «Все прощено».

***

Вся маленькая приемная его была залита послеобеденным солнцем; и в ней стояла чудная тишина. Я чувствовала, что погружаюсь в какую-то неизъяснимую радость.

Я осталась жить в Оптиной.

***

(Некто Ф.)¹⁰, бывшая курсистка математического факультета, пришла к отцу Нектарию и осталась там. Она с детства была ясновидящей: у них в семье наследственное ясновидение. Демонов она видела совершенно запросто, в любое время дня и ночи и в любой обстановке. Часто мы сидим с ней, а она говорит:

— Н., вот демон.

Я — в ужасе:

— Где?

— А вот там, — показывает.

Я — в панике, но с любопытством:

— А какой у него вид?

Облики демонов бывали разные — в виде рыбы, в виде кошки, в виде красной пьяной морды и так далее.

Я пошла к батюшке и рассказала ему. Он в ответ:

— А ты не бойся.

Я и перестала бояться и с тех пор относилась к Ф-м видениям спокойно.

Мне самой нечистую силу пришлось видеть зрительно только раз за это время. Я сидела в хибарке — там, где икона «Достойно», — на ступеньках, ведущих в комнаты старца, спиной к его двери. Хибарка была полна. Никакого ожидания чего-либо сверхъестественного у меня не было, и время было не позднее — часов около 6-ти вечера.

Вдруг я вижу — из-за моего правого плеча выбегает золотая синеватая змейка вроде медленной молнии, проскользнет, скроется и опять выбегает. Я изумилась и стала тереть глаза, думая, что это какое-то странное физическое явление. Нет, не помогает. А перекреститься мне стыдно: ну чего я буду — этак, лицом к народу — креститься? Змейка все быстрее и как бы наглее вьется сбоку от меня.

«Хоть бы батюшка вышел!» — думаю я.

Нет, не идет. А меня уже начинает охватывать неприятное чувство. Тогда я перекрестилась потихоньку — опять стесняясь этого. Еще хуже! Передо мной — уже прямо передо мной, на уровне лица моего, — загорается тем же синевато-золотым пламенем звездочка и начинает лихо от-

плясывать; ее движения были одушевленны, задорны и торжествующи. Тогда я не выдержала и перекрестилась большим открытым крестом. Все мгновенно исчезло.

Через минуту дверь открылась; вышел батюшка, благословил всех и позвал меня к себе. Я ему рассказала о виденном и спросила его, что это было все-таки: физическое или же духовное явление?

Он, улыбаясь, сказал:

— Нет, духовное.

И прибавил, что это мне за что-то наказание; только не помню сейчас — за что.

***

Как-то я спрашивала его: можно ли надеяться на соединение Церквей? Он ответил:

— Нет! Это мог бы сделать только Вселенский Собор; но Собора больше не будет. Было уже 7 Соборов, как 7 Таинств, 7 даров Духа Святого. Для нашего века полнота числа — 7. Число будущего века — 8. К нашей Церкви будут присоединяться только отдельные личности.

***

Батюшка приучал меня всячески к терпению. Любимая его поговорка: «Всюду нужно терпение и пождание».

Учил он терпеть, заставляя ждать приема целыми часами, а иногда — и днями.

Зато какое бывало счастье, когда примет! Очень хорошо было бывать у него во время по-вечерия. Это были часы его отдыха. Он не любил в это время отвечать на вопросы и сам не говорил. Бывало, он сидит в кресле и молча молится

или дремлет — а молчание его всегда было прекраснее и выше слов, — или просит читать ему вслух. И никто в этот час не входит в келью, не беспокоит его...

***

Бремя старчества страшно и тяжело. И быть старцем каждую секунду непосильно человеку. Старца окружает великая любовь народная, но — и великая требовательность. Каждое движение его истолковывается символически. Я видела, как люди плакали, если он попросту ласково угощал конфетами: дескать, если он дает конфету, значит, меня ждет горе! Много конфет я съела из его рук, и никакого горя не следовало за этим. И батюшка иногда изнемогал под этими суеверными отношениями к нему — не говоря уже о тяжести самого старческого подвига.

Однажды я спросила его, должен ли он брать на себя страдания и грехи приходящих к нему, чтобы облегчить их и утешить.

Он сказал:

— Да. Ты сама поняла; поэтому я скажу тебе: иначе облегчать нельзя. И вот чувствуешь иногда, что на тебе словно гора камней, — так много греха и боли принесли к тебе; и прямо не можешь снести ее. Тогда приходит благодать и разметывает эту гору камней, как гору сухих листьев; и можешь принимать сначала.

О суеверном же отношении к нему он сам говорил:

— У меня иногда бывают предчувствия, и мне открывается о человеке. А иногда — нет. И вот удивительный случай был. Приходит ко мне женщина и жалуется на сына — ребенка девяти-

тилетнего, — что нет с ним сладу. А я ей говорю: «Потерпите, пока ему не исполнится 12 лет». Я сказал это, не имея никаких предчувствий; просто потому, что по научности знаю, что в 12 лет у человека бывает изменение. Женщина ушла. Я и забыл об этом. Через 3 года приходит эта мать и плачет: умер сын ее, едва ему исполнилось 12 лет. Люди, верно, говорят, что вот батюшка предсказал. А ведь это было простым рассуждением моим — по научности. Я потом всячески проверял себя: чувствовал или нет? Нет, ничего не предчувствовал.

***

— Чадо мое! Мы любим тою любовью, которая никогда не изменяется. Ваша любовь — однодневка; наша — и сегодня, и через 1000 лет все та же... Но не говори никому, что я люблю тебя. Иначе — не взыщи.

Потом он меня отпаивает чем-то, чаем, кажется; благословляет и отпускает. И я, конечно, уже не хочу уехать из Оптиной.

Иногда я прихожу к нему злая и капризная. Тогда он особенно нежен со мной; и уже зовет меня не Н., а «чадо мое»... Раз назвал «моя овечка». Иногда он дразнит меня, как ребенка; и с ним я действительно чувствую себя ребенком. Нет ни Москвы, ни моего писательства, есть только эта увешанная образами, сияющая, душная келья — и этот дивный мой отец: уже не «батюшка», а «дорогой мой отец».

***

Холмищи. Вечер. Красная полоска заката.

Батюшка сидит в своем кресле... Он бесконечно ласков со мною, но мне скучно. Все, что он го-

ворит, скучно и неинтересно. Самый воздух его комнаты душен от скуки. И со скукой и ленью я повторяю:

— Что же, вы меня возьмете с собой (в рай)?

Батюшка:

— Но ведь там, где буду я, тебе будет «скучно».

***

Оптина. Осень. Последняя горсточка муки приходит к концу, последние деньги тратятся. Мне нужно ехать на заработки в Москву, но мне не хочется уезжать от старца... Вдруг с почты мне подают денежную повестку.

Когда я прихожу в себя, батюшка дает мне читать о том, как апостол Иоанн пошел в горы за заблудшим учеником своим; и еще о том, что если бы Господь счел нужным, Он мог бы каждую морскую гальку превратить в драгоценный камень и дать любящим Его, но не делает этого, ибо это им не полезно.

***

Но бывают дни, когда старец страшен и суров. В хибарке неутешно плачет женщина. У нее один за другим умирают дети. Вчера она схоронила последнего. Старец выходит на общее благословение, проходит по рядам. Женщина с плачем падает ему в ноги. Он, не останавливаясь, с каменным лицом бросает ей:

— Это наказание за грехи.

***

В Оптиной была девица, самовольно юродствовавшая. Она, сидя в хибарке, пела мирские песни, бессмысленно смеялась, иногда руга-

лась. Старец благословлял пришедших к нему. Девушка стояла, ожидая благословения. Вдруг он поднял руку с грозным отстраняющим жестом и, пятась, бесконечно медленно стал отступать от нее — все время с поднятой рукой. Когда он скрылся за своей дверью, девушка упала в судорогах.

Страшное впечатление оставила во мне еще одна история. После Рождества я поехала из Оптиной в Москву. Одна монахиня, м. А., при мне просила батюшку, чтобы он позволил мне привезти с собою в Оптину ее больную слепую сестру, которая находилась в то время в одной московской богадельне. Батюшка не благословил, он только велел мне навестить ее, передать посылку от м. А. и попросить отца С., чтобы тот причастил больную. Я поехала в богадельню. Среди грязной палаты я увидела худенькую измученную женщину, по которой ползали вши. Когда я назвала ей имя отца Нектария, на лице ее отразился дикий ужас, как у затравленного животного. И она испуганно спросила меня. Я, как могла, ее утешила и успокоила и сказала, что на днях к ней приедет отец Сергей и причастит ее. Когда я вернулась в Оптину, батюшка сказал:

— Видишь ли, она два раза спрашивала меня, как ей жить. Я благословил ей идти в монастырь, но она не послушалась меня и, вот видишь, ослепла. — А затем, обернувшись к м. А. (сестре болящей), прибавил:

— Она скоро умрет, но перед смертью прозреет и последние дни будет очень хорошо жить, а похоронят ее самым лучшим образом.

И действительно, так и случилось... Умерла она в том же году.

***

Старец говорил мне:

— Никогда не дерзай приобщаться без предварительной исповеди.

***

Молитвой и Словом Божиим всякая скверна очищается.

Душа не может примириться с жизнью и утешается лишь молитвою.

Без молитвы душа мертва для благодати.

Многословие вредно в молитве, как апостол сказал (см.: 1 Кор. 14, 19). Главное — любовь и усердие к Богу. Лучше прочесть в день одну молитву, другой день — другую, чем обе зараз. Одной-то и довольно. Спаситель взял Себе учеников из простых безграмотных людей; позвал их — они все бросили и пошли за Ним. Он им не дал никакого молитвенного правила, дал им полную свободу — льготу, как детям. Днем — работа духовная, а вечером — спать. А Сам Спаситель, когда кончал проповедь, уединялся в пустынное место и молился... И вот когда ученики Иоанновы пришли к Спасителю, они рассказали апостолам, как они молятся. А те и спохватились: вот ученики Иоанновы молятся, а наш добрый Учитель нам ни полслова не сказал о молитве... А если бы им ученики Иоанновы не сказали, то они бы и не подумали об этом... Вот тогда Спаситель сказал им еще: «Отче наш»... И так их и научил, а другой молитвы не давал им (см.: Лк. 11, 1–4).

Как-то я говорю батюшке, что временами испытываю страх, часто беспричинный.

— А ты сложи руки крестом и три раза прочитай «Богородицу», и все пройдет.

И проходит.

...Я помню комнату в Холмищах. Лампада и свеча пред образами. Я вхожу — он в епитрахили сидит в кресле... Вдруг он со стоном подымается и показывает мне, чтобы я шла за ним к образам... Вынести этот страдальческий стон его (вставшего с постели из-за меня) невозможно: и с ужасом... поддерживаю, когда он идет. А там, пред образами, границы миров совсем стираются. Я чувствую, как оттуда надвигается волна Божия присутствия — а батюшка рядом со мною — приемник этой волны. Я становлюсь на колени немножечко позади него, не смотрю на него и только — или держусь за его руку или за ряску.

***

Приезжает Н... Помню изумительный вечер. Он сам заговорил о Фаворском свете:

— Это такой свет, когда он появляется, все в комнате им полно — и за зеркалом светло, и под диваном (батюшка при этом показал и на зеркало, и на диван), и на столе каждая трещинка изнутри светится. В этом свете нет никакой тени; где (должна быть) тень — там смягченный свет. Теперь пришло время, когда надо, чтобы мир узнал об этом свете.

Еще раньше батюшка благословил Л.¹¹ написать икону Преображения — для Германии, говоря: «Ваш образ будет иметь действие сначала на мысли, а потом — и на сердце». Л. написал чудес-

ный по краскам образ, но эффект сияния этого белого света достигался тем, что на первом плане подымались черные узловатые деревья. Увидев их, батюшка приказал их стереть: ничто не должно омрачать такого светлого проявления. И Л., плача, стер. Тогда батюшка не объяснил, ни почему он приказывает стереть деревья, ни каков должен быть Фаворский свет. И вот теперь — через три года — он заговорил об этом.

Говорил он нам о незримой физическому взору красоте; как под видом нищего старика однажды явился Ангел. И лик батюшки был так светел и прекрасен во время этих рассказов, что мы не смели глядеть на него: казалось, в любую минуту может вспыхнуть этот дивный свет.

***

Он говорил нам и о послушании. Хвалил Н за то, что она приняла послушание, и говорил, что это важнейшее приобретение в жизни, которое она сделала. Самая высшая и первая добродетель — послушание. Это — самое главное приобретение для человека. Христос ради послушания пришел в мир. И жизнь человека на земле есть послушание Богу.

В послушании нужно разумение и достоинство.

Человеку дана жизнь на то, чтобы она ему служила, а не он — ей. Служа жизни, человек теряет соразмерность, работает без рассудительности и приходит в очень грустное недоумение: он и не знает — зачем он живет. Это — очень вредное недоумение; и оно часто бывает. Он, как лошадь, везет и... вдруг останавливается; на него находит такое стихийное препинание.

Бог не только разрешает, но и требует от человека, чтобы он возрастал в познании.

***

Надо творить милостыню с разумением (рассуждением), чтобы не повредить человеку.

***

Застенчивость по нашим временам — большое достоинство. Это не что иное, как целомудрие. Если сохранить целомудрие — а у вас, у интеллигенции, легче всего его потерять, — все сохранить.

***

Он говорил: не бойся! Из самого дурного может быть самое прекрасное. Знаешь, какая грязь на земле: кажется, страшно ноги запачкать; а если поискать, можно увидеть бриллианты.

***

О народе. Про одного крупного русского человека он сказал: «Для него необходимо православию, а то он оторвется от русской души».

И и жаловались батюшке на крестьян, что с ними очень трудно.

— Вы с ними, верно, на иностранных языках говорите. С ними надо по-русски говорить. Русская словесность — это целая научность.

...Я с горечью говорю батюшке:

— Вам не дорога русская культура.

— Мы отреклись не только от культуры, но и от самих себя; но все же русская культура дорога нам. Но если нет жизни, не может быть и культуры.

***

Заниматься искусством можно так же, как столярничать или коров пасти; но все это надо делать как бы пред Божиим взором.

Но есть и большое искусство — слово убивающее и воскресающее (псалмы Давида); путь к этому искусству — через личный подвиг, путь жертвы; и один из многих тысяч доходит до цели.

Все стихи мира не стоят одной строчки Священного Писания.

***

Пушкин был умнейший человек в России, а собственную жизнь не умел прожить.

Про Ходасевича¹², слушая «Тяжелую лиру», сказал: «Вот умница».

О Блоке. Нравились стихи о Прекрасной Даме и «Итальянские стихи»¹³.

— Он теперь в раю. Скажи его матери, чтобы она была благонадежна.

Проявлял большой интерес к Хлебникову¹⁴.

Последняя книга, которую мы читали батюшке в Оптиной, были статьи Шпенглера («Закат Европы»)¹⁵.

***

Много раз просили у старца благословения написать его, но он всегда отказывался:

— У меня нет на это благословения предков.

***

«Святой Серафим предвидел и революцию, и церковный раскол, но говорил: “Если в России сохранится хоть немного верных православных, Бог ее помилует, — а у нас такие праведники есть”», — и светлая улыбка.

***

Мне он сказал: «Над человечеством нависло предчувствие социальных катастроф. Все это чувствуют инстинктом, как муравьи... Но верные могут не бояться: их оградит Благодать. В последнее время будет с верными то же, что было с апостолами перед Успением Богоматери. Каждый верный, где бы он ни служил, — на облаке будет перенесен в одно место.

Ковчег — Церковь. Только те, кто будут в ней, спасутся».

***

Бог желает спасти не только народы, но и каждую отдельную душу. Простой индус, верящий во Всевышнего и исполняющий, как умеет, волю Его, — спасется. Но тот, кто, зная о христианстве, идет индусским мистическим путем, — нет.

— Батюшка, а какова судьба других христианских вероисповеданий?

— Они не спасутся.

Я (с возмущением):

— А святые католические? А святой Франциск¹⁶? Что же, по-вашему, они совсем безблагодатны?

Батюшка (неохотно):

— Ну, у них частичная благодать.

***

В другой раз батюшка мне рассказывает видение одного оптинского монаха. Тот вышел однажды на крылечко своего домика в скиту (не про себя ли говорил? — *М. В.*) и видит: исчезло все — и скит, и деревья, а вместо этого до самого неба поднимаются круговые ряды святых, только между высшим рядом и небом — небольшое пространство. И

монаху было открыто, что конец мира будет тогда, когда это пространство заполнится.

— А пространство было уже небольшое, — добавил батюшка.

Однажды батюшка сказал мне:

— Мы живем сейчас во время, обозначенное в Апокалипсисе: это — после того, как Ангел восклицал: *горе живущим* (Откр. 8, 13) — перед явлением саранчи. (О саранче см.: Откр. 9, 1–11. — М. В.)

***

Сведения о жизни отца Нектария

Батюшка много рассказывал мне сам о своей жизни.

Мирское имя батюшки — Николай Васильевич Тихонов. Родился он в Ельце в 1858 году, вернее, может быть, в 1857. Отец (перед смертью) благословил сына иконой святителя Николая. Это родительское благословение всегда было с батюшкой. Кроме Николая, у вдовы осталось еще несколько человек детей.

После школы, 11 лет, устроили его в лавку к одному елецкому купцу Хамову. Потом — путешествие в Оптину: поступил в скит в 1876 году, получил мантию в 1887-м, иеродиаконство — в 1894 году, иеромонашество — в 1898 году. Старчество — в 1913 году. В 1923 году — закрытие Оптиной и удаление отца Нектария в Холмищи. 12 мая 1928 года тихо скончался в Холмищах Брянской области, в доме крестьянина Андрея Ефимовича Денежкина.

***

Перед его арестом и закрытием Оптиной я предлагаю ему убраться келью, вынести и спря-

тать то, что могло бы вызвать осуждение при обыске, например, женское белье, духи, пудру, которые были у него в шкафу. Это частью было отнято им у дам легкомысленных, приезжавших в Оптину и здесь каявшихся; либо, как белье, жертвовалось ему для раздачи бедным девушкам-невестам. Батюшка отказался наотрез прятать что-либо.

— Как у меня есть, пусть так и будет, — твердо сказал он.

И действительно, при обыске над ним издевались.

***

*Каталептик*¹⁷ и крестное знамение. В Оптиной постригся академик-художник Болотов¹⁸ и стал обучать живописи некоторых монахов и мирян. Батюшка стал заниматься у него... К периоду занятий живописью относится замечательный случай из батюшкиной жизни. Об этом он сам рассказал.

У Болотова занимался один мирской юноша. Раньше он был болен — чем-то вроде одержимости и впадал в каталептическое состояние. Старец Амвросий исцелил его, но не окончательно, то есть у юноши осталась способность сознательно вызывать у себя такое состояние.

Однажды, когда они с отцом Нектарием остались вдвоем, юноша сказал батюшке:

— Хотите, я вам нечто покажу?

— Хорошо!

Тогда юноша сел, сосредоточился. Затем тело его стало неестественно изгибаться, голова запрокинулась, и все члены как бы одеревенели.

Тогда батюшка поднял руку и начертал в воздухе крестное знамение.

(«Заметьте — без молитвы», — прибавил батюшка, обернувшись к нам с N во время рассказа.)

Юноша остался в том же положении. Тогда батюшка начертал крестное знамение вторично — также без молитвы. И в третий раз. После третьего раза юноша пришел в себя.

— Что ты видел? — спросил его батюшка.

— Я видел как бы слоистый воздух и плоские очертания людей и других существ, — ответил он. — А затем я видел как бы молнию. Она имела вид креста. Она вспыхивала два раза, а на третий раз вспыхнуло пламя, но формы его я не успел разглядеть. И я очнулся.

— Видите, какую силу имеет крестное знамение, — закончил батюшка свой рассказ.

***

Однажды, видя, что он необыкновенно добр, снисходителен и позволяет спрашивать себя обо всем, я осмелилась и спросила его:

— Батюшка, может быть, вы можете сказать: какие у вас были видения?

— Вот этого я уж тебе не скажу, — улыбнулся он.

И я больше не дерзнула спрашивать.

***

Рассказывали, что еще во время ареста, когда власть требовала, чтобы батюшка отказался от приема посетителей, ему явились все Оптинские старцы и сказали:

— Если ты хочешь быть с нами, не отказывайся от духовных чад твоих!

И он не отказался.

А второе явление Оптинских старцев было ему тогда, когда хотели увезти его из Холмищ: тогда они запретили ему уехать.

Я (Н.), чувствуя свою ответственность за неудачный выбор местожительства для батюшки (в Холмищах), умоляла его позволить мне поискать ему другую квартиру, но он сказал:

— Меня сюда привел Бог.

***

Мы привыкли читать только в книгах о чудесах и прозорливости святых. Здесь семь лет мы жили пред этим прозорливым взором и принимали это как нормальное — иногда даже смеялся.

Сам батюшка свою прозорливость облакал иногда в юмористическую форму.

Вернувшись (из Москвы) в Оптину, я начинаю выкладывать батюшке все мои новые богословские измышления (о гностицизме). Батюшка слушает, усмехается и с непередаваемым выражением говорит:

— Что? Владимира наслушались?

Ученого (гностика) звали Владимиром. А о том, что я с ним знакома, батюшка не знал.

Собираемся в гости к доктору. Батюшка задерживает нас на два часа. Потом смеется и говорит:

— А не собираетесь ли вы в гости? А я-то не догадался.

***

В тихий, тихий вечер в Холмищах. Батюшка в своем кресле.

— Ты знаешь, как сладок отдых после труда. Вот я теперь отдыхаю.

Он говорит мне о трудностях предстоящей мне жизни. Я огорчаюсь...

— Можешь ли ты понять? Это — о самом высоком. *Бог любви есть* (1 Ин. 4, 8, 16). И Христос по любви сошел в мир. И Мария Египетская в пустыне была по любви.

***

В Холмищах в 1925 году батюшка принимает меня. День. Какие-то хозяйственные батюшкины распоряжения. Никаких особенных разговоров. Батюшка уходит к себе, потом возвращается в приемную, садится в кресло и неожиданно говорит мне:

— Н., скажи мне: хочешь ли ты, чтобы мы положили тебя на страницы истории?

Я теряюсь, думаю, что он шутит, и, смеясь, говорю:

— Как будто — нет.

Через несколько минут он повторяет настойчиво вопрос.

Я недоуменно гляжу на него, думаю, к чему бы это? Может быть, он обличает меня в честолюбии? И говорю:

— Не знаю, батюшка.

В это время приходят звать меня обедать. Батюшка отпускает меня, провожает и на пороге говорит страшно строго и торжественно:

— Согласна ли ты, чтобы мы положили тебя на страницы истории?

Я робко говорю ему, падая к его ногам:

— Я в вашей воле, батюшка.

***

Об отце архимандрите Агапите. В 1913 году отца Нектария выбрали старцем. Особенно советовал избрать его отец архимандрит Агапит, его духовный отец и учитель¹⁹.

Архимандрит Агапит — одна из таинственнейших фигур истории Оптиной. Он был исключительно образован (в мирском смысле) и вместе — духовно одарен. Ему предлагалось и архиерей-

ство, и старчество, но он не захотел принять на себя подвиг общественного служения, имея всего несколько учеников. В старости он стал юродствовать, затем заболел.

Батюшка говорил, что болезнь старца Агапита была Божиим наказанием именно за отказ от общественного служения по послушанию.

***

Когда батюшку избрали старцем, он три дня отказывался, плача. Уже на хуторе В. П. батюшка сказал мне:

— Я уже тогда, когда избирали меня, предвидел и разгром Оптиной, и тюрьму, и высылку, и все мои теперешние страдания — и не хотел брать этого всего.

Старчество он принял только тогда, когда этого потребовали у него «за послушание».

Он часто говорил: «Как могу я быть наследником прежних старцев? Я слаб и немощен. У них благодать была целыми караваемы, а у меня — ломтик».

Про старца Амвросия говорил: «Это был небесный человек или земной ангел, а я едва лишь поддерживаю славу старчества».

***

Из современных богословов он знал — и даже иногда давал из него посетителям выписки — Флоренского, но относился к нему очень сдержанно.

***

Духовный путь батюшки был окрашен юродством: он юродствовал и в costume (яркие кофты, красные шапки и так далее), и в пище (сли-

вая в одну кастрюлю и щи, и кисель, и холодец, и кашу), и в обращении с людьми.

Кроме того, он имел игрушки, чем смущал некоторых монахов. Я поинтересовалась, какие же игрушки у него были. Оказалось: трамвай, автомобиль и так далее. Меня он как-то просил привезти ему игрушечную модель аэроплана. Так, играя, он как бы следил за движением современной жизни, сам не выходя целыми десятилетиями за ограду скита.

***

Я помню, на хуторе В. П., — он стоит на крыльце и смотрит на Плохинскую дорогу, по которой тянутся возы на базар. Он смотрит своим прекрасным, умным человеческим взором и круто оборачивается ко мне:

— Н.! Пойми, ведь я пятьдесят лет этого не видел.

Еще был у него музыкальный ящик. Как-то он завел себе граммофон с духовными пластинками, но скитское начальство его отняло.

***

Наступает революция. В 1923 году Оптина как монастырь ликвидируется. Батюшку арестовывают. Затем освобождают, но предлагают, чтобы он выехал за пределы губернии (Калужской). Сначала он уезжает на хутор Василия Петровича в 45 верстах от Козельска. Но это еще Калужская губерния, до ее границы с Брянской остается две с половиной версты; и оставаться здесь нельзя. Батюшка просит меня поехать и посмотреть, где ему лучше устроиться — в самом Плохине или в Холмищах у Андрея Ефимовича Денежкина,

родственника Василия Петровича, который всячески уговаривает батюшку переехать к нему.

В Плохине слишком шумно и нет подходящего помещения. Еду в Холмищи. Там прекрасный домик, батюшке предлагается целая изолированная половина, хозяин — предупредителен до крайности. Я выбираю Холмищи, возвращаюсь к батюшке и советую переехать сюда.

В это время батюшка был в очень угнетенном состоянии. Он просил — ни о чем его не спрашивать.

— Пойми, что сейчас я не могу быть старцем. Я еще не знаю, как собственную жизнь управлю.

Он никого не хотел принимать, и только постепенно он стал крепнуть душевно. Иногда целыми днями он плакал (с месяц).

Здесь я захворала малярией и должна была уехать в Москву. А вернувшись, я уже нашла батюшку в Холмищах.

Он жил с келейником Петром. Я поселилась напротив.

***

Последние дни

В феврале 1928 года я узнала, что у него (отца Нектария) открылась грыжа и что доктор признал его положение опасным. Я мгновенно поехала к нему. Батюшка позвал меня к себе.

Он, с очень светлым помолодевшим лицом, с блестящими и страдальческими глазами, полусидел на постели.

Меня пронзило такое ощущение его святости и вместе — моей неразрывной связи с ним и боли за его человеческую боль, что я только тихонько опустила и поцеловала его сапожки. А когда

подняла голову, увидела, что лицо его все просветлело нежностью и что он крестит меня. Он сказал мне:

— Н.! Ты видишь, я умираю.

Я очень растерялась от прямого его слова о смерти. Он долго смотрел на меня:

— Ты не погибла. Ты грешна, но дух у тебя истинно христианский.

Эти же слова он сказал мне во время первой моей исповеди у него в 1922 году.

...Потом смотрел на меня:

— Над тобой туча демонов. Ты непременно исповедуйся и причастись!

Я сказала:

— Я так бы хотела исповедаться у вас.

Он улыбнулся:

— Я от тебя не отказываюсь. Только грызь у меня. Нет сейчас сил у меня. Ты исповедуйся у другого православного священника. Только в красную Церковь не ходи (в «живую», или обновленческую).

...Тут он стал слабеть.

Он еще посидел немножко с очень отрешенным и бесстрастным лицом и ел сухарики. Потом поднял голову и сказал:

— Пойди теперь. И завтра пораньше уезжай.

Он благословил меня и сказал:

— Ночью перед отъездом приходи ко мне.

До трех часов ночи пролежала я без сна... Пробило три. Иду на батюшкину половину. Из темноты голос:

— Н.! Воды!

На лежанке, в аршине от батюшки был чайник с водой и пустой стакан, но дотянуться до

них и тем более налить воды у батюшки не было сил. А перед этим у него была рвота. Я напоила его. Он попросил положить в воду сахару и долго выбирал нужный кусок: «Вот этот положи, квадратный».

Потом он опять приподнялся и спустил ноги с постели. Он был в белом халатике с отложным воротником, и — опять юным и белым было лицо.

Он заговорил очень отчетливым, ясным и громким голосом. Я поняла — сейчас опять говорит только старец:

— Я умираю и вымолю тебя у Бога. Я все твоё возьму на себя. Но одно испытание ты должна выдержать сама. Ты должна выдержать опять такое же искушение: если ты покончишь с собой — не взыщи!

И голос его стал нежным:

— Н.! Умоляю тебя, выдержи, вытерпи! Если бы не грызь моя, я бы тебе в ноги поклонился. Но когда я умру и меня не будет, ты вспомни то, что я сейчас говорю тебе. Как придет искушение, ты только говори: «Господи, помилуй».

Я посмотрела на него. Чего-то я не понимала, и спросила:

— Батюшка, о чем вы говорите: о прошлом или о будущем?

Он улыбнулся:

— И о настоящем.

Я сказала:

— Я боюсь.

— А ты не бойся. Ты только сохрани Причастие, и все будет хорошо...

Потом был разговор о некоторых знакомых. Отец Нектарий сказал:

— Я больше в ваши мирские дела входить не могу. Помни, что я монах последней ступени.

Тут я увидела, что лицо его делается усталым и голос слабеет.

— Что мне прислать вам?

— Благодарствую. Ничего не надо. Только вина... портвейна. Я им свои силы поддерживаю.

А потом батюшка сказал очень строго:

— Передай всем, что я запрещаю ко мне приезжать!

Пауза.

Другим, жалобным, тоном:

— Передай, что я умоляю, чтобы не приезжали, от этого мне еще больнее.

Я увидела, что слабость батюшки с каждой секундой увеличивается... Я вспомнила, что у меня целый список вопросов, но батюшка уже бледнел у меня на глазах.

— Пощади меня, больше не могу.

Лицо его совсем побледнело. Он что-то невнятно пролепетал и стал клониться на бок. Вошел А. Е. и стал помогать мне: взял батюшку за туловище, я — за ноги; и мы удобно уложили его. Он лежал на боку и чуть заметно перекрестил меня.

— Андрей Ефимович! Проводите их.

Я поклонилась ему и вышла.

***

Исповедь

Вечером идти на исповедь к батюшке. Грехи я записала; а раскаянья у меня нет — один каприз. Батюшка встречает меня:

— Давай, мы с тобой помолимся.

И стал говорить: «Господи, помилуй!»

— Повторяй за мной: Господи, помилуй!

Я сначала бессознательно повторяю. А он все выше и выше берет:

— Господи, помилуй.

И такой это был молитвенный вопль, что вся я задрожала. Тогда он оставил меня перед иконами и сказал: «Молись», а сам ушел к себе. Я молюсь; а когда ослабеваю, он от себя голос подает: «Господи, помилуй!» Когда же я всю греховность свою сознала, он вышел и стал меня исповедовать.

Я говорю:

— Батюшка, я записала грехи.

— Умница. Ну, прочти их.

Я прочла. Батюшка говорит:

— Сознаешь ли ты, что ты грешна во всем этом?

— Сознаю, батюшка, сознаю.

— Веришь ли в то, что Господь разрешил тебя от всех твоих грехов?

— Батюшка, я имею злобу на одно лицо и не могу простить.

— Нет, Н., ты это со временем простишь. А я беру все твои грехи на себя.

Прочел разрешительную молитву и сказал мне:

— А завтра ты пойдешь в церковь к утрени, а от туда приходи ко мне и, что в церкви недостаточно будет, здесь покаянием дополни.

Причащение было чудным и торжественным.

(Здесь — конец записок Н. А. Павлович. — М. В.)

***

Из записей отца Петра²⁰

«Если пятисотницы не можешь исполнить, хоть 100 молитв прочти».

Особенно почитая Царицу Небесную, всегда велел акафисты Ей читать.

Смирение и любовь батюшка ставил выше поста.

Он 99 праведных оставлял, а одну брал и спасал.

Я подметаю раз приемную, а повсюду пряники рассыпаны. Входит А. П.: «Что это у вас было: танцы или драка?» А та (которая была там) говорит: «Правда, почти и драка духовная. Он давал один кулек пряников мне, а другой — другой дочери. А та обозлилась — и по руке его ударила. Пряники и рассыпались. А потом та вышла и упала навзничь».

***

При аресте

Арест. Во время первого допроса батюшка молчал. Потом ему говорят:

— Вы озлобляете своим молчанием.

— А Господь Иисус Христос тоже молчал, когда Его допрашивали.

***

Батюшку спрашивают (монахи):

— Как отвечать на допросе, когда спрашивают: монах ты или нет?

Батюшка говорит:

— Отвечай: монах. Монашество — второе крещение: слово одно (монах), а смысл большой (в нем). Отречься от монашества — отречься от второго крещения, а значит, и от Христа.

***

Еще об аресте

Из записок отца Георгия (брата Якова).

«Батюшка говорит:

— Я тебе заповедую монашество больше всего хоронить. Если к тебе револьвер приставят, и то монашества не отрекайся. Помнишь, как мы с тобой в заключении были и не отреклись. Но такое испытание у тебя может повториться».

***

Мантия

Батюшка меня спрашивает:

— Ты еще не постриженный?

— Нет еще.

— Ты должен постричься в мантию.

— Как же я при такой борьбе приму мантию?

— Для тебя полезно: мантия тебе поможет все это перебороть. И не смей ко мне приходиться без мантии.

В другой раз, раньше:

— Молись и попроси всех отцов и братьев молиться за меня, чтобы я прожил еще год.

И я пришел к нему на похороны. И пригодился батюшке при смертном его облачении.

(Все эти записки переписал я в 1948 году, 27 ноября нового стиля, в городе Риге, где я был тогда архиереем. — М. В.)

Заметки о последних годах жизни старца иеромонаха Нектария²¹

Весной 1923 года были закрыты храмы Оптиной пустыни и монахи удалены из нее. К этому времени в Оптиной оставалось 250 человек братии; многие из них жили здесь по 20–40 лет. Тому, кто отрекся бы от монашества, предлагалось остаться здесь жить. Изгоняемым выдавалось из

имущества две смены одежды и белья, кое-что из посуды — и все. Ни один из оптинских монахов от монашества не отрекся, 60 человек было оставлено временно для обслуживания музея и ликвидации хозяйства.

Старцу Нектарию было предложено выехать за пределы Калужской области. В двух верстах от границы ее с Брянской областью есть село Плохино. В версте от него был хутор покойного Василия Петровича Осина — близкого духовного сына батюшки. Туда и выехал сначала батюшка, освобожденный из Козельской тюрьмы. Взял он с собой младшего келейника отца Петра. Осины предоставили батюшке отдельный домик. Скоро туда приехали еще две духовные дочери старца. Батюшка был глубоко потрясен и печален, плакал он иногда целыми днями и просил сейчас не обращаться к нему ни за какими советами. Все утешение его было в молитве. Однажды уходящий от него обернулся и увидел, как батюшка с руками, простертыми, как у ребенка, зовущего мать, — весь обратился к иконам. Он пребывал в великой борьбе душевной. Он рассказал одним своим духовным детям, что к нему явились все Оптинские почившие старцы и сказали ему: «Если хочешь быть с нами, не оставляй своих духовных чад». И он тогда вернулся к старчеству. Жившие с ним уверяют, что духовный перелом был явен. Утром однажды вышел к ним прежний старец во всей силе духа.

Надо было уезжать с хутора за пределы области. В 14 верстах оттуда, уже в Брянской области, находится село Холмищи, где жил шурина Осина — вдовец, имевший хороший дом, Андрей

Ефимович Денежкин, который звал батюшку к себе на жительство, предлагая отдельную половину дома.

Батюшка послал одну из духовных дочерей осмотреть дом. Внешне все казалось подходящим, хозяин приветливым. Батюшка переехал, но уже через месяц выяснилось, что жизнь здесь будет тяжела. Хозяин был и груб, и жаден, и боязлив. Он и смущался перед старцем, и боялся за себя как за хозяина дома, и хотел наживаться с возможных посетителей, а старец смирялся перед ним в житейском, без разрешения форточки не открывал, а выполняя дело свое, не считался с ним. На предложение же друзей устроить его в другом месте отвечал: «Нет, сюда меня привел Господь».

При всех скорбях был ровен и благодушен. Сначала жил при нем отец Петр, затем молодая монахиня Мария, постриженная здесь же по благословению батюшки приезжим архиереем, девушка очень трудного истерического характера, на которой хозяин мечтал жениться.

Я говорю об этом, чтобы была понятна тяжесть и напряженность чисто житейских условий. Надо прибавить сюда и некоторое юродство батюшки. Так, ему запрещено было принимать посетителей. К нему приезжали тайно. Приезжает вышеупомянутый епископ. Батюшка спрашивает:

— Где сейчас владыка?

Ему отвечают:

— Во ржи.

— Ну, хорошо, пусть там посидит до вечера.

Вечером старец посылает за ним, и, когда тот подымается украдкой на крыльцо, его встречает

громогласный хор ранее приехавших посетителей: «Ис полла эти, дэспота»²² — и улыбающийся батюшка. Окна открыты, ранний вечер. Все деревенские дома. Хозяин в ужасе, в ярости — и в то же время польщен, что принимает архиерея.

Почти всех проходящих к нему батюшка так или иначе испытывал, всякого по его мере, и чем труднее был человек, тем терпеливее был батюшка. Ближайшие к нему житейски — обычно были удаленнейшими духовно или требовавшими максимальных забот, духовными младенцами, или «бунтовщиками» против старчества.

Мне приходится несколько сказать о себе, чтобы показать батюшку. Я была ужасна... Я, как норовистая лошадь, рвала все постромки и отказывалась от послушания. Но перед Богом и памятью батюшки я могу сказать, что, сколько у меня хватало сил душевных, я любила своего отца и старца, и он это знал. Он делал со мною так: мягкостью и любовью из меня всегда можно было веревки вить. Когда я была в умилении, он взял с меня слово, что, когда бы он меня ни позвал, я к нему приду или приеду, где бы я ни была. Потом начинались всевозможные «экзамены и маневры», как он это называл, на которых я вечно проваливалась. Однажды я ушла от него почти на два года, тосковала ужасно, грешила с вызовом и писала ему об этом — вот, вот, вот! — он молчал. Потом (по его молитвам!) я стала образумливаться, но думала, что все кончено и мне к нему возврата нет. Вдруг он позвал меня, напоминая мое слово. Я поехала. Он встретил меня как отец, не как старец:

— Побудь, поживи у меня! Ты нужна мне!

Я ответила:

— Хорошо, но без послушания.

— Хорошо! Только останься погостить.

Ласков он был необыкновенно, прост, сердечен, целые вечера говорил со мной, рассказывал о себе... А на послушание опять не хочу идти, боюсь, замучилась. Я вечно боялась страдания и очень своевольна была. И чтобы он, именно он, меня на страдания посылал — не могла перенести: я не смогла перенести (я пишу, чтобы было понятно) того, что он меня отослал в мир и там видимо оставил без помощи. Связи свои, спасая его же, я разбила. Заработок нищенский, никому дела до меня нет: я, как потерянная, после двух лет жизни около старца. Когда я увидела, в каком я оказалась положении, и написала ему попросту, как могла бы написать родному отцу, чтобы он или позволил мне вернуться к нему, или помог мне материально на первое время, пока я найду работу, а он мне ответил равнодушным письмом, что он живет неплохо (моему «деду» я смогла получить все из хибарки и обеспечила его²³) и мне того же желает. И — все. С моей тогдашней точки зрения получилось, что этот мой «святой» старец поступил со мной так, как я бы не поступила с товарищем. И вынести этого я не смогла. Другому бы простила, а ему не прощала, и у меня все полетело. Остановила, задержала мое стремительное падение одна необыкновенная милость Божия, услышанный мной Голос. Но все-таки я не понимала и от старца ушла. И вот почти через два года он меня вызвал в Холмищи. Приехала я из чувства чести, ибо он воззвал к моему честному слову и ссылался на то, что я нужна, и потому, что со всей горечью я любила его и жалела.

Но на послушание опять — никогда!

Живу неделю. Никаких намеков на дисциплину и прочее.

— Наденька, надо мне сахару наколоть, а у меня руки болят.

— Пожалуйста, батюшка!

У него была машинка для колки. Колю. Он ходит по комнате, пройдет мимо и погладит меня по голове. Входит временно гостившая там очень милая матушка.

— Матушка, что делает Н. А.?

Матушка с улыбкой:

— Исполняет послушание.

— Наденька, матушке даже издали видно, что ты исполняешь послушание.

Я вскакиваю.

— Если так, не буду колоть!

Он молча берет сахар и начинает колоть сам. Руки распухшие, он морщится. И я взяла от него и стала колоть. А потом простил меня мой старец.

Бывал нежен, как с малым ребенком, но за то, что в день исповеди до повечерия я проболтала с подругами (о чем ни я, ни они ему не докладывали), послал меня в 9 часов вечера дойти две версты от Оптиной до деревни Стенино и обратно по мелколесью, где волки бродили стаями, а был голодный год.

Взбунтовавшись (уж не помню почему), я писала стихи, которые начинались так:

Я чужая в этом белом стане,

Белом стане башен и церквей.

За ворота бурный ветер манит.

Вьюжный запекает соловей...

И кончились так:

Помню все, что недоступно этим,
В мантиях, спокойным и седым!

Так как батюшке я читала все, что пишу, то и это прочла и спросила несколько провокационно: «Благословите печатать?» — ибо без благословенья не смела не только выйти за ограду монастыря, но даже помочь материально кому-нибудь или приютить у себя переночевать, или прочесть книгу.

Он спокойно ответил:

— Печатай! Творчество надо брать в целом. У Мильтона есть вещи страшные и, можно сказать, ужасные, а все вместе хорошо!

Он изумительно говорил об искусстве: «В мире есть свет и звуки. Художник, писатель кладет их на холст или бумагу и этим убивает. Свет превращается в цвет, звук в надписание, в буквы. Картины, книги, ноты — гробницы света и звука, гробницы смысла. Но приходит зритель, читатель — и воскрешает погребенное. Так завершается круг искусства.

Но так с малым искусством. А есть Великое, есть слово, которое живет и умерщвляет, псалмы Давида, например, но к этому искусству один путь — путь подвига».

Батюшка любил говорить: «Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам»²⁴.

«Я мравей и потому вижу каждую ямку и выбоинку на земле, а братия очень высока — до облака поднимаются».

«Духовный путь — это канат, протянутый в 30 футах от земли. Пройдешь по нему — все рукоплещут, а упадешь — стыд-то какой!»

«Глаза даны человеку, чтобы он смотрел ими прямо».

«Прежде чем писать, обмакни перо семь раз в чернильницу».

«Нельзя требовать от мухи, чтобы она делала дело пчелы».

«Ко мне однажды пришли юноши с преподавателем своим и просили сказать им что-нибудь о научности. Я им и сказал: “Юноши, надо, чтобы нравственность ваша не мешала научности, а научность — нравственности”».

«Бог не только позволяет, но и требует от человека, чтобы тот возрастал в познании. Господь изображается иногда в окружении в знак того, что окружение Божие разрешено изучать, а иногда в треугольнике, чтобы показать, что острия треугольника поражают дерзновенного, неблагоприятно касающегося непостижимых Таин Божиих».

«Работай! — в работе незаметно пройдут годы».

У батюшки был кот, с которым он играл. Для кота была привязана веревочка с бумажкой. Кот его слушался, как человек. Батюшка говорил: «Старец Герасим²⁵ был великий старец, у него был лев, а мы малы, у нас кот!» — и рассказывал чудную сказку о коте Ноя. Нечистый забрался в мышонка и пытался прогрызть дно ковчега, а кот поймал мышонка и съел — за это все кошки будут в раю.

Батюшка говорил: «Самое скучное — это каяться, а надо!»

Он дивную свою прозорливость проявлял часто в шутках.

Я приехала к нему с Ниной Б.²⁶ Спали мы на хозяйской половине, отделенной холодным коридором. Разговоров наших батюшка слышать не мог, а домашние все ушли по делам. Утро было прекрасное, морозное. Нина выглянула в окошко:

— Эх, прокатиться бы сейчас на саночках!

Снег так и блестел за окном.

Я опасливо заметила (памятуя прогулку в Стенино через волчий лог):

— Смотри, не посыпать бы нам голову пеплом!

Мы обе были очень веселы и счастливы, что приехали к батюшке, и — молоды.

Перед чаем мы пошли на благословение. Батюшка ласково благословил и сказал:

— Ниночка, я понимаю, что покататься очень хорошо, но тебя каждый комиссар увидит, ты такая величественная детина.

А Нина была высокой, стройной. Мы только переглянулись. Потом батюшка мелкими шажками ушел за перегородочку, поискал что-то и вышел.

— Наденька, пойди к матушке, попроси баночку — пепла насыпать.

Он говорил о послушании:

— Самое главное приобретение для человека — послушание. Без него человек везет, везет; он как лошадь, и вдруг на него находит... такое стихийное препинание. И ко всему нужно поуждение. Если даже ты голоден и захочешь есть — кушанье само не попадет в рот, все-таки ты должен подойти к столу, взять ложку... Всегда нужно терпение и пождание.

Посылает послушницу. Та по дороге задерживается разговором. Батюшка появляется на пороге: «Две минуты прошло, а ты еще здесь».

Еще в Оптиной: в хибарке плачет женщина. У нее умерло несколько детей. Недавно — последний. Она приехала «за утешением». Мы ждем особого утешения ей. Выходит старец, идет по рядам. Женщина с плачем бросается ему в ноги. Он проходит дальше с каменным лицом:

— Это наказание за грехи!

А рядом безмерная ласка:

— Чадо мое! Овечка моя! — и широта, и чудесный человеческий юмор.

— Батюшка, ну что это вы все снимаете с меня шкурки!

— Посуди сама, прилично ли есть апельсин, не сняв шкурки.

— Я все-таки боюсь, что вы меня пошлете в монастырь.

— Что ты! Я прямо пошлю тебя в рай.

— Батюшка, если можно, расскажите, были ли у вас видения?

— Вот этого-то я тебе и не скажу!

— Люби земные луга, но не забывай о небесных.

Чтобы показать ту духовную силу и благодать, которую имел батюшка Нектарий, и как он испытывал и вел, я рассказываю, как я попала к нему...

В 1921 году умер мой друг. Душа моя все время была на грани обоих миров. У меня хватило разумения понять опасность своего душевного состояния, и однажды я от всего сердца стала молиться о ниспослании мне учителя и руководи-

теля. Я верила в Господа Иисуса Христа, но была далека от всякой церковности. Не успела я кончить молитвы (это было утром), как ко мне вошла знакомая (не близкая) и как будто случайно спросила меня:

— А вы знаете Леву Б.? Он ученик оптинского старца Нектария.

Леву я знала с 15 лет, но никогда не слыхала о его связи с Оптиной. Едва проводив гостью, я бросилась к Леве:

— Вы ученик старца?

— Да.

— Можете ли вы передать ему письмо?

— Да. Я еду на днях в Оптину. Поедемте вместе.

— Нет, но письмо отвезите.

Я написала батюшке письмо — как исповедь.

В ответ я получила Троицкий листок о поминовении усопших (который, сказать правду, шокировал меня — после Штейнера²⁷, Сведенборга²⁸, Соловьева²⁹ и так далее, и так далее) и словесный ответ — если ей уж так хочется, что ж, может приехать.

Мне это тоже не понравилось. Но в это же время я увидела сон — какую-то комнату без обоев, с дощатыми стенами. Там стол, накрытый к чаю, и шкаф. Перед ней крыльцо с лестницей. И я понимаю во сне, что это Оптина. Идут монахи. И наконец батюшка Нектарий, только несколько моложе, чем он был на самом деле. Они все садятся за трапезу. А меня охватывает такое умиление и раскаяние, что я забиваюсь в угол, за шкаф, — и там плачу. Тогда батюшка встает, берет меня за руку, усаживает и поит чаем. Проснувшись я с волнением

и умилением, а листок и ответ (то есть все, что наяву) — не нравятся. Я не поехала. На Рождество Л. опять поехал к батюшке. Тот долго рылся при нем в письмах, а потом велел сказать мне, что он теперь и ответил бы мне еще, но письмо мое затерял секретарь. Я рассердилась: во-первых, какие могут быть у старцев секретари (к тому времени я удосужилась прочесть Серафимо-Дивеевскую летопись³⁰, у старца Серафима секретаря не было!); во-вторых, я пишу как исповедь, а он отдает всяким секретарям, а те так небрежны, что теряют такие письма.

Я не только не поехала, но махнула на Оптину рукой. А так как я тосковала и мне было трудно и страшно, то я старалась заглушить все и распутством, и надрывами всякими.

В июне приходит ко мне один издатель и предлагает участвовать в серии книг «Религия и революция» — написать об Оптиной сейчас.

— Я там не была и ничего не знаю.

— А вы поезжайте и посмотрите на месте.

— У меня денег нет.

— А вот аванс.

Это было настолько потрясающе, что я взяла деньги и в июле 1922 года выехала. В Оптину я попала под Казанскую. Лева с семьей переселились уже туда. Я прямо к ним. Встречают меня хорошо, но Лева ужасно чем-то смущен. Я спрашиваю, в чем дело. Он мнетя, а потом говорит:

— В мае старец позвал меня, дал прочесть ваше письмо...

(Вовсе не потерянное!)

Я вспыхнула. (Господи, теперь уже не только секретарям, а Лева дается моя исповедь!)

— И велел ответить на него...

Лева отговаривается — не знаю, мол, что ответить.

«А ты напиши, — говорит старец, — что для таких, как она, в Оптиной места нет».

А у Левы духу не хватило написать мне так. Он понадеялся, что я и сама не приеду, а от старца свое послушание скрыл; я же приехала.

Я сказала:

— Старец здесь хозяин. Я уеду первым же поездом, деньги издательству верну.

Но поезда ходили два раза в неделю. Нина, жена Левы, предложила пойти в хибарку. И схитрила: «Народу там много, старец вас и не заметит, а вы на него посмотрите». И я согласилась. Пошли.

Лева пошел на мужскую половину, мы с Ниной — в женскую приемную, где образ «Достойно».

Батюшка вышел на благословение. Я его узнала. Это был старец моего сна. Я стояла и знала, что этот же вымоленный мной учитель сказал: «Для таких, как она, в Оптиной места нет».

Он молча благословил меня и Нину, но, едва кончилось общее благословение, за Ниной пришел келейник. Она меня попросила обождать ее, а через минут пять вышла и позвала меня. Батюшка стоял среди кельи, Лева стоял с виноватым видом на коленях около кресла. Старец спросил, как меня зовут, благословил и сказал со старомодной вежливостью (мы это с Ниной называли потом «манерами старого маркиза»):

— Я очень рад, Наденька, с вами познакомиться.

То, как он двигался, как он придвинул мне стул, — было полно неуловимого старинного изящества, движения были необыкновенно соразмерны. Он меня спрашивал с той же почти светской учтивостью, как я доехала, не устала ли и так далее, а Лева все стоял на коленях.

Я сказала:

— Простите, что я приехала. Я не знала. Хотя мне предложено написать книгу об Оптиной, я считаю своим долгом уехать и только жду поезда.

Я не была ни оскорблена, ни смиренна. Я это приняла просто, как должно, но с болью смотрела на чудесные черты человека из моего сна. Ну что же, все потеряно! Что делать! Я даже не раскаивалась — так все было безнадежно.

Старец ответил:

— Нет, оставайтесь! Божия Матерь привела вас сюда.

Потом иронически спросил Леву, как же это он ослушался, но простил. И все замолчали. Лицо старца изменилось. Все временное, любезное, даже следы старости — исчезло. Передо мной был Лик — почти без возраста, четкий в чертах, полный особой силы, не сияющий, а какой-то тысячелетний. И я поняла — вот оно! Начинается! Он встал. Встала и я.

— Вы верите в Бога?

— Да.

— Вы хотите у меня исповедаться?

— Да.

— Идите в церковь, там сейчас повечерие, и через полчаса будьте у меня. Вы обедали?

Я в этот день ела мясо.

— Все равно, идите!

Я вошла в оптинский храм, через полчаса вернулась к старцу. Он ждал меня. Он на исповеди был необыкновенно добр, милостив, но грехи мои иногда говорил сам.

Я была в неизъяснимом восторге. Потом он поговорил еще со мной, оставил в Оптиной писать книгу, обещал помочь.

— Можно ли мне приходиться к вам?

— Да, когда хочешь, голубчик, только не в праздники и не под праздники, а то у меня посетителей много.

Я ушла как на крыльях; на следующий день, на Казанскую, причастилась. Батюшка сказал, что Казанская Божия Матерь — моя особая покровительница. (Под Казанскую я впервые была на Вашем богослужении и на Казанскую, услышав Вас, сказала и себе, и другу своему, что чувствую в слове Вашем оптинский дух, что, вероятно, Вы были иеромонахом в Оптиной или связаны с ней, и вся моя душа потянулась к Вам, владыка!)

Выждав (для приличия) 2–3 дня, я пошла в хибарку. Батюшка на общем благословении был очень ласков со мной, но не принял, сказав, что он занят. Я еще два дня подождала, он опять не принял. Тут уж я стала ходить каждый день, просиживала в хибарке часами; он был очень приветлив, но не принимал меня. Тогда я стала думать, не во мне ли дело. И наконец вспомнила, что на исповеди я не сказала большого греха, не потому, что скрыла, а потому, что забыла и не очень каялась, хотя я знала, что объективно это большой грех.

Я написала батюшке об этом и попросила прощения. Он стал еще ласковей на общем благо-

словении, но не принимал меня. Тогда при всех я стала на колени и сказала: «Простите меня!» Он положил руку мне на голову и три раза повторил: «Все прощено, все прощено, все прощено!» — и тут же взял к себе.

Здесь он принял от меня обет послушания, и я стала его дочерью, а он моим отцом и учителем. Он провел меня через все переживания сна (я ему не рассказала сна) и в конце сказал: «Теперь тебя следовало бы чаем напоить, но келейники мои ушли», — и, улыбаясь, отпустил меня. Я была тогда дикой, не только не возделанной, но и засоренной землей, и он с великим терпением и мудростью трудился надо мной, но и сейчас я только больше стала понимать, поэтому и спрос с меня больше, а отношения старца ко мне я не оправдала. Все мои друзья и сверстники идут впереди меня, и он постепенно берет их к себе. Мне делается иногда страшно, когда я думаю, что *не мерю* Господь милостив ко мне (ср.: Ин. 3, 34), что, если бы другому человеку было дано то, что давалось мне, он бы всего себя отдал Богу, а я все топчусь на месте и не преодолеваю своей «самости» и боюсь страданий, хотя понимаю, что скорбь духовно необходима. Значит, я недостаточно верю, недостаточно отдаю сердце свое Господу. И я боюсь, что «в Оптиной для таких, как я, места нет». Помолитесь обо мне ради моего старца!

Батюшка, прощаясь со мной, сказал мне, что все мое он берет на себя, но одно должна вынести я сама.

«Вынеси, вытерпи (а страдание будет такое — так было в контексте разговора, — что и о самоубийстве я, может быть, буду помышлять!). Я бы

в ноги тебе поклонился, да вот грыжа у меня!» — говорил он. И, когда я думаю об этом и ожидаю, я впадаю в панику. Я тут же сказала: «Я боюсь!» А он ответил: «Сохрани православие, причащайся, все хорошо будет». Я понимаю, что только в этом я могу обрести силу и терпение и что самое обещание старца — великая милость его и дерзновение перед Господом, понимаю и необходимость креста, — и все-таки боюсь, боюсь всячески — и самого страдания (я ведь не знаю, в чем оно, и оттого, может быть, еще страшнее), и того, что не выдержу. А пока все он берет на себя и я живу с минимальными скорбями (ноги ломала, так без особой боли, обокрали меня — так я даже обрадовалась, все дается мне облегченным).

За что мне сейчас Ваша милость ко мне и общение с Вами, и вот этот дар Божией Матери — комната здесь, чтобы я могла приезжать, — ведь я только вздохнула к Ней во время всенощной под Успенье — я, когда думаю, хочу плакать. (Я даже не хлопотала о комнате, мне предложили, и Союз³¹ тут же закрепил.) Я пишу Вам с величайшей благодарностью за Ваше отношение и доверие, с благоговением и просьбой молиться обо мне, помочь мне и не думать обо мне лучше, чем я на самом деле. Всю эту рукопись я оставляю Вам на Ваше усмотрение. Вы сами поймете, что можно использовать для Ваших записок. Приход мой к старцу можно как-нибудь без имени, ибо он характерен для него, для его благодатных даров. Сохраните или уничтожьте эти заметки. Я их написала для Вас. Я не включала поучений старца, потому что под рукой у меня записей моих нет, а в мою первую работу — его жизнеописание — они

вошли, проверенные им самим. Боюсь по памяти писать — напутаю еще: я привезу Вам зимой, если Бог даст. Весь путь его руководства мной сохранился у меня в общих чертах, но еще не подготовлен, не связан. «Приход» — оттуда. Я считаю, что это материал большой ценности, потому что это применение аввы Дорофея к современным условиям, к современной душе, духовное воспитание нынешнего мирянина. И в мои записи входят записи других учеников.

Я возвращаюсь к последним дням старца.

Он перед смертью страдал грыжей. Она выпала, он сам вправлял. Иногда сам не мог дотянуться с постели до кружки с водой. Все терпел. Был самоуглублен. О приближении смерти своей сказал мне и простился со мной за три месяца.

Он говорил о себе: «Я монах последней ступени».

С любовью вспоминал о великих оптинских старцах: «У них благодать была целыми караваями, а у меня что — краюшка!»

Я спросила его: «Надо ли брать на себя, если помогаешь людям?»

Он сказал: «Иначе нельзя. И вот идут ко мне люди и приносят столько скорби, столько греха, что мне кажется, на меня наваливается гряда камней и я уже не могу снести. Но приходит благодать и разметывает эту гряду камней, как гряду сухих листьев. И опять могу принимать».

Он умирал в слезах. Слезы так и катились, а отец Адриан держал над ним простертую епитрахиль.

Тление коснулось его тела, но через шесть—семь лет злоумышленники вскрыли кирпичный

свод над его гробом (искали золото), вынули гроб и стоймя, открытый, прислонили к сосне, а в гробу он стоял, нетленный. Жители Холмищ вторично похоронили его сами, с пением «Святой Боже», а затем приехали, опять вскрыли могилу и увезли его тело неизвестно куда.

Батюшка говорил, что могилы его не будет. Так и вышло, но, бессмертный и нетленный, он с нами³².

Еще данные о нем.

Родился в Ельце, крещен в церкви преподобного Сергия — Николаем. Отец — Василий, мать — Елена, Тихоновы.

Крестная мать — Матрона. Поминал их.

Отец — рабочий на мельнице. Николай в семь лет осиротел. Мать молчаливая, тихая, любящая, но строгая, умела влиять на него. Кончил церковноприходскую школу, поступил мальчиком, дослужился до приказчика у купца Хамова. Старший приказчик хотел женить его на своей дочери. Юноша пошел за благословением к старице схимнице Феоктисте, духовной дочери святителя Тихона Задонского; та сказала: «Иди в Оптину к Илариону³³», дала чаю на дорогу. Оптинский игумен Иларион послал Николая к старцу Амвросию, тот его оставил в скиту. Непосредственным руководителем был отец Анатолий (Зерцалов), а после его смерти — схиархимандрит Агапит, человек, отказавшийся и от архиерейства, и от старчества. Когда последнее было предложено ему после смерти старца Иосифа³⁴, он вместо себя просил избрать отца Нектария. Агапит — составитель лучшего жизнеописания старца Амвросия³⁵. Годы затвора и полузатвора. Учение и чтение, не

только духовное, но и светское, усердное пользование оптинской библиотекой (история, математика, литература, интерес к медицине, живописи). Учится у художника Болотова, принявшего монашество. Дружба с Леонтьевым. Юродство, желтая кофта, игрушки, сливание всех кушаний в одну посудину. Заклеенные синей бумагой окна. Принятие старчества как послушания и креста. «Я уже тогда знал, сколько страданий оно принесет мне, я и это время предвидел, когда меня выбирали», — говорил мне батюшка на хуторе у Осина.

В единственные свободные часы в Оптиной перед повечерием иногда принимал меня и просил читать ему вслух Пушкина или народные сказки (Афанасьева, братьев Grimm). По вечерам иногда собирались у него (когда не было посетителей), читали Блока, Ходасевича, Омара Хайяма, Шпенглера. Просил привозить книги из Москвы. Всегда расспрашивал о жизни, о принципиальных вопросах, интересующих интеллигенцию, вплоть до театра. Сам послал меня к Чехову (с которым я не была знакома, но показала батюшке его карточку в роли Гамлета)³⁶. Он посмотрел на карточку: «Вижу проявление духа. Пойди к нему и скажи, что старец Нектарий Оптинский разрешает приехать к нему». Я уперлась. Как я пойду, он меня не знает. «За послушание!» Я пошла. Тот только ответил: «А он не рассердится, если я выеду через два дня, а не сразу?» Говорил с Мишей о театре, благословлял его. И запрещал уезжать за границу. Он потеряет связь с душой русского народа³⁷. А Ксении³⁸ сказал: «Ксеничка, прими истинную православную веру». Та, как дитя, послушалась и приняла.

Когда батюшка умер, он в день погребения дал мне как бы прощальное знамение. Я курила все те годы, он это знал и не запрещал. Один раз временно запретил. Я подчинилась, но ужасно страдала, он смиловался и снял запрещение. Бывало, я сижу у него несколько часов, он засмеется и скажет: «Наверное, затомилась, курить хочешь. Ну, пойди, покури!» Перед Причастием я, конечно, не курила. Когда я поехала на похороны, я взяла 15–20 коробок папирос. При волнении больше куришь. Поплачу, потом пойду в сад и покурю. В день погребения мы все причащались, значит, с утра я не курила. После причащения тоже, а за гробом на кладбище не могла же я идти с папиросой! Обратно я ехала с кем-то из духовенства, курить тоже было неудобно, но, пообедав, я побежала в сад, очень хотелось! Едва я зажгла папиросу, но не затянулась, как меня отбросило от той яблони, под которой я стояла, к другой напротив, примерно метра на полтора, и меня охватил ужас. Я не умею передать, что это было. Все вокруг пришло в какое-то неподвижное движение, потеряло свой естественный порядок. Я струсила, как щенок, и закричала: «Батюшка, я не буду!» (Хотя он мне не запрещал, но в подсознании я знала, что мое курение не может ему нравиться, — и знала кошка, чье мясо съела.) Все мгновенно остановилось и приняло свой нормальный вид. Я очнулась с потухшей папиросой под той яблоней, куда меня бросило, и поплелась в дом. Так как во мне всегда есть скепсис, то я почти тут же с унылой иронией подумала: «Очень хорошо кричать — “я не буду”, а что мне теперь делать, если захочется курить!» Но — мне не захотелось с того момен-

та до сего дня (хотя в одном грехе я не грешна — никогда не осуждаю курильщиков и отвращения к табачному дыму не испытываю). На следующий день я проснулась со странным чувством, словно бы во все мое тело впрыснут кокаин (как когда зуб рвут) — и курить не хочу. Нина знала (я ей рассказала). Она ужасно интересовалась и спрашивала каждые полчаса: «Не хочешь курить?» — «Не хочу». Так шло девять дней. Ни одной коробки я не выбросила. Поехала я к Нине и Леве на Рыбную дачу под Оптину. Однажды в весенний вечер на веранде мне захотелось (не физически, а душевно) покурить, для уюта, что ли. Тогда я помолилась и помянула батюшку, и все отошло.

Я нарочно на обратном пути села в «курящий» вагон. Рядом курили, а я не хотела. Это был как бы дар мне от моего старца и прощальное благословение.

Рассказы об отце Нектарии³⁹

Рассказ Ирши

Когда я жила в Шамордине, к батюшке Нектарию я не ходила, а обращалась к нашему духовнику отцу Мелетию. А потом я уехала домой в Гомель и там чуть замуж не вышла за оптинского же монаха манатейного, Мелхиседека.

Венчаться мы решили в церкви, монашество наше скрыв, и торопились со свадьбой — до поста недели две оставалось. Только тут вздумала я, что обязательно мне нужно получить от старца — батюшки Нектария — благословение на венец.

Надела я плюшевую шубу, красным платком повязалась, поехала в Оптину и заявила в хибарку. Думаю: вот на общем благословении я попрошу: «Благословите мне замуж», а батюшка не разберется, кто я, и скажет: «Бог благословит», и я благословение хоть обманом, да получу.

А вышло-то не так.

Как я батюшке ни скажу: «Благословите меня замуж», он отвернется и промолчит.

Наконец отец Севастьян (келейник)⁴⁰ проводил меня к батюшке в приемную, а батюшка меня встречает: «Зачем ты, шамординская монашка, пришла ко мне?»

Я так и обомлела. Ведь он меня раньше никогда не видал, да тут я еще в мирском платье.

Я говорю: «Батюшка, я к вам исповедоваться».

«Нет, нет! Ты иди к отцу Анатолию⁴¹, он духовник шамординский, а мне вас запрещено принимать».

А я опять прошу: «Батюшка, если вы меня исповедовать не возьмете, я прямо домой уеду такой же, какой к вам пришла».

Тогда он надел поручи и согласился. Я исповедуюсь, а потом сразу говорю: «А я за вашего Мелхиседека замуж собралась».

Батюшка так и остановился, а потом дверь на крючок запер и меня подвел к иконам. Я испугалась.

«Вот что, друг мой, или ты обещаешься эту мысль бросить, или я должен тебя сразу от Церкви отлучить. Вот выбирай!» — такой строгий стал.

Я плачу, прошу, чтоб меня от Церкви не отлучать.

Тогда он велел мне переехать в Оптину к сестре — сестра у меня здесь жила в сиделках, — и сестру велел к нему привести, а потом уже при ней сказал мне: «Приезжай сюда жить, а не то сама на себя пеняй! Я тебе при свидетелях говорю».

И три раза повторил это.

***

Переехала я в Оптину, а Мелхиседек стал мне письма писать.

Батюшка велел все письма, что я вообще получала, сначала приносить ему, а уж потом распечатывать. Письма, что ко мне от других писались, он, бывало, перекрестит и сразу отдаст мне читать, а Мелхиседековы положит к себе в карман и носит недели по три.

Потом примет меня и скажет: «А мы-то с тобой еще письма не прочитали. Ну, читай!»

А я начну читать и ничего разобрать не могу. Все у меня в глазах мелькает, строчки сливаются.

Так я и не знаю, что он там писал.

***

Потом мама моя на Рождество за мной приехала — домой увезти меня, а Мелхиседек 75 миллионов дал на дорогу⁴².

Я прихожу к батюшке, рассказываю и домой прошусь, а он мне в ответ: «На все четыре стороны», — и ушел к себе в келью. Я ждала его, ждала — а он не выходит. Ушла я домой, а после вечера опять прошусь к нему, а он не принимает: «Я ей все сказал».

Наконец упростили его, принял он меня и маму велел позвать, а как вошла она, так строго на нее напал: «Ты зачем сюда? Молиться или людей из

монастыря выманивать? Вот поговей у нас, да и уезжай домой, а дочка теперь не твоя, а Божия».

Мама моя смирилась и стала сама меня оставлять в монастыре.

Так я домой и не уехала.

***

Страхования у меня начались — батюшка мне велел читать молитву: «Господи, от страха вражия изми душу мою (Пс. 63, 2)», а потом велел каждый день в 3 часа дня читать три раза «Богородицу», а потом «Господи, помилуй» и «Боже, милостив буди мне, грешной».

***

Когда батюшку арестовали и посадили в больницу, сестра моя пробралась к нему и спросила, как нам дальше жить, к кому обращаться.

Он ее направил к отцу Никону⁴³ и сказал: «Тебя в Оптину Божий Промысл привел, а Ириша пусть домой едет — она здесь по недоразумению».

А я все-таки сама захотела спросить о себе и тоже пробралась к батюшке, и он мне сказал: «Ты к отцу Никону обращайся, сначала лично, а потом будешь письменно».

А я тогда батюшки Никона не знала совсем и боялась.

Стала я спорить с батюшкой: «Я лучше буду относиться к отцу Мелетию, прежнему моему духовнику!» А батюшка мне: «Нет на это моего благословения. Относись к отцу Никону».

Так и перешла я к отцу Никону и очень была довольна.

Потом я пошла к батюшке в Холмищи, прошу у него наставления, а он говорит: «Кто у тебя духовник?»

— Отец Никон.

— Нет! Нет у тебя духовника.

Я смутилась. Отец Никон тогда еще в Козельске жил.

Потом батюшка открывает книгу Иоанна Златоуста и говорит: «Видишь, как Олимпиада⁴⁴ скорбела, когда учитель ее на корабле в ссылку пошел. А Златоуст-то как страдал. Там, в ссылке, климат был неподходящий, вот и болел он лихорадкой и другими болезнями»⁴⁵.

А я говорю: «Батюшка, к чему вы мне эту книжку показываете? Я и дома прочесть ее могу. Вы мне лучше скажите что-нибудь».

А батюшка все свое продолжает.

Тут Мария (монашка, жившая у батюшки) вошла, требует, чтобы мы уходили, — батюшка нас и отправил и велел идти на Ивановку, 15 верст лесом, а дело было к вечеру. Мы послушались, пошли, а навстречу нам едут отец Никон с отцом Геронтием⁴⁶, расспросили нас и повернули нас в Холмищи. Там мы и заночевали.

Отец Никон говорит: «Похоже, что батюшка мне ссылку предсказывает. Вот я сам спрошу у него».

Пришел к батюшке и говорит: «Почему вы мне ничего о ссылке не говорите, а моих духовных чад смущаете?»

А батюшка в ответ ему: «Прости, отец Никон. Это я испытывал любовь к тебе твоих чад духовных. Это я пошутил». И вытащил ватную скуфью с наушниками, взял у отца Никона его летнюю, а эту — теплую — надел ему на голову.

Отца Никона выслали на север (Соловки, потом Пинега) в день Иоанна Златоуста.

***

О Насте, сестре моей.

Бывало, на общем благословении возьмет батюшка ее за руку и скажет: «Вот, почтенные посетители, представляю вам эту девицу. Она сюда прислана Промыслом Божиим.

Она — херувим».

Рассказывает Феничка⁴⁷

Мой духовный отец, отец Павел, посоветовал мне обратиться к оптинским старцам за разрешением моих некоторых вопросов. По его слову я поехала в Оптину, не зная даже, в чем состоит старческое руководство.

Сначала я попала к батюшке Анатолию, а через несколько дней — к батюшке Нектарию. Он мне дает книгу Брянчанинова — об умной молитве, написанную литературным, а не специфически монашеским языком⁴⁸.

Я читаю и думаю: как они здесь читают такие книги! Ведь такой язык для них страшно труден и непонятен.

На мои помыслы батюшка отвечает тончайшей улыбкой:

— Конечно, мы малограмотны и таких книг читать не можем — то ведь для таких образованных барышень⁴⁹, как ты, написано.

Тут я не выдержала, бросила книгу и упала перед ним на колени.

***

Потом я еще два раза приезжала в Оптину, к старцам ходила, но спрашивать их стеснялась, и поэтому я от них никакого указания и не получала.

Потом уж я о других, тоже молчавших, у старца спрашивала: «Батюшка, почему вы им ничего не скажете?»

А он говорит: «Потому что они и не спрашивают».

***

Во вторую мою поездку духовный отец мой просил, чтобы я обязательно привезла ответ от старца Нектария на его письма. Я робко-робко прошу батюшку, а он говорит мне — обожди до завтра, а завтра извиняется — письмоводитель не пришел, и просит меня еще до завтра обождать, — так он меня две недели мучил.

У меня не хватило бы смелости беспокоить его для себя, а для духовного отца моего должна я была, и с такою мукою и застенчивостью все просила батюшку дать, наконец, ответ, а он все откладывал.

Я решила уехать. Не взяв благословения у старца, пошла на вокзал. Тут уж поезд должен сейчас подойти, а у меня такая тоска, такое желание вернуться в Оптину и все-таки получить ответ для отца моего духовного, что я не выдержала и побежала обратно. А батюшка встречает меня улыбкой и подает мне уже запечатанное письмо.

***

А когда третий раз я приехала, батюшка оставил меня жить в Оптиной, а я ведь приехала налегке, без вещей, — рассчитывала на неделю, а прожила год.

Тут уже батюшка стал меня воспитывать духовно. На вопросы мои не отвечал: «Нам с тобой торопиться некуда, у нас год впереди», — а повел меня путем суровым.

Все мои помыслы обличал он до мелочей.

Помню, я раз в зеркало поглядела и подумала: «Какая я белая стала», — а когда пришла к бабушке, он при всех стал передразнивать меня: стал на меня так глядеть, как я на себя в зеркало глядела, и спрашивать: «А почему ты такая белая?» Тут уж я перестала глядеться в зеркало.

***

Зима наступила, а у меня веревочная обувь и нет теплой одежды. Перед тем легкие у меня были в плохом состоянии. Хожу я по снегу почти, можно сказать, босиком — и ничего, не простужаюсь, а бабушка спрашивает меня:

— Феничка, тебе не холодно?

— Нет, бабушка, за ваши святые молитвы — ничего.

Тут он говорит:

— Я тебе скоро теплую ряску дам.

— Как ваша воля.

А на следующий день подходит ко мне монашка и говорит:

— Одна дама хочет вам теплую ряску дать, она видеть не может, как вы по такому холоду раздевая ходите.

Я вспомнила бабушкины слова и поблагодарила.

***

Бывало, возьмет меня бабушка к себе, прижмет мою голову к своему сердцу и дремлет.

А я боюсь пошевелинуться, чтобы не потревожить его; все тело затечет.

Тогда я потихоньку начинаю целовать его руки, чтобы разбудить его.

А он проснется, посмеется и отпустит меня; а ни на какие вопросы мои не отвечал, так что я утешалась и расстраивалась сразу.

***

Уехал батюшка к Василию Петровичу на хутор. Поехали мы с Надей за ним, а потом и в Холмищи перебрались.

Однажды батюшка посылает меня из Холмищ к Василию Петровичу, уже под вечер, — но все как-то задерживает меня под разными предложениями и только под конец говорит: «Ну, теперь иди».

Прощаясь, спрашивает:

— А ты не боишься?

— Нет, за вашей святой молитвой не боюсь.

Прихожу на хутор, а там все ужасаются: «Как это вы прошли, еще четверти часа нет, как наши собаки выли на волка».

И правда, по дороге видела я огромные свежие следы.

***

Тут на хуторе батюшка велел мне однажды затопить у него печь.

Я дрова принесла, две вьюшки открыла. Батюшка сам, благословясь, поджег дрова, а дым как повалит в комнату. Батюшка мне говорит:

— А открыла ли ты вьюшки?

— Открыла, — отвечаю.

— А ты еще посмотри.

— Нет, батюшка, и смотреть нечего. Знаю, что открыла.

А дым все валит и валит в комнату. Батюшка вышел на крыльцо. Там ветер. Стоит батюшка, воротник поднял, а ветер треплет его седые волосы.

Идет келейник Петр и спрашивает меня: «А вы все три вьюшки открыли?»

Я обомлела: «Нет, только две».

Петр побежал открывать третью. Я прошу у батюшки прощения и умоляю пойти ко мне (я в том же доме на другой половине жила), а он не соглашается. Так и простоял он на крыльце, пока комната его не очистилась от дыма, — живым упреком моему непослушанию.

***

Батюшка предупредал меня: «Когда пойдешь в Оптину, не заходи к друзьям своим, к которым ты всегда заходишь». Но я не послушалась: от непослушания моего проистекли обстоятельства, благоприятствующие греху, — и вот лег на меня смертный грех, и батюшка меня прогнал от себя. Вернулась я к себе в комнату и упала на пол в последнем отчаянии.

Чувствую — батюшка незримо встает около меня и подымает меня.

Пришла я в себя, пережила я кое-как это горе, но два года после этого не принимал меня старец.

Потом принял и сказал: «Больше смертного греха не совершишь ты вовек».

***

Однажды почувствовала я ненависть к одной близкой батюшкиной духовной дочери. Мучилась я этим искушением и призналась старцу, а он в ответ дал мне прочесть историю Иосифа — как братья позавидовали пестрой одежде; и поняла я: корень ненависти моей — зависть. И тут я почувствовала умиление сердечное.

***

Однажды он подвел меня к иконам, поставил и сказал: «Читай “Богородицу” до тех пор, пока Она тебе не ответит: “Радуйся”».

А сам ушел.

Я читаю и думаю с ужасом, как же это будет? — и никакого ответа не слышу.

Тут входит батюшка и дает мне поцеловать свой наперсный крест. Тогда меня охватила неизъяснимая радость.

***

Это было в Холмищах. Батюшка вынес блюдо с водой и ватку и стал, крестя меня, обмывать водой все мое лицо. Я смутилась и подумала: «Не к смерти ли он меня готовит?»

На следующий день я помогала снимать с чердака оледенелое белье. Я стояла внизу, а мне передавали белье сверху. Вдруг кто-то уронил огромное, замерзшее колом одеяло, и оно ударило меня по лицу. Такой удар мог бы меня серьезно искалечить, но у меня на лице не оказалось даже синяка или царапинки.

Я пошла к батюшке и рассказала ему: он молча снова обмыл мне лицо таким же образом.

***

Однажды я вхожу в Холмищах на его половину и слышу из прихожей через запертую дверь, как батюшка в приемной кого-то укоряет или что-то требует очень громким и грозным голосом. Мне странно и страшно. Это не походило на обычную манеру батюшки, и я подумала: «Кому же это так достается?»

Когда я прочла молитву — батюшка открыл дверь.

В комнате никого не было.

***

Батюшка часто говорил: «Когда я болен — я скорблю, а когда я здоров, не умею пользоваться своим здоровьем».

О детях батюшка говорил: «Если дитя в младенчестве сердится, то уже согрешает». «Чтобы дети не хворали, надо их часто причащать».

«Чтобы избежать соблазна, надо смотреть прямо перед собой, а не косить по сторонам».

Раньше я часто совершала мысленно крестное знамение. Батюшка объяснил, что этого нельзя делать. «Если ты хочешь благословить какое-нибудь лицо или предмет, то можешь себе их представить мысленно, но крестное знамение — совершать физическим движением».

«Когда бьют часы, крестись, чтобы огражден был следующий час».

Однажды одна женщина написала батюшке, что она страшно нуждается. Он заплакал: «Подумай, у нее даже хлеба нет».

«Все четыре стороны комнаты надо крестить перед сном».

Он позволил заочно брать у него благословение. Я спрашиваю — когда? Он говорит: «Церковь молится утром, в полдень и вечером».

Однажды он подарил мне белую вышитую рубашку и велел ее носить. Я спрашиваю: «Батюшка, это смирительная рубашка?» Он смеется: «Нет, благодатная».

***

Он обличил скрытные мои страсти, о которых я и сама не подозревала: так, обычно я щедра и нерасчетлива.

Вдруг он мне говорит:

— Есть ли у тебя деньги?

— Есть.

— Сколько?

— Десять рублей.

— Одолжи мне их.

И вдруг я чувствую, что мне жалко их отдать ему. Я говорю ему в ужасе: «Батюшка, простите, я и не знала, что я такая». А он смеется.

***

У Марии была чашка, которую батюшка подарил ей в день ее пострига, и батюшка не раз говорил Марии: «Убирай ее, чтобы ее не разбили».

Однажды я мыла посуду и нечаянно разбила блюдце от этой чашки.

Иду к батюшке и потихоньку прошу прощения. Он отвечает мне: «Бог простит».

Мария, узнав, что блюдце разбито, устраивает истерику.

Батюшка утешает ее и бранит меня при всех: «Ведь какая злоумышленность! Ведь Феня нарочно разбила блюдце, чтобы досадить бедной Марии».

Я шепчу батюшке, становясь на колени: «Не все же молоком кормить, надо и твердой пищей».

Он молча пожимает мне руку, но продолжает громко бранить меня.

После этого он целую неделю не принимает меня. Я бодрюсь. Наконец я вношу к нему самовар, ставлю на табурет и радуюсь, что вижу его наедине. Он благословляет меня, а я, схватывая и задерживая его руку, говорю: «Батюшка, отчего вы меня не принимаете? Теперь я не пущу вас, пока вы меня не примете».

Тогда батюшка делает непередаваемое брезгливое движение, отмахиваясь от меня, как от жабы. Я не выдерживаю и начинаю плакать. Тогда он мгновенно смягчается, принимает меня и смеется: «Вот твои глазки и оросились. Мне этого только и нужно было».

Рассказ Эллы Петровны

Я каждый день вспоминаю батюшку Нектария. Когда у детей моих несчастье, я говорю ему: «Ты их взял, ты их и веди».

В первый раз я пошла к нему со старшей дочерью; полдороги мы ссорились: у нас в селе появился молодой человек — я ничего о нем не знаю, знаю только, что юрист, образованный, ну, интересный, а какой он человек — не знаю, а у моей дочери начинается к нему любовь.

Мы раньше с ней были как одна душа, а теперь она тянется к чужому мужчине, говорит мне, что хочет выйти замуж. А у меня ревность и страх отдать ее. Только около самых Холмищ мы примирились.

Входим к батюшке, он сразу нас принял, и такая ласка от него. Посадил нас и спрашивает: «У вас, может быть, недоразумение между собой?» А мы говорим — нет.

Потом стал он говорить, что девочке моей — благословение сразу выйти замуж (они хотели год ждать, переписываться, проверять себя, а он говорит — сразу), и чтобы я взяла их в дом — я представила себе, что она на моих глазах уходить будет с женихом, что они будут к обеду опаздывать, — ведь ему все равно, что обед на два часа позже; сердце мое на куски рвется, а батюшка все говорит, и я стала послушная, кроткая, любезная.

«Вы сделайте ей новое платье и обвенчайте — в церкви обвенчайте ее», — и несколько раз повторил, чтобы платье, а сам на мою девочку все смотрит, и лицо у него светится, понимаете, по-настоящему светится.

Я говорю, что у нас средств нет, а батюшка говорит — добрые люди помогут.

И правда, добрые люди помогли. Все у нас было, всякое печенье к чаю, ужин только вышел скромный, а венчались в Москве в церкви, и я такую благодать чувствовала, как у бабушки.

Потом бабушка стал говорить с нами, как старший джентльмен, — о живописи, о науках — так любезно; и подарил коробку мармеладу.

Через год после свадьбы девочка моя стала ждать ребенка. Очень тревожилась и спрашивала бабушку, как она должна поступать. Он все ей написал — ходить тихонько, не торопиться, тяжело не поднимать, и что все будет благополучно.

И, правда, роды были знаменитые.

Потом младшая девочка моя пошла к нему. Он сказал ей, чтобы она сейчас готовилась в педфак, а на двадцатом году выходила замуж, и что тогда жених сам явится.

Теперь ей как раз двадцатый год идет.

— А православие, Элла Петровна, вы приняли?

— Нет. Бабушка и не заставлял меня. Он понимал, что я старший человек и мне веру менять трудно. Но я знаю: у него была та благодать, которой в нашей Церкви нет, — и такая любовь была. Я приду к нему, нагну к его коленам свою старую голову и всю тяжесть отдам ему.

И плачет...

Рассказ Василия Петровича о рабе Божией Марфе

Была у нас работница — старушка Марфа. Бабушка очень любил ее, благословлял всегда.

Она совсем нищая была. Родные у нее кое-какие были, так они ее из дому выгоняли, ругали, били даже.

Стала она жить у нас, работала, как раба купленная. И в церковь чуть ли не раз в год ходила — поговеть или на Пасху.

А как ее Господь перед смертью утешил: вижу я — совсем помирает она, велел я запрячь лошадь да свезти ее в село причастить.

Обычно батюшка наш причащал больных в сторожке, а тут велел для Марфы церковь открыть. Возвращается она домой, а лицо у нее такое светлое: «Уж как меня, Васильюшка, Господь утешил. У самого алтаря батюшка причащал меня».

Лежит Марфа на лавке, уже нет сил ходить, а то все перемогалась, ходила. Жена говорит: «Помрет она тут, мы ее бояться будем. Вези ее к родным или в больницу», — а я смотрю — у Марфы слезы на глазах.

— Не бойся, голубушка, никуда я тебя не повезу. Лежи, поправляйся.

Осталась она у нас. Только вхожу я к ней, вижу, ножку спускает она на пол, словно встать хочет, а сама стала клониться набок, и головка запрокинулась. Я подбежал, поддержал ее, а Марфа потянулась и тут же умерла, как уснула. Такая блаженная кончина! Я сейчас же послал за родными, за монашкой, Псалтирь читать; обмыли ее, положили, лежит она, как живая, и ни у кого к ней страху нет. Я потом спрашиваю у батюшки Нектария: «Почему мы ее не боялись, а других покойников боимся?»

А он говорит: «Около праведных нет страха. Тут святые Ангелы у тела, и душа их чувствует и не боится. А если человек грешный был, то у тела злые духи, а душе от тела сразу отлучиться нель-

Принял меня батюшка и велел по четкам читать «Богородицу» и класть земные поклоны, а сам к себе ушел. Три раза прошла я четки. Тут он входит и садится в кресло.

Я хочу перед ним встать на коленки, а он не позволяет.

— Садись, матушка, тут рядышком, — и стул мне пододвинул.

Стал он меня спрашивать, как мое имя и давно ли я в монастыре, и какие у меня склонности, и какие искушения были, и какие у меня самые тяжкие грехи.

Я плачу, говорю ему.

Потом он ушел и опять велел мне молиться Божией Матери и еще сказал: «Ты живи с Таней. Это не меня, грешного, благословение, а так Сам Господь и Божия Матерь желают».

А у нас с Таней были несогласия перед тем, но тут я сразу смирилась. Вернулся батюшка и вынес акафист Божией Матери «Державной»: «Вот, читай, и я с тобой буду молиться, а то за суетою мне все некогда».

Я говорю: «Батюшка, я плохо читаю», а он: «Ничего, ничего, Господь тебе поможет».

И вправду, я ничего читать стала — печать гражданская, крупная. Потом батюшка опять ушел и принес мне другой, рукописный, акафист — Господу Иисусу, я уж не помню, как он называется, только читать его надо в скорбях⁵⁰. Тут я поняла, что жизнь моя будет скорбная.

Велел мне батюшка стать на колени и читать его, сам поставил меня на колени и ушел.

Читаю я, а он не возвращается. Час прошел, другой, батюшка входит, а на меня внимания не

обращает, — я все стою на коленях, как он поставил. Других посетителей стал он принимать, а я все стою. Затекли у меня ноги, слабость такая — упаду сейчас, в голове мутится, строчки сливаются, уже читать не могу и молиться не могу, и все иконки я у батюшки пересмотрела, всем перемолилась, а все стою, и батюшка никакого внимания на меня не обращает.

Поставил он так меня — 12-ти часов еще не было, а тут уже к вечерне ударили — половина пятого. Подошел он тогда ко мне и поднял меня. Я сама и подняться не могла — и низко поклонился мне: «Благодарствую за твое послушание».

А потом говорит отцу Севастьяну: «Веди ее за руку к себе в келью и скорей накорми. Дай ей моего супу», — и сам принес мне тарелочку супу.

На следующий день прихожу я к батюшке, а он меня не принимает: к отцу Анатолию. Как я ни прошусь, он все свое: к отцу Анатолию. Четыре дня он так мучил меня. Только батюшка Анатолий (к нему я на благословение ходила) укреплял меня: «Пусть он тебя гонит, а ты не уходи. Он тебя примет непременно».

Все силы я потеряла, лежу в хибарке на диване и плачу. А в то время у батюшки была Татьяна Смоленская. Выходит она от него и громко — на всю хибарку — говорит: «Где тут матушка Анна Полоцкая?»

Я отзываюсь. «Так вот, матушка, батюшка велел мне принять тебя к себе, накормить и успокоить: мать Анна совсем умирает, ты постель постели, умой ее».

Пошла я с Таней, рассказала о своем горе, а она меня утешает: «Завтра тебя батюшка непре-

менно примет». А я не верю уже. Утром так я разболелась, что и в хибарку не пошла, а батюшка встречает Татьяну: «Где мать Анна? Привела ли ты ее с собой?»

Та объясняет, что я больна, а батюшка велит мне вечером непременно прийти.

Прихожу. Батюшка всех принимает, а меня нет. Наконец самой последней принял он меня и так утешил, обласкал, — говорит: «Ты мне сразу понравилась. Ты смышленная девочка, а я малоумен. И уж не знаю, как мы с тобой поладим, разве только ты мое малоумие примешь благоразумием. Ты мне сразу понравилась», — и назначил, когда к нему прийти на исповедь. <...>

***

Потом приехали мы вместе с Таней. Таню он принимает, ласкает, всякими именами называет, а на меня никакого внимания. Горько мне стало, и пошли у меня помыслы: «Хоть бы мне знать, считает ли он меня своей духовной дочерью. Если считает, тогда все перенести можно, а если нет, напрасно я и приезжала». И не прошли у меня еще эти помыслы, как батюшка зовет меня к себе, обнимает и говорит: «Ты мое родное дитя, ты мое ближайшее чадо. Ты знаешь, что я считаю тебя одной из самых своих близких, и никогда этого не забывай. Всегда помни, что я сейчас говорю тебе». И так утешил меня — на всю жизнь помню...

А на следующий день опять перестал меня принимать.

МИТРОПОЛИТ ВЕНИАМИН САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ¹

Описание жизни епископа Феофана² побуждает меня вспомнить о другом святителе: митрополите Вениамине (Казанском). Это тоже необычайный человек: уже из того это видно, что он из викарного епископа был выбран в митрополита Санкт-Петербургского — на общем епархиальном собрании³. Это — редкость; даже, может быть, единственный в истории митрополии факт.

Запишу отдельные факты из его жизни. В древности записывали даже отдельные изречения святых людей и из них потом составлялись «Отечники», или «Патерики».

Целомудренный

Кажется, ничего тут особенного нет. Но быть целомудренным — и трудное, и великое дело. Не так просто сделаться и монахом, но быть целомудренным монахом — святое и великое дело. Особенно — и в помыслах.

Один святой отец сказал о себе следующее: «Я — девственник по телу, но не могу назвать себя девственником и по душе».

А батюшка отец Серафим сказал: «Божия Матерь — Девственница, и я — девственник». По-видимому, он считал это особым достоинством.

Таковым считал я и епископа Вениамина: не знал я его души, но по телу, — я всегда уверен был в этом, взирая на его чистое лицо, — он производил девственное впечатление. А это, — говорит святой Иоанн Лествичник, — ведет к радости даже в лице. У целомудренного лица цветет. А епископ Вениамин, кроме этого, почти всегда улыбался.

Ольга и Мария

Во время его ректорства в Санкт-Петербургской духовной семинарии к нему пришли две молодые девушки из довольно высокого светского общества. Они попросили быть их духовным отцом. По-видимому, он соглашался. Но предупредил их, что это требует послушания. Они обещали это.

Тогда он сказал им: «Вот вам первое послушание: никогда больше не заходите в келию к монахам. А спрашивайте лишь в церкви». Девушки были удивлены, но обещали исполнять это.

Впоследствии им случилось быть в одном городе со мною. Я их никогда в лицо не видел. А в этом городе мною было организовано общество религиозно-интеллигентское. Этих девушек кто-то пригласил посещать собрания. Они мягко, но решительно отказались. И тут-то рассказали о первом послушании епископу Вениамину — тогда он был еще архимандритом — «не заходить в келии монахов».

И они строго соблюдали это.

Были они в то время сестрами милосердия, ходили в церковь, слушали проповеди, ни о чем меня не спрашивали, даже в храме. И никогда не были в архиерейском доме.

Всё это я слышал от того человека, который звал их посещать наши собрания. Но их самих никогда не видел и только после узнал об их именах.

Избрание

Предшественник его, митрополит П.⁴, в начале революции был арестован и сослан. Нужно было избирать ему заместителя. Было три кандидата: митрополит Сергей⁵, епископ Андрей (из князей Ухтомских)⁶ и малоизвестный викарий епископ Вениамин. Первого знали почти все интересующиеся церковными делами: виднейший и ученый иерарх, неперемный член [Синода] при всех государях и обер-прокурорах. Второй выдвигался тогдашним обер-прокурором В. Львовым⁷ как новатор и «либерал». А третьим вот был малоизвестный викарий. Он ничем, казалось, не выделялся: ни ученостью, ни либеральством, ни интересом вообще к политике, ни даже — особенным благочестием. Казалось, выборы останутся на первом кандидате. Но случилось как раз наоборот: выборщики остановились именно на последнем кандидате.

В скорости после избрания я побыл по делам в Ленинграде и встретился с одним из выборщиков, протоиреем К-цким, сотоварищем по духовной академии.

— Почему вы избрали епископа Вениамина? — спрашиваю я его.

— Да ведь мы видели, что времена наступают сложные и политические: мы и выбрали его за религиозность; политикой он не будет заниматься! — ответил он, легко улыбаясь.

А известно было, что он участвовал в разных крестных ходах, по монастырям, с общим пением народа, пешком — это и выдвинуло его на высокий пост.

Другой выборщик при мне рассказывал, что когда его выбрали, он обратился к выборщикам с речью, в которой сказал: «Моя фамилия — Казанский, и выбрали в Казанском соборе». Там происходили выборы. Вероятно, он выразил этим веру свою в участие в избрании Самой Божией Матери.

Так он сделался Первосвятителем Ленинграда⁸.

Это было столь необычно для прошлых времен, что его не считали удобным возводить в сан митрополита и надевать белый клобук, а только называли архиепископом. Он относился к этому со свойственным ему смирением, простотой и молчаливостью. Никогда он не говорил речей на Соборе Московском (1917–1918 гг.). Затем ему дали и сан митрополита, и белый клобук. Но он оставался таким же скромным и простым.

Народ льнул к нему...

Чудо спасения

Конечно, он принимал участие, как член Московского Церковного Собора, в общих собраниях. Но всегда оставался незаметным. А жил он в московских митрополичьих комнатах, в Чудовом монастыре⁹.

А в это время шла осада города, и гранаты падали где попало¹⁰. И вот, слышал я, он сидел и ра-

ботал за столом в кабинете московского митрополита. Вдруг какой-то голос говорит ему, чтобы он ушел оттуда. Он послушался его. И вышел. Тотчас же в кабинете над столом разорвалась граната, и взорвало весь тот угол. И конечно, она убила бы его, если он оставался бы в кабинете.

Этот случай рассказывался потом в кулуарах Собора.

24 января 1954 г.

Смерть

После события завертелись в России... Я уехал за границу в Сербию, потом — во Францию. Здесь я узнал о кончине его. А потом приехал и адвокат его, кажется, по фамилии Гуревич¹¹, и дополнил сведения о нем.

Насколько осталось у меня в памяти, его обвинили в том, что он не соглашался на выдачу вещей из храма: чаш, крестов и прочих драгоценностей. Такой указ, по-видимому, дан был от патриарха Тихона. За это он был присужден к высшей мере наказания¹².

Он спокойно отнесся к этому. И был острижен и расстрелян. Где именно, не знаю... Едва ли знает и кто-либо другой¹³.

Посмертное завещание

Каким-то образом у меня сохранилось «Посмертное письмо митрополита Петроградского Вениамина петроградскому духовенству».

Переписываю его сюда.

«Я радостен и спокоен, как и всегда. Христос — наша жизнь, свет, покой. С Ним всегда и везде

хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры — надо больше; больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией... Не люди спасают Церковь, а Христос! Нам ли, христианам, да еще иереям, не проявить мужества, даже до смерти, если есть хоть сколько-нибудь <веры> во Христа, в жизнь будущего века!»

Подлинно ли оно, не знаю. Но мне кажется оно написано в его духе. На вопросы же мои современникам его те отвечали, что это «завещание» не принадлежит ему...

Должно отметить, что несмотря на такую мученическую смерть, глубокой памяти и почитания его в народных массах, по-видимому, не осталось, как это можно сказать про славного батюшку, отца Иоанна Кронштадтского*¹⁴.

Бог — Судия!

Анекдот ли?

Когда началась революция, патриарх Тихон поехал из Москвы в Ленинград¹⁵. На Николаевском вокзале (теперь — Октябрьском)¹⁶ встретил его митрополит Вениамин с духовенством и народом и обратился с такою (по преданию) речью:

— Вот я, всё духовенство и православный народ, — мы готовы и умереть за Православную Церковь, — и так далее.

---

* Об отце Иоанне мною написана книга о жизни и трудах его — более 1000 страниц. Экземпляры этих книг отданы Святейшему Патриарху, митрополиту Николаю и другим. (См.: *Вениамин (Федченков), митр.* Отец Иоанн Кронштадтский. СПб., 2005. — *Ред.*)

— Умереть ныне не мудрено, — ответил патриарх со свойственным ему юмором, — а нам нужно научиться, как жить!

Правда ли это или нет, — не знаю. Но на митрополите Вениамине его предсказание сбылось на деле.

А патриарх (правда, не сразу, а постепенно и не долго) учился жить; и основу будущей жизни Церкви заложил. Недаром заместитель его, митрополит Сергей, в послании своем сказал:

— Вот если бы патриарх Тихон пожил бы еще год или два...

Но над всеми Промысл Божий...

ЕПИСКОП ИННОКЕНТИЙ ХЕРСОНСКИЙ

Студент

Перед нами стоит смиреннейший епископ Иннокентий. Это имя дано было ему при постриге не случайно, а в память святого архиерея Сибири¹, откуда и где воссиял и сей Иннокентий. Происходил он из духовной семьи Рязанской губернии Солотчиных², но потом они переехали в Томскую губернию. Кончил там духовную семинарию, а потом поступил в Санкт-Петербургскую академию³. Почти всегда поступившие в нее кончают успешно четырехлетний курс. Но Солотчин неожиданно, после двух лет обучения, подает прошение об увольнении. А потом просит Томского архиерея зачислить его сотрудником в Алтайскую миссию для просвещения сибирских язычников⁴. Тайна такого исключительного поворота души студента мне неизвестна. После этого раб Божий никогда не хвалился академическим образованием, как другие, упоминая лишь о семинарии.

— Но, владыко, вы же учились и в академии, — скажет, бывало, кто-нибудь.

А он, просто глядя вам в глаза, ответит медленно с невинным видом:

— Да ведь что же?! Не кончил ее! — давая понять, будто его уволили за неспособность.

И на этом обыкновенно обрывались все разговоры об академии. Дальше шли речи более важные, чем учебная школа. По-видимому, отец Иннокентий не придавал действительно в душе своей особого значения наукам, но открыто он никогда не говорил об этом. Лишь однажды он рассказал мне следующий случай из жизни казанского ученого архиепископа Владимира, бывшего раньше инспектором и профессором в Санкт-Петербургской академии⁵. Приехал он в семинарию на экзамен по философии. Вызвали лучшего ученика. Он смело ответил по своему билету. А потом архиерей задал ему вопрос:

— Скажи ты мне: что такое философия?

Лучший ученик сразу припомнил определение ее в учебнике и бойко начал: «Философия есть наука о бытии в его сущности» — и так далее, и так далее.

— И ты все это учил?

— Да, — в недоумении ответил молодой философ.

— И зубрил?

Семинарист промолчал.

— Так забудь ты все это. Я тебе скажу, что такое философия. Философия есть наука о заблуждениях человеческой мысли.

Так ли было в деталях или в простой передаче епископа Иннокентия рассказ получил несколько упрощенную форму, но, думается, и сам он не придавал высокой цены нашей учености. И совершенно верно! Может быть, и молодому студенту Солотчину уже тогда не по душе пришлось

преклонение перед «науками», и он уволился из академии? Или Бог звал его к апостольскому делу миссии?

В Алтайской миссии

Эта миссия состояла из нескольких станов, в каждом из которых трудилось по несколько человек. В один из таких и вступил Солотчин — уже постриженный в монахи с именем Иннокентия⁶. Вероятно, сначала он был послушником, а впоследствии стал и начальником стана. Служение это было нелегкое: язычники относились к миссионерам враждебно, условия жизни были физически трудные, иногда и хлеба не достанешь; климат суровый; а больше всего тут вредил святому делу *ангел сатанин*, о коем говорил апостол Павел: *да ми пакости деет* (2 Кор. 12, 7).

Ведь вся история христианской миссии, со времен Деяний апостольских, есть крестное дело среди борьбы, гонений, мучений, убийств, ненависти врагов Христовых. А во главе всего этого стоит диавол: о нем в наших школах на уроках церковной истории, увы, не говорилось, все переводили на «естественно-исторические» причины. Но сила Божия все препобеждала; и волны Церкви, перекатываясь через все препятствия, бежали все дальше и дальше, до концов мира. Сам Бог помогал проповедникам — и словом, и чудесами.

Так было и в Алтайской миссии.

Однажды стан отца Иннокентия остановился на границе языческого поселка. У миссионеров не было пищи. Сам отец начальник пошел с мешком к одному из жителей, прося хоть продать

муки или хлеба. Но тот отговорился бедностью и указал на богатого шамана (местного жреца). Отец Иннокентий и пошел к нему, прося хлеба «Христа ради». Тот встретил его недружелюбно, но сделал вид, что хочет дать муки. Пришли к амбару. Шаман приказал раскрыть мешок. И, взяв одну щепоть муки, сказал с насмешкой:

— Вот тебе Христа ради!

Не смутился Христов ученик. Истово перекрестившись, он упал с благодарностью шаману в ноги и сказал:

— Да спасет тебя за твой дар Христос Господь!

Жрец так был поражен смирением монаха, что тут же просил научить его вере христианской и без долгих проповедей крестился сам со всем поселком.

И сколько бы мог рассказать интересного, важного и поучительного из своей работы отец Иннокентий, но никогда, вопреки нашему общему влечению хвалиться, ничего подобного не говорил. Мудрые любят смиренное молчание. Поэтому и я, к сожалению, не могу ничего больше сказать об этой полосе его жизни.

В сане епископа и на покое

Мало-помалу отца миссионера возвышали в чинах — и наконец возвели его в сан епископа Благовещенского⁷. Не по его смиренной душе, привыкшей служить, а не повелевать, было новое послушание. И он начал просить освободить его от высокого положения и отпустить на покой, куда-нибудь в монастырь. Вероятно, и года уже незаметно подходили к старости. Справедлива

русская пословица: «Не так скоро дело делается, как скоро сказка сказывается». Время у всех течет быстро и незаметно несет нас к общему концу — к смерти. Но можно без колебания предполагать, что наряду с внешней миссионерской деятельностью росла и его внутренняя собственная духовная жизнь: молитвенный дух, живое благодатное общение с Богом, стремление отдаться всецело Господу. И возможно, что епископ Иннокентий, отчасти прикрываясь своей старостью и «неспособностью» к управлению, стремился теперь отдаться больше созерцательной жизни и спасению своей души. Ведь один Бог да дух человека знают: что было и есть в человеке! Священный Синод назначил его сначала в Алатырский Троицкий монастырь (Симбирской губернии)⁸; потом он был переведен на юг, в Крым, настоятелем Херсонесского монастыря, возле города Севастополя. Этот монастырь был создан на месте крещения святого князя Владимира⁹. Епископ Иннокентий управлял им около четырех лет, затем был перемещен настоятелем в Свяжский монастырь Казанской губернии¹⁰. А оттуда снова был возвращен в Херсонес в 1909 году. Здесь мне и пришлось встретить его. Еще будучи студентом академии, я посещал его. А потом, рукоположенный в викария Севастопольского, сделался его преемником по управлению монастырем; он же ушел совсем на покой, удалившись в особый домик возле колоссального собора, построенного над остатками стен древнего храма, где, по преданию, крестился князь Владимир. В этот домик к нему почти никто не ходил. Но об этом расскажу после.

А теперь вспомню кое-что о жизни его как настоятеля этого монастыря, и как об этом я слышал от других — сам он всегда предпочитал молчание.

В монастыре братии было немного, человек 30, хотя земельные средства его были очень богатые. Братия в большинстве была поющая и становилась на клиросе; другие, по обычаю, несли иные послушания: в алтаре, на кухне, по коровнику, по трапезной и прочее. Сам настоятель, епископ Иннокентий, обычно становился с певчими на клиросе. По монастырскому уставу в нескольких местах утрени полагается, как известно, и посидеть. Например, при чтении псалмов можно сидеть, отчего они и названы по-гречески «кафизмами», а по-русски это значит «сидение»; затем во время пения седальнов, во время чтения поучений и прочее. Для этого на клиросе делались подъемные лавочки, которые после сидения опускались. Конечно, монахи всегда пользовались этими моментами отдыха. Но зато стоял владыка, никогда не присаживавшийся, несмотря на старость. Говорят, что кто-то из посторонних однажды спросил его:

— Владыко! Почему вы не садитесь, как и все другие?

— Да ведь как тут сядешь-то? — отвечал он на очень простом сельском языке. — Вон они (монахи) сидят, а я стою. А если я сяду, так они и лягут, пожалуй.

Я думаю, что подобной шуткой он хотел снова прикрыть совсем иные мотивы стояний: подвиг свой. Но ему совершенно невозможно было вскрывать напоказ свои добродетели. И вероят-

но, потому он отвел нескромный вопрос шуткой. Вообще он говорил крайне просто, иногда прямо по-деревенски, употребляя крестьянские обороты вроде: «ежели всмотришься — взглядишься» или «дак кто ж его знает» и так далее. Никогда не любил употреблять иностранных слов.

Однажды произошел такой случай. Отец Амвросий, исполнявший в монастыре обязанности ризничего, как-то остался ночевать у знакомых в городе, а в монастырь возвратился уже утром. Благочинный, по долгу своему, сообщил об этом владыке. Он велел позвать виновного к себе в настоятельские покои. По обычаю монахи при входе кланяются архиерею в ноги, прося благословения.

— Отец Амвросий, — спокойно обращается к провинившемуся владыка, — ты нынче не ночевал дома-то?

— Простите, владыка святой! — снова бросается тот в ноги святителю.

А монах он был большого роста, полный, всегда с тщательно расчесанными волосами и бородой, в прекрасно сшитой рясе, а иногда и на шелковой шумящей подкладке, с красивыми разноцветными четочками, в блестящем черном клобуке, жизнерадостный, улыбающийся, всем услужливый, приветливый. А сверх всего этого, он искренно любил владыку и прислуживал ему. Да и святитель, кажется, относился к нему с любовью же.

— Простить-то бы ништо! — отвечал пословицей архиерей. — Да было бы за што.

Тот молчит. Да и что тут скажешь?

— Давай помолимся!

И старый святитель становится перед образами и начинает класть земные поклоны с молитвой: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешного!» С ним бьет поклон и отец Амвросий; за первым следует второй, пятый, десятый, тридцатый... Старцу архиерею, ширококостному, но с тощей постнической плотию, все нипочем; а у полного ризничего уже и сил нет, и пот катится по лицу... Уж не знаю, до какого десятка довел виновного владыка. Потом обращается к монаху с мирным благословением:

— Иди, брат! И вперед уж ночуй в монастыре.

Тот сделал последний прощальный поклон и вышел.

Пищу владыка употреблял самую простую: картофель, щи, кашу. Но если появлялись «важные» гости, он приказывал подавать и спрятанную соленую рыбу, и яичницу, и молочные продукты. Но сам не касался этой «роскоши». Подробный список пищи напишу после.

— Владыка, что же вы сами не кушаете этого?

— Желу-у-док не принимает, — отвечает он медленно и при этом указывает на место, где у него находится этот своенравный желудок. А смотрит он на вас в это время опять будто детскими наивными глазами. Мы же уверены, что он лишь скрывает свое постничество, — и не только не вкушал, конечно, скромного, но и из постной пищи выбирал себе только самое простое: это тоже не так уж легко и обычно.

— Вот картофель, — и он дружественно указывал на пару картофелин, — принимает мой желудок.

Еще рассказывали мне замечательный случай о фотографии.

В его время покойный митрополит Киевский Флавиан¹¹ собирал почему-то коллекции [фотографий] всех русских архиереев. Но епископ Иннокентий не снимался, он считал это греховным делом.

— Ведь у нас кого изображают-то? Чьи лики-то на иконах? Господа нашего Иисуса Христа, Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, апостолов, мучеников, святых. Ведь вон Кого нужно изображать, а не наши грешные лица, — говорил он в объяснение.

Но тут был случай особый: сам Киевский митрополит просит! Что же владыка? Пишет письмо с отказом, прося прощение за послушание. Но тот неумолимо настаивает на своем. Смиренный святитель повинуется, едет в город, снимается, но заказывает всего лишь одну фотографию для митрополита, а негатив приказывает фотографу разбить, чтобы тот не повторил снимков.

Кстати, вид его был благолепнейший. Широкая, из-под самых глаз растущая седая борода, пронизательные, но намеренно скрываемые очи, сжатые, едва видимые за усами, тонкие губы, широкие, но тощие руки; всегда прилично одетый, людей принимал непременно в рясе, клобуке и панагии, в храм ходил с архиерейским жезлом. Вообще вел себя достойно истинного святителя и по внешности показывал себя обыкновенным.

Но что было внутри, знает один Бог высоту его жизни и молитвы. Одно лишь я хорошо помню: на суставах его пальцев были большие мозоли — от множества земных поклонов.

Некоторые мысли его

Я уже писал, что он не любил учить и наставлять, особенно от своего имени.

И поэтому он в монастыре никогда не говорил проповедей. А в положенное время читали что-либо из разных печатных сборников. Как-то я спросил его: почему он не говорит от себя?

— Да ведь проповеди-то отца протоиерея Шумова (или там Белоцветова)¹² какие прекрасные! И думать-то не приходится. Лучше не скажешь!

И, выйдя на амвон, широко перекрестившись, он благоговейно начинал читать монахам или немногим богомольцам из города «прекрасного» Шумова...

Мне случалось иногда беседовать с ним, и некоторые его мысли врезались навеки. Вот одна из них — «Кто хорош?»

Как-то я, еще студентом, начал в разговоре с ним хвалить одного из знакомых: вот он-де какой хороший, какой славный. Выслушав мою легкомысленную сказку, владыка вдруг и спрашивает тихо:

— Вот мы, — не сказал мне — «вы», а и на себя взял грех, — часто говорим: такой-то хороший, а такой-то нехороший. Скажите мне: что значит быть хорошим?

Немного подумав, я ответил ему:

— Хорош тот, кто смирен.

— Так-то оно так, да ведь как узнать-то, что ты смирен?

Я не нашел ответа и спросил, что думает сам владыка.

— Хорошо тот, кто искренне считает себя нехорошим, тот только еще начинает быть хорошим.

На том и кончился тогда этот разговор. Но теперь я задумываюсь: зачем он задал мне такой вопрос? Не может быть, чтобы лишь для отвлеченного рассуждения! Такие люди всегда имеют какую-либо жизненную, практическую спасительную цель... Долго я размышлял и сделал такое предположение: урок его был направлен ко мне самому. Я хвалил другого, но в это время о себе думал высоко, что вот и я хорош, и хорошее дело делаю: хвалю, а не осуждаю. А если хвалю, то считаю себя вправе делать разбор и оценки, обыкновенно эти оценки делают высшие по отношению низших. Ясно, что я в то время воображал о себе немало и, конечно, не считал себя плохим... Вспоминается изречение из древних отцов, что они не любили ни корить, ни хвалить, ибо в обоих случаях они становились судьями, то есть мнили бы себя выше других.

И владыка должен был сказать тогда мне прямо — чего ты о других думаешь? Посмотри на себя: ты-то каков? Но по своему смирению он не мог сказать это открыто, потому и придумал такой отвлеченный разговор.

Но увы! Я не сделал этого вывода до конца, а мне, как «богослову», понравилась лишь «остроумная» постановка вопроса о «хорошести». И лишь теперь, много лет спустя, я вижу (и то мало еще): да, я не считал себя нехорошим...

В другой раз я вел себя еще хуже: в беседе с ним я уже кого-то резко и настойчиво осуждал. Епископ прямо смотрел мне в глаза и молчал, точно будто внимательно слушал. Во всяком

случае он не прерывал меня, не остановил, и я даже во взгляде его не подметил укора... Может быть, теперь бы узрел печаль обо мне в очах его... Я продолжал и продолжал судить — он слушает. Наконец запас моей критики пришел к концу... После я много раз рассказывал об этом случае знакомым и задавал им вопрос: что они думают, как бы должен в подобном положении поступить опытный святой слушатель? И что сказал на этот раз епископ?

И почти никто не отвечал мне правильно. И ответ — не легкий. В самом деле, если бы согласиться со мною в осуждении, то и слушатель оказался бы соучастником греха; если же так или иначе осудить меня самого или хотя бы остановить разговор, то владыка стал бы судьей надо мной, как я — над тем. А кроме того, может быть, тот человек и в самом деле что-либо худое допускал; если так, то как худое защищать? Или как называть его хорошим? Итак, везде трудно. А благодатный дух владыки нашел легко мудрый ответ. Крестясь, он спокойно с молитвой сказал: «Спаси, Господи, этого человека!» — то есть осуждаемого мною. А затем, снова крестясь, добавил о себе: «И помилуй мя, грешнаго». Про меня же ни слова... Так он никого не осудил, кроме себя. А к осуждаемому проявил любовь в молитве... Я же сам уже должен был сделать вывод: хорошо ли я поступал, судя другого?

Я не раз поражался такой Божественной премудрости владыки. Дух Божий руководил его.

Пришла революция. В районах белой власти постоянно бранили красных. «Особый» владыка и тут занял особую позицию:

— Вот мы все осуждаем их и молимся о себе. Да ведь еще неизвестно: о ком нужно больше молиться-то?

Потом, подумав, добавил:

— О них нужно молиться, они — в опасном духовном положении.

Ни слова ненависти, ни намек на их политику, ни даже какого-нибудь осуждения, а лишь — о молитве: молитва истинная идет от любви и приводит к любви.

Еще вспоминается его ответ о войне: что он думает по этому вопросу? Тогда либеральное мнение осуждало всякую войну. А он, задумавшись немного, со спокойной решительностью и ясной для себя несомненностью сказал по-деревенски:

— Ежели всмотришься-вглядишься, то, пожалуй, еще скажешь: слава Богу, что есть войны! Без них еще хуже было бы.

Признаюсь, что такой ясной и смелой формулировки о войне, с благодарением Богу, я не читал нигде. Такие люди, как он, не умственно подходят к вопросам, а духом зрят основную правду или неправду в решении их.

Пример — недавняя война против немцев... Ее принял сознательно и русский народ вслед за правительством; ее благословила и Церковь от всего сердца. И, конечно, нужно сказать: «Слава Богу, что война была!»

Еще не хочу забыть одного случая. Однажды епископ Иннокентий ехал по какому-то делу в Симферополь. Сидел он в третьем классе (и это — значительно). На одной из станций вошла женщина с ребенком на руках. Мест свободных не было. Он встал, уступил свое место

матери и продолжал стоять... Это рассказывали очевидцы.

Однажды он заговорил о фарисее, хвалившемся собою:

— Да ведь как тут не подумаешь о себе хорошо, когда сравниваешь с мытарями, прелюбодеями и другими грешниками? А если бы он сравнил себя с пророками, а мы теперь — с Пресвятою Богородицею, апостолами, мучениками, с великими преподобными, вот тут уж не станешь хвалить себя, а опустишь голову, как евангельский мытарь, да только и скажешь: *Боже, милостив буди мне грешнику* (ср.: Лк. 18, 13).

Последние дни

Святитель вообще не болел, и я не помню случая, чтобы он обращался к докторам. И до самой кончины никто из нас в монастыре не думал о его близкой смерти. За неделю до этого я пришел к нему с какой-то беседою. По обыкновению, он был внимателен и сосредоточен. Перед моим уходом он, вопреки его обычной сдержанности, вдруг прямо и решительно обратился ко мне и дал мне некий обличительный совет... И притом со всей определенностью и даже с резкостью: точно это был уже не смиренный владыка Иннокентий. Совет был явно прозорливого свойства. Точно от удара хлыстом я съезжился и виновато молчал. Но вдруг картина решительно изменилась.

— Простите меня, ради Бога! Простите, — завопил он. — Кто я такой, окаянный, что осмелился сказать вам это? Я сам еще не начинал спасаться!

А через неделю наступил конец. Утром ко мне пришел наместник монастыря (то есть замести-

тель настоятеля, фактически правящий монастырем) и сказал об агонии владыки. Мы поспешили к умирающему. Там сидел и наш монастырский фельдшер, иеромонах Августин. Владыка был уже без сознания, тяжело стонал. И через несколько часов скончался. Когда он испустил последний вздох, вдруг раздалось страшное рыдание: это плакал отец наместник, духовный сын усопшего. Тут должно обратить внимание на крайнюю необычность этих слез именно не у кого другого, как у отца наместника. Это был человек очень справедливый и талантливый администратор по монастырю, но в то же время — и властный, и резкий. Его почти никто не видел улыбающимся когда-либо. В монастыре у него было немало врагов, особенно из своевольных и недисциплинированных монахов. И мне самому он был тяжел и казался жестким и жестоким. И не раз я собирался переводить его в иной монастырь, но все откладывал. И вдруг — этот надрывающий душу крик и рыдания. Я был поражен. Как он — отец наместник — любил покойного! А если любил, если мог так сильно любить, то он не мог быть дурным человеком: дурные никого не любят. И я искренне примирился в душе с мнимым недругом моим. А теперь вспоминаю его с почитанием и любовью и рад бы видеться...

После были устроены надлежащие похороны. И покойник был погребен под сводами храма в право-задней стороне.

Никаких денег у него не осталось. Вещи же свои он завещал монастырю и некоторым из нас. Мне досталась его верхняя ряса, которую я и носил, недостойный.

Среди книг и рукописей оказалась одна тетрадь его о необычайном чуде, о коем я по памяти теперь и расскажу, не ручаясь за точность подробностей. Эта рукопись была копией письменного доклада покойного томскому архиерею, пославшему его обследовать необыкновеннейшее чудо.

В одном алтайском селе нужно было совершить крещение новообращенного. Приготовили в храме большой чан воды. Возле стоял и восприемник, бывший прежде язычником. Когда священник зачитал молитвы, где испрашивалось об освящении воды «найтием Святаго Духа», то восприемник испуганно закричал, прерывая священника:

— Это и со мною так было? Это и со мною было?

Едва успокоили его, заставив замолчать. Что же оказалось? Когда священник молился о «найтии Святаго Духа», сей бывший язычник, а теперь христианский восприемник, ничего не думая и, конечно, не разумея даже слов молитвы, вдруг явно увидел Духа Божия, спускавшегося из-под купола на чан с водою, в виде огня Пятидесятницы. И этот огонь растаял в воде.

Вот тут и закричал созерцатель этого чуда. О совершившемся донесено было архиерею, а тот и назначил ответственным следователем отца Иннокентия. Он под присягою допросил всех свидетелей, и все подтвердилось с несомненной достоверностью.

Благодарим Господа, что и доселе еще творятся Его чудеса в Православной Церкви!

Значит, и при всяком крещении сходит Дух Святой. Значит, и при освящении крещенской

воды сходит Дух Святой. Слава Духу Святому, Господу Животворящему!

Мне осталось рассказать о последнем воспоминании, слышанном мною от севастопольских дворян.

Жили муж и жена, она православная, он — протестант. Дети у них не рождались. Но жена хотела иметь хотя бы приемного мальчика. А муж опасался брать приемыша ввиду беспокойного характера своей жены. Споры не приводили их к соглашению. И тогда они решили принести вопрос на суд владыки. Его тогда уже чтит народ как святого. Пришли в монастырь. Епископ сначала принял мужа-протестанта. Его долго продержал владыка и выпустил плачущим, дав совет не брать приемыша. Жена ожидала к себе, именно как к православной, еще большего внимания и рассчитывала на победу своего мнения. Но владыка, ласково проводив мужа, жену его не принял даже для беседы, только с печальной укоризной сказал ей:

— Гордыня, матушка, гордыня! — и затворил двери...

Так мне рассказывали, так и записал.

Через год мы эвакуировались из Севастополя в Константинополь. Последний, кто пришел на броненосец проститься со мной, был тот же отец наместник, который горько рыдал над своим духовным отцом. Ничего он не просил, ни на что не жаловался. Только я чувствовал его любовь и ко мне, худому. Получив от меня благословение, он, печальный, тихо пошел по палубе... Что-то с ним будет?

Прошло 28 лет. Я возвратился из-за границы на родину. И узнал, что архимандрит Августин

еще жив и живет в Алма-Атинской области. Я снесся с ним и получил несколько писем от него. Особенно я просил его написать мне воспомина-ния свои об епископе Иннокентии, которого он знал много лет по Херсонесу, был ближайшим сотрудником его по монастырю и лично. Из этих писем я и выпишу некоторые новые данные об угоднике Божиим, а также и о самом монастыре. А что было уже написано, опускаю.

«Приветствую вас с праздником Святыя Живоначальныя Троицы...

Посылаю вам сведения об епископе Иннокентии... Написал то, что более запечатлелось в памяти. В мире — Иван Солотчин. В епископа хиротонисан в Томске, в городе Благовещенск, в 1900 году (или 1899)...» Далее отец Августин вспоминает о хозяйственной деятельности святителя в Херсонесском монастыре, это я опускаю, пишу лишь то, что касается духовной личности его:

«Владыка Иннокентий во все время его настоятельства в Херсонесском монастыре неопустительно посещал все церковные богослужения. Особенно отдавал предпочтение утрене, совершаемой в 4 часа утра. На утрени сам читал все каноны. Никогда не садился, несмотря на болезнь ног. Особенно чтит память святителя Иннокентия Иркутского, 26 ноября. Акафист ему читал на коленях, иногда со слезами. Раз в три в году владыка ездил в севастопольскую тюрьму для совершения богослужения: в один день на пасхальной седмице, на храмовый праздник святителя Николая (9 мая) и в одно воскресенье Великого поста. И, кроме того, не-

сколько раз в году ездил туда для собеседования с арестантами. В Великий пост читал им о страданиях Спасителя. Когда служил там, то каждый раз выделял из своих скудных средств небольшую сумму (25 рублей) на улучшение пищи арестованным. Начальник тюрьмы сначала не хотел принимать этого, говоря, что у них пища и так хороша:

— Вы посмотрите на них, какие они исправные!

— Но все же, — говорил владыка, — слава Богу, что они — исправные, а я прошу принять от меня малую лепту. Наше дело — утешить их страдания хоть чем-нибудь: купите им рыбки, фруктов; чайком сладеньким с сухарями напоите, вот им и будет утешение и настоящий праздник.

В воскресные дни проводил беседы с братией в трапезной. Все монашествующие и послушники за неделю должны были заучить наизусть очередное воскресное литургийное Евангелие; и таким образом братия приучалась к чтению Евангелия. Великим постом владыка проводил с ними беседы о страданиях Спасителя.

Всех приходящих за помощью или милостынею принимал сам... Даже на пути в храм всегда останавливался и подавал милостыню просящим. Зато после смерти не осталось у него ни одной копейки, только — небольшая сумма, оставленная заранее в конверте с надписью: “На погребение”.

Незадолго до смерти владыка принял пострижение в схиму, с именем Иоанна, Предтечи Господня, и над ним было совершено Таинство Елеосвящения...

Митрополит Петроградский Антоний¹³ был два раза; первый — в сентябре 1902 года. Обращаясь к братии монастыря, он сказал: “Вам назначили настоятелем великого молитвенника, смиренного и кроткого епископа Иннокентия. В духовном отношении он будет образцовым настоятелем, а в экономическом, я думаю, между братии всегда найдутся опытные ему помощники, которые будут следить за хозяйственной жизнью обители...”

Расскажу про один печальный случай. В 1904 году владыка Таврический Николай¹⁴ возвращался из Одессы, с хиротонии епископа Елисаветградского Анатолия¹⁵, через Севастополь пароходом. Телеграмма его о приезде в монастырь не была получена своевременно. И лошади к 4 часам утра не были высланы. Владыка приехал на извозчике к 7 часам утра; в это время Святые ворота бывают еще закрыты, и братия после утрени ложатся вздремнуть. Владыка Николай с черного хода подъехал к парадному подъезду. Первый заметил его я, так как мои окна были около подъезда. Пока я одевался, владыка был уже на верхней площадке лестницы. Двери в покои были закрыты келейником снаружи. Когда его разыскали и открыли дверь, владыка Иннокентий подошел к владыке Николаю с приветствием: “Милости просим, Преосвященнейший владыка”. Но владыка Николай отвернулся от него и стал кричать:

— Боже мой! Приехал архиерей, а они все спят!.. Старый дурак! Грех на себя взял и тот архиерей, который производил и тебя в архиереи! Тебе не архиереем быть, а свинопасом!

Владыка Иннокентий кланялся земно, прося простить его и братию.

— Пошел прочь, старый дурак! — и ушел в покои.

Наш владыка стоял с недоумением и говорил нам:

— Спаси его, Господи! Что с ним случилось? Верно, по дороге что-нибудь произошло? Надо молиться о владыке, чтобы Господь помог ему успокоиться!

После обедни он сделал попытку войти к владыке Николаю и взял просфору. Но он его не принял. Владыка весь день молился... Сообщили благочинному Баженову, он тоже ничего не знал о прибытии архиерея. И уже к 4 часам вечера приехал он к владыке Николаю. Во время их беседы была подана нарочным телеграмма. Тогда был приглашен и владыка Иннокентий. Он поклонился в ноги, умоляя простить его и братию за невнимание к епископу. Но — ни одного слова не сказал в оправдание себя, что они не получали телеграммы... Только тогда состоялось примирение...

(Моя вставка. Это для нас, грешных, просто — невероятно! И я думаю, что подобного случая не бывало во всем мире. Только смиренный святитель мог сделать это... Как не умилиться перед ним?! А о владыке Н. хочется плакать. — М. В.)

— Ведь вот какие случаи в жизни бывают! — говорил нам он после. — Спаси нас, Господи!

Вспоминаю, кстати, и другой случай с отцом благочинным. Умерла у него жена. Он приехал пригласить владыку на погребение. И просил преподать ему утешение в постигшем его горе. Подумал немного владыка и сказал: “Слава Богу!” Отец протоиерей смутился от такого ответа.

— Нужно не сетовать, а благодарить Господа за великую Его милость. Ведь без Его воли святой ничего не совершается в мире!

Не успокоился благочинный. А владыка спокойно продолжал:

— Когда мы научимся жить по воле Божией и Его Всеблагому Промыслу, то для нас будет ясна и смерть матушки. Она тяжело болела больше года, приготовила себя к переходу в вечную жизнь. Об ее кончине нужно только благодарить Господа и усердно молиться!

Отец благочинный понял владыку и стал благодарить его за такое утешение...

Относительно прозорливости.

Был такой случай. Одна гражданка города Севастополя пришла к владыке за благословением. Он благословил ее и сказал:

— В твоей комнате на сундуке, под клеенкой, лежит картина, которую ты должна убрать: у тебя на днях будет обыск и ты можешь пострадать.

Это был портрет императора Николая II. Женщина эту картину сожгла. Через пять дней действительно был обыск, и все обошлось благополучно.

Отношение к братии было снисходительное. Виновных иногда вызывал к себе, сначала говорил спокойно, под конец повышал тон. Когда виновный уходил, то он нам с восторгом говорил:

— Ух, и пробрал я его! Будет долго помнить меня!

Но уходящий, наоборот, был спокоен: он знал, что этим все и окончится; и все обходилось благополучно.

А если кто провинился больше, владыка давал назидание и ставил его на поклоны. А сам в это время стоял сбоку и считал поклоны по четкам. Иногда же вместе с ним клал поклоны. А потом с миром отпускал.

Отношение же монашествующих к нему было не со страхом, а как внуков к бабушке. И мы все так и называли его: “наш дедушка”. Когда он видел нас утомленными от какой-нибудь работы или от перегрузки, то сочувственно говорил:

— Спаси вас, Господи! Вы уже сегодня измаялись.

Я при нем прожил всего 20 лет и ни разу не имел никакого выговора. Если и были ошибки у меня по службе, то когда мы встречаемся у него в зале, он остановит меня и, ни слова не говоря, посмотрит приветливо в глаза мне, тяжело вздохнет и скажет:

— Спаси тебя Господи, брат.

А я, понимая мои ошибки, извинялся и, приняв от него благословение, уходил.

К подвигам его относится личный обычай: на всех богослужениях, во время произношения последнего прошения на просительной ектении «Христианския кончины живота нашего... и добраго ответа на Страшнем Судищи Христове», клал земные поклоны, этот обычай он исполнял до самой смерти.

Еще припоминается особый случай. Французский консул в Севастополе, Луи Ге, очень уважал владыку и часто посещал его. Воспользовавшись этим, он возбудил перед ним ходатайство о возвращении из Парижа плененного во время Крымской войны колокола в 150 пудов.

Правительство Франции возвратило его из собора Божией Матери (“Нотр-Дам”) в монастырь в 1913 году. Он сохраняется и теперь.

За обедом владыка приносил читать какую-нибудь книгу или газету и читал статью, отмеченную синим карандашом.

Не любил сниматься. А если кто-нибудь из-за кустов хотел сфотографировать его, он прятался.

У меня сохранилось два снимка его: на одном он снят с архиепископом Томским Макарием¹⁶, Мефодием¹⁷ и еще третьим, после хиротонии его во епископа, а на другом — снят с митрополитом Киевским Флавианом.

Колокольный звон к службе любил благословлять, за четверть часа выходил в зал, держал часы в руках и ходил взад и вперед, дожидаясь звонаря...»

(Далее архимандрит Августин подробно описывает пищу владыки Иннокентия. Но мы здесь не будем описывать это. Только отметим — к написанному раньше, — что сначала он еще ел рыбу, только судака, а после и это перестал. Масла, даже постного, не употреблял, на первой неделе Великого поста чай пил без сахара. Если же когда-нибудь приходилось с гостями выпить стакан чаю, кроме обычных двух, то за это он клал по 10 земных поклонов. Особенно хвалил редечный сок. Вино не пил никогда и не любил многопьющих. Но никогда никого не осуждал, а всегда говорил: «Спаси вас, Господи!» Одежда его была простая. Были две панагии; и ни одного наперсного креста. Все, что оставалось, он раздавал: архиепископу Димитрию — панагию, мне — рясу, книги — в монастырь; прочее — монахам и знакомым. — М. В.)

«Скончался он в 1919 году, 23 октября. Утром он пригласил иеромонаха Бориса, исповедался и принял Святые Дары. И еще, сидя на кровати, сам прочитал молитвы по Причащению и выпил стакан чаю с просфорой. Потом лег в постель. Я сидел около него. Он уснул. Но начал ненормально сильно дышать. И, не придя в сознание, отошел ко Господу. Погребен был в задней части правого придела собора, в память преподобного Мартиниана: этот придел над могилой архиепископа Таврического Мартиниана¹⁸ был устроен владыкой Иннокентием на личные его средства и им самим освящен».

ОТЕЦ ДИОНИСИЙ

Родился он в 1854 году, 1 ноября, в день святых Космы и Дамиана, в селе Белицком, что на речке Чопке, на границе Таврической и Екатеринославской губерний. Отец его был крестьянин — Вукол Иванович Чудновец; мать — Мария; дети — Симеон, Даниил, Демьян (таково было прежнее имя отца Дионисия), Мария, Марина и Никифор. Семья была религиозная; ходили к утрени и пели. Демьян рассказывает про себя, что он любил заглядывать в алтарь, чтобы посмотреть, как во время Таинства Пресуществления сходит на Дары Дух Святой.

Пришел срок солдатской службы старшему брату Симеону — попросту Семену, — но он был уже женат, а второй брат скончался, и Демьян пошел в солдаты за старшего брата. После службы его, в 1878 году, умерла мать, а в 1879 году — отец. И Демьян в 1880 году ушел в Бахчисарайский Успенский скит¹. Он был как бы в раздвинувшейся горе; восточная сторона была очень крутая, а западная — несколько отлогая. На первой, очень высоко, был городок, когда-то в нем жили караимы, секта евреев; при мне он был

совершенно пуст. Жил только сторож этого места, у ворот крепостной ограды. Называлось оно Чуфут-Кале.

А вот на противоположной подсолнечной стороне этого городка и находился в горе Успенский скит. Вверху был целый ряд пещер, в которых были и храм, и келии для монахов. Может быть, здесь и в древние христианские времена был монастырь, потому что весь Крымский полуостров принадлежал православным грекам. Но в низу лощины были построены деревянные домики. Средства на это дал известный во второй половине века церковный благодетель С-в.

Сюда и прибыл Демьян. Игумен принял его охотно и отвел ему место в пещерах. Спокойно — такой у него был характер всю жизнь — принялся он за монашеские послушания. Но вскоре он почувствовал резкие боли в ногах: в пещере было сыро и темно. Не вытерпел этого Демьян и спустился вниз к игумену, жалуясь на ревматизм в ногах и прося дать ему какой-нибудь уголок в деревянных домиках.

— Эх, брат Демьян, брат Демьян! Первое послушание тебе дано: и ты не вынес его!

Демьян стал ссылаться на болезнь, желая оправдать себя.

— Ну, что же?! Хотя бы и умер ты! Был бы мучеником, — сказал ему игумен.

Тогда Демьян понял значение монашеского послушания и говорит:

— Ну, батюшка! Воротите меня опять в пещеру!

— Нет, теперь уже поздно. Переходи вниз!

— И с той поры, — говорил мне отец Дионисий, — я дал себе зарок: никогда ничего не просить, а только исполнять послушание.

В июле 1895 года он был пострижен в мантию с именем Дионисия, в память преподобного Дионисия, игумена Глушицкого (Вологодской епархии), празднуется 1/14 июня. Обыкновенно при пострижении переменяют мирское имя на другое, преимущественно иноческое, — но с сохранением заглавной буквы. И после пострига отец Дионисий был рукоположен во иеродиакона, которым прослужил 4 года. В 1899 году хиротонисан в иеромонаха, а в 1914 году, шестидесяти лет от роду, был назначен игуменом Бахчисарайского скита. Перед этим он был заведующим подворьем в городе Симферополе, от которого Бахчисарай находится в 30 верстах. Здесь он был духовником епископа Таврического Феофана², чтившего его. У него же исповедовался и я, будучи тогда ректором духовной семинарии. Из этого времени мне вспоминается один случай. Как-то на исповеди я жаловался ему на скорби. Отец Дионисий спокойно сказал мне в ответ:

— Бог бы и не хотел давать нам скорбей, но беда наша в том, что без скорбей мы не умеем спастись!

Потом я переведен был в Тверь, а епископ Феофан — в Астрахань, а оттуда — в Полтаву. В это время произошло такое событие с ним. Епископ Феофан был человек очень слабого здоровья и вынужден был поехать в теплый Крым. От Симферополя нужно было ехать до Ялты на извозчике. На пути он заехал на короткое время к отцу Дионисию. И быстро отправился дальше.

Правящий епископ Димитрий (Абашидзе)³, узнав об этом, рассердился на отца Дионисия, что тот не испросил на это его благословения, и, призвав батюшку к себе, обрушился на него с горячим выговором. Нужно сказать, что он родом был грузин, а они народ вспыльчивый, но отходчивый. После революции он ушел в Киевскую Лавру и постригся в схиму с именем схиархиепископа Антония; и прославился на всю Россию как святой старец. Умер он в 1942 году.

Отец Дионисий без всяких оправданий упал ему в ноги:

— Простите меня, святой владыка!

А тот все горячится. Отец Дионисий снова падет в ноги:

— Простите меня, святой владыка!

И так до конца, пока сошла с него горячка, и в мире отпустил отца Дионисия. Говорят, епископ после каялся в этом. Но нам важно здесь смиренное поведение батюшки.

В сентябре 1915 года он возведен был в сан архимандрита Бахчисарайского монастыря. А в 1919 года я был поставлен викарным епископом Севастопольским (архиепископ Димитрий ушел в Киев на покой), и мне явилось желание взять его в севастопольский архиерейский дом заведующим и настоятелем Петропавловского храма. Новый архиепископ Никодим⁴ отпустил его. А отец Дионисий, по своему обету — «ничего не просить», — послушно согласился.

Из этого периода в два года я припоминаю о нем следующее.

Всегда смиренный, он был любим всеми. Лишь одна ненормальная женщина, низкого ро-

ста, после службы шла сзади него из храма до келии и все просила его взять ее к себе для сожительства. Но он, ничего ей не отвечая, шел спокойно к себе, пока не запирали двери. Она уходила. Люди ничуть этому не удивлялись и нисколько не винили батюшку.

Я обычно говорил проповеди. Передавали мне после, будто он несколько печалился, что я хорошо говорю, но все о покаянии, тогда как следовало бы учить о любви Божией к людям; это он и после часто повторял.

Еще мне запал в душу рассказ его о каком-то монахе, который горько, со слезами, каялся в грехах своих. И вот — это было под Пасху — он облил слезами весь пол перед молитвенным углом; и вдруг он исчез, явился свет, и в нем — Господь Иисус Христос, — и сказал ему, чтобы монах не унывал, что Господь прощает его...

Нечто подобное я потом встретил в Житиях святых у Димитрия Ростовского.

Больше ничего не помню — к сожалению. А стоило бы записывать о нем... Это — особые люди... Уже одно воззрение его о любви Божией к людям говорит о необычайной духовной высоте его...

Подошла революция. Защитники Крыма эвакуировались за границу⁵. Меня отец Дионисий не удерживал. Сам, конечно, остался. После, уже будучи в Париже, я встретился с одним человеком, который выехал из Севастополя позже нас. Расспрашивая его, я, между прочим, заговорил об отце Дионисии. Тот рассказал следующее.

Отец архимандрит был арестован и заключен в тюрьму. Он переносил это совершенно спокой-

но. При допросе ему, между прочим, задали вопрос:

— Как ты смотришь на нашу власть?

— Как на наказание Божие за грехи наши!

— А-а! За грехи? Наказание? Ну, вот тебе еще наказание: чисти в тюрьме все клозеты!

— Это легко. Только дайте побольше тряпочек.

И отец Дионисий спокойно чистил.

Через некоторое время его снова вызвали на допрос.

— Ну, а как теперь смотришь на нас?

— Не иначе как на Божие нам наказание.

Его опять оставили в тюрьме. Потом, видя кротость отца Дионисия и полную безопасность его, освободили из тюрьмы. Он верстах в шести от Севастополя поселился на каком-то хуторе, собрал к себе человек пять послушников и трудился с ними в разных работах... Но потом удалили их и оттуда...

Он уехал в родные места Таврической области.

Теперь я буду брать из записок духовных чад его, которые мне пришлось читать уже по возвращении из Америки на Родину, в 1952 году, 18 февраля.

Там рассказывается, между прочим, о случае с ульем. У него был всего лишь один улей; с верхней стороны его было отверстие под стеклом, в которое отец Дионисий часто с любовью смотрел, как работают там пчелки. И вдруг этот улей пропал. Но потом открылось, что его украл некий Федор. Улей возвратили. Батюшка охотно простил вора.

И после этого он говорил: «Если ты не прощал от всей души человека, тебя обидевшего, ты еще не знаешь настоящей радости».

...Исцелял молитвами своими больных и бесноватых — и они выздоравливали.

У него был огромный синодик, который он сам читал отдельно, не торопясь.

— Я, — говорил он, — явственно чувствую общение с загробным миром и ответные молитвы усопших.

Потом рассказывал, что в самую пасхальную ночь у него было такое чувство, что «крыши над головой нет, а прямо — небо спустилось к нам».

Не любил похвал и иногда говорил монахам, жившим с ним на хуторе:

— Вы-то ведь знаете, какой я грешник! И понимаете, какой вы этим делаете мне вред!

Когда отец Дионисий был выслан из Крыма на родину, он написал одной из духовных дочерей, которые глубоко чтили его, а потом — и служили ему:

«Только прошу, не надо скорбеть и волноваться, может быть, Господь делает для нашего спасения. Надо уповать, что все делается по Его святой воле. Молись, не унывай. Да хранит тебя Господь и Матерь Божия и Ангел хранитель. Будь радостна. Церкви не оставляй, пением одушевляйся. А что ты поешь песнь Господу, подобно Херувимам, этим не возносись о своем даровании, чтобы не удалился от тебя Господь и не погубила бы ты красоты души своей гордостью; но в смирении услаждайся с Господом и день и ночь, да с Ним будет твое дыхание и жизнь. Сколько благодат-

ного и радостного для нас сотворил Господь; но мы неблагодарны остаемся Твоей благодати. Сам, Господи, просвети и озари нас светом Твоего Богоразумия и соедини нас с Тобой в сей и будущей жизни, чтобы мы лицезрели и славили Тебя, Создателю наш. Сего желает душа моя тебе, дорогая В. Н-на, за твою искреннюю любовь, которую ты всегда оказывала мне, грешному. Благословен Бог и милостив: да пребудет Он с тобою.

Твой духовный отец арх. Дионисий».

«Христос посреди нас, дорогие сестрички В. Н. и О. И!

Мир вам! Радуюсь и благодарю Господа, что Он не оставляет нас Своею благодатию, милует и прощает нас, грешных, к Нему прибегающих в покаянии, и питает нас Своим Телом и Кровию. Хвалите и благодарите Господа, создавшего вас так благодатно, по образу и подобию, для вечного блаженства с Господом Иисусом Христом, Который возлюбил нас Божественною любовью, даже до смерти крестныя. Возлюбите и вы своего Жениха Иисуса Христа: Он ожидает вашей любви, вашей веры, вашей преданности и упования на Его милость и благодать. В Нем — наша жизнь, радость и спасение. Возлюбите друг друга; старайтесь избегать греха, который омрачает ум, оскверняет душу и сердце, наводит печаль и уныние. Стяжите смирение по образу Божию. И Он вознесет вас. В устах и сердце да будет молитва непрестанно: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешную!” После занятий на службе спешите в свою келию, ограждая себя крестным знаменем. Приветствуйте друг друга

любовию и о Христе лобзанием. Дома отдыхайте телом и душою. Друг другу старайтесь услужить любовию и сердечно: Господь примет это Себе».

Еще письмо: «Дорогая В. Н-на, оставь все земное, мрачное; вспомни благодатные минуты, когда ты в Страстные дни пела о Божией Любви и о страдании за нас, грешных, нашего Господа. Как умилялась твоя душа горячею любовью и сожалением, что мы причинили Ему своими грехами позорную смерть. Это Дух Святой за Его страдания наполнял твою душу. Не забудь тех минут святых! И постарайся — смирением, молитвою, терпением — преуспевать, укрепляемая благодатию Божиею. Люби дорогую сестру О. И-ну. Господь соединил вас во спасение. Не думай, что это само собою получилось. Будь примером христианской любви и жизни».

В другом письме батюшка писал: «Только не похвалю, что ты унываешь. Если ты сознаешь свою немощь и не можешь укрепиться в высоких добродетелях — простоте сердца, в смирении, кротости и любви к ближним, то и тогда благодари Господа, что Он, Благий, терпит наши согрешения и не оставляет нас Своею благодатию. Господь пришел грешников спасти: и все верующие и уповающие на Господа — спасутся Его Божественною благодатию и силою, а не своими мнимыми подвигами и заслугами. Поэтому смирися пред Господом, покоримся Его святой воле и будем переносить все с терпением и — не унывать, потому что уныние есть величайший грех перед Богом».

И еще: «Проповедей отец архимандрит никогда не говорил... Но всегда батюшка старался нам внушить, чтобы мы непрестанно помнили, как Господь нас любит: “Ты и представить себе этого не можешь. Но всегда это помни!”»

Еще говорил: «Если будешь всегда при церкви, то всегда будут любить тебя, и никогда не будешь одинока».

«Если же я жаловалась, что кто-нибудь меня не любит, то всегда получала от него ответ:

— О чем нам хлопотать? Лишь бы ты любила!»

Рассуждающего о будущем, о своей судьбе батюшка обычно прерывал веселым голосом:

— О чем нам толковать? Что Бог даст, то и будет.

«В скорбных обстоятельствах, во всех лишениях мы спрашивали его: как это он всегда спокоен? А он в ответ:

— Мне что? Я — монах! Значит, я всего себя отдал в волю Божию. Я так люблю Бога, что если бы Он и в ад послал меня, пойду с радостью исполнить волю Его!

Нам же говорил:

— Я вас так люблю, сестры, то что бы вы ни сделали, я все равно буду любить вас.

И мы чувствовали истину всех этих слов».

В записках его духовных дочерей так описывается конец его жизни:

«В 1930 году, в Великом посту, он заболел тяжелою, мучительною болезнью печени и очень страдал. Никому из нас не разрешал ухаживать за ним, не желал показывать своих страданий, хотел в одиночестве приготовиться к смерти.

В эту же болезнь батюшка принял схиму.

Но к Страстям Христовым он мог уже выходить в церковь.

В эту весну, после Троицы, всем монахам, в том числе и архимандриту, было предложено уехать из Симферополя. Батюшка был спокоен, но руки дрожали; и вообще он торопился: признак внутреннего волнения. Переехал он недалеко. Но надо было уезжать и оттуда. Он уже не знал: куда себя деть?

И вдруг неожиданно приезжает наш бывший регент, отец иеродиакон Иннокентий, и говорит, что ему в его деревне Петропавловской, около города Мелитополя, на утренней молитве пришла мысль: непременно ехать к отцу архимандриту и взять его к себе пожить... И он его увез. В этой деревне он прожил еще почти два года.

Осенью 1931 года ему удалось исполнить свою мечту: побывать в Бахчисарайском монастыре и на монастырском хуторе "Анастасия". Но батюшка стал печален.

Весною 1932 года, в Неделю жен-мироносиц, батюшка сходил с детьми на речку и полежал там на берегу. Вернулся оттуда усталый, ушел в дом, не поужинав. Слышно было, как он там пел: "Ангел вопияше Благодатней"⁶. А наутро нашли его лежащим без движения на дворе. С ним был удар одной стороны, но говорить он еще мог, хотя с некоторым трудом. В утешение отцу Иннокентию он говорил, что у него ничего не болит и что "так легко умирать!" На третий день, 3/16 мая, он тихо скончался. Перед смертью батюшка был пособорован и причастился.

На погребении присутствовало семь священников. Похоронили его в ограде. Возглавлял

службу благочинный отец Дамиан. Какое совпадение имен: в день рождения батюшка был назван Демьяном, а теперь святые Косьма и Дамиан прислали своего соименника проводить его в жизнь вечную.

Отец благочинный сказал прощальное слово на 118-й псалом, стих 54: *Пета бяху мне оправдания Твоя на месте прише́лствия моего.* По русскому переводу это понятнее: *Уставы Твои были песнями моими на месте странствований моих!* — то есть “Заповеди Твои, Господи, были песнями моими на местах странствий моих на земле”.

Вечная тебе память!»

Дополнение

После того как я написал это житие отца Дионисия, мне одно лицо — не знаю почему — прислало пять тетрадей о «Современных подвижниках». И там я нашел заметки и о нем. Перепишу сюда выдержки оттуда, как они записаны.

«Однажды недавно попавшая к нему под руководство девушка исповедовала все грехи свои. Целый свиток был исписан грехами. И она со страхом и стыдом читала ему их. По окончании исповеди девушка от стыда не смела взглянуть на старца.

К ее удивлению, отец Дионисий после исповеди стал весело ходить по комнате, напевая что-то. Заметив ее изумление, старец сказал:

— Когда человек искренно кается, то благодать, получаемая им, передается и священнику.

Подобно древним угодникам, старец имел дар от Бога распознавать внутреннее состояние человека по вещам: с каким чувством и расположением готовилось кушанье. Ко дню Ангела архиман-

дрита Дионисия одна его духовная дочь решила сделать вкусный пирог, положив побольше всяких приправ. Время было тяжелое, с продуктами было трудно. И когда она с искренним усердием начала изготавливать пирог, диавол по зависти внушил ей помысл:

“Да ведь не батюшка будет кушать, а сестры”.

Так назывались духовные чада старца. Не рассудив, по неопытности, откуда этот помысл, девушка смутилась, заколебалась и положила меньше приправ, чем намеревалась прежде. Пирог вышел все же красивый. Принесла его к батюшке. Разрезали его и положили по куску всем и старцу. Присутствовавшие расхвалили пирог и охотно вкушали его. А отец Дионисий не прикасался к нему: он прозрел вонь скупости, под влиянием которой находилась в то время изготовительница. И огорчился, но молчал, а после рассказал.

Другая духовная дочь тоже принесла пирог, но — из темной муки, невкусный и некрасивый. Отрезали часть его и старцу. Он съел и похвалил: “Хорош”.

В другой раз эта же девушка шла к старцу. Был полдень. Стояла августовская жара. Шла она мимо базара и решила купить батюшке хороший арбуз. Купила огромный арбуз; думала, что он будет и вкусный. С большим трудом несла она его в гору, [страдая] от жары и тяжести. Но терпела по любви к старцу.

После беседы с ней батюшка разрезал арбуз; он оказался невкусным. Но отец Дионисий, вкусив, стал хвалить его:

— Вот арбуз! Ну и арбуз! Никогда такого не ел!

Дал и ей вкусить арбуз. Старец провидел усердие этой сестры и хвалил арбуз.

Летом архимандрит Дионисий жил на хуторе, принадлежавшем Херсонесской обители, находившемся в нескольких километрах от С. Зная вред праздности и желая предохранить своих чад от дурных помыслов, старец отправил их с хутора домой и нагрузил их овощами и фруктами в таком количестве, что еле несли это: трудящемуся не придут в голову помыслы — не до них! Приходится об одном думать: как бы скорее донести тяжесть.

Однажды сестра, нарушившая заповедь блаженства, сказала в унынии старцу:

— Батюшка! Я не люблю Бога: нарушаю заповеди Его. А кто любит Бога, заповеди Его исполняет.

Старец быстро вскочил с места, где сидел, и очень расстроился:

— Таких слов говорить нельзя! Бога мы любим. Но, как не достигшие совершенства, нарушаем заповеди по немощи!

Идешь, бывало, к старцу — буря помыслов. Войдешь в его комнату — все исчезло, тишина на душе: так бесы, насылающие эти помыслы, боялись старца, не смея даже войти к нему.

Душа отца Дионисия была необыкновенно тонкая, нежная, чуткая.

Любимые темы его проповедей были: любовь, смирение, кротость.

Духовная дочь старца за веру во Христа была посажена в темницу. Там она видела следующий сон. В церкви из алтаря вышел отец Дионисий. Она подошла к нему и опустила на колени.

Старец воротился в алтарь и вынес оттуда громадный цветок розы на длинном стебле... И дал его со словами:

— Глядя на эту красоту, помни о вечной красоте!

Умирала мать этой девушки. Вместе с нею, видя ее страдания, страдала и дочь. Во сне она увидела отца Дионисия, и он, желая утешить ее в горе, сказал ей:

— Без страданий нельзя спастись!

Та же духовная дочь много лет спустя видела старца со всеми его духовными чадами; и он сказал им:

— Мы должны быть образцом для других!

Она же видела во сне усопшую свою мать и бросилась к ней со словами:

— Это ты, моя радость!

Она строго взглянула на дочь и сказала:

— Радость — Господь!»

ВЛАДЫКА

О нем стоит записать: иной никто, пожалуй, и не запишет. А человек этот был, как увидим, необыкновенный.

Я разумею бывшего ректора академии, епископа Феофана (Быстрова)¹.

Жизнеописание

В детстве еще мать его видела во сне: стоит он в алтаре на архиерейском возвышении и благословляет народ. Так после и сбылось.

Биографию его кратко беру из № 9 «Церковных Ведомостей».

«Архимандрит Феофан — в миру Василий Дмитриевич Быстров. 37 лет, родился в 1872 году*, сын священника села Подмошье, Санкт-Петербургской епархии и воспитанник местных учебных заведений. В 1892 году, по окончании курса учения в духовной семинарии, поступил в Санкт-Петербургскую академию первым по экзаменационному списку».

Далее я немного возвращусь к его прошлому.

---

* В ночь под Рождество.

Во время обучения в семинарии он на переменах поступал по-товарищески: помогал всем усвоить уроки. За это товарищи подарили ему золотой нагрудный крест большой величины, вершка полтора-два длины. Я сам видел его: Быстров, видимо, ценил этот дар.

В семинарии он добросовестно изучал все предметы, но этому он не радовался: школьные занятия не увлекали его. Поступил в Санкт-Петербургскую академию. Здесь он начал основательно заниматься изучением философских наук — думал найти в них смысл жизни. Но они разочаровали его: философы каждый по-своему решали этот вопрос и к единству не приходили.

Тогда он обратился к святым отцам и вполне удовлетворился ими. Он, — как никто другой из современников, — знал святоотеческую литературу. Об этом мы все знали. Об этом свидетельствовал, передавая ему духовную дочь свою, и митрополит Антоний (Храповицкий), что он лучше всех знает отцов. Действительно, он был напитан ими. Особенно он любил, кажется, творения епископа Игнатия (Брянчанинова). Это объясняется, вероятно, тем, что оба они искали основания для веры. Его епископ Игнатий нашел в творениях святых отцов, вследствие их единства; а это единство объяснял он Единым Духом Святым, воодушевлявшим их.

Здесь — истина!

За ним последовал епископ Феофан.

С другой стороны, и по характеру духовной жизни они были сродны, видя путь христианский — в покаянии, по преимуществу.

Наконец, нравился епископу Феофану и строгий литературный стиль епископа Игнатия; этим они оба отличались от епископа Феофана Затворника, который иногда допускал (находя это, очевидно, нужным) упрощенность языка (даже вульгаризмы).

И такую последовательность — от философии к святым отцам — он считал необходимой: философия подрывала саму себя и тем отсылала к другим, лучшим, источникам.

Разумеется, он добросовестно изучал и академические предметы. Между прочим, он обратил на себя особое внимание знаменитого профессора В. В. Болотова². На одной семестровой работе Быстрова Василий Васильевич поставил ему балл «5+++» — до такой степени она была хорошо написана! Но чтобы не любоваться этим, Быстров уничтожил ее.

Сравнивая со святыми отцами, он при изучении светской литературы, — в частности, известного философа Владимира Сергеевича Соловьева, — мог критически относиться к неправославным мнениям. И вообще он не любил современных «профессоров», не точных православных учителей.

Но воротимся к биографии его.

«В академии, переходя с курса на курс также первым студентом, в 1896 году окончил академическое образование первым магистрантом и был оставлен при академии в качестве профессорского стипендиата. В 1897 году назначен и. д. доцента академии по кафедре Библейской истории. В 1898 году пострижен в монашество и рукоположен в иеромонаха».

Здесь я опять обращаюсь к воспоминаниям о нем.

Василий Дмитриевич решил принять монашество. Он не любил много рассказывать о себе. И поэтому я догадываюсь сам. Никакой драмы у него, конечно, не могло и быть. И вообще он без особенной ломки решился на это; вся предыдущая его жизнь привела к этому: религиозность смолоду, чистота целомудрия, чтение святых отцов, особенно влияние на него аскетов и русских подвижников — епископов Игнатия и Феофана, даже самая внешность его — худой, бледный, — все это располагало к «постническому житию»... Иначе и быть не могло бы с ним! И так естественно решился он на монашество.

Перед постригом он пришел за разрешением к митрополиту Антонию (Вадковскому)³. Тот, между прочим, задал ему вопрос:

— Какое имя хотели бы вы получить при постриге?

Известно, что монахам обычно меняют имена, в знак новой жизни; нередко дают имя, начинающееся с той же начальной буквы, но в нашей академии этого обычая не придерживались.

Василий Дмитриевич ответил митрополиту:

— Я желал бы начать монашество с отречения от своей воли.

— Хорошо! — улыбнулся ему митрополит Антоний. — Так вот вам первое послушание: скажите, какое имя вы хотели бы получить?

Пойманный, Василий Дмитриевич сказал:

— Если можно, мне хотелось бы назваться Феофаном, в честь епископа Феофана Затворника.

А епископ Феофан умер четыре года тому назад. Это имя и дано было новопостригаемому.

После (или еще до) пострига Быстрову отвели комнату наверху около церкви. И, говорит предание, отец Феофан не просил сам натопить ее, и иногда приходилось ему там и мерзнуть. Но несомненно, он проводил в своей жизни строгий пост и ограничение в пище — как поступали обычно монахи.

Рассказывали про него, что пришла поздравить его мать, тогда она была уже вдовой. Он принял ее. Потом заходила и сестра — девица, но ее не принял.

Когда я об этом рассказывал после одной старике — деве, она в умилении сказала:

— Господи! Какие еще подвижники есть на земле!

Одна матушка, жена священника, прислала отцу Феофану вышитый пояс на подрясник, а он бросил его в пылающую печь.

Так началась иноческая жизнь его. К сожалению, он сам очень мало рассказывал о себе вообще. А между тем, его внутренняя жизнь была без сомнения необычайна.

Профессура продолжалась. Я лично видел его лекции по библейской истории, написанные мелким его почерком. Кстати, здесь уместно уж упомянуть и о его почерке: чистый, с довольно большими пропусками между словами и даже буквами, что, по графологии, означает контроль над собой, а мелкость почерка — скромность.

Вёл он за собой и дневник. Мне пришлось заглянуть в него. Я уже забыл: то было давно, лет 48 назад. Запомнилось одно замечание его за собой,

когда он был еще студентом. Ему на великой ектении хотелось делать на себе крестное знамение после всякого прошения. Но это обращало бы внимание товарищей-студентов, которые крестились редко. А с другой стороны, креститься когда попало, могло повести к расстройству. И Быстров решил креститься через два прошения.

Лекции по библейской истории он читал в бытность мою студентом. Мне запомнилось, что о творении мира он выражался, что оно так же непостижимо, как и происхождение его из «ничего»; в обоих случаях получается «крест для разума», или — по латыни — «сгux ad ratio».

Ворочусь опять к биографии его.

«В 1901 году возведен в сан архимандрита и определен и. д. инспектора академии». А в 1903 году я поступил студентом Санкт-Петербургской академии. И как-то скоро сблизился с архимандритом инспектором. И теперь я вспоминаю кое-что из жизни его.

Ежедневные посещения богослужений. Стояние в алтаре за шкафом, чтобы не видели его (направо). Постоянное присутствие на обедах и ужинах в студенческой столовой, и его хождение вместе с дежурным субинспектором, и всегда они о чем-то говорили: он с улыбкой и покручивая свои черные, очень длинные, волнистые волосы, а субинспектор, — склонивши почтительно к нему голову направо, — слушал его тихую речь.

После ужина мы, желающие, шли в церковь на вечерние молитвы. Иногда он, в полутьме, говорил нам речи — проповеди. Они всегда были глубоко богословски и мистичны по содержанию. Из них мне запомнилась одна проповедь на

тему о голубице, имеющей серебряные крылья с позолоченными верхушками. Но сейчас уже не помню больше. Однако из самого этого заглавия видно, что его интересовали нешаблонные темы. Студенты — правда, не многие, — слушали со вниманием его тихие речи. Голос его был тихий, но слух — отличный, хотя он обычно не пел!

Впрочем, иногда пел — по ночам: спал и довольно громко пел «Верую», а то — и всю литургию. Странно было слышать спящего человека и поющего! Но отсюда было очевидно, что его занимала молитва и служба! Здесь была его сокровенная жизнь!

Пойдем дальше по биографии.

«В 1905 году архимандрит Феофан был удостоен степени магистра богословия за сочинение под заглавием: “Тетраграмма, или ветхозаветное Божественное имя Иегова”⁴». Для этой работы он уже читал книги на одиннадцати языках!

Диссертация была не обширная, страниц 150–200, но глубокая. Сейчас, вероятно, эта книга — уникальная, — если и осталась еще где-нибудь.

«В том же году возведен в звание экстраординарного профессора и утвержден в должности инспектора. А в феврале текущего года назначен ректором академии».

Из этого периода 1903–1905 гг. мне припоминаются некоторые события из его жизни: напишу о них особо.

Златоустовский кружок

Необычайность лика архимандрита Феофана естественно привлекала к нему студентов, интересующихся духовною жизнью. Мало-помалу

около него сгруппировался небольшой кружок нас. Его прозвали «Златоустовским» потому, что началось чтение творений святых отцов именно со Златоуста. Началось с пяти-шести человек.

По совету отца Феофана, мы обратились сначала к профессору патристики. Но он (может быть, по смирению?) отказался руководить нами, сославшись на то, что будто «и сам не читал в подлинниках» отцов Церкви. Тогда мы попросили отца Феофана руководить нами. Он согласился, но посоветовал выбрать нам председателя из своей среды. Избрали товарища К-ва. А отец Феофан сидел и слушал скромно, что мы говорили, а иногда отвечал на наши недоуменные вопросы. Ответы эти всегда были глубоки и интересны. Один из наших товарищей, — давно покойный Р-в, потом принявший монашество⁵, — бывало потирал под столом свои руки — от восхищения.

Любили мы и чтители отца Феофана. За это студенты и прозвали нас «феофанитами». Мы, конечно, не обижались.

После Златоуста (не все 12 томов его, а избранные) мы читали авву Дорофея; начали читать святого Симеона, Нового Богослова, но после десяти-двадцати страниц он нам показался трудным, и мы заменили его, с совета отца Феофана, кем-то другим.

Собирались мы раз в неделю, предварительно прочитав заданный отрывок. Один был докладчиком; потом мы обсуждали; в заключение говорил отец Феофан. И мало-помалу у нас воспитывалось православное отеческое воззрение. Это и было целью.

Принимали в кружок сами, кто нам казался единомышленником. Поэтому у студентов о нас сложилось строгое воззрение, которое иные характеризовали так: «Легче Днепру потечь вверх, чем попасть в Златоустовский кружок».

Вспоминается один характерный случай.

На Пасху студенты, разговляясь, пили и вино, которое на этот раз подавалось студентам в столовую. После этого начинались песни — конечно, светские. Дальше веселье переходило границы. И нам уже неприлично было оставаться.

Отец Феофан устроил нам разговенье в своей столовой. Была и бутылка легкого белого вина. Мы читали житие святого Марка Фраческого (кажется, память его — 5 апреля), строжайший одинокий пустынный, повелевавший и горе двигаться, и пище — появляться в пещере⁶. Отец Феофан на Пасху уже не ходил в столовую к студентам.

Этот кружок и приучил нас к святым отцам.

Впоследствии, когда в Санкт-Петербурге образовалось общество «32 обновленцев»⁷ из священников при «Обществе в духе православно-нравственного просвещения», назначено было заседание духовенства под председательством отца протопресвитера Янышева⁸, тогда уже слепого; целью собрания было — провести через Синод тезисы об «обновлении» христианства, которое у нас якобы засорено «византизмом», — аскетическим по характеру. А следовало сблизить христианство с жизнью. Поэтому предполагалось провести ту идею, что молитва и труд равны пред Богом. Заготовлены были и тезисы в Синод.

Я тогда уже был иеромонахом. Архимандрит Феофан как строгий православный был против

этого новшества. И он нас подготовил к возражениям из святых отцов. Несколько человек из нас отправились на это собрание.

Были предложены тезисы. Оставалось лишь принять их и направить через того же отца Янышева в Синод. Но после прочтения их, при общем молчании (а было до 100 священников и викариев, тогда еще епископ, Вениамин, впоследствии митрополит Петроградский⁹), я попросил себе слова. Отец Янышев удивился:

— Кто это просит?! — спрашивает он.

— Иеромонах Вениамин! — отвечают ему.

— Какой такой иеромонах Вениамин?

— Профессорский стипендиат духовной академии!

— А-а! Ну, что он скажет? — уже снисходительно заговорил отец Янышев. Дело в том, что профессора воображали себя тогда всезнающими в Православии. Этому же взгляда держался и бывший ректором духовной академии отец Янышев. И ярлык «профессорский стипендиат» был для него гораздо убедительнее иеромонашества.

Я стал говорить из святых отцов — против нового учения. Возник спор. Дело перенесли на неделю. Появились новые противники, и затем провалилось: так до Синода и не дошло.

Два члена Синода, архиепископ Антоний (Храповицкий) и архиепископ Сергей (впоследствии — патриарх), вызвали меня к себе и просили рассказать: что там затевалось? Я рассказал. Архиепископ Антоний резко ответил (приблизительно):

— Мы бы ему (то есть Янышеву) показали византизм!

Впоследствии из этих «32» вышли революционные «обновленцы». А имя сохранили то же.

Но немногие знали, что всё дело возражений вышло из Златоустовского кружка, — под руководством отца Феофана.

Так святые отцы дали свой плод!

Воротимся к биографии.

Хиротония во епископа

В субботу 21 февраля 1909 года происходил «чин наречения архимандрита Феофана во епископа Ямбургского, четвертого vicария Санкт-Петербургской епархии. Совершали его Высокопреосвященные митрополиты: Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний¹⁰, Московский и Коломенский Владимир¹¹, Киевский и Галицкий Флавиан¹²; архиепископы: Варшавский Николай¹³, Финляндский Сергей¹⁴, Волынский Антоний¹⁵; епископы: Нижегородский Назарий¹⁶, Тамбовский Иннокентий¹⁷, Холмский Евлогий¹⁸ и протопресвитеры: И.Л. Янышев и А.А. Желобовский¹⁹.

При наречении архимандрит Феофан произнес речь, в которой выразил свой взгляд на предстоящий ему высокий духовный подвиг».

Вот эта речь.

«Богомудрые Архипастыри! Глагол Божий, призывающий на ниву Церкви Божией делателей пастырского служения, в которых Церковь так нуждается во все времена своего исторического существования на земле, наконец достиг и до меня.

С какими же чувствами я принимаю этот глагол Божий? Лично сам никогда не увлекался об-

щественным служением и не искал его даже; по мере возможности уклонялся от него. И если, несмотря на такое мое настроение, я призываюсь к этому служению, то верю, что на это есть действительно воля Божия и что ко мне, чрез стечение обстоятельств, невидимо глаголет Сам Господь, властно повелевающий мне воспринять на себя бремя нового служения.

Но если такова о мне воля Божия, то да будет она благословенна! Я приемлю ее. Приемлю со страхом и трепетом; но, однако, — без смущения и боязни. Да не покажется кому-нибудь это удивительным. Более, чем кто-либо, знаю я все свои немощи душевные и телесные, и свое ничтожество. Всего лишь несколько лет отделяет меня от бездны небытия и как я воззван к бытию всемогущим мановением Божественной воли.

Затем, в поступлении моем в бытие, я наблюдаю в себе непрестанную борьбу жизни и смерти в области существования и естественного, и благодатно-духовного. О, как тяжела бывает временами эта борьба во мне! Но да будет благодарение за нее Господу! Она глубоко укоренила в моем сердце ту спасительную истину, что сам по себе я — ничто, а всё для меня — Господь. Он — моя жизнь; Он — моя сила; Он — моя радость! Отец, Сын и Святой Дух, Троица Святая и Преестественная²⁰, Божественная и Обожеествляющая всякое разумное бытие, неустанно и с любовью ищущее Ее и взирающее на Нее. К этой Преестественной Троице и в настоящее, знаменательное для меня, время с верою и любовью горé обращаю я свой духовный взор. От Нее жду я помощи, утешения, ободрения, укрепления и вразумления на

предстоящее мне высокое и многотрудное служение.

Глубоко верю я, что как некогда на апостолов сошел в виде огненных языков Святой Дух, от Отца чрез Сына исходящий, и на них невидимо почил и претворил их немощь в силу, — так точно снизойдет Он и на мое ничтожество и укрепит мою немощь.

Усердно и смиренно прошу вас, богомудрые Архипастыри, в предстоящий знаменательный для меня день совершения надо мною во храме Святой Троицы великого тайнодействия епископского рукоположения, вместе со всем сонмом молящихся верных чад Церкви Божией, — вознесите и вы о мне священную молитву ко Святой Троице; да преизобильно облечет Она меня всеми дарованиями, потребными для нового служения; да отверзет ум к разумению Божественных Таин; да укрепит волю к совершению дел Божиих; да воспламенит сердце мое огнем всеоживляющей любви Божественной, столь необходимой пастырю душ человеческих в этой многострадальной жизни человеческой! И да будет всё мое служение и вся моя жизнь во славу Троиединого Господа, Которому единому подобает всякая честь и поклонение во веки веков! Аминь!»

...Замечательное и, пожалуй, единственное слово при наречении: много я читал их. И сам говорил в свое время! Но до такой высоты никто не поднимался. Обычно говорят о своем недостатке, о немощах, говорит и он очень решительно, но и вера дерзновенная слышится у отца Феофана. А главное, что отличает эту речь, это —

вера в Пресвятую Троицу: от Нее — все в мире! Вся мысль нарекаемого кружится около Троицы! Он Ею живет, радуется и ждет благ. В этом и сосредоточивается слово!

«...все для меня — Господь», Бог, Троица! «Он — моя жизнь... Он — моя радость! Отец, Сын и Святой Дух, Троица Святая и Преестественная, Божественная и Обоожествляющая всякое разумное бытие!»

Так может говорить только тот, который живет Ею! Здесь — сущность жизни отца Феофана!

Обращает внимание богословская православная формула: «Святой Дух, от Отца **через Сына** исходящий!» Это учение сказано человеком, который знал православное учение святых отцов; и слушал его сонм православных епископов, принявший эти слова. Потому можно говорить: такова православная формула учения о Святом Духе! А не католическая: «От Отца и **Сына** (Filioque²¹) исходящий».

А момент был действительно «знаменательный»: в этот день нарекаемый излагает свое исповедание религиозное. Завтра, в день хиротонии, он будет читать обязательное для всех епископов исповедание, а ныне он исповедует личное свое мировоззрение, личные свои чувства, личную свою внутреннюю жизнь!

Что же ему ответит первостоятель, митрополит Антоний?

В воскресенье 22 февраля в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры совершена была хиротония архимандрита Феофана. Чин хиротонии совершал Высокопреосвященнейший митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

Антоний в сослужении членов Святейшего Синода и прочего духовенства.

При вручении новохиротонисанному епископу Феофану архиерейского жезла Высокопреосвященнейший Антоний произнес речь:

«Преосвященный епископ Феофан, возлюбленный о Господе брат! Восемь лет тому назад, вручая тебе, тогда новопоставленному архимандриту, посох, я говорил тебе: “Неси новое возложенное на тебя послушание с кротостью и терпением, ища не своего личного блага, а блага вверяемых тебе питомцев общей нам матери — академии”.

Ныне, в торжественный для тебя день твоей архиерейской хиротонии, волею Божиею я призываюсь вручить тебе новый посох, жезл архиерейский, как знак новых твоих святительских полномочий, твоего нового святительского служения Церкви Христовой.

Вместе со всеми архипастырями, рукоположившими тебя в сан епископа, приветствую тебя, новорукоположенного архиерея, и мысленно молюсь, да сотворит тебя Господь *делателя* на ниве Своей *непостыдна, право правяща слово Христовой истины* (ср.: 2 Тим. 2, 15).

Своих учеников Господь научил уразумевать, что Он в Себе Самом даровал им радость и жизнь, которых никто отнять от них не может. И эта даруемая Господом жизнь — не та обыденная жизнь, о которой мы все так часто и так много думаем и говорим: помышления человеческие — не то, что разум Господень. Умершие по-нашему — для Господа могут быть живы; и наоборот, живые по-нашему — для Него могут быть как мертвецы.

Я есмь воскресение и жизнь, — говорит Господь Марфе, сестре Лазаря (Ин. 11, 25). *Аз есмь Лоза, а вы — ветви*, — говорил Он ученикам Своим, а в лице их и всем нам в Него верующим (ср.: Ин. 15, 5). Привившись верою к этой живоносной Лозе, мы тогда только — и истинно живы, и плод творить можем. Это — жизнь внутренняя, духовно-органическая, которая — незрима, а чувствуется и сознается только тем, кто ею живет, и может быть созерцаема не внешним, а только внутренним зрением. *Еще мало*, — говорит Господь, — *и мир ктому не увидит Мене: вы же увидите Мя, яко Аз живу, и вы живи будете* (Ин. 14, 19).

Тебе, брат возлюбленный, ведома эта жизнь во Христе и со Христом. В твоём слове, при наречении во епископа, ты исповедал пред сонмом святителей, что во Христе — твоя жизнь, твой свет, твоя радость. В сей жизни пребывай, в сей радости преуспевай. Благодать Божия, в архиерейском рукоположении на тебя сошедшая, да укрепит тебя в сей жизни, и да утвердит, и да сотворит тебя в живом общении со Христом, *приносяща плод мног* (ср.: Ин. 15, 5). С молитвою в сердце братски во Христе желаем сего.

Помоги тебе Господь добро упасти²² паству твою, *да изведет* из нее Господь *делателей на жатву Свою*, о которой Он говорит, что она *многа, а делателей мало* (ср.: Мф. 9, 37–38).

Вручая тебе этот новый жезл, я опять повторю сказанное тебе восемь лет тому назад: “Неси это новое возложенное на тебя послушание с кротостию и терпением, ища не своего личного блага, а блага вверенных тебе питомцев общей нам матери, академии”.

Прими же из рук моих этот новый тебе жезл, жезл архиерейский, и да управит Господь путь пастырского твоего делания во спасение твое и твоей паствы и во славу Церкви Своей Святой».

Проповедь митрополита Антония значительно слабее, чем речь епископа Феофана, как видим. А иногда в ней повторяются и мысли последнего. А главное, у епископа Феофана всё сводится к Пресвятой Троице, а у митрополита Антония — ко Христу лишь.

Напоминает речь епископа Феофана слова святого Григория Богослова, который может быть назван «богословом Троицы», — о чем он любил думать и говорить!

В день хиротонии у него в ректорской квартире собрались на обед очень немногие друзья. Один из них, студент Сергей П. Виноградов, член Златоустовского кружка, сказал ему приветственную речь, в которой сравнил его со святым архиепископом Солунским — Григорием Паламой; последний празднуется на 2-й Неделе Великого поста, после Недели Православия, как «проповедник благодати» (о чем говорится в богослужении ему).

К слову сказать: такая последовательность имеет очень глубокую связь! 1) Православие по сущности своей — есть **благодать**; 2) и путь к нему — тоже **благодатное просвещение**; 3) и это просвещение — не земное знание, а — **благодатное откровение**, озарение; 4) и самое Православие — есть слава Царствия Божия, или **Фаворский Свет**, или **Преображение Господне**, благодать Пресвятой Троицы. Короче: всё — благодать.

Святой Григорий Палама был защитником её, против еретика Варлаама. И опирался он на Фаворский Свет, окружавший Господа Иисуса Христа на горе Фаворской. Свет этот был не естественный, а благодатный. Таким образом, и сущность Православия — благодатная слава; а путь — тоже благодатный. Поэтому Григорий Палама и именуется «проповедником благодати». И Царствие Божие поэтому не относится к тварному бытию, а «несозданию». Епископ Феофан приводил эти слова нам на лекциях по-гречески.

Епископ Феофан как православный богослов конечно держался того же учения, поэтому он и уподоблен был в приветственной речи — святому Григорию Паламе, как защитник благодати в своем богословии и жизни.

А в то время в русское богословие стало уже проникать учение о «Царствии Божием» как земном царстве (Владимир Соловьев, протоиерей Светлов²³, отчасти Достоевский, потом отец Флоренский; и можно закончить — протоиереем Булгаковым²⁴). И епископ Феофан был глубоким противником этого новшества в христианстве.

Неделя 2-я Великого поста потому и посвящена памяти святого Григория Паламы, чтобы этим отметить **и суть, и путь** к Православию — благодать Святого Духа, — как в учении, так и в жизни. Поэтому на 1-й Неделе Великого поста празднуется Торжество Православия; а на 2-й Неделе — память защитника благодати как **сущности** Божественного бытия, которое проявилось **реально** в Фаворском Свете и **методически** — в познании Божественного бытия — не умом, а чрез благодатные откровения его. И апостол Петр,

восхищенный блаженством Преображения, воскликнул: *хорошо нам здесь быть* (Мф. 17, 4)!

Епископ Феофан принял это сравнение, нисколько не возражая, — а следовательно, соглашаясь со сравнением. Настроен он был смиренно-радостно в этот день.

И вообще, это совпадение памяти святого Григория Паламы было **не случайно**, а **чудесно** соединилось с праздником благодати: хиротония его, в день, в который он был рукоположен (22 февраля), даровала ему, как и апостолам в день Пятидесятницы, особую благодать Святого Духа (о чем он говорил в своей речи).

Еще стоит упомянуть о скорбях «борьбы», о «тяжести», о которой он рассказал в своей речи. Но об этом после скажу.

А здесь закончу — о хиротонии во епископа.

На епархиях

После ему пришлось быть на трех епархиях: Таврической (Крымской), Астраханской и Полтавской²⁵. Можно было бы рассказать и о них, но это не представляет особого духовного интереса. Упомяну лишь об отдельных фактах из этого времени.

Когда он был на Полтавской епархии, проявилось реальное бытие в его жизни бесов. Вообще епископ Феофан мало рассказывал о внутренней своей духовной жизни. Но кое-что открывал близким.

В Полтаве по ночам в зале архиерейского дома бесы производили шум: <слышались> топот ног и какие-то громкие разговоры. Слуги-послушники переполошились. Вбежали в залу —

никого нет. Поспешили к епископу Феофану, и он объяснил им, что этот шум — и уже не первый раз — производят бесы.

Припоминается еще случай, когда он был еще инспектором академии: он читал правила, а сзади него, точно передразнивая, кто-то перелистывал книгу. Между тем, в комнате никого постороннего не было. Это делали тоже бесы: он их называл — «враги».

Был еще более значительный случай.

Был один особенный монах — студент Розанов; о нем у меня написано в другом месте²⁶. Ему нужно было решить: идти ли в монахи, или нет? А прежде прозорливый отец Исидор, Гефсиманский старец, назвал его по имени — Миша — и велел ему ехать не в университет, а в академию. К старцу этому и поехал епископ Феофан с Розановым. Отец Исидор благословил его в монашество. А потом, когда они возвратились на вокзал, за ними шел какой-то черный пёс. Поезд тронулся, а пёс летел параллельно. Это очень устрасило Розанова; отец Феофан велел ему уткнуться головой в его колена, а сам молился, пока видение не исчезло. Это был бес!

В Полтаве скоро образовалась группа особых поклонниц, особенно из институток; их прозвали интересным именем — «лампадки» — за их особо религиозное настроение. Одну из них мне пришлось после узнать. Но они к нему в архиерейский дом не являлись, а только приходили в храм на службу: и это было для них довольно! И если мы вспомним, что вообще он был крайне осторожен к женскому полу, то понятно, почему он не принимал почитательниц и в Полтаве.

Здесь уместно будет припомнить учение старцев о том, чтобы к людям никто не привязывался: один Бог, к Которому нужно прилепляться всем умом, всем помышлением, всем сердцем, — как учил Сам Господь Иисус Христос.

Один Жених нашего сердца — Господь Христос, — а все, самые преподобные, люди — лишь «дружки» Жениху; они приводят к Нему невесту, — и сами удаляются. Так говорит Креститель (см.: Ин. 3, 29).

Поэтому привязывать к себе души — значит окрадывать Жениха Господа. Им они искуплены и Ему единому принадлежат!

Потому и епископ Феофан — отодвигал даже от себя людей, в особенности женщин. Иногда в этом отношении были случаи из ряда выходящие. Например.

Однажды он был в Ялте у архиепископа Алексия²⁷. К тому приехали с визитом аристократы, муж и жена. Подошли под благословение к архиерею, а с ним, как еще тогда архимандритом, хотели поздороваться «за руку». С мужем еще он ответил рукопожатием, а когда и жена протянула ему руку, то он поклонился ей, а руки протянул за спину. Получилась неловкость: рука ее так и повисла в воздухе. Тогда архиепископу пришлось объяснить, что вообще монахи не здороваются с женщинами через рукопожатие, сохраняя целомудрие.

...Но едва ли был другой такой пример!

Еще раз мне пришлось купить ему билет в купе вагона (двухместное). Но после туда пришла и какая-то женщина. Немедленно он, вызвав меня в коридор, просил откупить другое целое купе, заплатив за два места. Так я и сделал, конечно.

За это благочестие и чтители его люди.

Напомню несколько фактов.

Вот он празднует свои именины в академии. Решено было сказать слово на литургии студенту отцу Зыкову. И он произнес короткое слово, сравнив епископа Феофана с пророком Илией. Рассказал он про явление ему Бога — не в виде сокрушающего вихря, не при громе, но при *веянии тихого ветерка: и тамо бе Господь* (ср.: 3 Цар. 19, 11–12)! Это так подходило к тихому епископу Феофану! И я (как преподаватель тогда в академии гомилетики) поставил отцу Зыкову за эту проповедь «5». И с охотой поставил!

Или вот ему приходилось уезжать из Крыма в Астрахань (не в нем была причина)²⁸. Пели молебен (или даже на литургии: не помню). Апостол читался из Послания к Евреям: *Таков нам подобаше архиерей* — кроток, *незлюбив* (ср.: Евр. 7, 26)! И опять так это подходило к нему!

А на Пасху протоиерей, кафедральный настоятель собора (отец Наз-й) говорит мне: «Первый раз служба прошла без замечаний и раздражения архиерея!» Обыкновенно, по новости ее, люди путаются, и архиерей раздражается.

Любили его и в Астрахани, как мне приходилось слышать об этом. Один протоиерей, отец М-в, бывший ставленником его, а сейчас — настоятель в селе Заветном, еще вспоминает его с умилением, как святого. Для него — епископ Феофан ни с кем не сравним!

Но я сравнительно мало знаю его жизнь на епархиях. Однако сейчас мне вспоминается следующий случай из бытности его в Таврической епархии. Он был приглашен на престольный

праздник в Георгиевский монастырь²⁹. Был позван и я, как ректор в то время Крымской семинарии. Обедали мы с ним в особом «архиерейском» домике, ниже монастыря.

Подали уху с пирожками, начиненными каким-то белым мясом. И ему показалось, что это цыплятина. Я не мог убедительно доказать ему, что это, вероятно, рыба. Что тут делать? Если есть — то грех сомнения! Если спросить игумена Н-ла, то он, конечно, будет отрицать мясной обман; и если бы он ругался за рыбу — все равно не убедишь его. Да кроме того, и обидишь игумена самым подозрением. И епископ Феофан просто отодвинул пирожки.

После я не раз видел белую рыбу, которая и по виду, и по вкусу напоминала цыплятину. Но раз он усумнился, а с другой стороны не хотел обидеть игумена подозрением, — то и не стал есть сомнительного.

30 ноября 1953 г.

Наставления

Об удовольствиях

Припомню несколько случаев.

В бытность мою студентом академии меня больно заинтересовал вопрос об удовольствиях для христианина. Произошло это вот почему.

У нас было философско-психологическое общество: на нем присутствовали желающие профессора и студенты. Обычно читались рефераты самими студентами; для этого употреблялись семестровые их сочинения. После начиналось обсуждение. Все это было интересно и полезно.

Лекции казались нам сухими. Да и не было там активного нашего участия; а здесь именно в нем и была соль интереса: сначала говорили сами студенты, а потом принимали участие и профессора.

Однажды студент Пит-ч прочел свое сочинение «Учение Эпикура об удовольствии». Оказалось, оно совсем не было таким грубо-вульгарным, каковое мнение связалось с именем «эпикурейства» как с учением о безудержном удовольствии. Учение Эпикура было гораздо шире: «воздержание» от всего, что может причинить нам огорчение — будет ли это боль, пост и прочее, или наоборот, противоположное что-либо, все равно, нужно от этого воздерживаться. А что нравится, — хотя бы это был тот же пост, аскетизм, — то позволять себе.

Обсудили доклад. А я думал: позволительны ли для христианина удовольствия? Их же — так много: чай, сахар, варенье, пироги, яблоки, тросточки, красивые ботинки, хорошие брюки, вино, пиво, мягкая постель, хорошее мыло, прическа, — и пр., и пр., и пр.

Как быть с этим «эпикурейством»? Ведь можно же обходиться, пить чай без сахара? Или даже не заваривать чая? Или даже напиток холодной воды? И так далее. Можно не есть яблок? Не ходить с тросточкой? И так далее.

И выходило, будто бы христианство требует отречения от всего этого.

И я задумался... Начал мучиться... Бывало, подадут за обедом яблоко, а я его положу незаметно в карман да и отдам какому-нибудь «босяку» на Обводном канале... И чем глубже я задумывался

над множеством вопросов об удовольствиях, тем сложнее становился вопрос: ведь удовольствий в нашей жизни — множество...

Эдак и до юродства можно дойти... Спи на голых досках или на камнях; ходи босиком по снегу; ешь только хлеб и пей одну воду, да и то в ограниченном количестве, лишь бы — не умереть с голоду.

Замучившись, я пошел — к ректору академии. Тогда был епископ Сергей (Страгородский), впоследствии — патриарх.

Было время вечернего чая. У него за шумевшим самоваром сидели уже три-четыре студента. На столе — яблоки, конфеты, орехи, варенье и прочее... Я сажусь. И мне так хочется всего этого! А мысль не позволяет!

Тогда я говорю о том, чем я мучаюсь. А он на это говорит с доброй усмешкой:

— Ну, вот еще, подумаешь.

Потом добавил более серьезно, но с загадкой:

— Вот вы все — так: как Толстой, попрёте, да и упрётесь в тупик!

Нужно заметить, что епископ Сергей, по внутренней скромности своей, не любил «учить», «старчествовать», иногда таких просителей отсылал даже ко мне, молодому иеромонаху: «Иди вон к Вениамину!» И на этот раз не захотел «учить».

Если бы я был глубже, мудрее, то, может быть, и понял его; но я не уразумел смысла сравнения с Толстым. И ушел от него неудовлетворенным. А он еще и в карманы, при уходе моем, наложил мне яблок, но я их есть не мог.

Тогда я и пошел к отцу Феофану:

— Мне нужно побеседовать с вами.

Он любезно согласился.

— А когда?

— Когда захотите.

И я тут же и зашел к нему и сообщил о беспокоившем меня вопросе об удовольствиях для христианина. Он внимательно выслушал меня и серьезно начал отвечать. Всегда почти он приводил выдержки из святых отцов.

— Святой Василий Великий об этом говорит так-то... Святой отец — так. А святой Варсонофий Великий — вы о нём слышали? — спрашивает.

— Нет, — говорю.

— А ведь он — великий.

Молчу.

— Он говорит то-то...

Не помню уж, как они говорят. Одно лишь знаю: чем епископ Феофан больше приводил из них выдержек, тем все ниже я опускал свою голову: их слова были еще строже, чем чувствовал я.

Видя это, епископ Феофан веселее сказал мне:

— А все же, с этого вы не начинайте! Изорветесь, а пользы мало будет. Начинайте — с главного.

Я облегченно вздохнул: «не начинать с этого».

— А с чего же? — спрашиваю.

— С молитвы и смирения, — ответил он.

И ушел я от него успокоенным.

Об оставлении денег

Однажды я случайно оставил на столе деньги: я в то время был профессорским стипендиатом (теперь зовут их аспирантами). Ко мне зашел епископ Феофан. Увидев их на столе, он сказал:

— Уберите деньги: не нужно подавать соблазна даже келейнику!

Он и сам поступал так же.

Кстати. На столе же стояла фотографическая карточка, купленная мною: я его почитал. Увидев и ее, он скромно попросил и ее убрать: очевидно, он считал себя недостойным для этого. У него самого не было никаких карточек.

Куда он девал жалованье (помимо пищи и кейлинического жалованья), не знаю. Но конечно, он не мог быть сребролюбцем. Вероятно, излишки раздавал кому-нибудь тайно.

Ему на каникулы родители давали несколько денег — вероятно, не более рубля. Он клал их в карман пиджака и не тратил до ближайших каникул. А перед отъездом домой покупал на это какой-нибудь словарь иностранный и в дороге начинал уже изучать его... Я уже говорил, что он знал 11 языков.

Никогда его не видели за игрой с товарищами: он был занят чем-либо серьезным.

После отъезда за границу у него скопилось несколько сербских динар. Стоимость их до революции была около сорока копеек. Он жил в Карловцах, во дворце Патриархии³⁰. Комната им не запиралась, отпертым был и чемодан. Там были и деньги (кажется, около 1000 динар). И кто-то их украл. Узнав о пропаже, он остался равнодушен к этому.

Но вообще он был аккуратен в денежных делах, и его нельзя было представить себе безденежным растратчиком, хотя бы и на милостыню.

После пострига моего

Духовное мое состояние после иноческого пострига было очень радостным³¹. И чуть не на другой же день его я пошел к преподавателю семи-

нарии иеромонаху отцу Геннадию. Мне хотелось поделиться с кем-либо своей радостью. Мне и ряса монашеская, и клобук — нравились; может быть тут было и немного тщеславия.

Вскоре после пострига один из студентов-священников прислал из города за мной исповедовать его: он опасно заболел. Тогда была какая-то эпидемическая болезнь в городе. Я пошел к епископу Феофану — спросить на это благословения. А уж мое тщеславие заработало: «Вот-де я какой угодник! Уж и студенты зовут!» Но он, не колеблясь, отсоветовал. Я немного внутри заскорбел, но послушался.

Через час пришла прислуга от другого студента-священника с такой же просьбой. Казалось, что и нечего спрашивать его. И при всем том я опять пошел спросить. Он, конечно, опять отсоветовал и добавил:

— Вам же (мне) легче будет! Меньше искушений!

Стыдно мне было, что второй раз я спрашивал об одном и том же, но послушался.

Можно легко предположить: как же он был осторожен сам после своего пострига! Вспомним, что он не принял своей родной сестры с поздравлением.

Вспоминаю еще, как он огорчился, когда я осмелился провести через его спальню, — а она была рядом с моей спальней, запертой от меня на ключ, — одну женщину, им почитаемую. Конечно, об этом никто и не мог знать. Но он строго оберегал свое иночество... И очень этим расстроился... Мне было стыдно за такую вольность, хотя он сам просил привести ее к нему (обычным ходом).

О Святом Причащении

Однажды я с ним ехал в ректорской карете. Говорили о разных вещах. Заговорили о грехах. Я ему о чем-то рассказал — о себе. Он на это ответил, чтобы я не приступал к Святому Причащению, не исповедавшись, если на душе есть что-либо отягчающее, греховное... И это я доселе помню, а прошло уже после того (с 1909 — по 1953 г.) почти 45 лет.

Сам он старался быть на литургии, — когда и не служил.

Свое духовное настроение во время Причащения он обыкновенно скрывал и никогда о нем не говорил. Иногда он приглашал к себе двух-трех человек «на чай»... К чаю подавалось и варенье...

Когда потом было возможно, он ежедневно служил литургию, — один, без посторонних.

У кого он исповедовался, когда был инспектором, а потом и ректором академии, — не знал я. Это тоже было у него сокровенным; вероятно, у духовника студентов, у отца Флорентия, а может быть и у других... Пред смертью, за границей, он исповедовался у иеромонаха Варнавы.

...Если припомню что-либо об этом, подпишу здесь...

Мне рассказывали, что он сам говорил: «Не могу жить без литургии». Однажды, после совершенной им литургии, он сказал иеромонаху отцу И., сам просветившись: «Действительно, “видехом свет истинный, прияхом Духа Небеснаго”³²». Так говорить мог лишь тот, кто на опыте познал это!

Когда он служил в Уфимском монастыре (летом гостил там), то просил четырех певчих и просил их петь стройно и тихо.

«Ради Бога»

Пред моим постригом мать моя, знавшая о моем намерении, написала (она диктовала, а писал мой отец, слушавший ее во всем, — а сам он был настроен совершенно свободно в этом) мне письмо против монашества. Она и прежде говорила мне: «Я не говорю тебе (мне): не люби Бога, да ты земли-то не забывай». Строго говоря, нужно бы переиначить ее слова так: «Ты люби землю, ну, и Бога не забывай». Незадолго до самого пострига она и написала мне резкое, ужасное письмо, чтобы я и не смел постригаться. Письмо дышало злобой и угрозами... Есть «Слово Божие», — подумал я тогда, и после много раз, — но есть и «слово бесовское».

Однако я понес и прочитал его епископу Феофану, тогда еще архимандриту. Он спокойно сказал мне на это — замечательное слово:

— Знайте, что если мы делаем что-либо «ради Бога», то от этого не может быть зла; даже и самое зло Господь обратит к добрым последствиям.

Я и не очень-то беспокоился пред этим, а теперь и совсем успокоился. Так учили нас и в Катехизисе. Письмо бросил в пылающую печь... С тех пор я имел обычай бросать подобные «бесовские писания» в огонь или в корзинку, предварительно разорвав.

За час до всенощной под Зна́мение Богородицы (27 ноября ст. ст. празднуется) я получил другое письмо от сестры, тоже — «бесовское». Я сам уже не пошел к отцу Феофану, а послал через келейника. Он ответил, прочитав его: «А письмо-то ужасное!» Я послал свое мнение: «Теперь мне все равно!» И он успокоился.

Постриг совершал он сам. Во время его кто-то вскрикнул и упал: «Мать!», — подумалось мне. Однако я даже не спросил: «Кто это?» Оказалось, это упала не мать, а студент Л-в.

После, летом, я примирился и с матерью, приехав домой во всем белом, а не в черном. И сестра ничего не сделала дурного; я даже выдал ее замуж за товарища по академии³³. Отец же (мать уезжала в это время в город — лечить зубы другой сестре) сказал, что он и не был против пострига: «Это все мать». Потом они оба любили меня более всех детей...

Но ворочусь к самому отцу Феофану.

Такие воззрения на нашу жизнь, — что все Бог будет обращать к добрым последствиям, если мы делаем что-либо «ради Бога», — конечно, предполагают крепкую веру в Него. И у отца Феофана, конечно, была она: это само собой разумеется. В этом и никто не только не сомневался, но даже и не задавался подобным вопросом! Всем ясно было, что он жил верою.

Да и сам он в своей речи при наречении во епископа не скрыл этого: «Глубоко верю я», — говорил он о сошествии Святого Духа на епископов, как в Пятидесятницу на самих апостолов. Вообще вера у него была крепкая, конечно.

Но каких-либо особых фактов я не могу привести.

«Святой жизни человек», — так о нем недавно отозвался один батюшка, хотя он и не видел его лично; и такие шли о епископе Феофане слухи. И недаром!

Поэтому и нет оснований много говорить об этом. Однако можно было это заключить и по не-

которым фактам. Например, в воскресенье он уж никуда не поедет, хотя бы другие это сделали по требованию обстоятельств. Потом: он всегда любил говорить о «чудесном» — то есть о Божиим. Всегда искал каких-нибудь «святых» — живых. Иногда и ошибался в этом, но был искренен в этом искании. Каялся в ошибках и старался потом исправить³⁴.

А главное, вся жизнь его была в Боге.

Молитва

Конечно, жизнь всякого человека, — особенно же монаха, да еще подвижника, — сложная вещь. Но ведь и в житиях рассказывается о святых не все, а назидательное или чудесное. Однако все они были молитвенниками; и даже — прежде и больше всего.

Что такое монах? Святые отцы отвечают кратко: Бог да он. И это истинно. Ведь монашество имеет свою целью — главным образом — общение с Богом, а это есть вообще — христианская цель.

И совершенно правильно сказал один русский писатель: «Монашество — это роза на груди христианства».

И конечно, такой человек, как отец Феофан, должен был быть молитвенником. И он им был. Но только о своей внутренней жизни очень мало открывал.

Однако кое-что можно передать на память потомкам.

Правила

Обыкновенно — или нередко, — мы, обычные люди, сначала по рукоположении бываем горячи

к правилам пред Причащением, но потом мало-помалу охлаждаем и опускаем их, или — в лучшем случае — сокращаем. Он же правила вычитывал всегда, ежедневно: то есть каноны Спасителю, Божией Матери, Ангелу хранителю. Про акафисты не знаю, но — вероятно. И мне известно, что одна книга — правильник — от употребления истрепалась; он приобрел — другую, и так далее.

В исполнении этих правил он был так тверд, что если почему-либо не мог вычитать их стоя, то становился на колена. А иногда — и лежа, пред иконами, читал; особенно, когда у него была болезнь (на теле, на спине были громадные карбункулы).

И всё же не оставлял правил!

«Творил»-ли он известную Иисусову молитву, я не знаю. Но прекрасно, — как никто другой на свете, — зная святоотеческую литературу, он, конечно, знал и об Иисусовой молитве. Как же он «творил» ее, — это его тайна.

Во всяком случае, он старался быть непрестанно в Боге: а это — тоже вид «непрестанной молитвы». Но другие мне говорили, что он «творил» ее и даже других ей учил.

Пел ночью

А что это так, можно заключить из необычных фактов: он нередко пел или литургию или одно «Верую». Пел так громко, как никто не ожидал бы от него! Я всего лишь один раз слышал, как он напевал мне тихо, — но совершенно правильно, — один напев богослужебный, — чтобы я провел его в жизнь (я одно время был регентом академического правого хора, а потом любил больше ле-

вый). Но другие, кажется, никогда этого не слышали наяву. Но ночное его пение «Верую» я сам слышал через дверь между нами. Тогда я должен был стучать ему (по соглашению об этом), чтобы он прекратил пение.

Когда он ехал в поезде, то старался не засыпать, — чтобы громким пением своим не будить пассажиров: это он сам рассказывал.

Следовательно, молитва в нем действовала и во время сна. Вспоминаются мне слова из «Песни песней»: *сердце мое бдит* (Песн. 5, 2) и во время сна.

Однажды я ночевал в гостинице рядом с епископом, и он спал, а говорил медленно — «Господи, помилуй». Когда брал воздух в себя, то шептал «Гос-спо-ди», а когда выдыхал, то произносил — «поми-и-л-луй»... Он давно умер...

Но епископ Феофан делал это — и чаще, и громче, и — всю литургию. В одном месте прислуга подслушивала тайно это ночное пение его...

Сотница глав

Известно, что в «Добротолубии»³⁵ есть несколько таких «сотниц» — у разных святых: 153 главы у святого Нила Синайского; сто «увещательных глав» у преподобного Иоанна Карпафийского; первая и вторая «деятельных глав» сотница, а третья — «умозрительных глав» сотница преподобного Никиты Стифата; главы о молитве святого Григория Паламы. Вероятно, подобно им написал «Сотницу глав о молитве» и епископ Феофан. Вопреки своему обычаю хранить духовную жизнь свою в тайне, он прочитал ее мне и некоему другому человеку.

К сожалению, я ничего не вспоминаю из нее. Но только осталось общее впечатление, что молитва очень действенна в бедах и скорбях наших: молитва привлекает милость Божию, молитва отгоняет бесов; молитва просвещает разум и так далее.

Эта сотница молитв сама по себе свидетельствует о вере епископа Феофана и силе молитвы. Не знаю, сохранилась ли она где-либо?

За шкафом, в алтаре

На будничных богослужениях в академии он всегда становился в алтаре, на правой стороне, за шкафом с облачением. И там молился незаметно. Очевидно, он не хотел, чтобы кто-нибудь наблюдал его молитву, помня слова Господа: *войди в клеть твою и там помолися в тайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (ср.: Мф. 6, 6).

Дома, в квартире, он молился тоже тайно... Помню только, что он всегда зажигал свечку хорошего воска с золотым украшением, ценою, кажется, копеек в десять тогда.

Молился про себя, молча, а не вслух.

Забастовка

Когда я был еще студентом академии, повсюду в Санкт-Петербурге были в учебных заведениях забастовки. Поднялось движение и в нашей духовной академии. Большинство, около двухсот человек, хотели бастовать, а наше меньшинство, около пятидесяти человек, не желало. Однажды подошел ко мне товарищ курсом старше и спросил меня: «Неужели вы будете учиться на костях товарищей?» Так и спросил, надеясь вызвать во мне чувство дружбы... Я ему сказал: «Буду!» А в

душе моей возникло сомнение: по-братски ли я действую.

И немедленно я направился за советом к отцу Феофану. Как раз в этот момент отворилась из кабинета инспектора дверь, и из нее вышел ректор академии епископ Сергей³⁶, от какого-то совета с инспектором. Столкнувшись со мною, он, по обычному шутливо, сказал мне: «Вон, иди к авве!» Так уже многие звали архимандрита Феофана... Точно догадался епископ Сергей, зачем я иду к инспектору.

Я вошел в кабинет и рассказал отцу Феофану о коллизии во мне разных чувств: долга и товарищества. Он опять стал говорить мне серьезно и, вероятно, из святых отцов, — как нужно предпочитать долг перед дружбой, когда он — важнее товарищества; сказал мне, что в последнем действует не христианская любовь, а скрытое самолюбие показаться пред товарищами, как им желательно, значит, здесь действует не сила, а слабость.

Я ушел опять вполне удовлетворенным и твердым.

Забастовка кончилась речью епископа Сергия против нее, во «второй» аудитории (самой большой)³⁷. Имело свое значение и наше меньшинство. Невидимую роль сыграл здесь и отец Феофан.

Еще о наставлениях

Ворочусь назад. Не все записал, что помнилось...

О молитве

Шли мы из лаврского собора святого Александра Невского³⁸, после утрени в Великую Пят-

ницу. Было уже утро: светло. Епископ Феофан, от поста должно быть, даже шатался, но был радостен. Я спросил его:

— Вот не все понимаю в храме, особенно — чтение кафизм!

Он ответил:

— Читайте про себя молитву Иисусову.

И еще что-нибудь припомнится — допишу.

Дневник его

Он вёл и дневник. Мне удалось почитать его. И я запомнил только две вещи.

а) Чем дальше он вёл его, тем увеличивались выписки из святых отцов, так что в конце его епископ Феофан выписывал одни выдержки из них. Но очевидно, они отвечали каким-то его личным переживаниям. А каким именно — теперь совершенно не помню.

б) Из личных записей в памяти остался лишь один факт. Задумался он о крестном знамении.

В студенческом храме мы стояли за особой огородкой, на левой стороне. Присутствовали далеко не все: нас не стесняли вообще. Бывало, 20–30 (из двухсот) человек стоит — и довольно. И среди них, конечно, Быстров. Ему на ектениях хотелось креститься после каждого прошения, но это могло вызвать внимание у товарищей, которые вообще не очень часто крестились. Предоставить же полную свободу — креститься как попало — ему не хотелось самому. И вот он (по дневнику) решает так: класть крест на первом прошении; а второе и третье пропускать; потом на четвертом креститься, а пятое и шестое пропускать, — и так далее. Будет и внимание настроено, а товари-

щи не заметят это. И это решение он записывает в книжечку — дневник — небольшого размера.

Потом записи почему-то совсем прекращаются...

Насколько я понял тогда, — и даже заметил это в выписках его, — он стал писать выдержки из святых отцов, по разным предметам веры: о вере, знании, молитве (пишу по памяти это). Вероятно, он увидел, что эти выдержки несравненно авторитетнее, чем собственные мысли. Из них образовались целые тома выписок, которые он увез за границу; и там они сохранились... О них я скажу еще после. А здесь я упомянул лишь в объяснение того, почему прекратились собственные его воспоминания.

Часто он говорил о профессорах духовных академий неодобрительно: обвинял их в либерализме, в увлечении В. С. Соловьевым. И кажется, будто он делал и из них очень большие выписки, — надеясь со временем привлечь их к ответственности... Но этого он не дождался: революция раньше его распорядилась, закрыв и академии, и кафедры профессоров, и академические журналы... А сам он умер...

Много прекрасного говорил он: и отдельным лицам, и в проповедях (редко, особенно по вечерам, после ужина). Но слушала его (в темноте, при свечках и лампадках) небольшая группа читателей, человек 20–25.

К сожалению, нужно бы больше его в свое время спрашивать, а ответы его тотчас бы и записывать! Не ценили мы его достаточно... Не ценили и многое иное на Руси!

25 декабря 1953 г.

Святые отцы

Новое «Добротолюбие»

Епископ Феофан отлично знал, — как, пожалуй, никто в мире, — православных святых отцов. Так не одни мы думали. Известный митрополит Антоний (Храповицкий) так же о нем говорил. Это — несомненно! И вот почему.

Епископ Игнатий Брянчанинов (скончался в 1867 г., родился в 1807 г.) в свое время искал: где истина? И нашел ее в удивительном единстве святых отцов. Об этом у него есть прекрасные сравнения: видишь ли ты облака, в порядке плывущие по небу, — таковы и святые отцы; смотришь ли на треугольник летящих гусей, — таковы и святые отцы; и тому подобное.

И епископ Игнатий, открыв это единство, успокоился.

И епископ Феофан изучал святых отцов, делая из них выписки. Как он чтит их! Поэтому он, вероятно, и дневник свой прекратил, начав выписывать эти мысли из святых отцов.

Почитая их, он написал замечательный труд — новое «Добротолюбие». Оно отличалось от известного прежнего «Добротолюбия» тем, что было написано не по именам, как то, — а по предметам. И его епископ Феофан вывез с собою за границу, во Францию, где и умер он. Это — сборник изречений огромной религиозной ценности! Где-то он теперь хранится?

Я не один раз говорил о нем (да следовало бы подумать и о других его сочинениях!) Святейшему Патриарху Алексию³⁹, — чтобы выкупить его от наследников, но не удалось возбудить его инте-

реса пока... Попробую еще: благо, что я теперь вызван на сессию Священного Синода.

В духовной академии епископ Феофан не один раз читал нам о них и приводил слова епископа Игнатия о них.

Кажется, он сам ценил эти чистенькие тетрадки: возил их в особом чемодане.

О профессорах

Усвоив глубоко, по святым отцам, Православие (как никто, разве за исключением епископа Феофана Затворника Вышенского), он очень чутко относился к богословствованию других писателей: к Владимиру Соловьеву, отцу Флоренскому, академическим профессорам и другим. И будучи в академии, он скорбел, что в их мировоззрение вошло много неправославного.

И епископ Феофан начал для себя писать против них. Эти тетради так и назывались им в разговорах: «Против профессоров». Он вообще считал их вольнодумцами, неправославными, нехристианами. И всё мечтал о будущем Вселенском Соборе, когда он сможет выступить пред авторитетным церковным собранием и там изложить всё их нечестие. И он был уверен, что это время наступит... Увы! Он не дождался этого: умер. Но огромные обличительные труды его, вероятно, сохранились где-нибудь; и конечно, были бы глубоко интересны и авторитетны, — особенно обоснованные святыми отцами.

Там мы увидели бы имена Владимира Соловьева, Бердяева⁴⁰, отца Булгакова, отца Флорен-

ского и многих-многих других. Сюда же можно было бы включить и митрополита Антония (Храповицкого); о нем я скажу в особой главе.

Здесь же скажу еще о патриархе Сергии. Епископ Феофан не был беспрекословным почитателем и его книги «Православное учение о спасении». Вопреки широкому православию ее (<...>, по словам профессора-догматиста отца Лепорского), он считал ее — не основанною на святых отцах, а следовательно, не строго православной. Наше учение состоит в том, что спасение содеывается благодатию Божиею — при участии и человека, патриарх же Сергей стоит на нравственном подвиге самого человека, в противоположность католическому — юридическому — пониманию.⁴¹

*«Искупление» по архиепископу Антонию
(Храповицкому)⁴²*

Но особенно ревность по Православию епископ Феофан проявил, когда пришлось рассматривать книгу митрополита Антония «Опыт православного христианского катехизиса» на Синоде за границей (1925 г.).

В этом катехизисе митрополит Антоний хотел ввести некоторые новизны; главною из них было учение об искуплении. Вопреки известному нам катехизису митрополита Филарета⁴³ и общедержимому православному катехизическому учению об этом предмете, как «удовлетворению» Божественному правосудию крестными «заслугами» Христа Спасителя, — митрополит Антоний уже давно стал проповедовать и писать о «гефсиманском» подвиге Господа, который он

понимал в том смысле, что в нем проявилась любовь к людям, а эта любовь вызывает-де ответную нашу любовь, которая-де и спасает (искупляет) нас. Но это страдание (*пот с кровью* (ср.: Лк. 22, 44) отцами понимается как человеческая немощь. А «час» распятия еще впереди будет.

Между тем, и у святых отцов, и в посланиях, и в богослужениях говорится о силе **Креста**, которым избавились люди от «клятвы», Богом Отцом наложенной. Это — всем известно!

И когда архиепископ (митрополит) Антоний стал распространять эту ересь, епископ Феофан (тогда он был членом заграничного Синода) выступил с обличением ее и написал обширный доклад, основанный на святых отцах. Запросил он и нас, епископов, о православном учении об искуплении. Отписал ему и я — в обычном понимании нашем. Дело рассматривалось опять в Синоде: митрополит Антоний оказался в противоречии со святыми отцами... Получался соблазн.

Ища выхода, Синод избрал епископа Гавриила (бывшего Челябинского)⁴⁴ для «примирения». Этот епископ написал новый доклад: будто бы митрополит Антоний не отрицает святых отцов, — а только «дополняет их». На самом деле он именно отрицает прежний обычный взгляд: об «удовлетворении» Бога Отца; и придумывает новый — о воздействии любовью.

В это время я прибыл из Парижа в Карловцы и скопировал доклад епископа Феофана. Он занял 107–108 страниц моих. Прочитал я и доклад епископа Гавриила и совершенно не удовлетво-

рился им как «опровержением» на доклад епископа Феофана.

Между прочим я спросил в разговоре епископа Феофана: как он смотрит на это «опровержение»? Он махнул правой ручкой налево (у него был такой обычай), сказав:

— Ну какое же это опровержение?! То есть не стоит и говорить!

И верно! Собственно, и все архиереи так же думали, но не осмелились встать против митрополита Антония. У меня сохранился листок об этом и ответ канцелярии Синода.

Из ответа канцелярии тоже видно, что люди желают вывернуться из соблазна и ссылаются на епископа Гавриила, а о главном противнике — епископ Феофане — даже не упоминают. Авторитет же его был велик! Особенно же — со ссылками на святых отцов.

***

В прошлом году в «Журнале Московской Патриархии» напечатана была статья Айвазова⁴⁵ против такого понимания искупления митрополита Антония, — небольшая, но довольно обоснованная.

И новый богослов, отец Петр Гнедич, подал на магистерскую степень сочинение об искуплении⁴⁶; он также защищает церковное понимание догмата вопреки митрополиту Антонию. Я послал ему выписки свои об этом догмате и копию с доклада епископа Феофана.

Но первым мужественно выступил последний. И это должно быть поставлено ему в особую заслугу.

25 декабря (ст. ст.) 1953 г.

«Тропинки»

В заключение отдела о святых отцах вспоминается его интересное изречение. Однажды он был в Саровском монастыре. Шел по лесной протоптанной тропинке со знакомыми и говорит: «Вот так и в богословии (и вообще в вере) следует идти по тропинкам, проложенным святыми отцами, — а не по своему умствованияю».

В конце жизни своей епископ Феофан очень чтит творения отца Иоанна Сергиева. «Их, — говорил он, — следует не только читать, а нужно изучать, как и другие творения святых отцов».

Разное

Здоровье его было — слабое... Вероятно, еще потому, что в начале своего монашества он умеренно постился. И дошел до такой степени истощания, что у него очень сильно болела голова. И вообще, он был очень бледнолицый. Спасаясь от болей, епископ Феофан туго-натуго завязывал голову полотенцем: ему чувствовалось, что она может «расколоться». Господь послал ему в это время добрых людей, которые, по совету врачей, начали усиленно лечить его и питать... Кроме того, он должен был и заниматься телесным трудом. Из него вышел хороший плотник — под руководством учителя.

Всё это в общем помогло ему, и головные боли прекратились. Лечился он около трех лет.

А до этого доктор о нем сказал печально:

— Это уж не человек, а — мощи!

***

Не то от болезненности, не то от «профессоров», — от их неправославия (иногда епископ Ф.

плакал от последних) — он приходил в уныние. В один из подобных случаев ему в Уфимском монастыре рассказали следующий чудесный факт.

В той самой комнате, где он жил тогда, жил и митрополит Филарет⁴⁷, — тогда еще бывший в провинциальной епархии: за что-то он попал в опалу... И не знал даже, чем она кончится? И потому впал в уныние. И вдруг на одной стене чудесно появилась надпись: «Судьба Филарета — в руках Божиих!»

Это ободрило. А судьба его кончилась Киевской митрополией! Вот об этом чуде и рассказал епископу Феофану игумен монастыря отец Мартиниан. И этим очень, очень утешил епископа Феофана.

***

Вспоминаю про смерть моего брата Михаила — в Японскую войну (1905 г.)⁴⁸. Это меня весьма расстроило. В слезах я пошел к епископу Феофану. Рассказываю, плача. А он, поджав рукой правую щеку, сострадательно молчит, не говоря ни слова. Так и промолчал до конца моего посещения. А я — утешился и поехал домой утешать мать.

***

Один его знакомый юноша проиграл в карты 300 рублей. И пришел к нему с просьбой — дать ему займы. Ни слова не говоря, епископ Феофан дал ему эти деньги. И конечно, не требовал никогда назад.

***

Был он — именинник. Любящие его студенты поручили мне спросить у него: какую бы книгу он хотел иметь? Он ответил:

— Пора уж читать Библию.

До этого он занимался науками и святыми отцами; а теперь духовно дошел и до Писания.

***

Когда его перевели из Крыма в Астрахань, он просил меня проводить в Москву. А в это время ждали уже нового архиерея, архиепископа Димитрия.⁴⁹ Я и сказал епископу Феофану: «Новый владыка обидится, что меня не будет при встрече». А он ответил: «Господь видит, что вы сделаете это не по неуважению к нему, а жалея меня, и потому не будет зла». Я согласился. И провез его до Москвы, купил ему билет до Волги и посадил в вагон. А сам моментально сел на поезд в Крым. Приехал уже, когда архиепископ Димитрий служил литургию. После он позвал меня в архиерейский дом и сначала очень резко заговорил со мной, думая, что я намеренно показал свое пренебрежение. Но когда я потом все объяснил ему, он успокоился, сказав: «Ну, пойдемте чай пить!» И мы сделались друзьями — навсегда. Слова епископа Феофана сбылись.

***

Еще припоминаю случай. Однажды к нему (уже инспектору академии) зашел товарищ по академии. Потеряв веру, он спросил его, что бы он посоветовал ему?

— Читайте Евангелие!

— Да ведь я и так почти наизусть знаю его.

Но епископ Феофан все же советовал ему читать «просто».

Тот ушел.

Осенью он возвратился с дачи — довольный: оказалось, он исполнил совет епископа Феофана, и вера воротилась.

***

Еще вспоминается. Однажды, будучи уже ректором, он сказал: «Мне приятнее, когда меня бранят, а когда хвалят, на душе тяжело делается».

Однако не один раз он заходил в мою комнату из заседания («совета») профессоров — в слезах и жаловался на них. (Об этом я записал второй уж раз: см. прежде 409 стр.)

Однажды он увидел у меня на письменном столе свою фотографию (как человек, мною чтимый и любимый) и велел снять ее.

В другой раз увидел деньги, оставленные мною на столе же, и тоже велел их спрятать: «Этим вы вводите посторонних и келейника в соблазн: и на вас будет грех».⁵⁰ Сам он был в этом отношении всегда весьма аккуратен. Никаких карточек и картин (даже почитаемых им лиц прошлого) я не помню у него*.

23 января 1954 г.

***

Несмотря на свой сравнительно молодой (я стал студентом, когда ему был 31 год) возраст, он уже «старчествовал». Но это он делал, когда его спрашивали о чем-либо; сам же никогда не навязывался на это.

...Уж очень много он вообще знал: а особенно — из святых отцов; у него был огромный горизонт и свой духовный опыт.

---

* Увидел я это уже долго после.

Недаром же архиепископ Антоний (Храповицкий) рекомендовал его своим духовным детям при отъезде из Санкт-Петербурга.

***

Он любил простодушных людей и считал их более разумными, а «умничающих» не любил, потому что обыкновенно они гордятся. Например, из студентов он выделял П-цева. Это был человек умственно заурядный, но он был простой, скромный, всегда улыбающийся. И отец Феофан нередко говорил с ним. И этим даже вызывал недоумение (а может быть, и зависть) у умных. Один из последних, после бывший профессором, даже спрашивал его: почему он так поступает? А он не сказал ему открыто, а лишь отделался улыбкой, да, — кажется, — еще сказал, что ему с этими простыми людьми легче.

***

Он многим был недоволен, с точки зрения Православия. Это проявлялось даже по отношению к московскому Церковному Собору (1917–1918 гг.) В числе кандидатов и его имя было выставлено кандидатом на патриарха, а отказываться было нельзя, по постановлению Собора. Правда, за него подали лишь каких-то пять человек. Вероятно, в нем они чтили не столько администратора, сколько благочестивого человека и глубокого богослова.

Свое недовольство он предполагал высказать открыто на Вселенском Соборе, которого он и жаждал, и ждал в недалеком будущем. Но не дождался: умер. Особенно хотелось ему выступить там против «модернизма профессоров», против

коих у него было написано много опровержений. Не любил он В. Соловьева, П. Флоренского, С. Булгакова, Бердяева и др. Сочинения эти, вероятно, остались и доселе. Они для богословия представляют громадный интерес!

Теперь я перешагну к последней части его жизни.

Похороны Обухова

Пред концом жизни в России епископ Феофан оставил Полтавскую епархию, переехал в Севастополь и жил в архиерейском доме в Херсонисском монастыре (я тогда, в сане епископа, управлял севастопольским викариатством). В это время умер С. Н. Обухов, у которого он жил три года на даче, летом: лечился от истощения, жил уединенно. За это епископ Феофан благодарно относился к С. Н.⁵¹

И случилось так, что он первым среди нас (четырех епископов) встретил покойного пред воротами Херсонисского монастыря, при необычайном колокольном трезвоне. «А среди усопших, — говорил после епископ Ф., — “встретил” его и отец Макарий (Розанов), которого тоже лечили Обуховы». Он был похоронен там же, на Херсонисском кладбище.

После похорон он говорил жене Обухова: «Ведь для меня мир невидимый так же реален, как и видимый». И при этом был необычайно ласков, разговорчив и весел, точно не с похорон пришел, а с какого-либо торжества.

За обедом он пригласил и жену усопшего, посадив ее с левой стороны.

Этими похоронами кончу и жизнь его в России.

Заграница

Когда наступила революция, он вместе с многими из нас ушел в эмиграцию. Жил в Болгарии, Югославии, а потом переехал во Францию.

Но чего-либо особенного (кроме обличения архиепископа Антония за его ересь об «Искуплении», о чем я кратко описал выше) не помню... Да и разъехались мы тут.

Какие-то Валконен (финны по паспорту, русские по рождению)⁵² приняли в нем очень близкое участие: устроили для него в своей квартире отдельную комнату, питали его, охраняли его уединение (едва ли не полное? он там никого не принимал). В этой комнате он и молился один и совершал литургию ежедневно.

И эта жизнь для меня сокровенна, к сожалению...

Потом немцы вступили во Францию; и он со многими убежал в город Тур, на юго-запад от Парижа. И тут умер.

Это было, вероятно, в 1940 году, — думаю я.⁵³ Следовательно, ему в то время (1872–1940) было около 68 лет.

Из этого периода заграничной жизни мне хочется отметить следующий его отзыв обо мне.

С 1933 года (осени) я был направлен в Америку. Туда я вызывал и Обухову для хозяйства у меня. В то время она (с <...> г.) была уже пострижена в иночество, с именем Анны. Ей было уже <...> лет. Она отправилась к епископу Феофану за советом. Он сказал ей через отца Василия Т-ва, который получил право посещать епископа Ф. у Валконенов:

— Что же?! Пусть с Богом едет. Владыка Вениамин никем не запрещен. И — один из немногих — сохранил Православие!

А потом, довольный, добавил, что она едет к владыке Вениамину.

Послесловие

Несколько слов. Конечно, я не все записал здесь, что и знаю о нем. Но ведь и в житиях святых об угодниках не всё пишут, а что нам спасительно, назидательно и особенно характерно для угодника.

Вот и я записал, что нужно нам.

А кроме меня едва ли кто теперь знает о нем столько, сколько я.

Он же был человек — замечательный!

Дополнения

Мнение о святости митрополита Филарета Московского

Может быть, я припомню или узнаю еще что-либо о нем, тогда припишу сюда. Вот, например, вспомнил его отношение к знаменитому святителю Филарету, митрополиту Московскому (Дроздову).

Он глубоко чтит его — и как администратора, и как богослова, и как **святого** (не убоюсь написать это великое и ответственное слово: но я верно выражаю чувства к нему епископа Феофана)⁵⁴.

Одному человеку, при посещении им Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, он настойчиво советовал отслужить там панихиду по митрополиту Филарету и преподобному Максиму Греку, — по-

читая их как угодников Божиих. В этом он всегда отличался от критического мнения иных людей.

А мне припоминается из небольшой брошюры, — изданной о митрополите Филарете женским монастырем Кремля, где схоронена преподобная Евдокия, жена Димитрия Донского⁵⁵, — следующий факт. Игуменья этого монастыря, — кажется, ее звали Евгенией, — была духовной дочерью и почитательницей святителя митрополита Филарета. По смерти его она затруднялась молиться о нем как об обыкновенном покойнике. И об этом недоумевала. И вот он явился ей во сне и научил ее так молиться:

— Помяни, Господи, раба Твоего, усопшего митрополита Филарета; и его молитвами спаси меня грешную!

Давно уже было то время, когда я читал эту брошюрку, может быть, еще студентом. Но хорошо помню об этом откровении.

И народ доселе чтит могилу его.

Писал о нем как об угоднике и известный Поселянин (фамилия его — Погожев)⁵⁶.

Чтит его и наш Святейший Патриарх Алексей, который писал о нем кандидатскую работу⁵⁷.

Мне он подарил и портрет митрополита Филарета.

Искушения

Их было у него много: с профессорами; с Двором; с Р-м⁵⁸; с болезнями; с переводами по епархиям; с выездом из России; с вдовой священника, им почитаемой за святую; с монахиней О. тоже и так далее.

А святые отцы говорят, что враг больше нападает на совершенных. Вот что пишет епископ

Феофан Затворник: когда душа «исполняется Богоподобных совершенств, сила и дух Христов вселяются в ней, и вся сила вражия далеко бежит от нее. Сатана избирает теперь другой путь к искушению: он обставляет праведника такими обстоятельствами, в которых нет для него никакого утешения, никакой отрады, в которых на каждом шагу встречают его неудовольствия, печали и скорби. Его начинают ненавидеть, не зная почему... Все царство сатаны, весь мир вооружается против него... Ходите среди всех сих скорбей... уповая...» («Внутренняя жизнь», с. 129⁵⁹).

И с другой стороны, Господь посылал ему всегда нужных для него людей на помощь: Обуховых, Агафонову; в последнюю часть его жизни за границей — некую прислугу Катю, которая собственным заработком делилась с ним (у Валконенов и после — одна). Но об этом нужно бы писать много.

У этой Кати, вероятно, остались и все рукописи его! Если бы Бог дал у нее откупить их!*

Клевета

Хочется немного упомянуть об одной клевете.

О епископе Феофане в свое время вышла целая книга известного автора, Тренёва⁶⁰, под заглавием «Владыка». Я читал ее. Но теперь (к счастью!) лишь немного помню.

Тренёв был студентом Санкт-Петербургской духовной академии, когда архимандрит Феофан

* Красный карандаш — это патриарха: он читал до 147 страницы. (В настоящем издании этот текст выделен подчеркиванием. — *Ред.*) Теперь эти рукописи — уже в руках архиепископа Николая⁶¹ в Париже; значит, будут и здесь, в России. — 8 ноября 1955 г.

был там инспектором; а я был тогда на два-три года моложе курсом. И хорошо доселе помню лицо его.

Вся эта книга написана не в похвалу отца Феофана, а в осуждение со злостью. Особенно был неприемлем Тренёву аскетизм владыки. И будто я чуть не «нос утирал» ему.

Какая злоба! Да, он часто советовался, — то со мною, то с другими, — но поступал по-своему. И мы чтили его.

Оно и понятно: всякий человек смотрит на вещи из своего угла; какова его душа, так он и смотрит на других. И Тренёву, — как человеку плотскому, — неприятен духовно-аскетический тип; ему знакомее — «Любовь Яровая».

Письма о нем

У меня хранятся два письма о нем. Может быть получу еще два. Пишу копии с них. Первое — от очевидца в Астрахани.

«...Получив Вашу... открытку... в скудных своих словах, но с любовью, я описал, что знаю о великом подвижнике наших дней.

Преосвященный Феофан был на Астраханской кафедре, как яркая путеводная звезда, не только для духовенства, но и для всех тех, кто думал вести свою жизнь по заповедям Христа».

Затем следуют «Воспоминания» — автора, протоиерея Митрофана Молчанова, — «об Астраханском епископе Феофане (Быстрове), который занимал Астраханскую кафедру — с 1911 по 1913 г.».

«1. В 1911 году во второй половине августа я имел счастье быть в Астрахани. В то время ожи-

дали приезда нового владыки на Астраханскую кафедру.

Была получена телеграмма из Царицына о том, что владыка Феофан следует в Астрахань на пароходе общества “Кавказ и Меркурий”.

В телеграмме было указано, что по прибытии владыки в Астрахань будет совершена **литургия** архиепископским служением. Такое распоряжение удивило не только соборный причт, но и всех причастных к встрече владыки*. Кафедральный протоиерей, маститый старец, отец Николай Летницкий, сделал соответствующее распоряжение и ко встрече, и ко служению литургии.

Будучи диаконом, я здесь присутствовал; и отец кафедральный, зная меня, предложил облачиться в стихарь и стать в чину соборного причта для встречи владыки.

По расписанию пароход должен прибыть в Астрахань к трем часам по полудни. Все были удивлены, что так поздно начнется служба.

В соборе были все представители учебных корпораций, члены Консистории и все те, кому необходимо быть при встрече нового архипастыря.

Наконец, <прозвонил> тысячепудовый соборный колокол — владыка вступил на астраханский берег. Затем последовал трезвон. И въехала коляска в астраханский кремль. У всех душевное настроение было высоко: вход владыки возбудил не только любопытство, но — и страх некий, святой трепет души.

---

* Тем более, что это вообще было совершенно исключительно для новых владык; но и потому, что пароход прибыл уже к трем часам вечера, — как увидим далее.

Тихой поступью вошел владыка и, перекрестясь, окинул очами величественный Астраханский собор, потом опустил глаза и принял Святой Крест.

На приветствие отца кафедрального тихо ответил:

— Спаси и сохрани вас Господь!

И сейчас же началось архиерейское служение. Величественный собор как бы замер в чудном, благоговейном первом служении своего владыки: глубокая сосредоточенность службы архиерейского служения дивно облагодетельствовала не только нас, служащих, но и всех молящихся.

Служил владыка тихо, но слова его при глубокой тишине слышали явственно.

Вот наступили благоумиленные моменты: «Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей и утверди и, егоже насади десница Твоя (Пс. 79, 15–16)»⁶².

Этот момент нельзя выразить словами. Как бы электрический ток прошел по телу молящихся: все почувствовали благодатную <силу> этих слов и действенную молитву своего владыки.

Литургия окончилась в шесть часов по полудни, но никто не чувствовал усталости.

Думаю, что эта первая служба Преосвященного Феофана запечатлелась в сердцах навсегда!

Владыка вступительной проповеди не говорил, но, благословив всех, отбыл в свои покои.

2. По времени всем стало известно, что новый владыка **не пошел** по стопам прежних архиереев, а повел жизнь по стопам древних отцов и учителей Церкви.

В приемные дни владыка всех принимал; терпеливо слушал просьбы просителей; делал ту или другую резолюцию, часто — вопреки консисторским отцам. Определенно можно сказать, что все просители выходили успокоенные и с радостной надеждой на лучшее.

Из Консистории стали поговаривать: “Владыка, по своему смирению, распустил духовенство!” Но духовенство почувствовало благодатное влияние владыки, стало исправляться гораздо лучше, чем от грозного консисторского приказа.

3. Жизнь владыки была строго подвижническая: питался он простой пищей, по уставу монашескому. Спал он не на перине, а на войлочной кошме⁶³; а в головах было что-то твердое, зашитое в материю. А о его молитвенном бдении знали только одни стены его келии.

В обращении он был тих. Пальцы его левой руки всегда перебирали узелки четок. Лицо было — матовое, постническое, задумчивое.

4. В нижнем этаже, под покоем владыки, была столовая для неимущих, не только духовного звания, но и всех нуждающихся. Все дети причетников — и в семинариях, и в духовном училище — не были забыты владыкой: все получили потребное для жизни и учения. А женское епархиальное училище ждало владыку, как Святой Пасхи.

Такое было необъятное, любящее сердце владыки Феофана.

5. И так владыка-подвижник, как яркая звезда, прожил в Астрахани около двух лет. Наступил

март 1913 года; и стали носиться слухи, что владыку переводят в город Полтаву. Причина: якобы сырой астраханский климат вреден для здоровья владыки Феофана. К сожалению, слухи оправдались: настал печальный день отъезда владыки.

Вот здесь-то, на проводах владыки, и выяснилась жизнь владыки-аскета! Вся разноплеменная вышла провожать его: не только православные, но и татары, и армяне, и даже евреи. Это были те, кто получал поддержку от владыки.

Вся привокзальная площадь была занята.

6. Астраханские епископы получали порядочную сумму за сдачу в аренду рыболовных вод — до 45 тысяч в год. А в день отъезда владыки в архиерейской не оказалось той суммы, чтобы купить проездной билет до Полтавы!.. *И город купил билет для проезда Владыки Феофана.* (Курсив — автора письма. — М. В.)

...И после долго, долго чувствовалось духовное влияние архипастыря-подвижника на духовенство астраханское...

7. Скажу о себе: владыка Феофан, назначив меня к посвящению во священника, в 1913 году 15 марта, милостиво, как родной отец, сказал:

— Будь смирен! Молись! И трудись нелепно!

Эти слова остались у меня в сердце.

С благодарной памятью о моем благодетеле я и в землю уйду!

Недостойный протоиерей Митрофан Молчанов.

20 января 1954 года.

С. Заветное Ростовской епархии».

Примечание. Вот я и переписал его письмо. Какое оно милое и теплое! По временам (вот и сейчас!) слезы навертываются на глазах. И приходится подавлять набегающие рыдания! Вот это — правильное воспоминание! (Опять плакать хочется...) А не — тренёвское оклеветание святого человека!

2 февраля 1954 г.

Из писем епископа Феофана

Как жаль теперь, что мы сохранили мало писем его. А ведь их было не мало! Не ценили мы их. Да и с переездами по разным странам — не до того было... И лишь кое-что сохранилось...

Письмо первое

1927. V. 23.

Варна, ул. Витрасова, № 11

«Досточтимая о Господе!..

Письмо Ваше приветственное, по случаю праздника Пасхи, я получил лишь 22 мая. Объясняется это тем, что в настоящее время живу я не в Софии, а в Варне, где думаю прожить до осени. Письмо долго лежало в Софии. Но это не препятствует мне взаимно приветствовать Вас пасхальным приветствием: “Христос воскрес!” Потому что верующие христиане всегда чувствуют в себе Воскресшего и их воскрешающего Христа.

Очень сожалею, что Вам приходится жить в тяжелых условиях жизни, хотя и знаю, что путь христианский всегда бывает прискорбным. Сам я многое испытал в этом смысле и потому всё это понимаю.

У меня явилась одна мысль, которую и повергаю на Ваше усмотрение. Много русских женских обителей существует в Палестине. По-видимому, и им живется трудно в материальном отношении; но в духовном отношении им живется несомненно прекрасно: имеется и русская служба, и русское пение. Там все церковное благолепие держится на русских. Недавно, проездом туда через Болгарию, отправилась, вероятно, не безызвестная Вам монахиня Наталия, в мире — генеральша Сидорина. Если поездка ее не расстроилась, она должна скоро оттуда возвратиться и рассказать Вам о жизни тамошних женских обителей. И думается, что она могла бы посодействовать и Вашему устройству там, — если бы у Вас явилось желание этого.

Вы предлагаете мне на разрешение одно недоумение. “Прочла я, — пишете Вы, — в одной книге следующее: хлеб и вино становятся Телом и Кровью Господними потому, что Бог, по молитвам и вере — не священника или предстоящих, а Церкви Христовой — ниспосылает Духа Своего Святого и творит хлеб Телом, а вино — Кровию Христа Своего”. Вы совершенно справедливо почувствовали двусмысленность и неправильность этих слов! Совершает Таинство Господь на основании искупительных заслуг Спасителя силою благодатных действий священнослужителя (крестное знамение с призыванием Святого Духа). Когда же совершение таинства приписывают Церкви вообще, то этим самым умаляется значение благодатных действий (полномочий) священнослужителя. В этом погрешны даже славянофилы, во главе с Хомяковым, — и

вообще светские богословы нового времени. Думается, что в данном отношении отразилось на них, — хотя и в смягченном виде, — и влияние протестантизма. Это влияние незаметно просачивается и на всё новое богословие “парижской школы”⁶⁴. А центром, откуда исходит это влияние, является УМСА⁶⁵, в чем и заключается главная опасность для Православной Церкви со стороны ее...

Вы спрашиваете о моей жизни. Живу я, слава Богу, благополучно. Здоровье мое всё более и более улучшается. Продолжаю свое лечение. Существую не на средства Пресвященного Серафима⁶⁶, а на жертвы частных жертвователей. Митрополит Антоний предлагает мне место в Америке (Калифорния, Сан-Франциско), но у меня к Америке не лежит душа. Если поеду, то куда-нибудь в другое место: или в Бари, или в Палестину, или во Францию. В Сербии мне устраиваться трудно после Болгарии; но Вам можно и в Сербии устроиться: в епархии Преосвященного Досифея⁶⁷ имеются два женских монастыря: из монахинь, отделившихся от монахини Диодоры⁶⁸; другой — под начальством ее. Вам можно было бы поселиться в первом монастыре.

В Сербию я пока не собираюсь приезжать. В августе месяце, правда, будет Собор в Карловцах, но я не знаю, приеду ли на него. Отталкивает меня от Соборов проникающая и в них политика и тайные влияния различного рода партий.

*Призываю на Вас благословение Божие.
Ваш искренний богомолец,
архиепископ Феофан».*

Письмо второе (той же)

1929.IX.11

Варна

«Просьбу Вашу относительно Иерусалима я исполню. Напишу соответствующее письмо архиепископу Анастасию⁶⁹. Сам же я пока не решаюсь ехать туда. Архиепископ Анастасий не обещает ничего. И, быть может, поездка моя туда для него не совсем желательна. А главное, на содержание нужны средства, на которые я в настоящее время рассчитывать не могу. Да и не совсем теперь спокойно в Иерусалиме: церковное положение наше — таково...

Ни митрополит Евлогий, ни митрополит Антоний — не склонны к примирению. Склонившись на сторону “Кирилловского движения”, митрополит Антоний несомненно нарушил свою компетенцию и бывшее по этому делу в свое время соборное решение⁷⁰. Большинство иерархов осудило его поведение в этом деле... Говорят, что у нас будет Собор в этом году. Но у меня нет желания ехать на Собор, — даже если бы он и был: всё равно соборные постановления не исполняются, или исполняются постольку, поскольку они не противоречат “усмотрению” председателя Собора.

Прошу передать от меня приветствие Преосвященному Вениамину.

Призываю на Вас благословение Божие и пребываю Вашим усердным богомольцем, архиепископ Феофан.

P.S. Впредь нужно писать мне по адресу: София, Русское посольство. А.Ф.»

Письмо третье

Я его совсем не читал, но знаю, что оно написано было архиепископом Феофаном Канадскому епископу Иоасафу (Скородумову)⁷¹. Из него мне запомнилось одно выражение: признание безбожной Советской власти есть «хула на Духа Святого». Канонов он не мог привести в пользу такого мнения.

Но он никогда не осудил меня за такое признание. И когда монахиня Анна, по моему приглашению, спросила (через отца <...>) его мнения, то он ответил: «Что же? Епископ Вениамин — никем не запрещен. И один из немногих сохранил Православие. Пусть едет!»⁷²

***

Много писем осталось в России, у почитателей его. Сохранились ли они, — неизвестно. Как Бог устроил.

М. В.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ ЖИЗНИ ОТЦА ИОСИФА

Отец Иосиф был вторым келейником знаменитого Оптинского старца отца Амвросия. О последнем все духовные лица нашего поколения (то есть второй половины XIX столетия) хорошо знали. А о его преемнике, отце Иосифе, немногие теперь и помнят. Кое-что, — и больше именно чудесное, — хочется оставить потомству на память.

Старец иеросхимонах Иосиф, в мире Иван Евфимович Литовкин, родился в 1837 году 2 ноября в селе Городище Старобельского уезда Харьковской губернии. Родители его Евфим Емельянович и Мария Васильевна были милостивцами; иногда они раздавали милостыню тайно друг от друга; принимали в дом сборщиков-монахов. У них было шестеро детей. Второго они и называли Иоанном, в честь святого Иоанна Милостивого, которого чтили особенно.

Семи лет он, во время игры с товарищами, видел в воздухе Царицу Небесную и упал в обморок. Когда он пришел в себя, то его стали расспрашивать, что с ним случилось?

Он сказал, — что увидел Царицу.

— Да почему ж ты думаешь, что видел Царицу? — спросили его.

— Потому что на Ней была корона с крестиком.

— Ну, а почему ж ты упал?

На это он, потупив глаза, тихо сказал:

— Около Нее было такое солнце... я не знаю, не знаю, как сказать, — добавил он быстро и заплакал.

Случился в селе их пожар. Их новый дом только что был отстроен. Вблизи была церковь во имя Покрова Матери Божией. Протянув к ней ручки, он начал кричать: «Царица Небесная! Оставь нам наш домик, ведь он совсем новенький».

Кругом все сгорело, а дом Литовкиных остался цел.

В 1848 году в их селе явилась холера, и скончалась и мать их; а отец умер раньше. На похоронах ее одиннадцатилетний Ваня воскликнул:

— Царица Небесная! Что же Ты делаешь?! И сестра ушла в монастырь, и маму Ты у нас взяла?!

После смерти родителей дети очень обеднели. Приезжала из монастыря сестра Александра. Она рассказывала потом:

— Бывало, дети и Иван ухватятся ручонками за мой пояс и горько плачут: «Сестрица, возьми нас с собой в монастырь: нам здесь не с кем жить!» Так сердце просто кровью обливается, глядя на них. Эти слова Ваня даже и во сне все повторял.

Старший брат взял Ивана к себе; потом поместил его к знакомому кабатчику; потом Иван ушел оттуда. Брат поместил его к армянину в Нахичевань (теперь — часть Ростова). Оттуда перевел в бакалейную лавку в город Таганрог. От

этого хозяина Иван ушел в город Новочеркасск к двоюродному брату, бывшему там диаконом. Тот хорошо принял его, но скоро отослал мальчика к своему тестю — священнику.

Потом его поместили в железную лавку... Нанимался он и в поденные... Однажды он, таская с плотов доски, упал в воду и стал тонуть. Но, — говорит жизнеописательница, — вдруг какая-то Невидимая Рука точно вытолкнула его на поверхность воды, и Господь спас его от смерти.

После он служил у армянина в Ставрополе. Хозяин закупал картофель; сами шли пешком. В это время Дон стал разливаться, к этому дул сильный низовой ветер с Азовского моря. Армянин решил ехать по берегу, потому что казаки отказались перевозить; Иван боялся следовать за армянином и воротился в казармы, по пояс в воде, к казакам. Солдаты дали ему сухую обувь. Ветер спал; и казаки на другой день перевезли его в Ростов.

В такой трудной и трудовой жизни он находил утешение в сокровенной молитве.

Потом Иван устроился опять в Таганроге, у благочестивого купца Рафаилова, который брал его с собой к церковным службам. Осенью уже нечего было делать, и хозяин посоветовал ему поступить на мельницу в село. Не любивший людскую молву, Иоанн рад был сельской тишине. Мельник тоже оказался человеком благочестивым; оба они познакомились с диаконом прихода. Все трое они брали Жития святых и другие книги и читали их вместе...

Так Господь подготавливал его к другой жизни — в уединении, в трудах, в терпении и смирении; и в отрыве от родителей.

Монашество отца Иосифа

Весной следующего года он получил письмо от сестры своей, теперешней уже монахини Леониды, в котором она советовала ему поступить в монашество, — и именно в скит Оптиной пустыни. До сих пор он и не думал о монастыре. А теперь у него возгорелось желание оставить мир...

Но тут встретилось новое искушение. Купец Рафаилов и старший сын его захотели женить его и предполагали выдать за него дочь... «Всегда так бывает, — говаривал после о том, будучи уже старцем, — как только задумает человек идти путем спасения, так сейчас же является препятствие и искушение...» Сделаться женихом дочери богатого купца и самому стать богатым человеком — бедняку, сироте, рабочему...

Но он вместо этого хотел направиться на богомолье в Киев и усиленно просил хозяина отпустить его. Видя горячее желание Ивана, тот наконец отпустил его, прося однако воротиться в Таганрог.

С котомкой за плечами юный путник и отправился к заветной цели. По дороге он зашел в родные места и поклонился могилкам родителей. На пути в Киев побыл в монастыре «Святые горы» Харьковской губернии¹, где провел несколько отрадных дней, умиляясь мирною жизнью иноков. Посетил Борисовскую женскую пустынь², где иночествовала сестра его, уже с именем Леониды, находившаяся под руководством Оптинских старцев Леонида³ и Макария⁴. Однажды, бывши у отца Макария, она со слезами скорбела о бедных братьях и выражала желание, чтобы хоть любимец ее Ваня пошел в монастырь.

— Не скорби, — сказал ей пророчески старец, — он будет монахом!

Пришел он к сестре, в присутствии старицы Алипии, и они о многом вспоминали. И матушка Алипия, прислушавшись к их беседе, вдруг сказала Ивану:

— Оставь ты свой Киев и иди в Оптину к старцам.

Иван вопросительно взглянул на свою сестру и увидел в глазах ее одобрение. Зашел он в Белев монастырь⁵. Оттуда ехали в Оптину две монахини и взяли с собою на козлы Ивана. Сестры зашли к отцу Амвросию и сказали ему про Леонидина брата Ивана. Старец серьезно посмотрел на них и, еще не видя его, вдруг сказал им:

— Этот Иван пригодится и нам, и вам!

Пришел в трепет юноша и незатейливо рассказал про свою жизнь. Прозорливый отец Амвросий слегка ударил его по голове и сказал:

— Зачем тебе Киев? Оставайся здесь!

Иван поклонился ему в ноги и на всю жизнь вручил ему себя... Это было 1 марта 1861 года; ему тогда было 23 года и 8 месяцев... Так неожиданно определился его дальнейший жизненный путь на 50 лет!

Не будем останавливаться на его монастырской жизни: да она у него не сложна была. Сначала он был назначен помощником повара в скиту... Наступали Петровки. В день заговенья братия, поужинав, пошли на вечернее правило, а брат Иван убирал посуду. Обтирая пальцем остатки сметаны в чашках, он простодушно облизывал ее. Вдруг сзади кто-то положил ему руку на плечо: это оказался скитоначальник отец Пахомий.

— Брат Иван! Не хочешь ли перейти к старцу?
— Хочу, — сказал попросту он.

И конфузливо добавил:

— Простите, батюшка: я все ем.

На другой день он перебрался в «хибарку» (так звали помещение старца направо от входа в скит) к отцу Амвросию, где и прожил 50 лет.

Вот и вся несложная монашеская жизнь Ивана.

При постриге его назвали Иосифом; это было в 1872 году, 2 ноября.

У старца он не имел отдельной келии и спал в приемной у него; а она целый день была занята народом, до 11 часов ночи. Однажды он, изнемогая от суеты дня, заснул в проходном темном коридорчике, сидя на пороге. Отец Амвросий, не заметив его, наткнулся на своего послушника.

Так прожил он 20 лет.

В 1884 году отец Иосиф поставлен в иеромонаха. И он получил отдельную келию — бывшего старшего келейника отца Михаила.

В свободное время отец Иосиф читал книги. Любимую и неразлучную его книгой было «Добротолюбие»...

Внутренняя его жизнь была сокровенна. Однажды после спросили его, как получил он дар молитвы?

— Молитва, — ответил он, — сама учит. Сказано, *дай молитву молящемуся* (1 Цар. 2, 9). А я читал «Добротолюбие».

Учил начинать с молитвы Иисусовой, произносимой устно, непременно по четкам в определенном количестве. Если и не достигнешь совершенства молитвы, то хорошо и то, если скончаешься на пути к ней.

Несколько раз отец Иосиф опасно болел, даже был при смерти. Даже читали над ним отходную. Он попросил ухаживавшего за ним брата сходить к старцу Амвросию с просьбой «отпустить его с миром». Но потом оправился.

«Один раз, — рассказывал еще этот послушник, — вошел я в комнату и слышу, что за ширмой кто-то говорит:

— Потерпи, любимче Мой, — немного осталось!

Думая, что кто-нибудь там есть, я заглянул за ширму и был поражен: там никого не было; а батюшка Иосиф лежал, как пласт, с закрытыми глазами. Меня такой объял страх, что волосы дыбом стали».

И после отец Амвросий говорил некоторым, что отец Иосиф в болезни сподобился видеть Царицу Небесную.

Батюшка начал оправляться. По выздоровлении отец архимандрит Исаакий, настоятель монастыря, назначил его помощником старца, так как отец Амвросий стал слабеть.

В 1888 году, на 27-м году монастырского жития отца Иосифа, старец благословил ему съездить в Киев.

Настало лето 1890 года. Больной отец Амвросий, переезжая в Шамординскую женскую обитель, вопреки всем прежним обычаям, не взял с собою своего верного келейника, отца Иосифа, а велел ему остаться в скиту и даже перейти в его келию.

Болью сжалось сердце его: «Не вернется сюда больше старец!» Предчувствие его сбылось... А 10 октября 1891 года старец Амвросий скончался...

Отец Иосиф стал заместителем его. Одна мирская особа, относившаяся в духовной жизни своей к отцу Амвросию, сильно скорбела по смерти его и не знала, к кому ей теперь обращаться... Вдруг она ясно слышит голос старца Амвросия:

— Держись отца Иосифа — это будет великий светильник!

Сомнения ее кончились... Так и другие направляли ищущих руководства к отцу Иосифу. Так решил и епископ Виталий Калужский⁶... И отец Иосиф стал общепризнанным старцем, которым был 20 лет.

Из старческой жизни

Старец Амвросий при жизни своей говаривал:

— Вот я пою вас вином с водою, а отец Иосиф будет поить вас вином неразбавленным!

И далее мы приведем разные факты из старческой жизни его.

***

«Одна очень преданная старцу особа, будучи вполне свободной, поселилась вблизи Оптиной пустыни, чтобы быть близко к батюшке отцу Иосифу. Одно время она сильно поддалась смущающему ее помыслу, что она напрасно только беспокоит старца и что ей вовсе не к чему здесь жить. С этими мыслями она пошла в скит, решив в душе, что идет в хибарку последний раз.

Старец принял ее на благословение. И только что она хотела сказать ему, зачем пришла, как была поражена видом старца: из его глаз лились потоки **лучей**! Она остолбенела. А старец ласково улыбнулся, тихонько ударил ее по голове и благословил, сказав:

— Напиши-ка мне лучше исповедальных книжек!..

И при этом он протянул ей книжку со словами: “На, читай!” Заглавие книжки было: “Вера слепая и вера мертвая”».

Та же особа рассказывает. Не получая долго писем от сына, она спросила у старца, не умер ли он? И **как его поминать**? Старец ответил: «Все равно, как ни поминать, только поминай!» Из этого ответа она заключила, что сын ее умер. И вскоре действительно получила известие о его смерти.

***

«Монахиня Л. в 1908 году 2 августа со своей келейной приехала в Оптину пустынь. На следующий день они были у старца, и им хотелось получить на благословение четки. Отец Иосиф прозрел их желание и подарил им свои.

На другой после этого день “мы пришли прощаться с батюшкой... Вскоре щелкнула дверь, вышел батюшка... Что за вид был у него! От его лица буквально исходил **свет**... Мы невольно вздрогнули и опустили глаза. Батюшка взглянул на нас, и такой у него был ласковый благодатный взгляд, что передать нельзя, и кажется, никогда его не забудешь. Он круто повернул от нас, так что мы не успели проститься. Пришлось придти на другой день и проститься со старцем. После нам сказали, что в тот день батюшка приобщался”».

***

Монахиня М. Ш. рассказывает: «Получила я от одной знакомой из Севастополя <письмо>, что она подверглась сильному **винопитию**... Батюшка говорит: “Надо отслужить молебны Спасителю,

Божией Матери и мученику Вонифатию». Дал для нее картиночку и уверенно прибавил: «Она больше не будет больна этой болезнью». Действительно, в короткое время она перестала пить, и прислала благодарное письмо».

***

«Батюшке рассказали про одну женщину, которая умерла без напутствия, потому что в ее приходе был священник, о котором она знала много нехорошего и не захотела у него приобщиться. Старец пожалел умершую и сказал, что не должно смущаться жизнью иерея, так как действует только рука его, а таинство совершает благодать.

При этом он рассказал, как один преподобный, заболев к смерти, пожелал принять Святые Тайны. Ближайший иерей, которого нужно было позвать, был очень порочной жизни и, казалось, совсем недостоин носить священство. Преподобный несколько смутился, но затем, победив этот помысл, призвал его... Во время Причащения Господь сподобил его такого видения: он видел, что его причащают Ангелы».

***

Батюшка занимался внутренней молитвой, или так называемым «умным деланием». Его ближайший келейник, которого старец не стеснялся, рассказывал, что, входя по какому-либо делу в келию старца, он часто заставлял его творящим молитву Иисусову. Батюшка, лежа на кровати, с великим благоговением и сокрушением сердечным полупешотом произносил слова молитвы, особенное ударение делая на словах: «Господи Иисусе Христе...» И во избежание ошибки отмечал ко-

сточками от маслин количество пройденных четок, для чего на столике около кровати у него всегда стояла коробочка с этими косточками.

Особенно же умилительна и трогательна была эта молитва после приобщения Святых Таин, когда благодатный старец весь погружен был в молитвенное созерцание и от сильного движения молитвы не мог даже сдерживать ее внутри и громко призывал **имя Господне**.

***

«В 1907 году, — пишет отец протоиерей П. Левашов*⁷, — я первый раз посетил Оптину пустынь как-то случайно, ибо к этому не готовился. Кое-что слышал раньше о старцах, но никогда их не видал. Когда я приехал в обитель, то прежде всего лег спать, так как в вагоне провел бессонную ночь. Колокол к вечерне разбудил меня. Богомольцы отправились на богослужение, а я поспешил в скит, чтобы иметь возможность побеседовать, когда менее всего было у старца посетителей.

Расспросив дорогу в скит, а там — келию старца Иосифа, я наконец пришел в приемную хибарки. Приемная — это маленькая комнатка с весьма скромной обстановкой. Стены украшены портретами разных подвижников благочестия и изречениями святых отцов.

Когда я пришел, там был только один посетитель, чиновник из Петербурга. В скором времени вошел в приемную келейник старца и пригласил чиновника к батюшке, сказав мне: «Он давно

---

* Я знал его лично, во время студенчества моего. Он написал хорошую книгу «Христианское учение по житиям святых». — 2 декабря 1955 г.

ждет". Чиновник побыл минуты три и возвратился. Я увидел, как от головы его отлетали клочки необыкновенного света; а он, взволнованный, со слезами на глазах, рассказал мне, что в этот день утром из скита выносили чудотворный образ Калужской Божией Матери, батюшка выходил из хибарки и молился. Тогда он и другие видели **лучи света**, которые расходились во все стороны от него молящегося.

Через несколько минут и меня позвали к старцу. Вошел я в убогую его келейку, полумрачную, с бедной, деревянной обстановкой.

В это время я увидел глубокого старца, изможденного непрерывным подвигом и постом, едва поднимающегося со своей коечки. Он в то время был болен. Мы поздоровались. Через мгновение я увидел необыкновенный свет вокруг его головы, четверти на полторы высоту, а также широкий луч света, падающий на него сверху, как будто потолок келии раздвинулся. Луч света падал с неба и был точно такой же, как и свет вокруг головы, лицо старца сделалось благодатным, и он улыбался.

Ничего подобного я не ожидал, а потому был так поражен, что забыл решительно все вопросы, которые дотол толпились в моей голове и на которые я желал получить ответы опытного в духовной жизни старца.

Он, по своему глубочайшему христианскому смирению и кротости (это отличительные качества старца), стоит и терпеливо ждет, что я скажу. А я, пораженный, не могу оторваться от этого, для меня совершенно непонятого, видения. Наконец я едва сообразил, что хотел у него исповедоваться, и начал, сказав:

— Батюшка! Я великий грешник.

Не успел я сказать это, как в один момент лицо его сделалось серьезным, и свет, который лился на него и окружал его голову, скрылся. Предомной опять стоял обыкновенный старец... Но так продолжалось недолго: опять заблестал свет вокруг головы и опять такой же луч света появился сверху, но теперь — в несколько раз ярче и сильнее!

Исповедовать меня он отказался по болезни своей.

Спросил я совета его об открытии в своем приходе попечительства и просил его святых молитв. Но я все не мог оторваться от столь чудного видения и раз десять прощался с батюшкой и все смотрел на его благодатный лик, озаренный ангельской улыбкой и этим неземным светом, с которым я так и оставил его.

После, еще три года спустя, я ездил к нему в Оптину пустынь; много раз бывал у батюшки Иосифа, но таким, в свете, уж более никогда не видел его.

Свет, который тогда видел я над старцем, не имеет сходства ни с каким из земных светов, как то: солнечным, фосфорическим, электрическим, лунным и так далее; иначе сказать, подобного в видимой природе я не видал. Я объясняю себе это видение тем, что старец тогда был в особенно сильном молитвенном настроении, и благодать Божия, видимо, сошла на избранника своего. Но почему я удостоился подобного видения, объяснить не могу, зная за собой одни грехи, и “похвалиться” могу только немощами своими. Быть может, Господь призывает меня, грешного, на путь

покаяния и исправления, показывая явственно, какой благодати могут достигнуть избранники Божии еще в этой земной юдоли плача и скорбей!

Мой этот рассказ истинен уже потому, что я после сего видения чувствовал себя несказанно радостно и смиренно, с сильным религиозным воодушевлением, хотя перед тем, как идти к старцу, подобного чувства у меня не было...

Прошло уже четыре года после того, но и теперь, при одном воспоминании о сем, я переживаю умиление и восторг. Мой рассказ... будет маловерным, колеблющимся и сомневающимся в вере — выдумкой, фантазией, и в лучшем случае они объяснят <это> “галлюцинацией”... Что ж? Молчать ли нам, служителям истины? Да не будет этого!*

Приснопамятный старец Иосиф — поистине светильник *горящий и светящий* (Ин. 5, 35), светильник же не ставят под спудом, а на свещнике, чтобы он светил всем, находящимся в истинной Церкви Христовой.

Прошу всех верующих христиан молиться за него**, чтобы он помолился за нас пред Престолом Божиим.

Все вышесказанное передаю как чистую истину, нет здесь и тени преувеличения, что свидетельствую именем Божиим и иерейской совестью.

Прот. П. Левашов».

---

* А верующие радуются! И от радости плачут, — сколько раз ни читай об этом! Здесь — наглядное подтверждение православного учения св. Григория Паламы о благодатном свете (память во 2-ю Неделю Великого поста).

** Так: «Помяни, Господи, раба Божия иеромонаха Иосифа; и его молитвами помилуй меня, грешного».

***

«Старец Иосиф, при всем своем древне-аскетическом образе жизни, при всей любви к неизвестности и простоте, весьма ценил науку и общественную деятельность. Он интересовался всем, что делалось в церковно-общественной жизни, и имея общение со многими духовными и светскими деятелями, всегда убеждал их не уклоняться от своих обязанностей; и считал, что хорошие и полезные деятели также необходимы, как и хорошие иноки. Однажды на общем благословении кто-то выразил сожаление по поводу того, что один из послушников скита поступил в академию:

— Видно, батюшка, труднее всего быть монахом!

— Нет, — ответил старец, — хорошим епископом быть еще труднее, и такие епископы нужны, особенно теперь. А жизнь в скиту для него (того послушника) не пропала, она принесет ему большую пользу!»

Кончина старца

Не будем подробно говорить, как старец Иосиф сделался потом скитоначальником и общим братским духовником (с 1894 г. — по смерти отца Анатолия) — через 23 года по поступлении своем в скит; 12 лет он был на этом послушании.

Но последние пять лет отец Иосиф видимо стал слабеть.

Настал 1911 год. На Фоминой неделе стало еще хуже старцу. Он пожелал проститься: сначала со скитской братией, потом — с монастырской. Потом он благословил прийти проститься с шамординскими сестрами. И оттуда с первыми

лучами зари, партиями по 50 человек, спешили сестры в Оптину и, не задерживаясь нигде, возвращались в Шамордино. За этой партией шла другая: так несколько дней тянулись очереди плачущих сестер*, ведь отец Иосиф был и у них духовником...

— Шамординские все? Нет ли еще кого? Позовите их... Пусть все идут и всех благословлю, а то много останется плачущих.

Потом написали и в Белевский женский монастырь... И оттуда потянулась вереница сестер.

И из других мест съезжались почитатели его, а иные писали прощальные письма...

Когда приток их прекратился, старец успокоился и, видимо, стал отрешаться от всего земного, погружившись в молитву.

Однажды ночью старец, лежавший без движения, вдруг приподнялся и несколько раз повторил:

— Мать София! Нужно помолиться за мать Софию!

На следующий же день в Шамордино на могиле первой настоятельницы схимонахини Софии была отслужена панихида...

С 28 апреля старец Иосиф совсем перестал принимать пищу, питаясь только Небесным хлебом Тела и Крови Христовых. За несколько дней до кончины старец стал сильно стонать, и на вопрос, что у него болит, отвечал:

— Вот странно! Ничего у меня не болит, а слабею!

8 мая ему стало хуже... Часа в четыре дня к нему зашел приехавший из Москвы доктор, а

---

* Как умирительно!.. И сейчас плакать хочется... с ними.

тут из Шамордина приехала фотографка, чтобы снять со старца последний снимок, на что он ранее дал свое согласие.

Доктор тихо сказал келейнику:

— Не утруждайте этим старца, ему недолго осталось жить!

Но старец услышал это, и по уходе его подозвал келейника и еле слышным шепотом проговорил:

— Позовите скорее фотографку, а то ведь скоро стемнеет!

Так ему хотелось утешить сестер... Ночь под 9 мая отец Иосиф провел тревожно, и только к утру забылся. В 8 часов пришел иеромонах со Святыми Дарами... Больной причастился одною Кровию.

К вечеру ему стало хуже... В 6 часов всех впустили прослушать исходный канон. Старец был в полном сознании. На грудь ему положили пелену со святыми мощами.

Еще прошла ночь... В 10 часов утра лицо его озарилось неземным светом, так что все присутствовавшие были поражены!

Дыхание становилось все реже... А губы чуть заметно шевелились: постоянный делатель молитвы творил ее до самой смерти... В 10 часов 45 минут старец испустил последний вздох... Но ангельская улыбка его застыла на благолепном лице.

В 2 часа ночи колокол сначала в скиту, а потом и в монастыре возвестил, что старца не стало...

Затем настали торжественные похороны...

Могила была приготовлена в ногах старца Амвросия, так послушник и здесь нашел себе ме-

сто в ногах своего отца духовного... Царство ему Небесное!..

Помянем и безымянную описательницу жителя его, вероятно, монахиню Шамординского монастыря.

2 декабря 1955 г.

ОТЕЦ ИОНА АТАМАНСКИЙ

Предисловие

Мало кто теперь знает об отце Ионе, — а большинство даже и не слышали его имени. А между тем, как увидим, это был исключительный подвижник и даже необыкновенный чудотворец⁸. А я еще в молодые годы слышал о нем. Его называли вторым отцом Иоанном Кронштадтским. Он был нашим современником (1855–1924 гг.). А по своим делам достоин быть упомянутым здесь... Может быть, кто другой и не напишет о нем. А мне Бог дал встретиться с его духовной дочерью и описательницей его жития (17 сентября) и получить его жизнеописание, которое я и буду точно копировать сейчас, ничего не изменяя, только прибавив оглавление отделов.

*Дорогой Батюшка,
отец Иона Моисеевич Атаманский.
Житие и смерть его*

«Великий угодник Божий, отец Иона Моисеевич Атаманский родился в 1855 году* 14 сен-

---

* В этот год, только тремя месяцами позднее, славный отец Иоанн Кронштадтский стал священником, — 12 декабря.

тября, в день Воздвижения Честного Креста Господня. Родился он в семье диакона Моисея Флоровича Атаманского, рано умершего и оставившего малолетних детей на руках вдовы, рабы Божией Гликерии. Семь лет было отцу Ионе, когда умер его отец. Мать желала, чтобы сын пошел по дороге отца, и еще мальчиком отдала его в церковь прислуживать. Умирая, мать благословила на путь священника, сказав: “Хочу, чтобы ты был добрым пастырем”. Завет умирающей матери был выполнен. В 1884 году отец Иона рукоположен в диакона, а через два года — во священника.

Преосвященный Никанор⁹, рукополагавший отца Иону, говорил окружающим: “Берите благословение у отца Ионы, это — будущий добрый пастырь”. Преосвященный Никанор назначил священника миссионером* в одно село, население которого состояло преимущественно из штундистов¹⁰. Беседы отца Ионы со штундистами, молитвенные труды о них принесли плоды: двести штундистов вместе со своим руководителем присоединились к Православной Церкви.

Затем отец Иона был переведен в город Одессу, где и служил в Успенском соборе. А в последние годы жизни был настоятелем Свято-Николаевской приморской портовой церкви.

Умер отец Иона после тяжелой продолжительной болезни в 1924 году, 17 мая.

Похороны его были необыкновенные, грандиозные. Не только все население города Одессы, все нищие, все так называемые “босяки”, благодетелем которых был отец Иона, все грузчики, пор-

---

* Вероятно, местным, сельским миссионером; а, кроме того, были уездные и епархиальные миссионеры.

товые рабочие, знавшие и любившие Батюшку, люди из окрестных сел, деревень, ближайших городов съехались хоронить своего молитвенника и благодетеля.

Власти запретили хоронить его в воскресенье, не желая громадного скопления людей. Но в понедельник съехалось еще больше народа. Вся громадная лестница города Одессы, внизу которой находилась церковь Святого Николая и дом, где Батюшка Иона жил, и набережная, — были так густо запружены народом, что гроб отца Ионы, несенный на руках почитателей, крайне медленно двигался. Рабочие просили задержать вынос тела до 4 часов вечера, когда оканчивался их трудовой день. Несли гроб на кладбище с 4 часов вечера до глубокой ночи и спустили в могилу лишь в 12 часов ночи: так медленно, торжественно, с частыми зауспокойными литиями, несли многострадальное тело дорогого отца Ионы.

Батюшка запретил хоронить себя в своей портовой церкви Святого Николая, сказав пророчески: “Церковь разорят, храма этого не будет”. Отец Иона заповедал похоронить себя среди природы, которую он очень любил: “Чтобы птичка могла пропеть надо мной”; “храма не стройте; похороните около родных!”

Предсказание его исполнилось: церковь разорили, не осталось и следа от бывшего храма».

Милосердие к людям

«Отец Иона отличался любовью и милосердием к людям. С юности любил помогать больным и бедным. Много добра делал он так называемым “босякам”, одесским нищим, людям, опустившим-

ся до последней ступени: он наделял их одеждой, пищей, давая им билеты в столовые. При церкви им была устроена странноприимница, в которой зимой жило много “босяков”, странников и исцеленных им бесноватых. Исповедью, Причастием, молитвами и беседами он возвращал их снова к жизни, и они становились людьми честными и порядочными.

Это был второй Иоанн Кронштадтский, только на юге: славился такими же добрыми делами, какими и его сомолитвенник на севере. Когда с юга приезжали к отцу Иоанну Кронштадтскому, он говорил: “Зачем вы ко мне приехали? У вас есть свой Иоанн Кронштадтский — отец Иона!” Между ними, этими двумя светильниками, была взаимная любовь и дружба. Отец Иоанн Кронштадтский в знак любви прислал в подарок чудное белое облачение с отделкой василькового цвета и с такого же цвета поручами необычайной красоты! Батюшка Иона очень любил это облачение: вид его был неземной в нем.

Отец Иона отличался музыкальностью, любил пение и сам сочинял музыку на многие духовные слова и стихиры. Вся служба Успению Божией Матери пелась в его храме на умиленные, трогательные, нежные напевы, написанные им самим. Особенно была хороша музыка на слова светильна: “Апостоли, совокупльшесь zde! В Гефсиманийстей веси погребите тело Мое”*, — и прочее.

По воскресным дням и в большие праздники, после обедни, отец Иона приходил в странно-

---

* Вероятно, это напев праздника, написанный в древнем обиходе, — действительно умиленный и тихий.

приимницу на обед, устраиваемый странникам, нищим, бедным приезжим. Около него за столом помещался хор певчих. По окончании обеда хор пел духовные кантаты, переложенные на музыку отцом Ионой».

Молитва и пост отца Ионы

«Во время обедни в церкви отца Ионы стояла необычайная глубокая тишина: сильная молитва его увлекала всех молящихся, они тоже горячо молились. Проникновенная глубокая вера слышалась в его молитве: он с Господом говорил, как с Живым Лицем, пред Которым он стоит и зрит Его.

Однажды одна его духовная дочь была свидетельницей силы его молитвы: 16 августа, в день Нерукотворенного Спаса, по окончании обедни, Батюшка в облачении сошел с солеи, подошел к большому образу Нерукотворенного Спаса, стоявшему в его храме с правой стороны, опустился на колени пред ним со словами: “Пречистому образу Твоему поклоняемся, Благий!” В этот момент лик Христа Спасителя сделался совершенно живым, ожил.

С такой силой и живой глубокой верой произносил слова молитвы дорогой отец Иона.

Святую Четыредесятницу Батюшка проводил очень строго: не вкушал ничего, кроме Причастия. Из церкви домой не ходил. Изредка выходил в находившуюся рядом с алтарем комнатку, в которую никто не имел доступа, кроме него; в ней помещался громадный, во всю стену, образ преподобного Серафима Саровского, которого отец Иона очень чтит.

Духовные дети Батюшки, с его благословения, вели так же строгий пост следующим образом: в понедельник и вторник ничего не вкушали; в среду причащались и вкушали хлеб, который Батюшка раздавал по окончании обедни; в четверг — ничего не вкушали; в пятницу причащались и вкушали хлеб с чаем; в субботу вкушали вареное без елея; в воскресенье — причащались и вкушали вареное с елеем. И таким образом проводили весь пост. В конце поста, как передавала одна его духовная дочь, проводившая так пост, она перестала ощущать вес своего тела: такая была легкость и радость духовная, по молитвам отца Ионы.

По окончании всякой обедни Батюшка раздавал хлеб*, под умиленное пение псалма 33-го: «Благословлю Господа на всякое время». Отцу Ионе было указание: не читать, а петь этот псалом».

Благодатные дары

«Рано в нем стала действовать и проявляться благодать Святого Духа.

Будучи еще диаконом, он стал совершать чудеса... Умерла его старшая дочь Вера, еще младенцем. Отец Иона взял мертвое дитя на руки, стал на колени пред образом Божией Матери и начал молиться. Ребенок мало-помалу стал оживать и вернулся к жизни. Эта дочь была любимая и пережила своего отца.

Много чудес совершал Господь через отца Иону: слепые прозревали, бесноватые и больные исцелялись.

---

* Антидор — который полагается всегда раздавать.

В городе Одессе жил известный доктор, профессор Филатов*. Принесли слепого ребенка к отцу Ионе. Он велел показать его Филатову. Профессор осматривает его и говорит: “Безнадежен”. Возвращаются родители к Батюшке с ответом Филатова. Отец Иона становится на колени, молится о даровании зрения ребенку; дитя прозревает. Батюшка снова отправляет родителей с исцеленным к Филатову. Профессор в недоумении разводит руками.

У одного крестьянина был сын слепорожденный. Мальчику было двенадцать лет. Услышав, что отец Иона исцеляет слепых, крестьянин привез сына к Батюшке. Отец Иона отправил родителей с сыном к Филатову. “Только чудо может помочь ему!” — сказал профессор. Родители вернулись к отцу Ионе. Батюшка предложил оставить мальчика у себя. Дело было в Великом посту. Отец Иона начал молиться о слепом и причащать его.

Через две недели мальчик прозрел.

После этого случая Филатов стал посещать отца Иону и сделался его другом. Когда спрашивали его, как он нашел способ пересадки ткани, он отвечал: “При помощи молитв отца Ионы”.

Как-то ксендзы, услышав про чудесные дела отца Ионы, про изгнание бесов и прочее, пришли в церковь его, желая убедиться в истинности ходивших о нем слухов. С сомнением и любопытством ждали они случая проявления благодатной

---

* Филатов Владимир Петрович. Он и сейчас еще жив. И я переписывался с ним (1954–1955). Адрес его: Одесса, Пролетарский бульвар (ныне — Французский бульвар. — *Ред.*), 43, 14. Глубоко верующий.

силы отца Ионы... Привели бесноватых. Вдруг они бросились на ксендзов, стали их бить и кричать: “Что пришли смотреть, что с нами делает и как нас изгоняет Иона?”

В другой же раз привели к отцу Ионе бесноватого. Больной стал кричать. Батюшка, после молитвы, сказал духу:

— Выйди из него!

— Я — страшный! — отвечал бес.

— Праведник тебя не боится, а грешный не увидит. Выйди! — тебе говорю!

— Я — страшный! — снова повторяет бес.

— Праведник тебя не боится, а грешный не увидит! — говорит опять отец Иона.

И так три раза. За третьим разом бес вышел.

За изгнание бесов враг жестоко мстил семье отца Ионы.

Стоило ему изгнать беса, как в доме происходил пожар, без всякой причины, или кошки бесились, так что измученная семья не любила, когда приводили бесноватых для исцеления, зная, что снова будут беды.

<...>

Совершая панихиды, молитвы за усопших, отец Иона часто видел в кафельном дыму лица улыбавшихся ему усопших, за которых он возносил молитвы.

У одной еврейки, жившей в Одессе, умирали дети в младенческом возрасте; уже умерло одиннадцать детей. Когда родился двенадцатый ребенок, девочка, мать сильно скорбела, ожидая такой же участи и для нее. Кто-то научил мать обратиться к отцу Ионе и просить его молитв о сохранении жизни девочки. Мать послушалась,

пришла в храм. Люди не хотели пускать ее и даже передавать ее просьбу.

Услышав шум, Батюшка вышел из алтаря и сказал: “Пустите ее!” И обратившись к еврейке, спросил: “Что вам надо?” Женщина со слезами рассказала о своем горе, умоляя помочь ей. Отец Иона положил руку на голову девочки и сказал: “Будет жить”. Ребенок остался жить, и в 1948 году это была уже взрослая женщина.

Во время обновленчества он один удержал и сохранил чистоту веры в Одессе. Все священники зашатались и впали в обновленчество. Позже, убедившись в своей ошибке, они приходили каяться к отцу Ионе и при этом кланялись ему в ноги, прося прощения. Батюшка им говорил: “Кланяйтесь не мне, а народу, который вы ввели в заблуждение!” Кающиеся священники выходили на амвон, становились на колени, кланялись людям, прося прощения. Тогда только отец Иона воссоединял их с Православной Церковью.

Много горя, бед, скорбей причинили ему обновленцы; хотели выслать его. Но Господь охранял его, как Своего избранника.

Батюшка Иона окормлял два женских монастыря: Михайловский, расположенный в городе¹¹, и Благовещенский, находившийся верст за 25 от Одессы¹². Окормлял он и великосветское общество в городе, действуя своим благодатным словом и молитвами. Одна из женщин, муж которой занимал видный пост, говорила описательнице сего жития: “Мы сидели и в театре, когда того требовало служебное положение мужа, в парижских шляпках, — но творили молитву Иисусову”».

Скорби Батюшки

«Много гонений и бед перенес отец Иона не только от врагов невидимых, но и видимых. Однажды на него напала толпа неверующих матросов, повалила его и стала душить, повредила ему голосовые связки настолько, что последние годы жизни отец Иона говорил так тихо, что дьячок специально стоял у дверей алтаря во время богослужения и передавал возгласы Батюшки.

Много клеветы и злобы перенес отец Иона от завистников и злобных людей. Его родная дочь причиняла много горя ему. Перед своею смертью он сказал ей: “Я вымолю тебе у Бога спасительную смерть для покрытия твоих грехов и для спасения!” В последствии она сошла с ума и попала в дом умалишенных. Когда пришли немцы, они расстреляли ее, вместе с другими психически-больными.

Много горя причинила ему одна из его духовных дочерей, инокиня М. Она была одной из любимых им дочерей. Талантливая художница, она стала орудием дьявола: пленившись молодым иноком, она впала с ним в грех; и вместе уехали на Новый Афон. По дороге она сходила с парохода на берег и разливала яд клеветы на отца Иону, понося его доброе имя... Враг мстил отцу Ионе и через его родных детей: почти все они были неудачники, несчастны: из школ изгоняли их, неудачи преследовали их, браки были несчастливы.

Все это было мезтью дьявола.

Однажды, сидя в кресле в алтаре и молясь Божией Матери, отец Иона увидел беса, вышедшего из-под престола в виде маленького ребенка. Батюшка спросил:

— Как ты попал сюда?

Бес ответил:

— А ты все молишься Божией Матерью?! У-у: если б не Она!.. Ну, я тебе отомщу на твоих детях!

И исчез.

Отец Иона вышел тогда из алтаря и говорит дьячку: “Пойди-ка, выведи старуху из бокового коридорчика!” Тот пошел. Но не успел он дойти, как бес тот вихрем пронесся по церкви и исчез.

Отец Иона, как и большинство угодников Божьих, любил Матерь Божию и всегда молился Ей. Как-то, вынимая частицы на проскомидии, он вынул частицу со словами: “Помилуй, Господи, всех земных и преисподних!” Бесы закричали в храме: “Не молись за нас, старик!”

Одна дама, слыша об отце Ионе, понесла своего тяжелобольного ребенка к нему и пожелала отслужить молебен отдельно. Батюшка сказал ей: “Солнце светит для всех одинаково; и благодать и милость Господа — для всех одинаковы: молитесь вместе в общем молебне”. “Станьте все на колени!” Дама тоже опустилась с больным ребенком на колени, но так как ребенок был тяжел, она потом встала. Стояла она от отца Ионы на расстоянии несколько шагов позади: видеть глазами, что она встала, Батюшка не мог. Вдруг он говорит псаломщику: “Пойди, скажи женщине с ребенком, чтобы она встала на колени!”

Дрожь прошла по телу ее, пораженной прозорливостью его. Ребенок поправился.

В последние годы своей жизни, предвидя будущие скорби, отец Иона в церкви Благовещенского монастыря сказал: “Я вижу 200 венцов мучени-

ческих над сестрами!” Во время гонения двести инокинь были замучены...»

Видения и чудеса Батюшки

«Чудные дела открывал Господь отцу Ионе.

Некоторые видения Батюшка записывал на полях богослужебных книг.

В начале Японской войны 1905 года было следующее видение: он увидел крест, на кресте — распятый Христос, а под крестом сидел японский микадо. Микадо говорит:

— Господи! Пошли мне победу.

Господь отвечает:

— Ты — язычник.

— А я прослаблю имя Твое! — говорит микадо.

Победа была у японцев.

В Японскую войну и стихии помогали японцам: ветер дул в ту сторону, куда летели их снаряды, и прочее.

Однажды отец Иона за всеюнощной стоял у престола. И вдруг он смолк, застыл, а через некоторое время, подняв руки, стал восклицать: “Хвалите имя Господне! Хвалите имя Господне!.. Аллилуиа, аллилуиа!” Так, с поднятыми вверх руками, всего в слезах, с этими словами, увели его из церкви домой, не окончившего службу. Присутствующие поняли, что Батюшке было видение. Старшая его дочь Вера видела только часть видения: огнем наполнился весь алтарь. А позже отец Иона рассказал, что он видел: шел Христос, а за Ним — священники, раздиравшие на Нем ризы. Рядом с Господом шел преподобный Серафим и горько плакал. А Господь сказал ему: **“Не плачь: они покаются!”**»

О других чудесах уже говорилось.

Исчезновения и появления Батюшки*

«Необыкновенные явления происходили с отцом Ионой.

Часто, уйдя в свою спальню в присутствии семьи, Батюшка исчезал и в то же время внезапно появлялся на отдаленном хуторе за городом, в котором жили исцеленные им бесноватые. Или: уходил из дома и непостижимым человеческому уму образом вдруг оказывался в своей спальне при закрытых дверях.

Однажды отец Иона отправился вместе со своим пономарем в окормляемый им Михайловский женский монастырь. Отслужив там все-нощную, Батюшка возвращался домой. Дойдя до лестницы, внизу которой находился храм и дом, где отец Иона жил, Батюшка вдруг исчез. Остались только сапоги около лестницы, которые пономарь и принес домой. В ту же ночь ехали на телеге крестьяне, муж с женой, в город и, подъехав на рассвете к Благовещенскому монастырю, находившемуся на пути к городу, увидели перед воротами монастыря стоявшего на коленях священника. Подъехав ближе, они нашли рясу священника, а сам он исчез. Взяв рясу, крестьяне приехали в город, пришли в храм отца Ионы, рассказали о виденном и показали рясу. Прислужники узнали рясу Батюшки. А отец

* Эти необыкновенные явления давно известны из жизни святых: мы знаем про апостола Филиппа, исчезнувшего после крещения евнуха (см.: Деян. 8, 26–40); много раз преподобный Серафим являлся в Дивеево. Знают это даже светские люди, иностранцы: они называют это — «экстерриториальностью». Об этом я читал в сентябре нынешнего года (1955. — *Ред.*) у архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого. — *Ред.*). С отцом Ионой это совершалось часто.

Иона на рассвете очутился в своей спальне в одном белье.

Отдавши рясу и помолившись, крестьяне отправились на постоялый двор, но не нашли там лошадей, оставленных утром; лошади пропали. Прибежали они к Батюшке в слезах со своей бедой. Отец Иона сказал крестьянину: “Пойди в (такой-то) постоялый двор, там найдешь коней и уведи их”. Кони нашлись.

Необыкновенный поразительный случай произошел с отцом Ионой летом в Кишиневе, описанный в местной газете. Статья называется: “Что это такое? Сон это или явь?”

В июне месяце (такого-то числа) одна женщина пошла на кладбище на могилу матери. Там она вдруг услышала чудное тихое пение. Повернувшись на голос, она увидела высокого бледного священника, певшего “Святой Боже”. Она подошла ближе, священник ушел вперед. И как она ни старалась приблизиться к нему, не могла: священник не ходил, а как бы летал по могилкам, молясь и разговаривая с покойниками... Долго женщина гонялась за незнакомым священником, из сил выбилась.

Вдруг священник сел на могилку, вытащил просфору и раскрошил ее муравьям; и потом поднял голову и сказал ей: “Ну, ты, бедная Наталка, устала, за мной гоняясь? На, тебе просфору”. С этими словами он подал ей кусочек просфоры и прибавил: “Несчастливая ты, не говела уже 15 лет!”

...И исчез!

Пораженная его словами и ничего не понимая, женщина стала бегать по кладбищу, искать его, но нигде не нашла.

Усталая, измученная, вернулась она домой. Но спать не могла: все ей чудился бледный священник с кроткими глазами и тихим голосом.

Рано утром, после бессонной ночи, вышла она из дома и подошла к соборной площади. Около собора она увидела двух ночных сторожей, споривших между собою. Один говорил: “Это был Иоанн Кронштадтский”. Другой возражал: “Нет, отец Иоанн был невысокого роста; а этот священник — высокий”. Когда она подошла к ним ближе, сторожа рассказали ей следующее.

Вчера утром на рассвете они увидели на небе черное пятно, несущееся к городу. Они думали, что это аэроплан. Пятно приблизилось, и стало видно, что это была огромная стая воронов, а в середине — человек, которого вороны клевали, и он отбивался от них палкой. Стая спустилась на соборной площади и снова поднялась, и разлетелась на деревья и купол собора. А человек, поднявшись с земли, погрозил им палкой, сказав: “У, проклятые! Разлетелись?!”

Это был священник с бледным лицом высокого роста.

Он стал вытирать с лица пот и кровь. Потом он подошел к церковным дверям, вошел в собор и стал молиться с поклонами. Окончилась утренняя и обедня. Незнакомый священник подошел к кресту. Местный священник подал ему просфору и спросил: “Кто вы? и откуда?” Незнакомец, ничего не ответив, вышел из собора. На паперти он стал раздавать деньги нищим. Одним из них сказал: “Вы — пьяницы, все равно пропьете”, — и ничего не дал им. Одной старушке дал монету со словами: “Ты — труженица, молишься за мир!”

И исчез.

Услышав все это, женщина догадалась, что это — тот же самый священник, которого она видела на кладбище... Она совсем потеряла сон. У нее было одно желание: найти этого священника. Стала она ездить по городам, обходя церкви в поисках его. Приехала в Одессу, пришла в церковь святого Николая. Увидела отца Иону и, закричав: “Это он!” — упала в обморок. Придя в себя, она рассказала все отцу Ионе, оставив кишиневскую газету...

Духовная дочь отца Ионы, описательница сего, будучи в Москве, рассказала об этом случае одному духовному старцу. Старец пояснил ей: “Отца Иону Ангелы переносили в разные места. Бесы видели это и похитили его и перенесли в Кишинев. А Ангелы снова вернули его домой!”»

После смерти

«В 1947 году больная припадками пришла на могилку Батюшки, плакала, молилась и упала около могилки, испуская пену. Очнувшись, больная почувствовала себя здоровой; припадки с той поры прекратились.

***

Зубной врач, еврейка, опасно заболела. Доктора советовали ей операцию, так как положение больной было серьезное. Верующие соседи посоветовали ей сходить на могилку отца Ионы. Тяжелобольную с трудом доставили до могилы. По возвращении домой из больного места стал истекать гной, и она поправилась...

***

Описательница сего жития после смерти Батюшки получила целую коробку хлеба, который по окончании обедни раздавал, бывало, отец Иона... Она узнала, что с ее родственницей произошло несчастье: вспыхнула бензинка, залила родственницу бензином, и она превратилась в горящий факел. Растерявшись, она стала бегать по двору и кричать. Пока сбежавшиеся на ее крик люди погасили огонь; ноги, живот, грудь представляли сплошной пузырь. Узнав об этом несчастье ее, <...> отправилась в больницу и дала ей съесть кусочек хлеба отца Ионы. Ожоги были признаны смертельными. Но по молитвам Батюшки она осталась жива и поправилась.

<...>

***

Одна из духовных дочерей отца Ионы видела явно своего Ангела хранителя — высокого роста, в белом... Эту дочь Батюшка прежде отправлял на беседы с обновленцами.

***

Умер отец Иона от уремии. Спальной Батюшки была маленькая, узенькая комнатка, где стояли кровать, кресло и простой деревянный шкаф, в котором под стеклом находилось много икон.

На 20-й день <после> смерти отца Ионы почитатели посещали эту спальную. В кресле всегда сидел отец Иона, так как лежать он не мог; в нем он и умер. С одной посетительницей был маленький ребенок. Войдя в комнату, дитя, указывая матери на кресло, сказало: “Дедушка сидит”.

В своей спальней отец Иона принимал посетителей, сидя в том кресле, в котором он провел последние дни земной жизни.

***

Известен был отец Иона не только в своей стране, но и за границей, получая, как и отец Иоанн Кронштадтский, письма, телеграммы с просьбой помолиться о болящих и страждущих, а также и благодарственные письма от получивших, по его молитвам, исцеление и помощь.

***

Между прочим, отец Иона верил в силу родительских молитв. И в тяжелых или неприятных случаях всегда ходил молиться на могилку родных.

Увидел во сне отец Иона умершего брата своего всего в огне. Утром следующего дня он отслужил обедню за него. В следующую ночь отец Иона увидел брата снова, но уже не всего в огне, а лишь до колен. Снова отслужил обедню и увидел его — уже освобожденным от огня.

Конец».

Р. S. За молитвы отца Ионы, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй и меня, переписчика жития. — М. В.

КРЫМСКИЕ ПОДВИЖНИКИ

Архимандрит Тихон

Архимандрит Тихон, в миру Тимофей Климентьевич Богуславец, родился в 1859 году; умер в 1950 году, 30 января.

Родился он в простой семье, получил техническое образование. Был на военной службе — моряком на корабле, участвовал в заграничном плавании. С детства имел дар воздержания: никогда не вкушал мяса, сала не мог принимать. Среди моряков выделялся своим целомудрием. Офицеры любили его за чистоту, целомудрие, честность, во всем сдержанность и исполнительность. По окончании военной службы он поступил в монастырь близ Инкермана возле Севастополя¹³.

Игумен, желая испытать Тимофея, подвел его к уборным, приказал очистить их.

— Где черпак и ведро? — спросил он.

И в своем чистом костюме принялся за дело. Отец игумен сразу принял. Шестьдесят лет отец Тихон — такое имя дано было при постриге — провел в иноческом чине.

Посещая город, он надевал заплатанную рясу и лапти, чтобы не тщеславиться.

Из Инкермана он переведен был игуменом в Георгиевский монастырь¹⁴, в 11 верстах к востоку от Севастополя, на спуске с горы к Черному морю. Но потом он снова возвращен в Инкерманский монастырь, где жил в пещере, вырубленной в каменной скале. Их было много, в римские времена сюда ссылали христиан и заставляли их вытесывать из гор прекрасный камень. Сюда был сослан и Климент, папа Римский, и папа Мартин¹⁵, и многие тысячи простых христиан, и преступники. Во время гонений на христиан отец Тихон удален был и отсюда. Он ушел на Украину, последние же годы жил в С. И все время тосковал по монастырю.

— В монастыре тебя в Царство Небесное в спину толкают, — говорил он.

Он был духовным сыном Оптинского старца отца Амвросия. Последний, под видом некой юродивости, дал отцу Тихону заповедь:

— Будь почудаковатее!

И поэтому он всегда шутил, смеялся, рассказывал веселые случаи, поговорки и прочее. Жалобы, уныние, огорчение — не были знакомы ему, особенно на людях, а сердечный плач он скрывал. Лицо у него всегда было светлое, сияющее, розовое, без единой морщинки. И в девяносто лет он был бодр и весел и не походил на старика.

Но в присутствии тех, кому он доверял, был строг и серьезен.

Он был наделен от Бога даром старчества. Рассказывается об этом несколько случаев.

Одна пожилая женщина, потерявшая в войну единственного сына и здоровье, оглянувшись на свою жизнь, пришла в отчаяние от множества своих грехов. Она была даже вовлечена в союз безбожников. Но не ответила прямо на вопрос, верующая ли она. Услышав про отца Тихона, она поехала к нему. Хозяйка дома, где он жил, непустила ее. Озадаченная, она осталась около закрытой перед нею двери. Вдруг она отворилась, и ее позвала к старцу хозяйка. Войдя в его комнату, женщина зарыдала и не могла сказать ни слова... Успокоившись, она открыла все, сказала и об отчаянии. Старец ответил ей:

— Вот отчаяние больше всех ваших грехов! А у Бога милости на всех хватит!

Получив благословение и указание, как ей жить дальше, она ушла от него успокоенная, как будто бы она все грехи свои оставила у него.

Другой случай. Девушка-сиротка пережила в конце осады Севастополя немцами страшное горе: на ее глазах в убежище, разбитом снарядами немцев, сгорела ее мать. Она сидела в стороне и ждала, когда останутся от матери хоть кости. Полубезумная, полураздетая, она отправилась в Б-ву, чтобы там схоронить останки. За ней пошел из С. священник, знавший ее; он принял ее и похоронил кости в своем саду. Поселившись в С., она узнала об отце Тихоне и привязалась к нему. Но скоро она заболела психически; ее отправили в больницу. Когда она оправилась, старец предложил ей делать массаж, будто бы он страдает ногами; девушка была знакома с массажем. Отец же архимандрит все время что-нибудь говорил ей. И она совсем выздоровела...

Многих сироток он воспитал и дал им возможность обучиться; и теперь они в М. и в С. работают по бухгалтерии.

Однажды к нему приехала игуменья закрытого монастыря М-я с келейницей. Он поместил их в одной семье и питал их несколько лет.

В последние годы, когда в Крым был назначен известный ученый-хирург, архиепископ Лука¹⁶, отец Тихон был его духовником; и назначен духовником всей Крымской епархии. Он очень чтил его. Узнав о смерти старца, архиепископ Лука бросился ему на грудь в слезах со словами:

— На кого ты меня оставил?

За 20 дней до смерти старец перестал принимать пищу, ничего не вкушал, кроме Причастия, — а причащали его через день... Перед смертью соборовали его¹⁷.

Иеросхимонах Серафим

Иеросхимонах Серафим был из простого звания. Братия, по наваждению врага, не любили его. Из обителей гнали его и считали недостойным постригать его в иноческий чин. В конце концов приняли в Херсонесский монастырь. Здесь он и прожил большую половину своей жизни, неся всякие послушания. А последние годы, приняв схиму, провел почти в затворе. Там он не принимал к себе почти никого. Вел строгую подвижническую жизнь. В келии его висело изображение Страшного Суда и стоял гроб, в котором старец и почивал. В изголовье лежал камень с углублением для головы. Но в последние годы жизни двери его келии открылись для простых людей,

ищущих спасения души. Особенно стремились к нему старушки-странницы и ищущие спасения в миру.

Однажды пришла к нему П. с маленькой дочкой.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он ее.

— Ты — мертвый батюшка! — ответила она в простоте.

— Воистину тебе Ангел возвестил, что я — мертвый.

Перед смертью посетили его три преданные ему старушки. Одной он сказал:

— Ты сама не съешь, а все мне несешь.

Другой напроорочил:

— А ты, Анна, останешься со скорбями до самой смерти.

И это действительно сбылось.

Третьей ничего не сказал, а только снял шарф с ее головы и вытер себе глаза. И под конец ее жизни дочь и зять повыбрасывали все ее иконы. И она от слез ослепла.

Предвидя будущее гонение на Церковь, монастыри, на священников, монахов, вообще верующих, старец говорил:

— Горе на земле, горе и на море, горе и на реках.

Спустя некоторое время после смерти его один инок Херсонесской обители стоял около его могилы и подумал:

«Вот батюшка Серафим помер, и ничего от него не осталось: прах, и больше ничего!»

Глядь, а батюшка идет живой к собору... Инок бросился за ним бежать. Но отец Серафим дошел до собора, вошел через дверь и исчез.

— Вот тебе и прах! — воскликнул инок. —
Батюшка жив!

Иеромонах Ксенофонт

Отец Ксенофонт сначала был иноком в Киевском монастыре, потом, еще до закрытия Херсонесской обители, переехал в С.

Во время обновленчества все священнослужители города С. зашатались и отошли от Православной Церкви. И лишь один, небольшого роста, незаметный и малоизвестный священник, отец Агапит, сохранил Православие.

В это время Господь послал православно-го епископа Сергия 3-ва¹⁸, он воссоединил с Православной Церковью кающихся священников. Между прочим, он обратил внимание на инокка Ксенофонта и рукоположил его в иеромонаха. Церковные службы он, как малообразованный, проводил с трудом; но во время гонения от отступников он прославился в С. своим усердием к верующим. Монахи и священники были сосланы; церкви разорены или закрыты. И вот в это время отца Ксенофонта Господь оставил на утешение христианам. Он жил в городе тайно: ночевал в сараях, в собачьих конурах. Но по вечерам и ночам, и в ненастную погоду, и в морозы он обходил христианские дома: исповедовал, причащал, крестил, напутствовал умирающих, навещал больных, приводил к покаянию отступников или забывших Бога.

В таких подвигах и злостраданиях, без крова и пищи, отец Ксенофонт провел несколько лет, подвергаясь постоянным опасностям от злых и неверующих людей.

Во время переписи о вере и неверии некоторые, страха ради, отрекались от Христа и объявляли себя неверующими; одни из них вскоре умирали внезапно; другие мучились в совести и заболели; меньшая часть — одиночки — каялись. И таких кающихся отец Ксенофонт, ходя к ним ночью, воссоединял Исповедью и Причастием.

Но в конце концов пришлось и ему выехать из города. Поселился он в нескольких километрах от С., у чудного и большой доброты священника отца А., дававшего приют всем гонимым и бесприютным. Царство ему Небесное!

Здесь отец Ксенофонт продолжал нести прежние подвиги и посещения, как и в С. Но только у него теперь было пристанище. Днем он старательно вычитывал правила, а по ночам вычитывал многочисленные записки о здравии и упокоении, подаваемые ему верующими. Читал он их медленно, с трудом, часами.

И точно придерживался устава святых отцов. И непременно требовал такой же исполнительности и от других, например, где полагалось произносить 40 раз «Господи, помилуй», чтобы так и делали.

— А зачем же, — говорил он, — отцы и устанавливали это? Раз заповедовали сорок, надо столько и читать!

Не любил, когда приходили к нему духовные дочери в шляпках. И говорил им:

— Матерь Божия таких не носила. Надень платок!

Часто повторял приходившим:

— Надо иметь живую веру! Как рыбу в воде, птицу в воздухе, так и нас окружает благодать Божия!

Боролся он и против вкуса таким образом: борщ, кашу, кисель или что-нибудь другое смешивал вместе и потом вкушал.

Лицо у него было серенькое, незаметное, как у самых заурядных монахов. Но к концу жизни оно сделалось светлым, прозрачным, очень приятным, как лицо святого, совершенно непохожим на прежнее.

В последние годы его жизни Господь даровал ему отдых: одна добрая христианка, по указанию Божью, построила в своем доме комнатку, взяла старца к себе и посвятила себя уходу за болящим и ослабевшим подвижником. Из этой комнаты отец Ксенофонт никуда уже не мог выходить и в ней совершал все службы. И в эту домашнюю церковь собирались все почитатели старца.

К концу жизни он страдал болезнью сердца и отеком ног. Ничто не помогало ему: ни лекарства, ни пища...

Стал проявляться в нем дар прозорливости... Не раз он предсказывал: «Много крови будет всюду... Кровь... кровь. А в этом доме (где он скончался) не будет».

Перед смертью отеки ног и живота еще более увеличились: ноги были как столбы. Но после смерти отеки исчезли и все тело сделалось худеньким-худеньким.

Скончался отец Ксенофонт в 1946 году.

Иеросхимонах Софроний

В 22 верстах от города Ялты, в глубине Крымских гор, покрытых густым лесом вековых деревьев, на небольшой поляне, расположенной у подошвы горы, находился маленький скит, назы-

ваемый «Софрониева пустынь». Скит был женский, мал и беден. В нем не было ни ограды, ни ворот. У входа в дом скитниц на согнувшемся толстом стволе громадного старого дерева висело несколько маленьких колоколов. Управлял скитом иеросхимонах Софроний, отличавшийся простотой и смирением. Он жил в маленькой келейке, примыкавшей к церкви, устроенной вплотную у самой горы. В келии было небольшое оконце, выходившее в церковь: через него старец выслушивал все службы и правила, совершаемые отцом иеромонахом Нонном, худеньким, истощенным от поста и молчаливым человеком.

Поздним вечером монахиня на коленях вычитывала правила, каноны Иисусу Сладчайшему, Матери Божией, Ангелу хранителю. И тотчас же, в 12 часов ночи, начиналась полунощница, утренняя; вычитывались правила к Причастию. Оканчивалось это рано утром.

Весь день жившие в скиту проводили в утомительном труде. Сна было мало.

Отец Софроний был прозорлив.

Однажды в скит пришли два студента. Перед их приходом он велел трезвонить в колокола, сказав:

— К нам идут епископ и священник!

Действительно, один из них стал после епископом; а другой в том же скиту принял иночество с именем Серафим и впоследствии рукоположен в иеромонахи. Он был любимым учеником старца Софрония: отличался духовным трезвением, глубокой внутренней жизнью и смирением; весь был в молитве, забывая все окружающее.

Однажды отец Софроний с иноком Серафимом предприняли богомолье в Киево-Печерскую Лавру. На обратном пути они заехали в С., обошли окружающие монастыри и пришли в Херсонесскую обитель к празднику Рождества Богоматери, в честь коего был освящен нижний храм собора. Народа было много. Старец не желал, чтобы узнали о нем. Но каким-то образом люди узнали и бросились к нему за благословением и с разными вопросами. Батюшка сильно этим расстроился. А на другой день они тайно ушли в Георгиевский монастырь.

Там враг устроил им искушение. Иноки были оттуда уже изгнаны. Новые жильцы, неверующие, захватили старца с Серафимом, арестовали и заперли в одну из келий. Но с Божией помощью они чудом выбрались оттуда ночью и убежали опять в С., к одной старушке, знакомой им по скиту.

Она, добрейшей души человек, тотчас позаботилась об угощении. После завтрака она приготовила обед и предложила гостям.

— Что это? Недавно вкушали и опять? Постникам тяжело нарушать воздержание!

Ночевать в комнате они отказались. Тогда кровати поставили им во дворе, но они, тайно от хозяев, простояли почти всю ночь в молитве, по разным углам двора.

После и они — отец Софроний, отец Нонн и отец Серафим — были изгнаны из скита и двое высланы в суровый край на север, где и скончались. А отец Софроний, одинокий и больной, выслан был на Украину, где вскоре умер...

Скит был разрушен...

Схимонахиня Серафима

Ее звали в миру Прасковья Фоминична Шкотова.

Рано овдовела она: 22-х лет. Муж ее был ранен на войне и умер. После смерти его она раздала все и ушла пешком в Почаевскую Лавру. Там она была тайно пострижена в иночество с именем Серафимы и воротилась в С., где у нее оставались два брата. Вскоре они уехали на А. и там тоже приняли иночество.

Оставшись одна, Прасковья Фоминична начала вести строго подвижническую жизнь: ночью простаивала на коленях на камне во дворе, вкушала мало, все прочее время проводила в непрестанной молитве. Свое схимонашество несла тайно, но носила длинную монашескую мантию и по улицам, за что над ней насмехались и считали ее ненормальной. Но другие видели в ней юродствующую подвижницу. Одна благочестивая женщина, Е. С., стала заходить к ней и прислуживать. А других пускала она к себе по строгому выбору.

Скоро она стала предсказывать. Между прочим, говорила, что в С. будет великое разрушение и прольется много крови.

Однажды пришел к ней шедший на войну человек. И вдруг мать Серафима закричала на него:

— Вон отсюда! Прогоните пса! Кто это впустил пса? Кровосмеситель! Пшел, пес, отсюда!

Действительно, он жил незаконно с двоюродной сестрой.

Пораженный, он упал перед ней на колени, прося прощения и благословения на войну...

Вдруг она произнесла: «Дзинь, — и схватилась за свое ухо. — Ишь ты! Обожгло ухо!», а через несколько минут схватила себя за ногу и сказала: «Обожгло кожу немного!»

Он покаялся и получил благословение. Во время сражения одна пуля пролетела мимо уха, оцарапав его; другая пробила шинель и задела кожу ноги.

Были и другие случаи прозорливости.

Умерла мать Серафима в 189... году. Местные люди благоговейно чтили ее память.

Странник

Этот странник — Л. В. С-в — происходил из богатой семьи; получил прекрасное образование и хорошее домашнее воспитание. Отец его женился поздно, лет сорока. Мать его, София, была благородной чистой личностью и умной по природе; сама следила за воспитанием детей, хотя были и гувернантки у них. Семья состояла из троих сыновей и трех дочерей. Один из сыновей, М-л, офицер, погиб на войне, другой, Е-ний, окончил М. университет, был блестящим юристом. К ним в дом приходила молодая красивая девушка-еврейка, она торговала на улице папиросами, а к ним ходила набивать папиросы для красивого Евгения. Тайно от родителей он вступил в незаконную связь с этой девушкой. Но мать его, София, узнав об этом грехе, пригласила к себе ее (имя ее было Раиса) и заставила своего сына, избалованного юриста, жениться законным браком на этой девушке с улицы. Из нее, под влиянием матери мужа, вышла прекрасная женщина и ревностная христианка. Впоследствии Евгений стал

священником, а во время гонений был отправлен в ссылку в Сибирь, где и скончался. Раиса окончила свою жизнь мученически: вместе со своим сыном она была расстреляна немцами как еврейка — несмотря на то, что была крещена.

Третий сын, Леонид, отличался особой религиозностью: еще будучи студентом Московского университета, он посещал Троице-Сергиеву Лавру. Там он познакомился с духоносным старцем Алексием¹⁹, который вынимал жребий на патриарха (и выпал жребий на митрополита Тихона).

Старец заповедал Леониду чаще креститься. Еще студентом он был взят на войну 1914 года; и всех удивлял тем, что часто крестился. Солдаты его любили, товарищи-офицеры дивились, считая его поведение чудачеством. По окончании войны умерла его сестра Мария, особенно любимая им. Это совсем потрясло его, и он, оставив все, сделался странником, по благословению отца Алексия. Отправился сначала на Кавказ. Недалеко от города Сухуми в лесу находился женский монастырь. Л. В. пожил в нем несколько времени и хотел уходить дальше. Но когда он в церкви монастыря стоял на коленях перед иконой Божией Матери, молился Ей, то увидел Ее живую в образе. Она повелела ему остаться здесь. И скоро он заметил недостатки у обитательниц: они обзаводились хозяйством, разводили кур. Он стал их обличать, что они живут не по иноческим заветам. Некоторые монахини стали прислушиваться к нему и исправляться, а большинство, вместе с игуменьей, восстали против него и выгнали из монастыря. Тогда он стал странничествовать по городам, зовя

людей к покаянию. В пути останавливался только у христиан — и притом по прямому указанию Божию. Жил, как птица, ходил босиком, волосы не стриг, и они густой копной покрывали его голову. Высокий, в желтом плаще, с высокой палкой в руке, он одним видом своим привлекал сердца ко Господу, а потом действовал благодатным словом. Слова его были так сильны, что без слез нельзя было слушать его.

Пришел он и в Крым и здесь извлекал из духовных бездн души, намеченные Господом ко спасению. Своих учеников и слушателей он приучал к постоянной молитве Иисусовой.

Ночи проводил в молитве сидя. Пищу вкушал, как траву. Предсказывал и будущую войну. Толковал Апокалипсис, по благословению отца Алексия. Изгонял бесов из тех людей, которые для этого ему указываемы бывали Господом.

Множество бедствий, гонений, клевет, оскорблений перенес он за имя Христово. Дьявол ненавидел его, мстил, прельщал его, подсылая ему девушек и женщин. Но он молился о них и в их присутствии вытаскивал из своей головы вшей и бросал их на пол, желая этим вызвать к себе брезгливость и отвращение.

Для получения благодати посылал к одесскому батюшке, отцу Ионе Атаманскому. Часто и сам бывал у него. Отец Иона очень любил его и высоко ценил. В одном письме к нему писал: «Ты мне — сын, брат и друг». Делился с ним своими духовными видениями.

Л. В. познакомился с молодым профессором М. По его приглашению он пришел к нему в дом, и они, забыв обо всем, три дня и три ночи, ничего

не вкушая и не выходя из кабинета, просидели, разбирая Апокалипсис. И профессор сделался учеником Л. В.; позже его арестовали и выслали.

Однажды он хотел выйти из одного дома, уже подошел к дверям, как увидел в дверях Ангела с огненным мечом, преграждавшего ему путь. Он понял, что выходить нельзя. Действительно, его выхода ждали, чтобы арестовать.

Да и арестовывали его не раз и ссылали. А он везде вновь и вновь продолжал свое дело, возложенное на него Господом.

Был в дружбе и любви с архимандритом Тихоном, бывшим тогда игуменом Инкерманской обители...

Так в опасностях, злостраданиях проводил Л. В. свою земную жизнь. Окончил он ее мученически. Выслали его в Казахстан и требовали отречения от Христа. Конечно, он отверг это. А в 1937 году его расстреляли.

Еще — заметка. Однажды Н. Н. была свидетельницей молитвы его в храме. Л. В. стоял неподвижно, как бы застывши, не крестясь и не делая поклонов, а только устремив пламенный взор на местный образ Спасителя в иконостасе... Он весь горел, находясь в молитве — ничего не видя и не слыша.

«Вот так молятся рабы Бога Живого», — подумала она.

Пустынница Мария

Мария Егоровна Мелези была замужем за итальянцем Мелези Иваном Антоновичем. Он был глубоко верующим и добрейшей души человеком. А Мария Егоровна была простая и бесхитростная;

некрасивая, с грубоватым, покрытым прыщами и обезображенным оспой лицом.

Она была глубоко привязана к своему мужу. И когда он неожиданно умер, она совершенно растерялась. «Ивана Антоновича нет! — твердила она всем. — Ивана Антоновича нет! Что же мне делать?»

Сильно затосковала она. Родственники, желая утешить ее, предложили (перейти) к ним на житье. Она послушалась. Продавши свой домик, Марья Егоровна перевезла к ним имущество, а потом и отдала им его; понемногу перешли к ним и деньги. Постоянными слезами и вздохами: «Ах, Иван Антонович! Ах, Иван Антонович!» — она утомляла и раздражала своих родственников, и они стали ею тяготиться, потом начали упрекать ее, грубо обращаться, оскорблять. Из комнаты перевели ее на кухню, а затем — в маленький холодный коридорчик. Но и там она мешала им; хотя она переносила все это безропотно.

Однажды она услышала о Прасковье Фоминичне (см. рассказ «Схимонахиня Серафима») и как-то пришла к ней. Очень ей понравилось у нее: тишина, никто не ругает, тепло. И скоро она, с согласия Прасковьи Фоминичны, перешла к ней жить совсем, как бы на положение домработницы, или точнее, приживалки.

Однажды П. Ф. сказала ей:

— Марья Егоровна! Сходи-ка ты в Инкерманский монастырь!

— Что вы, что вы, Прасковья Фоминична! Да я никогда там не была и дороги-то не знаю.

— А ты иди по рельсам, все по рельсам, и спрашивай, где Инкерманский монастырь? Тебе и

укажут. Дойдешь до мостика, перейди его и иди по дороге.

— Да как же так, Прасковья Фоминична? Я боюсь.

— Иди, иди, не бойся.

Нечего делать, надо идти, раз П. Ф. велит. Пошла. Прошла неделя, другая. На третьей неделе вернулась М. Е., да такая веселая:

— Ах, как хорошо там! Все — такие добрые, хорошие. Так меня кормили, так кормили! Марья Егоровна да Марья Егоровна! Все мне так рады. Один батюшка, старенький такой, даже в ноги мне поклонился: благодарил! А я им подштанники, носки, рубашки починая. Так уж рады мне были они! Так кормили — и хлебом, и борщом. Поживи у нас да поживи! Так хорошо, так хорошо!

Прошло несколько времени. П. Ф. опять говорит:

— Марья Егоровна! Сходи-ка ты в Херсонес. Там поговеешь, поживешь.

— Что вы, что вы, Прасковья Фоминична! Я никогда там не бывала и дороги не знаю.

— Спросишь, тебе люди и укажут.

— Да я боюсь.

— Иди, не бойся.

Пошла. Вернулась недели через три веселая:

— Ах, как хорошо! Как мне были рады! Один батюшка говорит: «Поживи», другой: «Поживи». Да кормят все меня. А я ем да ем. Одному — подштанники, другому рубаху починила, другому носки заштопала. Поговела у них. Так хорошо! Так хорошо!

Спустя некоторое время П. Ф. отправила ее в Георгиевский монастырь, затем — в Бахчисарай,

в Козьмодемьяновский монастырь²⁰ и, наконец, пешком же, — в Киев...

Прошло много времени. В пасхальную ночь вошла высокая монахиня с палкой в руке и с огромным мешком на спине, а к поясу был привязан чайник. И вся она — высокая, как гора. Е. С., прислуживавшая Прасковье Фоминичне, взглянув на нее, вскрикнула:

— Марья Егоровна! Христос воскрес! Откуда вы?

Лицо М. Е., прежде грубое и некрасивое, теперь было просветленное, очень приятное, бледное, худощавое.

— Воистину воскрес! — ласково ответила М. Е. — Воистину воскрес, голубка, милая!

— Марья Егоровна! Из церкви, пожалуйста, пойдете ко мне!

— Нет, голубка. Я пойду сначала к своей наставнице, которая указала мне путь спасения.

И слезы потоками полились из глаз М. Е.-ны. Е. С. обомлела: Марья Егоровна, прежняя тупица, простодушная, ничего не соображавшая, теперь говорила такие слова и — с таким чувством... Совсем другое создание! В Киеве она познакомилась со старцами духовной жизни. Они открыли ей глаза на ее наставницу, П. Ф-ну, и одобрили путь странничества. Там же она приняла монашество и, по благословению старцев, исходила всю Россию — до Москвы, поклоняясь святым местам.

Прошло еще несколько лет. Прасковьи Фоминичны уже не было в живых. Е. С., келейница ее, с некоторыми другими благочестивыми женщинами поехала на Новый Афон²¹. Оттуда, по

совету братии, проехали на лошадях в Сухум, в Драндский мужской монастырь²². Монах, обслуживающий в гостинице приезжих, узнав, что они из Севастополя, сказал им:

— А у нас есть здесь ваша землячка, по фамилии — Мелези, а по прозвищу — пустынноца Мария. Живет она далеко в горах, в пещере; приняла схиму. При ней есть и келейница, которая вычитывает ей правило.

— А нельзя ли к ней пройти? — спросила Е. С.

— Не-ет: река сильно разлилась от дождей, не пройдете. Может, она сама придет? — ответил монах.

— А как же она может прийти, если река разлилась?

— Пустынница Мария ходит по воде, как посуху!

Так простую, неграмотную женщину Господь, за глубокую ее веру и простоту, за смирение и послушание, наградил чудесными дарами — подобно Марии Египетской.

Когда же Марию Егоровну спрашивали, зачем она носит на спине тяжелый мешок с камнями, она отвечала:

— Так легче ходить...

На этом кончаются записки, дошедшие до меня. Неизвестно, удалось ли странникам видеть Марию Егоровну в этот раз или позже. И каков ее конец — тоже не написано. Может быть, она тогда еще была жива и прожила еще несколько лет...

Но ясно одно, что это было незадолго до революции, когда всех монахов, монахинь и пустынников воинской силой выгнали с Кавказских

гор... Были слухи, что их посадили на пароход...
Конец неизвестен...

Из Драндского монастыря прибыл ко мне, в Симферополь, назначенный инспектором семинарии монах, архимандрит Иоанн (Раев, потом умерший от туберкулеза в Полтаве). Это было в 1912–1917 годах. Тогда, следовательно, Драндский монастырь еще был цел. Вероятно, около 1910–1911 годов была еще жива и пустыньница Мария.

Теперь Ново-Афонский монастырь превращен в курортный городок... Одна моя знакомая, во время отпуска со службы, ежегодно ездила туда и писала мне свои впечатления...

Бабушка Вера

Детство и юность бабушки Веры прошли в тяжелых условиях. Круглая сирота, она с ранних лет принуждена была служить в чужих людях. Господа выдали ее замуж очень рано за пьяницу-драчуна, гонявшегося за женой с ножом, а то — и с топором по двору. Спасалась она от озверевшего мужа в сарайчике, в углу которого висела иконочка Иоанна Воина, у которого она всегда искала защиты, бросаясь к нему на коленях.

Ей было уже около 60 лет, когда муж ее скончался. После его смерти она начала часто ходить в церковь и прислуживать там со всем усердием: вымыв громадный пол собора после обедни, бабушка шла домой и отдыхала; чувствовала она себя необыкновенно хорошо. Питалась плохо, бедно.

Заболели у нее ноги, и она не могла уже выходить из дома и двигаться. В комнате ее, рядом

с кроватью, стоял столик и стул; и она с великим трудом и болью переползала с кровати на стул. Присматривала за ней ее старшая дочь, тоже калека, жившая со своим мужем в том же доме и много досаждавшая своей матери: вероятно, это перешло к ней в наследство от отца.

Бабушку Веру посещал иеромонах Херсонесского монастыря отец Августин. Он посоветовал ей принять иночество и сам постриг ее, а через некоторое время облек ее и в схиму — с именем Варвары.

Кто-то сказал матери Варваре, что принявшие иночество не должны после пострига вкушать и спать в течение 40 дней. С глубокой верой мужественная душа послушно и терпеливо выполняла этот совет, молясь по четкам.

Бабушка была проста душою и неграмотна, но — мудрая в послушании.

Когда боли в ногах усиливались и учащались судороги, мать Варвара молилась следующими словами: «Господи! Ты еще не испытал моего терпения! Наложь на меня крест еще тяжелее».

Враг рода человеческого, за терпение ее и перенесение болезней, сильно нападал на нее, устрашая разными страхованиями и привидениями. Однажды ночью около стола, стоявшего рядом с ее кроватью, где сидела мать Варвара и тянула четки, вдруг явился отрок и протянул ей руку. Она, сразу поняв, что это есть наваждение вражье, изо всей силы плюнула ему на руку, и он исчез. В другой раз около двух часов ночи отворяется дверь со двора и входит знакомый ей священник, отец Иоанн, почитавший ее, и говорит:

— Здравствуй, бабушка Вера!

Она удивилась, что пришел батюшка в 2 часа ночи, и ответила ему:

— Давай петь «Иже Херувимы...»

И тот исчез.

Все эти страхования не пугали матушку; и она не обращала на них никакого внимания, а продолжала молиться.

В конце жизни ее болезнь ног так усилилась, что ноги свело к подбородку, и страдальца не могла удержаться от стонов и крика. В таком состоянии она и умерла. Так как ноги нельзя было выпрямить, то ей гроб изготовили в виде глубокого ящика. Лицо ее в гробу было светлое, беломраморное.

Скончалась она в 1930 году.

Лампадка

Так прозвали люди рабу Божию Анну П. Рано, против ее воли, когда ей еще не было и 16 лет, выдали ее замуж за 17-летнего доброго юношу, с которым она жила в любви, по заповедям Божиим. Рано утром, идя на службу, он был убит злыми людьми. Много горьких слез пролила она, оставшись вдовою с детьми-сиротками. Любимая дочь через 9 месяцев после своего замужества умерла от родов. Младший сын невинно был расстрелян. Но все скорби А. П. переносила безропотно, предавая себя и детей на волю Божию. Постоянными словами ее были: «Как Бог даст! Как Богу угодно! Да будет воля Божия!» Крепкую веру в Бога заложила она и в своих детей. Вся ее радость и утешение были в Боге. По смерти мужа А. П. усилила свои молитвы и добрые дела. Раз в неделю она неизменно ходила в Херсонесский монастырь к почитаемому старцу отцу Серафиму, ее духовному наставнику.

Утешая ее по смерти убитого мужа, старец говорил ей:

— Такую смерть еще заслужить надо.

В другие дни она посещала больных и в домах, и в больнице; передавала пищу узникам в тюрьме; ходила по монастырям; давала в своем доме приют странникам, монашествующим. Как-то всю зиму прожил у нее бездомный «босьяк», как его называли. Нищих она целовала как «меньших братьев» Христовых, снабжая их пищей и одеждой, предварительно накормив их и дав им пищу в дальнейшую дорогу.

Анне П. было уже более 70 лет, когда к ней в дом зашел странник Л. (См. «Странник»). Она сидела на кровати в своей комнате. И вдруг лицо ее все преобразилось, сделалось светлым, румяным; глаза увеличились, стали прекрасными. Взглянув на нее, странник Л. воскликнул:

— Хоть сейчас пиши икону!

После этого случая знающие ее стали замечать такое же изменение после принятия Святых Таин: оно сияло благодатью!

Во сне Анне П. велено было читать следующую молитву: «Да восхвалят Господа нашего Иисуса Христа: Святой Бессмертный, спаси мир от великого бедствия! Да будет Кровь Господа нашего Иисуса Христа оправданием нашим! О Боже Бесконечный! Яви нам милосердие Свое ради Крови Сына Своего и страданий Его на Кресте!»

Эту молитву А. П. всегда читала.

Перед смертью ее, рано утром, другая дочь ее услышала во сне голос за окном:

— Она — впереди всех лампадок! Ты слышишь?

Дочь вскочила, подбежала к окну, открыла форточку и ответила:

— Слышу!

С этих пор и привилось к ней слово: «Лампадка».

Незадолго до самой смерти ее дочь въяве услышала чудное пение птиц на дереве перед домом. Она позвала старшую сестру... Обе вышли во двор и слушали пение. И обе подумали, что это — сигнал: «Скоро мамочка уйдет от нас».

И действительно, она скоро скончалась. Дочь ее с горя скорбела и обливалась слезами. Но в момент смерти матери ее неожиданно вошла в сердце радость, и она начала петь пасхальные песнопения перед телом усопшей матери: «Христос воскрес из мертвых...», «Воскресение Христово видевше...».

Через несколько месяцев после ее смерти, в Великом посту, дочь встала рано утром и, помолвившись, снова одетая прилегла и слегка задремала. Вдруг в комнате появилось белое облако. Оно опустилось, и в нем, в центре, появилось лицо покойной матушки. Строго глядя на дочь и указывая на иконы, Анна П. произнесла:

— Почему часы не заводите?

Дочь тотчас очнулась и, вскочив с постели, начала — как всегда делала с покойной сестрой, — вычитывать 1-й, 3-й, 6-й и 9-й часы.

Умерла Анна П. на 90-м году своей жизни... Часто она являлась живой дочери, делая ей различные указания.

«Читатель! Вспомни в своих молитвах рабу Божию Анну!» — так заканчивает жизнеописательница, может быть, сама дочь ее. Вероятно, она же писала и о «Явлениях умерших».

А я только переписал «житие» усопшей и явления их, с маленькими изменениями в порядке написанного.

Явления умерших

Усопшие очень близки к нам и принимают участие во всех наших делах, слышат нас, видят и приходят к нам на помощь в бедствиях. Но они относятся к нам строже, чем мы сами к себе, потому что правильно и ясно видят, что нам полезно и необходимо для спасения.

Одна дочь договорилась со своей престарелой матушкой, чтобы она после смерти являлась бы ей въяве или во сне. И она действительно не раз являлась, делая ей различные указания.

Недели через две после ее смерти дочь сильно затосковала по ней. В ту же ночь матушка явилась во сне: вся — в белых покрывалах, но в некоторых местах покрытая кровавыми линиями. Лицо матушки выражало изнеможение. Неизвестный дочери человек поддерживал ее. Тут же явился покойный дядя и строго сказал племяннице:

— Развяжи ее!

Проснувшись, дочь поняла: развяжи мать от земных родственных уз!

А изнеможение в лице матери показывало, как трудно очищенным душам проходить нашу, зловонную от грехов, земную атмосферу.

Года через два после смерти матушки дочь увидела ее во сне, лежащую на кровати. Матушка металась и стонала. Дочь бросилась к ней.

— К-е (сыну) тяжело! — произнесла она. — Дай мне лекарство!

Проснувшись, дочь стала молиться за нее. Через некоторое небольшое время дочь получила письмо, из которого узнала, что с братом К. случилось большое несчастье.

Во время осады Севастополя дочь снова увидела матушку. С радостью бросилась она к ней и принялась целовать ее. Матушка улыбнулась и сказала:

— Бомбы! Бомбы!

Действительно, в этот же день был страшный налет немецких бомбовозов.

Во время войны разбомбили их дом, а свои русские разграбили имущество. Все это она с сестрой перенесла спокойно, даже с благодарностью Богу. Но через некоторое время она вспомнила, что погибли мелкие носильные вещи; она разгневалась на виновников похищения и прокляла их. В ту же ночь явилась ей во сне матушка и сказала:

— Теперь я хорошо знаю, какая ты монахиня!

Другой случай. Умерла знакомая старушка, одинокая, в больнице. Как могла, Н молилась о ней. Спустя несколько дней старушка явилась ей во сне — веселая и сказала:

— А меня выпустили из темницы.

Еще случай. Была одна неверующая женщина. Во сне явились убитые на войне сыновья и сказали: «Теперь тебе не страшно умирать: мы уже здесь!»

Еще. Подруга матушки имела двух деток, мальчика и девочку. Они умерли рано: первый — мальчик, за ним вскоре заболела девочка. Убитый горем отец сидел перед кроватью ее и задремал.

Ему явился мальчик и говорит: «Я пришел за сестренкой. Но к вам на землю очень трудно приходить, такое от нее идет зловоние!» Проснувшись, отец увидел, что девочка уже умерла.

Зять одной женщины сильно обидел ее и вскоре умер. Дней через 30 он явился ей во сне, стал на пороге и сказал:

— Надя! Прости меня!

У одного священника утонул сын, офицер подводной лодки. Отец сильно скорбел о нем. Однажды днем в саду, сидя в кресле, он снова предался скорби о сыне. Вдруг он чувствует позади себя присутствие сына и слышит:

— Папа, не скорби!

И он утешился.

P. S. И мне известно несколько подобных случаев, рассказанных очевидцами, еще живыми и доселе (1957 год). Много примеров записано и в книгах прошлого. А из Евангелия мы знаем о воскрешении четверодневного смердевшего Лазаря (см.: Ин. 11, 1–44); о явившихся умерших после воскресения Господа Иисуса Христа (см.: Мф. 27, 52–53).

Слава Богу! Господи, спаси нас!

М. В.

РОСТОВСКИЙ УГОДНИК

Предисловие

Пять почти лет прожил я в Ростове-на-Дону²³... И с первого же дня узнали мы, что здесь глубоко чтут местного угодника, протоиерея отца **Иоанна Домовского**. Поэтому в самом начале жизни своей здесь я посетил его могилу на так называемом армянском кладбище и отслужил панихиду по нем. И потом, все пять лет, приходилось слышать об этом имени; почти нет православного человека, который бы не знал его, и мало кто не посещал его могилку. А есть и живые современники, сомолитвенники его. Жива еще и дочь его, глубокая старушка, ведь он умер совсем недавно, в 1930 году, 24 февраля, то есть 25 лет тому назад. Но жил долго, до восемьдесят девятого года.

И теперь, — отъезжая (7 декабря) в Саратовскую епархию, по распоряжению патриарха, — хочу написать хоть краткие заметки о нем, как бы в благословение своему отъезду... Мне даже думалось, что оттого и задерживается мой отъезд из Ростовской епархии, что я не сделал еще за все эти пять лет какого-то нужного дела... И лишь в

последние дни я стал собирать материалы о покойном угоднике. Еще не все они собрались, жду от одного собирателя (отца протоиерея Романовского, благочинного Севастопольского) собранные уже им материалы. Вероятно, будут и другие. Пусть они увеличат эти небольшие заметки. Но я исполню свой долг пред ним и стяжу благословение от него.

Буду писать не в системе, а отдельно — от разных лиц — как они записали, а будущий продолжатель допишет еще и систематизирует житие его. Дай Бог!

Особые люди

Постоянно умирают люди... Но только о немногих единицах хранится долгая память. Неудивительно, что «увековечивают» память о выдающихся государственных деятелях, писателях и других. Да и тогда не бывает такого сердечного почитания их... И недолго...

Совсем иное дело, когда умирают религиозные угодники. Люди они «простые», ничем не знаменитые, а народ чтит их еще при жизни, молится о них по смерти и хранит память века...

Уже это одно заставляет думать, что все это не напрасно, не беспричинно: народ чтит «героев» жизни. И, следовательно, несомненно, что это какие-то исключительные люди, в той или иной области, а угодники — совсем особые лица в религиозной области.

И эта память о прошлом их поддерживается и питается еще продолжающимся настоящим и будет поддерживаться будущим: люди будут прибегать к ним, молиться за них и просить помощи их

в своей жизни: кто — в болезнях, кто — в бедах, кто — на экзаменах, кто — в выборе подружия себе, кто — в сомнительных обстоятельствах и так далее.

И молитвы их будут исполняться; а иногда будут совершаться очевидные чудеса. Это распространится между другими... Опять зажжется память о таких людях. И долго-долго будет она жить...

А иногда дойдет и до прославления их, как святых, как преподобного Серафима Саровского. Но если этого и не будет, то они достойны того, чтобы о них помнили.

И наоборот: если о них особо помнят люди, то потому одному должно утверждать, что они — **особые, исключительные люди!**

Краткая биография

(записана мужем дочери отца Иоанна)

«Протоиерей Иоанн Алексеевич Домовский родился в 1840 году в семье диакона в Екатеринославской (ныне Днепропетровская) области. По окончании духовной семинарии он состоял священником в сельской церкви Екатеринославской епархии.

С юных лет очень интересовался пением и церковной музыкой: на месте своей службы организовал хороший церковный хор, чем и обратил на себя внимание епархиального епископа, и в скором времени был переведен в Екатеринославский кафедральный собор с поручением ему организовать церковный хор.

Одновременно отец Иоанн назначен был ключарем, в каковой должности находился много лет;

и, как он выражался, пережил много екатеринославских епископов.

В последние годы пребывания в Екатеринославе у него настоятельно появилось желание сделаться приходским священником; и он, по его желанию, переехал в Нахичевань*, заняв должность священника Александро-Невской церкви.

В 1916 году отец Иоанн ушел на покой, оставив должность настоятеля церкви, с намерением провести последние годы своей жизни в монастыре. С этой целью он посетил святые для него места; но, по совету и просьбе почитаемых им лиц, возвратился к своей пастве, временами продолжал служить в церкви.

В 1930 году, на восемьдесят девятом-девяностом году своей жизни он умер».

Воспоминания об отце Иоанне Домовском**

«Отца Иоанна знают не только в Ростове, но и далеко за пределами его. В тяжелые испытания моей жизни меня девочкой привели к отцу Иоанну в 1920 году. Рассказала я ему свое горе. И так как я была круглая сирота, отец Иоанн и его дочь, Варвара Ивановна, оставили меня у себя на постоянное жительство. С этого года я и знаю отца Иоанна. В его келии совершались ежедневные молебны. Большое стечение народа присут-

---

* Ныне часть г. Ростова-на-Дону. Церкви той уже нет. На ее место была устроена другая, из бывшего частного дома. Но и ее уберут, так как там будут строиться учебные учреждения, по новому плану города. Этот храм соединили с Софийской церковью, расширив ее.

** Воспитанницы о. Иоанна, которая и написала мне эти воспоминания.

ствовало на молебнах. В келии отца Иоанна находится образ Богоматери: копия чудотворной иконы изображения Казанской (Божией Матери)*, а называют ее “Нечаянная Радость”, потому что сама (эта) чудотворная икона, по словам, явилась так.

Отец Иоанн служил настоятелем в Александроневской церкви в Нахичевани; храм был маленький по тому времени. И вот в этот храм полицейский приносит дощечку, на ней еле видно было изображение Божией Матери, (и то) одна только сторона лика, а Богомладенца — совсем не видно. И полицейский говорит:

— Отец Иоанн! Вот я эту дощечку взял у одной женщины в Нахичевани, там собираются люди и молятся на нее, как на икону. Так, батюшка, возьмите ее к себе в церковь.

Отец Иоанн взял ее и положил ее за окно в алтаре. И забыл ее. Проходит некоторое время, привозят бесноватую женщину: руки у нее связаны, она была буйная. И просят отца Иоанна “отслужить молебен той иконе, которую вам принес полицейский”. Отец Иоанн смутился. И (тогда) вспомнил о той дощечке, которую он положил за окно, взял ее; она была вся в пыли, он ее вытер и вынес на середину храма.

И когда служили молебен, то бесноватая билась, корчилась, кричала. А когда кончили молебен, отец Иоанн сказал:

— Развяжите ей руки!

Но привезшие ее сказали:

— Батюшка! Она всех перебьет!

---

* В скобках вставки везде мои, и прочие мелочи, <знаки> препинания и тому подобное.

Отец Иоанн сам стал развязывать ей руки. И женщина начала молиться, чувствуя себя совершенно здоровой.

Это чудо так подействовало (и) на отца Иоанна, и на всех присутствующих, (которые) все видели это чудо от иконы, пред которой служили молебн. С того дня ежедневно приходили и приезжали из области больные и получали исцеления.

И что же?! Духовенство и люди замечать стали, как икона обновлялась: лик Богоматери весь стал виден, и постепенно появился лик Богомладенца. Наблюдал за этим художник Черепяхин. Он сам был удивлен таким явлением. И молился перед этим образом. Эта икона и сейчас* находится у одной вдовы Зе-ой**... Копия с этой иконы находится в келии отца Иоанна***.

Вот с этого времени, как появилась эта икона, храм стали расширять, и он уже стал собором.

В годы междоусобной войны все больше и больше притекал народ в церковь и в келию отца Иоанна. Приходили к нему не только русские, но и армяне, евреи. Был такой случай. По окончании молебна, который совершался ежедневно в келии отца Иоанна, женщина со слезами пала на колени перед отцом Иоанном и говорит:

— Простите меня! По вашей молитве выздоровел мой ребенок: долго он болел младенческим****, я тайно от вас брала ваше освященное масло и освященную воду и все так делала, как

---

* Писано 2 декабря 1955 г.

** Адрес указывается.

*** Указывается квартира.

**** Так называют припадки в детстве.

вы учили людей, которые к вам приходили больные. Но ведь я — еврейка!

Отец Иоанн сказал ей:

— Вера твоя в силу Всемогущего Бога исцелила твоего ребенка. Молись и не забывай Бога!

Очень многие получали исцеление от иконы Божией Матери, приходили люди и благодарили за милость, полученную ими от иконы Богоматери.

Часто отца Иоанна просили на дом с копией иконы Божией Матери, которая в его келии, отслужить молебен. Разные были скорби у людей, ссора супругов до развода, но по молитве отца Иоанна все проходило благополучно.

Одна женщина приехала со своей больной дочерью, которая вышла замуж и через месяц заболела: отнялся язык и что-то с головой случилось. Проболела год, и муж хотел ее бросить. Она просила помолиться пред чудотворным образом о ее несчастьи. И что же? Великое чудо! Три дня она служила молебен. И ночью слышим стук в нашу дверь.

— Конечно, — говорит она, — мы не открываем, говорим: “Разве ночью можно беспокоить бабюшку?!”

Но они, мать и дочь, не отступая, плачут, говорят:

— У нас чудо — я уже говорю и голова у меня совершенно здорова, пустите меня в келию поблагодарить Бога за такое чудо!

Доложили отцу Иоанну, и он велел впустить их. И был благодарственный молебен ночью в 3 часа.

Это чудо помнят многие. Ибо эта женщина долго жила в Ростове. И муж ее приехал (обрат-

но) уже не только (для того, чтобы) разойтись с женой, но даже просил батюшку, чтобы он их благословил в Ростов жить.

Много было и других чудес.

Подвиги отца Иоанна были (такие): особое смирение; он всех любил — от начальства до самых малых, служащих в храме; всегда вносил мир в духовенство; но (поучительно было) особенное его благоговейное отношение к святыне: как к службе, и в обращении с иконой, крестом. Когда он берет икону, то у молящихся является такое благоговейное чувство, (что) невольно со слезами подходили и целовали икону “Нечаянная Радость”.

Отец Иоанн был ключарем у четырнадцати архиереев, законоучителем в гимназиях в городе Ростове, регентом архиерейского хора, хорошо играл на скрипке, сочинял церковные песнопения, по рассказу знавших его раньше, отец Иоанн в преклонные свои годы хотел уйти в пустынь, но старцы не благословили его, говорили: “Тебе надо быть в Ростове — утешать и молиться о людях”.

Также, когда был в Ростове отец Иоанн Кронштадтский, говорил приходящим к нему людям: “Вы и у себя имеете молитвенника, отца Иоанна Домовского!”* И так до самой смерти отец Иоанн молился с народом в своей келии.

Все это, что я знала, вкратце описала. Прошу не осудить меня за неграмотность. И прошу святых молитв за рабов Божиих: Анну, Симеона и болящую дочь Любовь.

2 декабря 1955 г.»

---

* По другой версии, он так говорил: «Что вы едете к малой свече, когда у вас горит целое пламя?!»

Воспоминания священника

«В Бозе почивающего протоиерея Иоанна Домовского, бывшего настоятеля Александро-Невского собора города Нахичевани, ныне Ростова-на-Дону, я знал с 1900 года, с момента моего поступления в алтарь вышеназванного собора; в должности прислужника алтаря и канонарха я состоял при протоиерее отце Иоанне Домовском в течение одиннадцати лет.

За этот период я лично испытал от него доброе пастырское отношение, много он проявлял ко мне, как к сироте, участия в моей жизни, в частности — с материальной стороны. В выдающихся событиях моей жизни (брак, крещение дочери, погребение матери и других)* он лично принимал участие как добрый пастырь.

По выходе его в заштат я посещал его в келии на квартире, где имел духовные беседы с ним; и там же получил от него благословение в 1921 году на принятие мною сана диакона.

Из своих впечатлений вспоминаю, что при его настоятельстве (в Александро-Невском соборе)** чувствовалось твердое руководство жизнью; результатом этого была сплоченность причта и благолепие храма, в то время являвшегося одной из величайших церквей в Ростове.

Великою любовью пользовался он, как в причте, тем более — в народе, за его доступность и за внимание к совершению церковных служб, которые всегда были благолепны и торжественны.

Посещаемость собора особенно возросла с момента внесения в собор чтимой иконы «Нечаянная

* Скобка священника.

** Скобки мои.

Радость”... Пред этой иконой отец Иоанн совершал очень часто как общие молебствия, так и “вычитывания” особых молитв с елеопомазанием от лампы, висевшей пред этой иконой, больных — как взрослых, так и младенцев, не только местных, но и прибывавших из других местностей.

При возникновении в Ростове обновленчества отец Иоанн активно выступил против него: призывал молящихся не посещать храмов, занятых обновленцами, не принимать в свои дома священников из обновленцев. Несмотря на то, что часть Александро-Невского собора была в ведении “староцерковников”, он его не посещал. И еще при жизни своей дал распоряжение, чтобы по смерти его не проносили прах возле собора, что и было выполнено.

Он был похоронен в 1930 году при бывшем Софийском храме*, а впоследствии прах его был перенесен на армянское кладбище, где он покоится и в настоящее время. Он предсказал, что прах его будет погребен два раза, что и исполнилось.

По уходе его в заштат он продолжал принимать посещающих и служил в келии своей все службы; вел духовные беседы; каждому он уделял свое внимание, особенно же недужным. Проходя мимо дома его, всегда можно было видеть людей, сидевших на ступеньках дома и ожидавших своей очереди на прием.

Помощником ему в этих службах был священник Иоанн Романовский**.

* Ныне он называется по имени св. царицы Александрийским. Александро-Невская церковь (новая) уничтожена, и Александро-Невский приход приписан туда; церковь расширена почти втрое; и оттуда ходят на армянское кладбище.

** Его сын ныне благочинным в Севастополе.

Несмотря на столь значительный период, после ухода отца Иоанна в вечность любовь верующих не остыла к нему, что доказывает посещаемость его могилы*. В течение всего года ежедневно можно видеть приходящих помолиться ему, и не только людей преклонных лет, но и юношей, и девушек, стоящих пред его могилой. В особенности это наблюдается в экзаменационный период: значит, у этих лиц есть вера в то, что отец Иоанн является достойным молитвенником пред Престолом Всевышнего.

Священник В. Ш.»

Чудеса отца Иоанна (записи Р. А. Донченко)

Первый случай.

«В 1929 году я заболела острыми болями в области живота. Обратилась к известному в то время доктору Кулакову, заведовавшему в городской больнице особой клиникой. Он осмотрел меня и заявил, что мне необходимо немедленно ложиться на операцию, так как обнаружена в большой форме киста, и ее нужно немедленно удалить.

Я, чтобы больше убедиться, обратилась в тот же день еще к доктору Холткову, который подтвердил доктора Кулакова. На другой день я поехала к отцу Иоанну Домовскому получить благословение ложиться на операцию. После окончания литургии в келии отца Иоанна он предложил показать ему место, где ощущается боль.

Осмотревши меня, он, перекрестившись, быстро и громко сказал мне:

---

* Она пред храмом, направо.

— Да у тебя ничего не болит!

И я, действительно, в тот же момент почувствовала, что у меня нет никаких болей. И по настоящее время никаких болей не ощущаю».

***

Второй случай.

«В 1927 году, в летнее время, у меня заболели сильно ноги, с подагрическими и ревматическими явлениями, как то: сильными опухольями колен, отеком ног, а также наростами на косточках пальцев рук и ног.

Мой муж попросил знакомых, уезжающих на грязелечение, взять с собою и меня. Я поехала к отцу Иоанну попросить благословения на поездку. Было воскресенье. Отец Иоанн совершал литургию, начиная точно в 9 часов, в своей келии.

Я приехала с небольшим опозданием и, вошедши в коридор, увидела отца Иоанна, стоящего на пороге своей келии, уже облаченного и как будто кого-то ожидающего. Увидев меня, он обратился ко мне со словами:

— А я тебя ожидаю!

Я ему говорю, что я приехала к нему только попросить благословения на поездку для лечения ног. Он, не начиная литургии, попросил показать ему больные ноги сейчас же, при всех собравшихся на литургию в келии. И осмотревши мои сильно опухшие колени ног и отеки, сказал:

— Помолимся! А потом и скажем: поедем ли лечиться или нет?

Я хотела было уходить, так как знаю, что меня будут ожидать те, которые собирались ехать на

лечение со мною вместе. Но он предложил отстоять и помолиться на литургии, что я и сделала.

После литургии он помазал мне ноги от колен и ниже, все косточки, а также и на руках — святым елеем. И сказал:

— Приди еще два раза ко мне!

И так я на грязелечение не поехала. Отец Иоанн в течение двух недель помазал ноги еще два раза. Боли в коленях прекратились, опухоль исчезла, отеки спали; и вот до настоящего времени я не испытываю боли в ногах, хотя опухоль на колене правой ноги имеется и сейчас».

***

Третий случай.

«В 1930 году, 14 февраля по старому стилю, в четверг, я, по просьбе одних знакомых, приехала вечером к отцу Иоанну часов в 6–7, с просьбой помолиться об избавлении их зятя от пьянства. Вошла к нему в келию, а он мне и говорит:

— Хорошо, хорошо, что ты приехала сегодня, а то Бог знает, что будет завтра. И если я умру, помолись за меня!

Я испугалась этих слов, но после, придя в себя, я сказала:

— Помолитесь и вы за нас, грешных!

На мои слова он сказал:

— Если Богу будет угодно удостоить меня блаженства, я всегда буду молиться за вас.

Это было 14 февраля, а 16-го, в субботу, в 12 часов дня, отец Иоанн был сильно парализован: речи нет, сознание отсутствует, и только на четвертый день появилось сознание, но речь отсутствовала до самой смерти.

Скончался он 24 февраля, в воскресенье, в 9 часов 55 минут.

Мой муж, Р. А., всю неделю его болезни находился при больном, и он скончался в его присутствии.

Страдавший же запоем человек с того же времени почувствовал себя освобожденным от пьянства и не пьет до настоящего времени».

***

Четвертый случай.

«В 1931 году весною я, помогая отгружать на пароход багаж в Мариинский женский монастырь, сильно подорвала себе внутренности, и с сильнейшими болями меня довели до моего дома, на Крепостной переулок, и положили в постель. Испытывая сильные боли, я с мольбою обратилась к умершему в 1930 году отцу Иоанну помочь мне перетерпеть невыносимые боли. И я впала в дремоту. Во сне видела покойного отца Иоанна, давшего мне чашку со святой водой, и я выпила. Проснувшись, я уже не чувствовала никаких болей.

В тот час в доме у нас сидел за столом некто Гулевский Н. и разговаривал с моим мужем. Я тут же объявила им, что сию минуту я во сне видела отца Иоанна, который дал мне выпить чашку святой воды, и я, проснувшись, уже не чувствовала никаких болей, а спала я всего минут 5–10...

Мне в данное время семьдесят девятый год, и верю, что своею хорошою жизнью отец Иоанн удостоится блаженства у Всевышнего, и каждый, обращающийся к нему с верой и надеждой, всегда получит от него помощь.

28 ноября 1955 г.

Е. Г. Д.»

К вопросу о личности покойного отца Иоанна Домовского

«Из числа многих циркулировавших среди верующих города Ростова и области рассказов о необыкновенных случаях, связанных с именем уважаемых всеми знавшими отца Иоанна Домовского, могу упомянуть в частности и следующий, слышанный мною много лет назад от людей, заслуживающих полного доверия, а именно:

В годы, когда духовенство подвергалось репрессиям, к отцу Иоанну на квартиру явился агент ЧК для его ареста и доставки в органы безопасности. Любезно встретив пришедшего, отец Иоанн почему-то более обычного пристально взглянул на него, сказал ему торопливо:

— Спешите, спешите скорее домой... Вы там очень нужны! А я не убегу никуда.

Явившийся арестовать отца Иоанна, по всей вероятности, счел эти слова за уловку его, отказался уходить, велел ему собираться и ехать на машине куда следует.

Отец Иоанн, наскоро собравшись, поехал.

Впоследствии стало известно, что по каким-то причинам как раз в то время, когда отец Иоанн посылал агента к себе домой, его жена повесилась...

20 ноября 1955 г.

На днях, порывшись в памяти, припомнил еще случай...

Пришла к отцу Иоанну однажды за советом одна молодая женщина о предстоящем замужестве. Отец Иоанн расспросил ее, кто ее жених?

Посетительница сказала, что женихов у нее два: один из них очень добивается ее руки, и она его любит; а другой тоже любит ее, но она за него не хочет идти замуж, потому что он — некрасивый.

Выслушав внимательно посетительницу, отец Иоанн сказал ей, чтобы она непременно выходила за второго...

Женщина отказывалась... Однако отец Иоанн снова настаивал.

Впоследствии, когда женщина вышла замуж, за кого хотела сама, обнаружилось, что сама она и родившийся младенец заражены нехорошей болезнью.

*28 ноября 1955 г.
П. И. Б.»*

Комментарии

Предисловие

В качестве предисловия к настоящему изданию взят текст, предваряющий записки митрополита Вениамина (Федченкова) об Оптиной пустыни. На наш взгляд, он наиболее полно выражает цель, поставленную автором рассказов о Божьих людях.

¹ Здесь и далее цитаты из Священного Писания приводятся в изложении владыки Вениамина.

Приходские священники

¹ Имеется в виду священник Василий Светлов, служивший в селе Шалы Темниковского уезда Тамбовской губернии (ныне — Мордовия). (См.: *Вениамин (Федченков), митр.* О вере, неверии и сомнении. М.: Отчий дом, 2007. С. 69–70.)

² Воспитанницы епархиальных женских училищ — средних учебных заведений для девочек из духовного сословия.

³ Свт. Питирим, епископ Тамбовский (†1698), был канонизирован в 1914 году. В день кончины свт. Питирима, 28 июля / 10 августа, в Спасо-Преображенском кафедральном соборе, где святой был погребен, состоялось торжественное открытие его мощей. Рака со святыми мощами была установлена в нижнем храме собора. В годы советской власти мощи хранились в запасниках

Тамбовского областного краеведческого музея, который находился в Преображенском соборе. Ныне мощи святого вновь покоятся в нижнем храме.

Отец Иоанн

Небольшое по объему жизнеописание святого праведного Иоанна Кронштадтского († 1908) написано владыкой Вениамином в Америке. По замыслу владыки, оно должно было войти в его книгу «Божьи люди». Впоследствии глава «Отец Иоанн» вошла и в большую работу митрополита Вениамина «Отец Иоанн Кронштадтский», включающую в себя не только жизнеописание праведника, но также воспоминания о нем, разбор его «Дневника», свидетельства о чудесах и другие ценные материалы.

Публикуется по рукописи, хранящейся в частном архиве.

¹ Протоиерей Константин Петрович Несвицкий — настоятель собора в городе Гдове, благочинный церковью Гдовского уезда. Был переведен в Кронштадт на должность ключаря Андреевского собора, но по слабости здоровья не смог занять место и передал его зятю — священнику Иоанну Ильичу Сергиеву.

² Елизавета Константиновна Сергиева (урожденная Несвицкая, 1829–1909). Пятьдесят три года несла подвиг, будучи заботливой и предельно скромной служительницей святого Иоанна Кронштадтского. Скончалась 22 мая 1909 года и была погребена в садике близ Андреевского собора в Кронштадте.

³ В доме святого Иоанна Кронштадтского с 1872 года воспитывалась племянница Елизаветы Константиновны, Руфа, дочь одной из ее сестер, рано лишившаяся отца.

⁴ *Иоанн Ильич Сергиев, прот.* Моя жизнь во Христе // Полное собрание сочинений: В 6 т. СПб., 1994 (репр. 1893). Т. 4–5.

⁵ Об этом случае сам святой Иоанн Кронштадтский рассказывал на собрании духовенства в г. Сарапуле в 1904 г. (рассказ включен митрополитом Вениамином в его труд «Отец Иоанн Кронштадтский»):

«Дело было так. Кто-то в Кронштадте заболел. Просили моей молитвенной помощи. У меня и тогда уже была такая привычка: никому в просьбе не отказывать. Я стал молиться, предавая болящего в руки Божии, прося у Господа исполнения над болящим Его святой воли.

Но неожиданно приходит ко мне одна старушка (родом костромичка), которую я давно знал. Она была богобоязненная, глубоко верующая женщина, проведшая свою жизнь по-христиански и в страхе Божиим кончившая свое земное странствие. Приходит она ко мне и настойчиво требует от меня, чтобы я молился о болящем не иначе, как о его выздоровлении.

Помню, тогда я почти испугался: «Как я могу, — думал я, — иметь такое дерзновение?» Однако эта старушка твердо верила в силу молитвы и стояла на своем. Тогда я исповедал перед Господом свое ничтожество и свою греховность: увидел волю Божию во всем этом деле и стал просить для болящего исцеления. И Господь послал ему милость Свою — он выздоровел. Я же благодарил Господа за эту милость». (*Вениамин (Федченков), митр. Отец Иоанн Кронштадтский. Машинопись. Т. 1. Ч. 2. С. 252–253; см. также соврем. изд.: М., 2000.*)

⁶ 1894 год.

⁷ Речь идет о революции 1905–1907 годов.

⁸ Память страстотерпца Николая Александровича, императора Российского († 1918) — 4/17 июля.

⁹ Имеются в виду епископ Сергей (Страгородский, 1867–1944; с 1943 г. — патриарх Московский и всея Руси) и архимандрит, в будущем архиепископ, Феофан (Быстров, 1872–1940; см. о нем далее главу «Владыка»).

¹⁰ Ярославское Синодальное подворье с церковью во имя святого благоверного князя Феодора и чад его Давида и Константина Ярославских находилось в Санкт-Петербурге, на Николаевской набережной, между 17-й и 18-й линиями Васильевского острова. Митрополит Сергей (Страгородский) проживал здесь как член Святейшего Синода. Подворье было закрыто в 1923 году. В настоящее время в здании (современный адрес — улица Лейтенанта Шмидта, дом 39) находится детский приют и домовая церковь.

¹¹ Иван Федченков со своими товарищами по Академии Раевым и Соболевым отправились в Кронштадт 25 ноября 1904 года и на следующий день молились в Андреевском соборе за утреней и Божественной литургией, которую совершал святой Иоанн Кронштадтский.

¹² Преподобный Алипий Столпник, Адрианопольский († 640).

¹³ *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на Первое послание к Коринфянам // Полное собрание творений: В 12 т. М., 2004. Т. 10, кн. 1. С. 276–278.

¹⁴ В России в XIX – начале XX столетия большинство православных христиан говело и причащалось раз в году, преимущественно на Страстной седмице. Призыв отца Иоанна Кронштадтского к более частому причащению, а также его желание ежедневно служить литургию, высказанное им в начале его пастырской деятельности, вызвали негативную реакцию со стороны собратьев священнослужителей и духовного начальства.

¹⁵ Протоиерей Василий Шустин (1886–1968) родился в семье, тесно связанной с Кронштадтским праведником. Святой Иоанн исцелил его отца от горловой чухотки, был крестным отцом его сестры. После кончины отца Иоанна Василий Шустин стал духовным сыном старца Варсонофия Оптинского. Шустин мечтал стать инженером, но не успел закончить институт, вступив в

Добровольческую армию. Жил в Сербии и Болгарии. Принял священство и проходил служение в Алжире. После провозглашения независимости Алжира перебрался в Канны, где и скончался 6 августа 1968 года.

В своей жизни отец Василий претерпел множество скорбей, что было ему предсказано еще в юные годы святым Иоанном Кронштадтским.

Запись о чуде исцеления его отца, совершившемся по молитвам святого Иоанна, помещена архиепископом Вениамином (Федченковым) в приложении к первому изданию его книги «Небо на земле. Учение отца Иоанна Кронштадтского о Божественной литургии, составленное по творениям его архиепископом Вениамином» (Париж, 1932).

Отец Василий Шустин — автор книги об отце Иоанне Кронштадтском и Оптинских старцах. (О.В. III. Запись об отце Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах. Белая Церковь, 1927. Книга вышла в Югославии.)

¹⁶ *Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23).

¹⁷ Память блаженного Августина, епископа Иппонийского († 430), — 15/28 июня.

¹⁸ Память великомученицы Варвары († ок. 306) — 4/17 декабря.

¹⁹ Преподобная Анфуса († 801) — дочь императора-иконоборца Константина Копронима (741–775), сестра императора Льва Хазара (775–780). Память преподобной Анфусы — 12/25 апреля.

²⁰ Вероятно, в рукописи — ошибка. Из контекста следует, что речь идет об иеромонахе (впоследствии — архимандрите) Иоанне (Раеве).

²¹ Санкт-Петербургский Иоанновский женский монастырь расположен на набережной реки Карповки. Заложен в сентябре 1900 года на земле, пожертвованной архитектором С. Г. Раменским, как подворье Сурского

Иоанно-Богословского монастыря, основанного святым праведным Иоанном на своей родине — в Пинежском уезде Архангельской губернии. С 1902 года подворье преобразовано в самостоятельный монастырь. Величественные строения обители возведены в 1900–1908 годах по проекту архитектора Н. Н. Никонова. Тело отца Иоанна было погребено в церкви-усыпальнице во имя святого пророка Илии и святой царицы Феодоры.

В 1923 году монастырь закрыли. С 1989 года началось возрождение обители.

²² Прославление святого праведного Иоанна Кронштадтского состоялось в 1990 году.

²³ «В связи... с вопросом о возможной когда-нибудь канонизации отца Иоанна нам хочется высказать свое мнение по вопросу о том, где почивают сейчас останки отца Иоанна Кронштадтского.

На этот вопрос указывают три места: прежнее место погребения в Ленинграде на Карповке, другое — на Богословском кладбище, третье — еще где-то. Уже самое это разноречие говорит о том, что прах отца Иоанна в трех местах одновременно быть не может. Поэтому к разным рассказам нужно быть осторожным; не нужно обращать особого внимания и на посещение каких-либо мест богомольцами: это свидетельствует лишь об их почитании отца Иоанна, что гораздо важнее вопроса о месте, но никак — о достоверности пребывания останков его.

В одном из писем ко мне даже рассказывается об одном сновидении по этому вопросу.

Такое разноречие, пишут, “очень огорчало одну монахиню. И вот она горячо помолилась Господу и просила открыть, где же все-таки прах находится? И вдруг во сне она видит самого батюшку, который ласково ее успокоил, уверив, что тело его находится здесь, в монастыре, и никуда не переносилось. А что на разные места ходят люди, добавил он, не смущайся: я везде их вижу и слышу”.

Но снам и рассказам верить не следует. А есть действительные основания утверждать, что тело его по-прежнему почивает на Карповке. Так думает большинство почитателей.

К этому присоединимся и мы. И вот почему. Когда я в 1948 году приехал из Америки в Советский Союз для жительства в Риге, то прибыл через Финляндию в Ленинград. И здесь попросил монаха Григория дать мне машину для посещения часовни блаженной Ксении и отца Иоанна на Карповке. Часовня, за несколько дней перед этим, была открыта, и там служились непрерывные панихиды. Отстоял одну и я.

Ездил и на Карповку. В бывшем храме были какие-то военные учреждения. У дверей стоял солдат с ружьем. Я попросил его доложить начальству о моем желании узнать об отце Иоанне: где его тело? Здесь ли или перевезено в иное место? Он ушел внутрь здания и скоро откуда вышел с разрешением. Меня провели в большую комнату. Здесь я увидел четырех офицеров за письменными столами. Все они встали. Отрекомендовавшись, что я — приехавший из Америки митрополит, хочу узнать о погребенном здесь в 1908 году отце Иоанне. Здесь ли его останки? На это один из них, вероятно старший, деликатно ответил: “Не знаем!” Я оставил комнату и снаружи, у того окна, где, предполагалось, лежат останки, стал тихо служить заупокойную литию. Скоро ко мне присоединилась из соседнего дома, бывшего монастырского корпуса, какая-то пожилая богомолка, потом подошла бедно одетая старушка. И втроем мы потянули заупокойную.

У окна — оно было наполовину ниже уровня земли — был насыпан чистый сухой песок. Как сказали мне эти женщины, отсюда приходящие почитатели с благоговением берут понемногу песку. Взял и я.

После мне пришлось говорить по этому поводу с несколькими авторитетными лицами, и все они думали,

что тело отца Иоанна лежит, как и прежде, в нижней церкви святых Илии и Феодоры — только замурованной. После, чуть ли не в тот же самый день, когда я переписывал полученное об отце Иоанне письмо, пришли ко мне в Дубулты (около Риги) две женщины, одна из них — ленинградка. Она подтвердила те же самые рассказы о том, что останки батюшки находятся на своем месте, на Карповке.

А через день или два посетил меня некий священнослужитель из Ленинграда и еще раз подтвердил версию, что мощи отца Иоанна по-прежнему почивают в монастыре. Такое совпадение трех свидетельств показалось мне не случайным совпадением, а промыслительным указанием со стороны самого батюшки. А вот теперь, шесть лет спустя, я все это записываю. И что удивительного?! Он, творивший тысячи и тысячи чудес при жизни, еще более может творить их по смерти как угодник Божий. А в 1945 году я приезжал в Союз на интронизацию патриарха. Был и в Ленинграде. Там свозили меня и в Петропавловский собор, где отец Иоанн был рукоположен в 1855 году во священника... Все гробницы похороненных там царей оставались в полной целостности. Это я видел собственными глазами. Подобным образом и гробница отца Иоанна осталась нетронутой.

М. Вениамин

1954 г. 26 мая. Новочеркасск».

(Вениамин (Федченков), митр. Отец Иоанн Кронштадтский. Машинопись. Т. 2. Ч. 2. С. 219–221.)

²⁴ Работа митрополита Вениамина «Подвиг преподобничества» впоследствии включена владыкой в книгу «Отец Иоанн Кронштадтский».

Текст печатается по рукописи, хранящейся в частном архиве.

²⁵ Отечник: Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их. СПб., 1863.

²⁶ *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Беседа в понедельник двадцат девятой недели. О чудесах и знамениях // Сочинения. М., 1995 (репр. 1886). Т. 4. С. 318–325.

²⁷ *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. М., 1998 (репр. 1911). Слово 36, 37. С. 153–159.

²⁸ Преподобный Сисой Великий († 429). Память — 6/19 июля.

²⁹ Преподобный Пимен Великий († ок. 450). Память — 27 августа / 9 сентября.

³⁰ *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Поучения в Неделю о расслабленном. О наказаниях Божиих // Сочинения. М., 1995 (репр. 1886). Т. 4. С. 160–161.

³¹ Священномученик Философ Орнатский, протоиерей († 1918; память — 31 мая / 13 июня), — настоятель Казанского собора в Петрограде. Блестящий проповедник, общественный деятель, организатор детских приютов.

³² Протоиерей Павел Николаевич Лахостский (ок. 1865–1931) — известный петербургский пастырь, проповедник, педагог и церковно-общественный деятель. Окончил Ярославскую духовную семинарию в 1886 г. и Санкт-Петербургскую духовную академию в 1891 г., в том же году рукоположен в священник сан. Настоятель Троицкой церкви Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. Преподавал Закон Божий в ряде средних учебных заведений столицы, редактировал несколько духовных изданий: «Санкт-Петербургский духовный вестник», «Церковный голос» (1906–1907, совместно с протоиереем И. П. Слободским), «Православно-русское слово» (1902–1905, совместно с протоиереем А. А. Дерновым и священником А. Н. Надеждиным), «Всероссийский церковно-общественный вестник» (1917–1918), «Церковные ведомости» (1917–1918). Основатель Христианского содружества учащейся молодежи. Член Поместного Со-

бора 1917–1918 гг. С 1919 года совершал служение в Ярославской епархии, затем в 1920-х годах вернулся в Петроград. Принимал участие в борьбе с обновленчеством.

³³ Священномученик Иоанн Восторгов († 1918; память — 23 августа / 5 сентября) — миссионер, выдающийся проповедник, основоположник православной миссии среди сиро-халдеев. Последнее место служения — Покровский собор (храм Василия Блаженного) в Москве.

³⁴ Архиепископ Антоний (Храповицкий).

Прозорливый

Текст рассказов «Прозорливый» и «Отец Исидор» печатается по рукописи «Из того мира», хранящейся в частном собрании. Тетрадь с текстом датирована: 1930, 8/21 августа, Париж (начало работы) — 10/23 сентября, Вена (окончание).

¹ Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, стяжавший славу «Северного Афона», расположен на самом большом острове в Ладожском озере. Сам остров Валаам и множество мелких островов образуют архипелаг, на котором стоит монастырь и многочисленные скиты: Никольский, Иоанно-Предтеченский, Ильинский и другие. Сочетание прекрасной суровой северной природы с дивной церковной архитектурой XIX–XX столетий создает неповторимую картину, надолго запоминающуюся каждому посетителю «Северного Афона». Монастырь на Валааме основан в XIV столетии преподобными Сергием и Германом († ок. 1353; память — 28 июня / 11 июля, 11 / 24 сентября).

Находившийся на северо-западных рубежах Руси монастырь неоднократно подвергался нападениям иноземцев. Особенно сильное разорение обитель претерпела от шведского полководца Делагарди в

1611 году. На целое столетие Валаамом завладели шведы. В 1715 году указом Петра I монастырь был возобновлен. Расцвет духовной жизни и одновременно экономической деятельности обители приходится на XIX столетие. В XVIII–XX веках на Валааме подвизались старцы высокой жизни.

С 1918 года Валаам отошел к Финляндии, но монастырь продолжал существовать до 1940 года. Накануне прихода Красной Армии насельники обители покинули архипелаг и основали в Финляндии Ново-Валаамский монастырь. После Великой Отечественной войны часть братии вернулась на родину. Старый Валаам начал возрождаться с 1989 года.

² Схимонах Никита (в миру — Николай Евдокимович Филин, 1832–1907) пришел на Валаам 42-х лет от роду. Исполнял послушание коридорного в монастырской гостинице, трудился на огороде, около пяти лет был гостиничником. Братия любила его за ласковый характер, приветливость и заботы обо всех. Подвизаясь в Коневском скиту, отец Никита проходил науку умного делания у схимонаха Агапита-слепца, состоявшего в переписке со святителем Феофаном, Затворником Вышенским. Духовным другом отца Никиты был старец Иоанн Молчальник. Шестидесяти лет от роду отец Никита принял схиму. В монашестве подвизался 33 года.

О нем см.: Жизнеописание валаамского подвижника схимонаха отца Никиты. СПб., 1911; Янсон М. Валаамские старцы. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.

³ Скит во имя святого Иоанна Предтечи находится на скалистом острове, древнее название которого Серничан в переводе с финского означает — «монашеский». Некогда на острове жили рыбаки-миряне, для которых в 1855 году построили часовню святого Иоанна Предтечи. В 1858 году трудами игумена Дамаскина

(†1881) — настоятеля Спасо-Преображенского монастыря, подвижника и талантливое администратора, — была воздвигнута Предтеченская церковь и при ней учрежден скит. Устроили также и пещерную церковь во имя Трех святителей. Жизнь в скиту отличалась строгим постничеством: рыба, сливочное масло и чай запрещались совершенно. Молочного не вкушали даже на Пасху. В понедельник, среду и пяток и постное масло в пищу не употреблялось.

⁴Подобный же случай рассказывают об отце Варнаве Гефсиманском (об отце Варнаве см. примеч. 5 к гл. «Отец Исидор»), о схимонахине Рахили, подвижнице Спасо-Бородинского монастыря (†1928; день памяти преподобной — воскресенье перед 26 августа / 8 сентября (Собор Московских святых).

См., например: *Сергий Боскин, прот.* Главное у них — любовь // К свету. 1992. Вып. 14. Старец Алексий и Зосимова пустынь. С. 73; Жизнеописание старицы Спасо-Бородинского монастыря схимонахини Рахили. М., 1994. С. 175.

⁵В 1908–1910 годах иеромонах Вениамин исполнял обязанности личного секретаря при архиепископе Финляндском и Выборгском Сергии (Страгородском, впоследствии — патриарх Московский и всея Руси) и нес послушание очередного иеромонаха в храме Ярославского подворья в Санкт-Петербурге.

⁶Архиерейская хиротония архимандрита Вениамина (Федченкова) во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии, состоялась в воскресенье 10 февраля 1919 года в Покровском соборе города Симферополя.

⁷О схимонахе Пионии: «Здесь в храме и встретили мы впервые схимонаха отца Пиония. Чистый первый тенор у отца Пиония. Знаток устава церковного и пения. На память читает часы, полунощницу, акафисты Иисусу

Сладчайшему, Матери Божией, кафизмы, антифоны. По книгам не может читать, давно уж начал угасать для него свет дневной, пока не померк окончательно.

Но хорошо знакома ему дорога из келии в храм, из храма в келию. Каждый поворот заросшей тропинки известен. Тридцать лет уж протаптывает он ее.

Вот здесь — остановиться надобно. За алтарем церковным — могилка старца отца Никиты, друга-наставника.

Неотходно был отец Пионий при кончине отца Никиты, да и после не отлучался от тела, пока не опустили вот в эту могилу.

Стоит старец, молится, точно беседует с отцом Никитой. Да и беседует. Не раз видал старца-учителя в тонком сне. Назидался, услаждался собеседованием и молитвою совместной.

— Батюшка отец Пионий, расскажите, как вы отца Никиту видели?

— А дело вот как было. Частенько хаживал ко мне отец Сисой. Он молитвенник был и ревнитель, все учил, как крест надлежит класть. Ну... а только любитель был чайку попить, и часто мы с ним за самоварчиком сиживали. А отец Никита запрещал, говорил: “Ты отца Сисоя часто не принимай... не полезно...”

Потом, как отец Никита скончался, стал отец Сисой опять ко мне захаживать, а я не смел отказывать, и мы с ним чай попивали. Ну, вот отец Никита и явился ко мне ночью... да такой выговор дал... вроде как с негодованием даже, за мое непослушание-то. А во второй раз пришел отец Никита и говорит: “Читай молитвы...” Ну, я стал читать “Трисвятое” по “Отче наш”, а он благословил, и мы приветствовались. Тогда я понял, что он простил, и такую радость ощутил, как проснулся... А то очень уж я скучал после первого сна, когда он меня наказал-то...»
(Янсон М. Валаамские старцы. М., 1994. С. 28–29).

⁸Саровская Успенская пустынь находится в Нижегородской епархии, на холме при слиянии речки Саровки с рекой Сатис, на месте древнего города Сараклича, основанного татарами, предположительно, в конце XIII столетия. С ослаблением Орды город пришел в запустение. В этих местах в XVII веке подвизались подвижники Феодосий и Герасим, предрекавшие будущую славу Саровской пустыни. Первоначальником обители считается иеросхимонах Иоанн (Исаакий) — строитель Сатисо-Градо-Саровской пустыни. Основанный в начале XVIII столетия монастырь прославился на всю Россию высокой жизнью своих иноков. Из Сарова вышел игумен Назарий († 1809; чудотворец; память — 28 июля / 10 августа (Собор Тамбовских святых), возобновитель Валаама, здесь подвизался молчальник Марк († 1818; Саровский игумен; память совершается 28 июля / 10 августа (Собор Тамбовских святых). В Саровскую пустынь семнадцатилетним юношей пришел Прохор Мошнин — будущий великий подвижник Русской Православной Церкви преподобный Серафим Саровский.

До революции в Саровской пустыни было девять храмов; благоговейно сохранялись места, освященные подвигами преподобного Серафима, в обители почивали мощи угодника Божия, привлекавшие тысячи богомольцев со всей России. (В настоящее время мощи преподобного Серафима Саровского почивают в Серафимодивеевском монастыре.)

Саровская пустынь была закрыта в 1927 году. Затем ее территория вошла в границы закрытого города Арзамас-16 (так назывался город Саров в 1946–1991 годах). В конце июля – начале августа 2006 года в ходе торжеств, посвященных 300-летию Саровской обители, было объявлено о возрождении монастыря. В монастыре был восстановлен подземный храм преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских, храм святого

Иоанна Предтечи. На месте Ближней пустыньки преподобного Серафима Саровского построена церковь во имя Святого Духа.

Отец Исидор

¹Иеромонах Исидор (в миру Иоанн Козин, или Грузинский, как он сам себя называл), согласно сведениям, представленным отцом Павлом Флоренским в его книге (см. ниже), родился предположительно в 1814 году в селе Лыскове Макарьевского уезда Нижегородской губернии. После поразившего его необыкновенного случая (на его глазах в храм ударила молния, прошла вдоль иконостаса и разорвалась с грохотом; иконостас почернел, но никто из бывших в церкви не пострадал) укрепился в желании оставить мир. Юношей поступил в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры. Некоторое время был келейником у своего земляка архимандрита Антония (Медведева, † 1877; день памяти — 6/19 июля (Собор Радонежских святых)).

В 1860 году пострижен в мантию. После создания пустыни Параклит отец Исидор перешел на жительство в это уединенное место. В 1863 году рукоположен во иеродиакона, в 1865 — во иеромонаха. Отец Исидор из смирения схимы не принимал. Прожил год на Афоне. Там он принял участие в воздвижении Креста Господня на самой высокой точке Святой Горы. Вернувшись на родину, вновь поселился в Параклите, где претерпел немало скорбей и гонений. Переселился в Гефсиманский скит, где прожил до самой кончины. Почил о Господе 3 февраля 1908 года, в канун дня своего Ангела.

²Соль земли, то есть Сказание о жизни Старца Гефсиманского скита иеромонаха Аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским // Христианин. 1908. № 10–12; 1909. № 1, 5.

Флоренский Павел Александрович (1882–1943) — священник, философ, инженер, человек энциклопедических знаний.

³Епископ (впоследствии обновленческий митрополит) Евдоким (в миру Василий Мещерский) родился 1 апреля 1869 года в семье псаломщика Владимирской епархии. В 1894 году окончил (со степенью кандидата богословия) Московскую духовную академию и был пострижен в монашество архимандритом Антонием (Храповицким). В том же году рукоположен во иеромонаха. Назначен преподавателем в Новгородскую духовную семинарию. С 1896 по 1898 год был инспектором в той же семинарии. С 1898 — инспектор, а с 1903 — ректор Московской духовной академии. 4 января 1904 года хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. С 1907 года издавал журнал «Христианин». С 1909 по 1914 год — епископ Каширский, викарий Тульской епархии. В 1914 году возведен в сан архиепископа и назначен на кафедру Алеутскую и Северо-Американскую. Участник Поместного Собора 1917–1918 годов. С 1918 года — архиепископ Нижегородский.

После ареста патриарха Тихона признал обновленческое Высшее церковное управление (ВЦУ) единственной канонически законной властью. В дальнейшем пребывал в обновленческом расколе. С ноября 1922 года — митрополит Одесский. Сменил митрополита Антонина (Грановского) на посту председателя Высшего Церковного Совета. Участник 2-го Всероссийского поместного собора (обновленческого), проходившего в Москве в мае 1923 года. С июля 1923 года — председатель обновленческого Синода. В 1923–1924 годах — профессор обновленческой Московской богословской академии. С сентября 1924 года — на покое. Проживал в Гаграх. С 1929 — постоянный член президиума обновленческого Синода.

Скончался в 1935 году вне общения с Православной Церковью. Оставил обширное литературное наследие.

⁴Гефсиманский скит при Троице-Сергиевой Лавре основан в 1844 году архимандритом Антонием (Медведевым) с благословения и при деятельном участии святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского († 1867). В новооснованной обители был принят устав Саровской пустыни. В 1847 году при Гефсиманском скиту поселился знаменитый юродивый Филипп Андреевич Хорев (в монашестве — Филарет, в схиме — Филипп), положивший начало Пещерному отделению скита. Там было установлено пение псалмов по уставу святого Пахомия Великого († ок. 348). Пещерное отделение (или Черниговский скит) жило по особому уставу и имело своего благочинного при общем с Гефсиманским скитом настоятеле.

1 сентября 1869 года в пещерной церкви Архангела Михаила прославилась чудом исцеления тяжело болящей женщины икона Божией Матери, пожертвованная А. Г. Филипповой. Этот чудотворный образ Царицы Небесной получил наименование Черниговско-Гефсиманского.

Пещерное отделение скита стало центром московского старчества. В Гефсимании подвизались схимонахи Харитон и Матфей (ум. 1852), игумен Иларий (в схиме Илия, ум. 1863), иеромонах Тихон (ум. 1873), иеросхимонах Александр (ум. 1878), иеромонах Варнава († 1906), иеромонах Исидор (ум. 1908), схиигумен Герман († 1923) и другие подвижники.

После закрытия Лавры (1919) часть братии ее перешла на жительство в Черниговский скит, который, в свою очередь, закрыли в 1921 году. В следующем году закрыли и Черниговский собор, действовавший некоторое время как приходской храм. В 1924 году Гефсиманский скит получил статус сельскохозяйственной артели и

прекратил свое существование лишь с окончанием нэпа. В 1928 году была закрыта последняя скитская церковь. Последний скитоначальник, игумен Израиль, скончался в ссылке в начале 1950-х годов.

В 1950-е годы на территории Гефсиманского скита разместили воинскую часть, а в Черниговском в годы советской власти последовательно размещались: тюрьма, интернат для слепых, интернат для инвалидов Отечественной войны, а затем ПТУ для инвалидов.

Иноческая жизнь в Черниговском скиту возобновилась в июле 1990 года. Строения Гефсиманского скита почти не сохранились. На территории Черниговского скита восстановлены места погребения философов К. Н. Леонтьева (в монашестве — Климент, 1831–1891; см. примеч. 11 к гл. «Оптина») и В. В. Розанова (1856–1919).

⁵Преподобный Варнава Гефсиманский (в миру Василий Ильич Меркулов, † 1906; память — 6/19 июля (Собор Радонежских святых) родился 24 января 1831 года в селе Прудичи Тульской губернии в семье крепостного. Детство и юность будущий подвижник провел в подмосковном селе Фоминское (ныне город Нарофоминск), куда родители его переселились по воле своего помещика. Василий часто посещал Троице-Одигитриевскую Зосимову пустынь и назидался наставлениями отшельника Геронтия, жившего в уединении близ обители. В возрасте двадцати лет Василий Меркулов поступил в Троице-Сергиеву Лавру. За ним последовал и его наставник, принявший в обители преподобного Сергия схиму с именем Григорий. Через месяц после прихода в Лавру Василий получил благословение перейти на жительство в Гефсиманский скит. Там он поступил в послушание к монаху Даниилу, будущему строителю (настоятелю) Гефсиманского скита. Через восемь лет (в 1859 году) рясофорный монах Василий был переведен в Пещерное отделение.

2 января 1862 года скончался наставник Василия схимонах Григорий. Незадолго до кончины он открыл своему ученику волю Божию: принять подвиг старчества и послужить страждущим. Подвижник предсказал также, что со временем ученик его сделается основателем женского монастыря. На старчество благословил Василия и отец Даниил. 27 ноября 1867 года рясофорный монах Василий был пострижен в мантию с именем Варнава (в честь апостола от семидесяти святого Варнавы) и принял на себя подвиг старчества, сделавшись в самом скором времени известнейшим на всю Россию духовником. 29 августа 1871 года отец Варнава был рукоположен во иеродиакона, а 20 января 1872 года — во иеромонаха. 20 января 1873 года с благословения наместника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Антония (Медведева) иеромонах Варнава был назначен народным духовником, а вскоре — и братским духовником Пещерного отделения Гефсиманского скита. С 1880 года он — духовник скитских старцев. Скончался отец Варнава 17 февраля 1906 года, в пятницу 1-й седмицы Великого поста.

⁶ Праздник этот именовался в скиту Воскресением и Вознесением Божией Матери и совершался по особому чину.

⁷ См. примеч. 1 к гл. «Старец Нектарий».

⁸ Преподобная Елена Дивеевская (Мантурова, † 1832), будучи сестрой Дивеевской общины, согласилась из послушания прп. Серфиму в 27 лет умереть вместо своего брата. «...умереть надо ему, матушка, а он мне еще нужен для обители-то нашей», — сказал преподобный. (См.: *Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря / Сост. архим. Серафим (Чичагов)*. М., 1991 (репр. 1903). С. 418.) Память преподобной Елены совершается 28 мая/10 июня.

⁹ Осенью 1917 г. постановлением преподавательской корпорации архимандрит Вениамин (Федчен-

ков) был избран ректором Таврической духовной семинарии и с согласия правящего архиерея архиепископа Таврического Димитрия (Абашидзе; см. о нем примеч. 3 к гл. «Отец Дионисий») занял этот пост. (Ранее он уже ректорствовал в Таврической семинарии в 1912–1913 гг.) После получения согласия владыки Димитрия отец Вениамин оставил Тверь и перебрался в Таврическую епархию.

¹⁰ Начало истории «безрукого» описывается в книге П. Флоренского о старце Исидоре:

«Подобным образом отец Исидор около трех лет до самой своей смерти возился с одним рабочим, которому оторвало машиною руку. Отец Исидор называл его обыкновенно “безруким”. Этого “безрукого” он сам кормил ложкой, раздевал его и одевал, доставал ему денег и неоднократно спасал его от попыток к самоубийству. Получит какое-нибудь подаяние и, не теряя времени, спешит передать “безрукому”. Кого только не просил отец Исидор за этого калеку! О чем бы ни шла речь, батюшка, бывало, непременно свернет ее на “безрукого” и начнет ходатайствовать о нем. Много старцу было хлопот с ним. Но, из многого выбирая немногое, поведаю тебе, читатель, о некоем случае. Однажды приходит к отцу Исидору один студент и видит такое зрелище: рабочий возбужденно уверяет батюшку, что он, рабочий, должен застрелиться или удавиться, ибо к этому его будто бы приговорили революционеры. Батюшка тогда обращается к вошедшему студенту и сетует на рабочего. Но если и слова старца “безрукий” не принимал в сердце, то неужто послушался бы студента! Так, конечно, и не внял его уговорам. Ну, не добившись умирения, старец и студент преклоняют колена и молятся о вразумлении калеки. Затем отец Исидор спешит к старцу Варнаве, чтобы и того привлечь на помощь; но отец Варнава, вероятно, провидя, в чем дело, отказался участвовать в

беседе с “безруким”. Тогда старый-престарый авва отец Исидор вместе с “безруким” снова плетется за ограду скитскую — в номер студента, снятый им в монастырской гостинице. Здесь они опять угощают рабочего чаем, уговаривают, просят, умоляют оставить задуманное. Батюшка изобретает все новые средства: приносит про-сфору, по кусочкам дает ее рабочему, снимает с себя — великую святыню — свой собственный перламутровый крест, привезенный батюшке из Старого Иерусалима неким странником, и, сняв его со своей шеи, надевает на шею рабочего; потом приносит откуда-то денег (своих-то у него, конечно, не было, как всегда!) и дает рабочему и говорит ему, что это Господь послал в утешение. Но не уязвляется любовью ожесточившееся сердце. Тогда восьмидесятилетний старец земно кланяется рабочему и просит его образумиться. Так же кланяются рабочему и студент со своею молодою женою, которая присутствовала при этом увещевании. И рабочий кланяется старцу. Чем кончились бы все эти просьбы, не ведомо никому, кроме только Бога. Но им положило конец постороннее вмешательство. Вдруг стучится коридорный и просит студента освободить номер, ибо узналось, что “безрукий” был политически неблагонадежным. Студенту пришлось собрать пожитки и поскорее удалиться из гостиницы. А батюшка стоял у ворот скита и, провожая уезжающего студента и жену его, говорил словами Спасителя: *Блаженны изгнанные правды ради* (Мф. 5, 10)». См.: Соль земли... С. 21–22.

¹¹ Имеется в виду рассказ А. П. Чехова «Нищий».

¹² Университет в городе Юрьеве-Дерпте (ныне город Тарту в Эстонии), основанный в 1802 году как Дерптский, с 1893 по 1918 год именовался официально Юрьевским. Отличался более мягкими условиями приема среди всех российских университетов.

¹³ Архимандритом Феофаном (Быстровым).

Зосимова пустынь

Воспоминания митрополита Вениамина (Федченкова) о Зосимовой пустыни и ее настоятеле отце Германе впервые увидели свет на страницах издававшегося за рубежом сборника «Надежда. Душеполезное чтение» (Вып. 9. С. 85–123). Повествование о Зосимовой пустыни, наряду с другими рассказами из «Божьих людей» и «Записок епископа» («Отец Дионисий», «Иеромонах Ксенофонт», «Иеромонах Софроний», «Странник», «Пустыньница Мария», «Бабушка Вера», «Лампадка»), было помещено под рубрикой «Русские праведники» со ссылкой на «самиздат», без указания публикатора.

В 1991 году воспоминания владыки Вениамина о Зосимовой пустыни, воспроизведенные по машинописи, хранящейся в библиотеке Псково-Печерского монастыря, были опубликованы в сборнике «Божьи люди», выпущенном в свет издательством «Современник».

В основу настоящей публикации положено это издание.

¹Зосимова Смоленская пустынь в Александровском уезде Владимирской губернии основана старцем схимонахом Зосимой (XVII–XVIII) — выходцем из Троице-Сергиева монастыря, поселившемся в местности, именуемой Ульянина (Ульянова) пустошь, вместе со своим келейником Ионой. Сведения о старце крайне скудны. Известно, что был он «прост умом, но глубок сердцем», местные жители глубоко чтили его как праведника. По преданию, к отцу Зосиме обращались за наставлениями лица, принадлежавшие к царской фамилии. После кончины старца собравшаяся вокруг него братия разошлась и обитель запустела, но могила праведника почиталась окрестными жителями и приходившими богомольцами. В возрождении пустыни в 60-х годах XIX столетия принимал самое деятельное участие блаженный Филиппушка (схимонах Филипп,

† 1863). Его сын Прокопий (иеросхимонах Порфирий) возобновил древнюю обитель уже после кончины своего родителя. Здания монастыря сооружались на средства благотворителей, среди которых особенной ревностью выделялся московский купец Д. М. Шапошников. С 1897 по 1923 год обителью управлял схиигумен Герман. Зосимова пустынь была закрыта в 1923 году (см. об этом ниже) и возобновлена в 1993 году. В июле 1994 года состоялась канонизация схимонаха Зосимы как местночтимого подвижника. Память 23 июня / 6 июля (Собор Владимирских святых).

О Зосимовой пустыни см.: *Леонид, архим.* Зосимова пустынь и ее основатель — блаженный старец Зосима. М., 1888; *Серафим, еп.* Зосимова пустынь в честь Смоленской иконы Божией Матери. М., 1913; *Серафим (Чичагов), митр.* Летописный очерк Зосимовой Смоленской пустыни // Да будет воля Твоя. М. — СПб., 1993. О возрождении монастыря см.: Свято-Смоленско-Зосимова пустынь // Даниловский благовестник. Вып. 7. 1995.

² Память Германа Зосимовского (Гомзина, † 1923), местночтимого святого Владимирской епархии, — 17/30 января и 23 июня / 6 июля (Собор Владимирских святых).

³ Зосимова пустынь находится близ станции Арсаки Ярославской железной дороги.

⁴ Ученик отца Германа. После закрытия Зосимовой пустыни подвизался в Высоко-Петровском монастыре в Москве. Передал владыке Вениамину свои записи для составления жизнеописания схиигумена Германа.

⁵ Память преподобномученицы великой княгини Елисаветы († 1918) — 5/18 июля.

⁶ Свт. Феофан, Затворник Вышенский (в миру Георгий Васильевич Говоров, † 1894; память — 6/19, 10/23 января и 16/29 июня), родился в Орловской губернии в семье священника. Учился в Ливенском духовном учи-

лице и Орловской духовной семинарии. В 1841 году окончил Киевскую духовную академию. В том же году был пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, затем во иеромонаха. С 1844 года преподавал в Санкт-Петербургской духовной академии нравственное богословие. В 1847 назначен членом Русской духовной миссии в Иерусалиме. С 1855 года — ректор Олонецкой духовной семинарии. В 1856 г. назначен настоятелем посольской церкви в Константинополе. С 1857 — ректор Санкт-Петербургской духовной академии. В 1859 году • был хиротонисан во епископа Тамбовского и Шацкого, с 1863 года — епископ Владимирский. В 1866 г. святитель по своему прошению был уволен на покой с правом пребывания в Успенской Вышенской пустыни (Тамбовская епархия). В 1872 г. ушел в затвор. Основные труды: «Путь ко спасению», «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться», толкование Священного Писания. Святитель перевел «Добротолюбие» на русский язык и значительно дополнил этот сборник творений святых отцов; вел обширную переписку, впоследствии письма были изданы.

См. о его переписке со схиигуменом Германом Зосимовским примеч. 8 к гл. «Отец схиигумен Герман».

⁷ Марфо-Мариинская обитель милосердия — благотворительное учреждение, основанное преподобномученицей великой княгиней Елисаветой в 1908 году в Москве, на улице Большая Ордынка. Сестры обители, которые вели монашеский образ жизни, оказывали безвозмездную помощь неимущим москвичам, работая в беднейших кварталах древней столицы России. В обители два храма: Покровский собор, построенный по проекту архитектора А. В. Щусева, с росписями М. В. Нестерова и П. Д. Корина, и церковь святых Марфы и Марии.

При Марфо-Мариинской обители действовали больница, амбулатория, приют для девочек, аптека и другие

благотворительные учреждения. После закрытия обители большевиками Покровский собор действовал до 1926 года. Возрождение обители началось в 1990 году.

⁸Речь идет о знаменитом подвижнике — преподобном Алексии Зосимовском († 1928; день памяти — 19 сентября / 2 октября). Иеросхимонах Алексей (в миру Феодор Алексеевич Соловьев) родился в Москве 17 января 1846 года в семье протоиерея Алексея Петровича Соловьева-Михайлова, священника церкви святого Симеона Столпника за Яузой, и его супруги Марии Петровны. С детства отличался глубоким личным благочестием и серьезным настроем. Окончил духовное училище в Андрониковом монастыре и Московскую духовную семинарию, из которой был выпущен по первому разряду в 1866 году. 12 февраля 1867 года вступил в брак с Анной Павловной Смирновой. 19 февраля того же года принял рукоположение в сан диакона. Был назначен в церковь Николая в Толмачах, где в то время настоятельствовал отец Василий Нечаев (впоследствии епископ Костромской Кассиан — духовный писатель и проповедник, редактор журнала «Душеполезное чтение»), оказавший большое нравственное влияние на молодого клирика. Супруга отца Феодора скончалась от скоротечной чахотки 27 января 1872 года, оставив сиротой сына Михаила. Отец Василий Нечаев поддерживал отца Феодора в его горе. После отъезда отца Василия в Кострому его преемником по настоятельству в Николо-Толмачевском храме стал отец Димитрий Косицин, профессор Московской духовной академии, благоговейнейший священнослужитель, также оказавший благотворное влияние на будущего Зосимовского старца.

27 мая 1895 года отец Феодор получил назначение в Большой Успенский собор Московского Кремля, 4 июня состоялось его рукоположение в сан иерея. Избранный

духовником соборного причта, отец Феодор пользовался неизменной любовью собратьев-священников и прихожан храма. 8 октября 1898 года он, согласно прошению, был уволен из собора и 24 октября поступил в Зосимову пустынь. 30 ноября 1898 года состоялся его постриг, при совершении которого он был наречен Алексием (в честь святителя Алексия, митрополита Московского († 1378)). Ученик и сотаинник старца Германа, отец Алексей в скором времени стал известным на всю Россию старцем, духовно окормлявшим тысячи людей.

В 1916 году отец Алексей ушел в затвор, но в 1917 году, во время Поместного Собора, был вызван в Москву. В храме Христа Спасителя, перед перенесенной из Успенского собора Владимирской иконой Божией Матери, он — с благословения отцов Собора — вынул жребий, указавший имя нового Патриарха Русской Православной Церкви, — святителя Тихона († 1925).

В 1919 году 28 февраля отец Алексей принял схиму (без перемены имени, в честь святого Алексия, человека Божия). Скончался в 1928 году, уже после закрытия Зосимовой пустыни. Последние годы жил в Сергиевом Посаде, в доме В. Т. Верховцевой. 26 июля 1994 года в возрожденную Зосимову пустынь из Сергиева Посада были перенесены честные останки отца Алексия Зосимовского.

Об отце Алексии см.: Старец Алексей Зосимовой пустыни. Париж: YMCA-Press, 1989.

⁹ См. примеч. 11 к гл. «Владыка».

Отец схиигумен Герман

Текст подготовлен к печати по рукописи, хранящейся в частном собрании. Впервые он был опубликован в 1998 году издательством «Отчий дом».

Митрополит Вениамин располагал следующими материалами о схиигумене Германе.

Во-первых, собственные воспоминания об игумене Германе, в основу которых положена поездка в Зосимову пустынь в 1910 году. Эти записки под названием «Зосимова пустынь» вошли в 1-ю тетрадь книги «Божьи люди». В настоящей книге они предваряют главу «Отец схиигумен Герман» (в соответствии с указаниями самого владыки Вениамина).

Во-вторых, на основании перечисленных ниже рукописей владыка составил «рабочий» вариант жизнеописания отца Германа.

1) «Отец игумен Герман сам о себе». Записано со слов его отцом Мелх[иседеком]. Рукопись (размером 35×22 см) делится на две части. С левой стороны — текст, запись сделана карандашом и чернилами (уже выцветшими); правая сторона — пустая: оставлено место для заметок.

2) Пятнадцать двусторонних листов такого же формата (35×22 см). Рукопись озаглавлена: «Дополнительные сведения. Детство отца игумена Германа со слов отца игумена» (прочитано отцу игумену и исправлено с его слов). Рукопись датирована, записи относятся к 1919 году. В тексте четко прочитывается фамилия отца Германа — «Гомзин» (см. об этом примеч. 2 к настоящей главе). Каждый лист делится пополам: слева — текст, справа — примечания. Их много, и большинство из них сделано от первого лица. Вероятно, записаны непосредственно со слов самого отца Германа.

3) На трех листах означенного формата — рабочие пометки (чьи?), как пользоваться рукописями. Надпись: «Эти пометки сделаны при просмотре записных тетрадей м. И.».

4) На восьми листах означенного формата: «Беседы с отцом игуменом Германом».

5) Выписки из «Духовного дневника» епископа Арсения Серпуховского, касающиеся отца игумена Германа. 1 лист.

6) «Со слов отца Мелхиседека»: «Слово отца игумена Германа о схиме». 1 лист.

7) «Со слов отца игумена Германа». 15 августа 1921 года. 1 лист.

8) «Со слов отца Иннокентия о батюшке». 2 листа. Дата: 17 августа ? года.

¹Будущий подвижник родился в понедельник Страстной седмицы, был крещен в Великий Пяток, а на Пасху в тот год пришлись его первые именины.

²В ряде появившихся в последнее время публикаций о схиигумене Германе его фамилия пишется как «Рамзин» (см., например: Свято-Смоленско-Зосимова пустынь // Даниловский благовестник. Вып. 7. 1995. С. 97–115), что не подтверждается архивными документами.

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) хранится дело о пострижении в монашество Гавриила Гамзина (ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 12469), рапорт исполняющего должность строителя Гефсиманского скита иеромонаха Антония о рукоположении Германа Гамзина во иеродиаконы (ед. хр. 12887, л. 6), послужные списки его (л. 17–18; л. 24–25), рапорт строителя скита игумена Даниила о рукоположении иеродиакона Германа во иеромонаха (л. 28) и другие документы. Везде фамилия подвижника написана как Гамзин. Только в одном документе встречается написание «Гомзин» (опись фонда Учр. Собора Св.-Тр. Серг. Лавры, ед. хр. 10953, л. 81, № 68). Этому написания придерживался и митрополит Вениамин (Федченков).

³Дети в семье Симеона и Марфы Гомзиных: Василий, Наталья, Алексей, Фекла, Петр, Иван, Гавриил, Агриппина, Анастасия.

⁴Фекла Гомзина (в замужестве Зыбина) скончалась 5 октября 1870 года. Отцу Герману было в то время 26 лет.

⁵ «Памятный листок о иеромонахе Германе Гомзине», составленный самим зосимовским подвижником в 1894 году, сообщает: «Марфа Федотьевна Гомзина скончалась 1848 года, ноября 19-го, после родов младенца Анастасии. Тезоименитство ее — 1 сентября».

⁶ Матрена Матвеевна Бабакина. Скончалась в 1863 году.

⁷ Богородице-Рождественский Саввино-Сторожевский монастырь находится примерно в 1,5 верстах от городского собора — древнего храма Успения Пресвятой Богородицы, что на Городке (конец XIV века).

⁸ Таким образом, Гавриил Гомзин получил лишь начальное образование в приходской школе, а поступить в уездное училище у него уже не было возможности.

«Наш авва не получил законченного образования, — пишет по этому поводу епископ Арсений (Жадаковский), — но путем чтения святоотеческих творений, общения с учеными людьми, а еще более христианским воспитанием ума и сердца достиг большого духовного опыта и богословских познаний. Он отличался любознательностью, доказательством чего служит оставшаяся после него библиотека, а также изданные им следующие книги: “О жизни и подвигах старца-затворника Гефсиманского скита, что близ Троице-Сергиевой Лавры, иеросхимонаха отца Александра” (1908); “Ответы епископа Феофана, затворника Вышенской пустыни, на вопросы инока о молитве” (1910), “Ответы епископа Феофана, затворника Вышенской пустыни, на вопросы инока относительно различных деланий монашеской жизни” (1908); “Старчество. Мысли святых отцов о необходимости и пользе старческого руководства в духовной жизни” (1910); [*Иеромонах Серафим (Чичагов)*] “Зосимова пустынь во имя Смоленской Божией Матери, Владимирской губ., Александровского уезда: Летописный очерк” (1899); “Изречения св. отцов об охранении

души и тела в чистоте целомудрия против искушения блудной страсти. Взято из 2-го тома «Добролюбия» в русском переводе епископа Феофана» (1910).

Отец Герман интересовался всеми церковно-общественными вопросами нашего времени и высказывал по этим вопросам свое просвещенное мнение. <...> Когда был монашеский съезд в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, командировали туда и нашего авву в качестве представителя от Московской епархии» (*Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. М., 1995. С. 86–87).

⁹ В районе Мещанских улиц. Выходят на современный Проспект Мира. Протопоповский переулок с 1924 года именовался Безбожным. Ныне историческое название восстановлено.

¹⁰ В 1932–1994 годах назывался — 2-й Неглинный. Церковь святителя Николая Чудотворца в Звонарях в настоящее время приписана к подворью Успенского Пюхтицкого монастыря.

¹¹ См.: Ирмос, песнь 1-я, Великий покаянный канон святого Андрея Критского.

¹² Наставление о собственных всякого христианина должностях. М., 1818. Книга выдержала несколько изданий.

¹³ В житии святого Василия Блаженного этого нет.

¹⁴ Вероятно, речь идет о церкви святого великомученика Георгия, что в Старых Лучниках, в Лубянском проезде (XVII век). В начале 1930-х годов храм был закрыт, в 1993 году — возвращен Церкви и впоследствии отреставрирован.

¹⁵ Троицкое подворье при церкви Святой Троицы в Троицком (1698–1708), на Самотеке. С 1815 года здесь находилась резиденция Московского митрополита. На Троицком подворье жил патриарх святитель Тихон. В настоящее время здесь размещается подворье Троице-Сергиевой Лавры.

¹⁶ Императорская Екатерининская больница с 1833 года располагалась в бывшем здании Английского клуба на Страстном бульваре у Петровских ворот.

¹⁷ Мариинская больница, основанная в 1805 году по повелению императора Александра I, находилась на Ново-Божедомской улице (ныне — улица Достоевского).

¹⁸ «Памятный листок о иеромонахе Германе Гомзине» сообщает: «Симеон Матвеев Гомзин скончался 1859 сентября 19-го дня, в воскресенье вечером после соборования маслом вскоре, в больнице в Новой Екатерининской, погребен на Лазаревском кладбище в Москве монахом рясофорным, там он и скончался и погребен с подворья Троицкого, экономом и родственником и детьми: Василием, Алексеем, Феклой, Гавриилом Гомзиными».

¹⁹ Троицкий монастырь в городе Ельце, по преданию, основан в XII веке. Исторические сведения о нем восходят к XVII столетию. В XVIII веке упразднен. Возобновлен в 1836 году.

²⁰ В описываемое время в Москве существовала только одна церковь в честь этого святого — церковь святого мученика Трифона, что в Напрудной, — один из древнейших храмов столицы, возведенный в XV–XVI веках и неоднократно перестраивавшийся. В храме находился чудотворный образ святого мученика Трифона с частицами его мощей, который в настоящее время пребывает в церкви в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Переяславской Ямской слободе (у Рижского вокзала).

²¹ Игумен Анатолий — из старообрядцев, живших в Молдавии. Обратился из раскола в православие и выехал в Россию. Поступил в Верхне-Спасский Преображенский Иргизский единоверческий монастырь Самарской епархии. Исполнял послушание казначея. По приглашению насельников Гефсиманского скита Илариона, Александра и Иоанна прибыл в Гефсиманию

и 13 ноября 1849 года был определен на должность строителя скита. Тридцать лет управлял обителью (с 1873 или с 1874 — в сане игумена).

Отец Анатолий сочетал дар духовного руководства с яркими хозяйственными дарованиями. Его трудами в скиту были построены трапезная и больничная церкви, братские келии, постройки Пещерного отделения, ферма; в Москве построено подворье (часовня преподобного Сергия Радонежского и принадлежавший скиту дом у Сухаревой башни. При нем число братии достигло двухсот человек. С 1879 года жил на покое по причине болезни. Незадолго до кончины принял схиму с именем Алексий. Скончался 6 мая 1880 года.

²² Иеромонах Тихон и иеросхимонах Александр.

²³ Иконы, написанные отцом Германом, находились в Черниговском соборе и в келиях насельников. Всех икон — 24. Среди них были образы Нерукотворного Спаса, Успения Богородицы, Черниговской и Тихвинской икон Божией Матери (см.: сб. «К свету», 1992, вып. 14, примеч. к с. 29).

²⁴ Игумен Даниил (в миру Димитрий Соколов) — пятый строитель скита со времени его основания (Макарий (1845–1848), в схиме Иларион; Варлаам (1848–1849); Анатолий (1849–1879); Антоний (1879–1880). Происходил из крестьян Клинского уезда Московской губернии. Поступил в скит в 1857 году. Пострижен в 1866. В 1867 году рукоположен во иеродиакона, в 1872 — во иеромонаха. Назначен казначеем скита в 1875 году, в декабре 1880 — строителем. В 1892 году возведен в сан игумена. При нем Гефсиманский скит и его Пещерное отделение украсились новыми зданиями прекрасной архитектуры. Завершилось построение храма в честь Черниговской иконы Божией Матери, деревянная ограда заменена каменной. Построена колокольня. Число братии увеличилось до трехсот человек (при самом строгом отборе).

²⁵ Часовня преподобного Сергия Радонежского, сооруженная усердием московских купцов и освященная 11 июня 1863 года святителем Филаретом, митрополитом Московским, принадлежала Гефсиманскому скиту. Находилась возле внешней стены Китай-города, с севера от башни Ильинских ворот. В часовне хранилась часть мощей преподобного. Часовня разрушена в 1927 году.

²⁶ Иеросхимонах Александр (в миру Александр Стрыгин) родился в 1810 году в городе Козельске в семье благочестивых мирян Димитрия и Татьяны. С двенадцати лет познал сладость молитвы Иисусовой, но в более зрелом возрасте не избежал искушений и соблазнов. Особенно сильное испытание постигло его, когда он поступил «сидельцем» в питейное заведение своего дяди (в похожих житейских обстоятельствах оказался и его будущий ученик Гавриил Гомзин). В молодости вступил в брак. Имел сына. Через четыре года после женитьбы овдовел. На первой неделе Великого поста 1838 года, 27-ми лет от роду, поступил в Оптину пустынь и начал подвизаться под руководством знаменитого старца Леонида, в схиме — Льва (Наголкина; см. примеч. 1 к гл. «Оптина»). В это же время учеником старца Льва был будущий оптинский подвижник преподобный Амвросий (см. примеч. 5 к гл. «Оптина»), присылавший впоследствии своих духовных детей на исповедь к иеросхимонаху Александру. В Оптиной Александр проходил послушание на кухне. Через несколько лет после кончины своего наставника, последовавшей 11 октября 1841 года, он покинул Оптину пустынь и перешел на жительство в Николо-Черноостровский монастырь города Малоярославца Калужской губернии. (В настоящее время этот монастырь — женский.) Здесь он принял постриг в мантию и был наречен Агапитом.

В 1849 году отец Агапит по собственному прошению перевелся в Харьковский архиерейский дом, где

по рукоположении во иеродиакона, а затем и во иеромонаха, получил назначение на должность эконома. В 1851 году отец Агапит вместе со своим родителем Димитрием Стрыгиным по благословению святителя Филарета, митрополита Московского, поступил в число братии Гефсиманского скита, а в 1858 году отец Агапит вместе с несколькими насельниками скита обосновался в Торбеевке, на месте будущего скита Параклит. В Параклите отец Агапит принял впоследствии пострижение в великую схиму и был наречен Александром. Его «восприемником от Евангелия» был архимандрит Антоний (Медведев), наместник Троице-Сергиевой Лавры. Повинуясь воле духовного отца, иеросхимонах Александр в 1861 году вернулся в Гефсиманский скит и стал принимать многих из братии, обращавшихся к нему за наставлениями.

23 ноября 1862 года иеросхимонах Александр с благословения митрополита Московского святителя Филарета удалился в затвор, из которого вышел по повелению духовного начальства 9 марта 1865 года. Дело в том, что во время пребывания в затворе здоровье отца Александра резко ухудшилось. Через несколько лет он вновь испросил благословение на затворничество и получил разрешение неисходно пребывать в келии при церкви Воскресения Христова на скитском кладбище. 1 августа 1871 года, отслужив раннюю литургию в Успенской церкви, иеросхимонах Александр пришел в келию и затворился. С этого времени его келейником стал будущий схиигумен Герман. Отец Александр почил о Господе 9 февраля 1878 года.

²⁷ Иеромонах Тихон (ум. 1873) — ученик Оптинского старца иеросхимонаха Феодота (ум. 1875), некоторое время подвизавшегося в скиту Параклит, — отличался простотой, глубочайшим смирением, удивительным умением говорить с каждым, кто к нему обращался за советом и утешением. Любовь и сострадание его к людям были так

велики, что он часто плакал, принимая исповедь, и ласковым задушевным словом утешал кающихся. К нему, начальнику и братскому духовнику Пещерного отделения, поступил в послушание рясофорный монах Гавриил.

²⁸ Архимандрит Леонид (в миру Лев Александрович Кавелин) родился в 1821 году. Происходил из дворян Калужской губернии. Детство провел в родовом поместье близ Оптиной пустыни. Мать отца Леонида — двоюродная сестра знаменитого русского флотоводца, героя Севастопольской обороны адмирала П. С. Нахимова. Л. А. Кавелин окончил I Московский кадетский корпус. До 1852 года находился на военной службе. Увлекался литературой, публиковался в ряде светских изданий. В 1852 году поступил послушником в Оптину пустынь. Принял постриг в 1855 году. С 1859 по 1863-й — иеромонах Оптиной пустыни. С 1863 по 1865-й — начальник Российской Духовной миссии в Иерусалиме. В 1865–1869 годах — настоятель Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря под Москвой. Наместник Троице-Сергиевой Лавры с 1877 по 1891 год. Скончался 22 октября 1891 года.

Автор многочисленных исследований и изысканий в области славянорусских церковных древностей, библиограф и археограф, описавший рукописи Иерусалимской патриархии, святыни и достопримечательности Святой Горы Афон, Константинополя, работавший в крупнейших книгохранилищах православного Востока. Член-корреспондент Императорской археографической комиссии, почетный член русских и иностранных научных обществ.

²⁹ Приведенная дата (1889) содержится в одном из источников, которыми пользовался владыка Вениамин при составлении жизнеописания схиигумена Германа.

Вообще некоторые сведения, представленные в жизнеописании, противоречивы. С уверенностью можно

утверждать, что 3 июня 1870 года звенигородский мещанин Гавриил Гомзин определен в число послушников Гефсиманского скита, пострижение его в монашество состоялось в 1877 году, рукоположение во иеродиакона — в 1880-м, а во иеромонаха — в 1885 году.

³⁰ Память святителя Германа, архиепископа Казанского († 1567), — 23 июня / 6 июля, 25 сентября / 8 октября (перенесение мощей) и 6/19 ноября.

³¹ Свяжский Иоанно-Предтеченский женский монастырь в городе Свяжске Казанской епархии основан в XVI столетии царем Иоанном IV Грозным. В 1919 году был закрыт. Ныне — подворье мужского Свяжского Успенского монастыря.

³² Записки отца Германа вышли в свет в 1900 году без указания имени автора под заглавием «О жизни и подвигах старца-затворника Гефсиманского скита, что близ Троице-Сергиевой Лавры, иеросхимонаха отца Александра. Собрано его келейником NN» (М., 1900). В 1994 году книга переиздана «Русским хронографом». Автор, однако, не указан.

³³ Митрополит Макарий (Булгаков, 1816–1882) — выдающийся богослов и историк Церкви, занимал Московскую кафедру с 1879 года до самой своей кончины.

³⁴ Митрополит Иоанникий (Руднев, 1826–1900) занимал Московскую кафедру с 1882 по 1891 год.

³⁵ Митрополит Леонтий (Лебединский, 1822–1893) занимал Московскую кафедру с 1891 по 1893 год.

³⁶ Покровский Хотьков монастырь находится в 10 верстах от Троице-Сергиевой Лавры, на берегу реки Пажи. По преданию, основан родителями преподобного Сергия Радонежского — преподобными Кириллом и Марией (мощи их покоятся ныне в Покровском храме обители). После революции монастырь был закрыт. Возобновлен в 1991 году как ставропигиальный.

³⁷ Митрополит Сергей (Ляпидевский, 1820–1898) занимал Московскую кафедру с 1893 по 1898 год.

³⁸ Прибыв в 1886 году на Валаам, отец Герман познакомился со старцем отцом Агапитом, состоявшим в переписке со святителем Феофаном Затворником, и по совету отца Агапита побывал еще у трех подвижников, занимавшихся молитвой Иисусовой. После возвращения с Валаама отец Герман написал святителю Феофану и получил ответ от него. С этого времени отец Герман руководствовался письменными наставлениями и советами Вышенского Затворника.

³⁹ Переписка двух подвижников опубликована (см. примеч. 8 к настоящей главе).

⁴⁰ Архимандрит Павел (в миру Петр Иванович Глебов) — наместник Троице-Сергиевой Лавры и строитель Зосимовой пустыни, родился в 1827 году в городе Пронске Рязанской губернии в семье диакона. Учился в духовном училище, но после окончания начальных классов был взят родителями домой, так как у них не было достаточных средств для продолжения учения сына. С восемнадцати лет — послушник, а затем — монах Саввино-Сторожевского монастыря. С 1858 года — эконом. В 1876–1877 годах был экономом Ярославского архиерейского дома, в 1877–1891 годах — наместником Толгского монастыря (до революции Толгский монастырь был мужским). В 1891 году назначен наместником Троице-Сергиевой Лавры. Скончался 1 марта 1904 года. Погребен в Зосимовой пустыни.

⁴¹ Спасо-Преображенский Гуслицкий монастырь в Богородском уезде Московской губернии, в 50 верстах от города Богородска (ныне город Ногинск Московской области), близ села Запонорье. Основан в 1859 году по желанию императора Александра II при святителе Филарете, митрополите Московском, в Гуслицкой волости, заселенной старообрядцами, как центр миссионер-

ства среди раскольников. Основателем и первым строителем обители был игумен Парфений — возобновитель Николаевской Берлюковской пустыни. В советское время монастырь был закрыт. Восстановление обители началось в 1998 году.

⁴² Вероятно, речь идет об Иверском Выксунском монастыре, основанном старцем Варнавой первоначально в виде богадельни, которая в 1874 году была переименована в женскую общину, а в 1878 году — в монастырь, причисленный к третьему классу. Но Иверский монастырь находился в Нижегородской губернии (в Ардатовском уезде), а не во Владимирской.

⁴³ Иеромонах Иоанн был строителем Зосимовой пустыни с 1890 по 1897 год.

⁴⁴ Архиепископ Антоний (в миру Александр Николаевич Каржавин, 1858–1914) — уроженец Вологодской губернии. Окончил гимназию в Вологде и Московскую духовную академию (1880). Магистр богословия (1888). В 1880–1888 гг. преподавал в Тамбовской духовной семинарии. В 1888 г. принял монашество и рукоположение в священный сан. В 1888–1891 гг. — инспектор Московской духовной академии в сане архимандрита. В 1891–1895 гг. — ректор Вифанской духовной семинарии. 14 сентября 1895 г. хиротонисан во епископа Великоустюжского, викария Вологодской епархии. В 1897–1910 гг. — епископ Тобольский. Первым из русских архиереев открыто выступил против Распутина, обвинив его в хлыстовстве. В 1910 г. возведен в сан архиепископа и назначен на Тверскую кафедру. При этом его преемником по Тобольской кафедре стал ставленник Распутина епископ Варнава (Накропин). Скончался 16 марта 1914 года. Аскет, тайный благодетель, делатель молитвы Иисусовой.

⁴⁵ Троице-Одигитриева Зосимова пустынь основана подвижником-старцем Зосимой Верховским († 1833;

память — 24 октября / 6 ноября) как женская община с храмом в честь Смоленской иконы Божией Матери. В 1841 году по ходатайству святителя Филарета, митрополита Московского, повелением императора Николая I утверждена на правах общежития. В 1856 году возведена в степень монастыря. В свои детские годы Зосимову пустынь любил посещать Василий Меркулов — будущий старец Варнава Гефсиманский. После революции обитель просуществовала до 1928 года как женская трудовая коммуна, а затем была окончательно закрыта. Здания монастыря в целом сохранились. Старожилы указывают даже примерное место погребения отца Зосимы. С 1968 года в пустыни размещался пионерский лагерь. В 1998 году на месте монастыря образовано подворье Московского Богородице-Смоленского Новодевичьего монастыря. В 2000 году подворье преобразовано в женский монастырь.

⁴⁶Епископ (впоследствии архиепископ) Феодор (в схиме — Даниил, в миру Александр Поздеевский) родился 21 марта 1876 года в Костромской губернии. В 1896 году окончил Костромскую духовную семинарию и поступил в Казанскую духовную академию. На последнем курсе академии (в 1900 году) принял монашество и рукоположение в священный сан. Окончил академию со степенью кандидата богословия, оставлен профессорским стипендиатом. С 1901 года — преподаватель, с 1902-го — инспектор Калужской духовной семинарии. Удостоен степени магистра богословия (1903). В 1906–1909 годах — ректор Московской духовной семинарии (в сане архимандрита). В 1909–1917 годах — ректор Московской духовной академии. 14 сентября 1906 года хиротонисан во епископа Волоколамского. После февраля 1917 года удален с поста ректора. 1 мая 1917 назначен настоятелем Данилова монастыря в Москве. В 1918 году читал курс аскетики в Высшей богословской школе, открытой при

Даниловом монастыре. В июне того же года назначен на Пермскую кафедру. В 1922-м арестован и сослан. В августе 1923 года возведен в сан архиепископа, в октябре назначен управляющим Петроградской епархией. Назначения не принял. В 1924 году арестован. С 1925 по 1937 год находился в ссылках. Расстрелян 23 октября 1937 года в Ивановской тюрьме.

⁴⁷Троицкий Стефанов Махрицкий монастырь находится в 15 верстах от города Александрова и в 35 верстах от города Сергиева Посада. Основан во второй половине XIV столетия преподобным Стефаном Махрицким († 1406; память 14/27 июля).

⁴⁸14/27 сентября вспоминается успение иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константина града, Златоустого, скончавшегося в этот день в 407 году на пути из местечка Кукуз в Малой Азии, где он был в ссылке, в более отдаленное место — Питиус (соврем. Пицунда), находившееся на территории современной Абхазии. Память Иоанна Златоустого также совершается 27 января / 9 февраля, 13/26 ноября.

⁴⁹Преподобномученица великая княгиня Елисавета Феодоровна приняла православие в Вербную субботу 13 апреля 1891 года.

⁵⁰Память преподобного Павла Препростого († IV) — 4/17 октября, 7/20 марта.

⁵¹Никомидийские мученики Евлámпий и Евлампи́я († 303–311).

⁵²Иеромонах Феодор (в миру Иван Игнатьевич Ушаков, † 1791; память — 19 февраля / 4 марта, 21 апреля / 4 мая) — возобновитель Санаксарской пустыни, замечательный подвижник благочестия XVIII столетия (см. о нем: *Поселянин Е.* Русская Церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1905. С. 261–273). Но речь идет в данном случае не о нем, так как иеромонах Феодор Санаксарский не был учеником преподобного Паисия

Величковского (см. примеч. 2 к гл. «Оптина»).

В беседе схиигумена Германа речь идет, скорее всего, о схимонахе Феодоре (ум. 1822), учеником которого в действительности был отец Леонид (в схиме — Лев, Наголкин; см. примеч. 1 к гл. «Оптина»). Отец Феодор родился в 1756 году в городе Карачеве Орловской губернии. Рано лишился отца. В молодости занимался торговлей. С юных лет отличался тягой к монашеству. Дважды уходил в монастырь, но по настоянию матери возвращался в мир. Был женат, но семейной жизнью не удовлетворился. Однажды, отправившись на богомолье в Киев, добрался до Нямецкого монастыря в Молдавии, где был принят преподобным Паисием Величковским. Безропотно исполнял тяжелые послушания. Несколько лет жил с пустынниками Онуфрием и Николаем — учениками преподобного Паисия, затем вернулся в монастырь, где трудился над переписыванием книг, нес клиросное послушание и постигал науку умного делания.

В 1801 году, уже после кончины преподобного Паисия, по совету его преемника старца Софрония вернулся в Россию и подвизался сначала в Челнском, затем — в Белобережском монастыре. В «Белых берегах» ревностным учеником отца Феодора стал настоятель этой пустыни отец Леонид — основатель старчества в Оптиной пустыни. Отец Леонид оставил настоятельство и жил в лесу вместе со своими наставником и иеросхимонахом Клеопой. Затем все трое оказались на Валааме, а потом — в Александро-Свирском монастыре, где отец Феодор и скончался в пятницу Светлой седмицы 1822 года.

⁵³ 26 марта / 8 апреля — Собор Архангела Гавриила.

⁵⁴ С 1920 года Зосимова пустынь существовала как сельскохозяйственная артель (обычный способ выживания православных обитателей в те годы), при этом заведенный порядок монастырской жизни не нарушал-

ся. Окончательное закрытие пустыни последовало в 1923 году. Монастырь возрожден в 1993 году. Мощи схиигумена Германа покоятся в храме Смоленской иконы Божией Матери.

Оптина

Глава «Оптина» из книги митрополита Вениамина (Федченкова) впервые была опубликована в сборнике «Божии люди», выпущенном в свет в 1991 году издательством «Современник», затем в «Богословском вестнике», издаваемом Московской духовной академией (см.: Богословский вестник. 1993. № 1. С. 70–101).

Для подготовки настоящей публикации привлекался еще один машинописный текст, не подвергавшийся, в отличие от первого, редактированию и хранящийся в частном архиве. Над «Оптиной» владыка Вениамин работал, живя за границей, в Америке.

¹ Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 году были канонизированы 13 Оптинских старцев: иеросхимонах Лев, иеросхимонах Макарий, схиархимандрит Моисей, схиигумен Антоний, иеросхимонах Иларион, иеросхимонах Анатолий Старший, схиархимандрит Исаакий, иеросхимонах Иосиф, схиархимандрит Варсонофий, иеросхимонах Анатолий Младший, иеросхимонах Нектарий, иеромонах Никон, архимандрит Исаакий II. Иеросхимонах Амвросий прославлен в лике святых в 1988 году. Собор преподобных Оптинских старцев — 11/24 октября.

Старец Леонид (в схиме Лев, в миру Лев Данилович Наголкин, † 1841; память преподобного Льва Оптинского — 11/24 октября в Соборе Оптинских старцев) родился в 1768 году в городе Карачеве Орловской губернии. В молодости занимался торговлей, служил приказчиком, много ездил по России. В возрасте 29 лет поступил послушником в Оптину пустынь, но вскоре перешел

в пустынь Белобережскую, где принял постриг и рукоположение в священный сан. В 1804 году он стал настоятелем Белобережской пустыни, сменив при этом своего наставника отца Василия (Кишкина). Еще до своего настоятельства отец Леонид познакомился со старцем Феодором, учеником преподобного Паисия Величковского. В 1808 году отец Леонид, оставив управление обителью, последовал за старцем Феодором в затвор и некоторое время подвизался вместе с ним и с иеромонахом Клеопой в лесной келии. В этот период он келейно принял схиму с именем Лев (см. примеч. 52 к гл. «Отец схиигумен Герман»). Затем отшельники удалились на Валаам, а в 1817 году перешли в Александро-Свирский монастырь. Старец Феодор скончался в 1822 году. В 1829 году отец Леонид вместе с шестью учениками прибыл в устроенный архимандритом Моисеем (Путиловым, † 1862; память — 16/29 июня) Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни, где сделался основателем старчества. За духовным утешением к отцу Леониду стали обращаться толпы мирян; ежедневно настоятель и братия обители открывали ему помыслы. По молитвам старца исцелялись больные и одержимые. Скончался подвижник 11 октября 1841 года.

О нем см.: Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида / Сост. иером. Климент (Зедергольм). М., 1876. (2-е изд. — 1890.)

О нем и др. Оптинских старцах: *Концевич И. М.* Оптина пустынь и ее время. N.Y.: Holy Trinity Monastery, Jordanville, 1970.

² Преподобный Паисий (в миру Петр Величковский, † 1794; память 15/28 ноября) родился 21 декабря 1722 года в Полтаве в семье священника. С тринадцатилетнего возраста был зачислен в Киевское духовное училище. Курса не окончил. Оставил училище и отправился на поиски духовного руководителя, которого обрел было

в лице игумена Любецкого монастыря Никифора, но тот вскоре скончался. Путешествовал по монастырям. В 1741 году принял постриг в рясофор (с именем Платон) в Медведковской обители святителя Николая. Затем попал в скит Тройстены. Испытал влияние молдавских старцев — схимонаха Василия (из скита Мерлополяны) и его ученика Михаила. Однако «своего» старца, опытного руководителя в духовной жизни, так и не нашел. Некоторое время подвизался в скиту Киркуль, а затем пришел на Святую Гору Афон и три года провел в подвигах поста и молитвы, обитая близ монастыря Пантократор. Стал известен на всем Афоне. В 1750 году прибывший из Молдавии старец Василий Поляномерульский постриг Платона в мантию с именем Паисий. После этого — по настоятельной рекомендации старца — преподобный Паисий сделался руководителем собравшейся вокруг него братии (из славян и молдаван). В 1758 году принял рукоположение во иеромонаха и сделался духовником братии. Основал новый скит возле каливы пророка Божия Илии при монастыре Пантократор. Преподобный Паисий тщательно подбирал святоотеческие рукописи на славянском и греческом языках и, убедившись в несовершенстве существовавших переводов, положил своими трудами начало целой школе переводчиков и переписчиков трудов святых отцов.

Пребравшись вместе с учениками в Молдавию, преподобный Паисий обосновался в Свято-Духовском монастыре в Драгомирне, а затем, уже окончательно, — в Нямецкой обители, превратив ее в школу православного подвижничества и центр духовно-нравственного просвещения. Нямецкий монастырь жил по правилам, разработанным преподобным Паисием на основе иноческих уставов святых Василия Великого, Феодора Студита и Феодосия Великого. Монашествующие должны были строго следовать послушанию, являть нестяжание и

смирение, молчать на трапезах. Во время послушаний творить молитву Иисусову, исповедовать помыслы духовнику. Наставляя братию, преподобный Паисий особенно выделял следующие добродетели: пребывание в келии, приобретение непрестанной молитвы, воздержание чрева и языка.

В Нямецком монастыре продолжалась работа по переписыванию и переводу творений святых отцов, составлялись тематические сборники. В 1793 году преподобный Паисий завершил перевод «Добротолубия» с греческого на славянский язык. При жизни преподобного Паисия Величковского в Нямецком монастыре подвизалось около 1000 монахов. После его блаженной кончины многие из них разошлись по российским монастырям, положив начало возрождению монашества.

(См.: *Сергий Четвериков, прот.* Молдавский старец архимандрит Паисий Величковский: Его жизнь, труды и влияние на православное монашество. Эсти-Петсери: Путь жизни, 1938. (2-е изд. — Paris: YMCA-Press, 1988.)

Оптинский старец Леонид не был непосредственным учеником преподобного Паисия, но был учеником ученика прославленного подвижника, следуя, как мы видели, наставлениям схимонаха Феодора.

³Преподобный Макарий Оптинский (в миру Михаил Николаевич Иванов, † 1860; память — 7/20 сентября) — друг и сподвижник старца Леонида, — родился 20 ноября 1788 года в Калужской губернии. В восьмилетнем возрасте лишился матери. Жил с отцом и братьями в Орловской губернии. Служил по финансовому ведомству. В 18 лет лишился отца. В миру вел аскетический образ жизни, отказался вступить в брак. В 1810 году поступил в Площанскую пустынь, отличавшуюся суровым уставом. После пяти лет послушничества принял постриг и еще через два года — рукоположение. Духовным руководителем отца Макария стал подвижник Площанской

пустыни старец Афанасий (Захаров) — ученик преподобного Паисия Величковского, работавший над переводами рукописей, привезенных из Молдавии. Отец Афанасий привлек к своим трудам и отца Макария.

В 1825 году старец Афанасий скончался, а в 1829 году иеромонах Макарий встретил нового наставника — отца Леонида (Наголкина), в течение полугода проживавшего в Площанской пустыни. После отъезда отца Леонида в Оптину между ним и отцом Макарием завязалась переписка. В 1834 году иеромонах Макарий получил разрешение переселиться в Оптину пустынь. Старец Леонид считал отца Макария равным себе, но, уступая настойчивым просьбам последнего, принял его в ученики. В 1836 году отец Макарий назначается духовником братии монастыря, а в 1839-м — скитоначальником. Старец Макарий, обладавший тонким художественным вкусом, превратил территорию Иоанно-Предтеченского скита в цветущий сад, собрал богатейшую библиотеку духовной литературы. Особенно заботился отец Макарий о скитской церкви, о строе богослужения, в ней совершавшегося.

Совершенствуясь в аскетических подвигах, занимаясь непрестанной молитвой, старец духовно окормлял многочисленных посетителей, отвечал на письма. При всех своих разнообразных дарованиях он всегда оставался человеком глубочайшего смирения.

Вместе со своим духовным сыном, философом-славянофилом И. В. Киреевским (см. примеч. 15 к настоящей главе), старец Макарий положил начало издательской деятельности Оптиной пустыни, сам работал над подготовкой текстов. За два года до кончины отец Макарий принял пострижение в великую схиму. Скончался 7 сентября 1860 года.

См. о нем: *Леонид (Кавелин), иером.* Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца Оптиной пу-

стыни иеромонаха Макария. М., 1861. (2-е изд. — 1881.) Он же: Последние дни Оптинского старца иеромонаха Макария. М., 1860.

В 1862–1863 годах вышло в свет «Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца иеромонаха Макария (Иванова)» в 4-х томах.

⁴ Святитель Филарет, митрополит Московский, неуклонно поддерживал начинания учеников преподобного Паисия Величковского, в том числе и насельников Оптиной пустыни. Благодаря его стараниям был положен конец преследованиям, которым епархиальное начальство подвергало старца Леонида.

⁵ Преподобный Амвросий Оптинский (в миру Александр Михайлович Гренков, † 1891; память 10/23 октября, 27 июня / 10 июля) родился 23 ноября 1812 года в селе Большая Липовица Тамбовской губернии в семье церковнослужителя. Окончил духовное училище и Тамбовскую семинарию. Служил учителем в Липецком духовном училище. Веселый, общительный и остроумный молодой человек, бывший «душой общества», с некоторого времени полюбил уединение, сделался серьезным и внутренне сосредоточенным. В душе будущий подвижник ощутил призыв к аскетическому деланию.

В 1839 году — по дороге на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру — А. М. Гренков посетил знаменитого Троекуровского затворника отца Илариона († 1853; память — 10/23 июня вместе с Собором Рязанских святых, 28 июля / 10 августа — с Собором Тамбовских святых) и получил от подвижника совет отправиться в Оптину пустынь. Но по возвращении в Липецк Гренков некоторое время медлил с исполнением уже созревшего в душе решения оставить мир. Осенью 1839 года Александр Гренков тайно ушел в Оптину пустынь, даже не поставив в известность епархиальное начальство. Первое время он жил в гостинице, а в январе 1840 года перешел в

монастырь. В апреле того же года получил монашеское одеяние.

В Оптиной Александр сделался учеником старца Леонида, а после его кончины — старца Макария. С ноября 1840 года он подвизался в скиту. В 1842 году был пострижен в мантию и наречен Амвросием. В 1843 году — рукоположен во иеродиакона, а 1845-м — во иеромонаха. Во время поездки в Калугу для рукоположения отец Амвросий сильно простудился и до самой кончины страдал от последствий болезни.

Отец Амвросий ревностно помогал своему наставнику старцу Макарию в издании святоотеческих творений.

Житие преподобного Амвросия Оптинского и воспоминания о нем приводят многочисленные случаи прозорливости дивного старца, чудесных исцелений, совершившихся по его молитвам, примеры замечательной любви к ближним. Известно также, что преподобный Амвросий скрывал от людей свои великие дарования. Можно с уверенностью сказать, что при нем старчество в Оптиной достигло своего апогея.

В конце жизни преподобный Амвросий много внимания и сил уделял своему любимому детищу — основанному им Шамординскому женскому монастырю. Почил угодник Божий 10/23 октября 1891 года. Причислен к лику святых в 1988 году на Поместном Соборе Русской Православной Церкви. Мощи преподобного в настоящее время почивают во Введенском соборе Оптиной пустыни.

См. о нем: *Агатит, архим.* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия: В 2 ч. М., 1900; Казанская Амвросиевская женская пустынь и ее основатель Оптинский старец иеросхимонах Амвросий. Шамордино, 1908; *Поселянин Е.* Детская вера и Оптинский старец Амвросий. СПб., 1901.

Эпистолярное наследие преподобного Амвросия: Собрание писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам. Сергиев Посад, 1906; Собрание писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим. Вып. 1–2. Сергиев Посад, 1908–1909.

⁶Преподобный Анатолий Оптинский (в миру Алексей Моисеевич Зерцалов, † 1894; память — 25 января / 7 февраля) родился 24 марта 1824 года в селе Боболи Калужской губернии, в семье диакона Моисея Копьева. Окончил духовное училище в Боровске и Калужскую духовную семинарию, в которой получил новую фамилию вместо родительской — Зерцалов (что было в обычае того времени). В юности отличался слабым здоровьем, но с самого раннего возраста стремился к монашеству. После окончания семинарии служил в Казенной палате. Получив чудесное исцеление от чахотки, в 1857 году пришел в Оптину пустынь вместе с матерью, которая вручила своего единственного сына попечению старца Макария. Под руководством этого опытного подвижника Алексей стал учиться Иисусовой молитве. Во время послушничества перенес немало скорбей: тяжелый труд на послушаниях, неудобство жилья, грубость в обращении со стороны некоторых из братии. Все сносил с кротостью.

После кончины отца Макария Алексей Зерцалов подвизался под руководством преподобного Амвросия. 17 ноября 1862 года принял постриг. Будучи еще иеродиаконом, с благословения преподобного Амвросия беседовал с богомольцами в монастырской гостинице и утешал скорбящих. В 1870 году рукоположен во иеромонаха. В 1874 году назначен скитоначальником и братским духовником. Отличался сострадательностью, милосердием и добротой, любил и ценил красоту Божиего мира. 15 октября 1893 года тайно принял схиму. Почил 25 января 1894 года.

Мощи покоятся во Владимирском храме Оптиной пустыни.

См. о нем: Воспоминания о старце иеромонахе Анатолии, скитона начальнике Оптиной пустыни (из записок сестер Казанской Амвросиевской женской пустыни). Шамордино, 1908; *Поселянин Е.* Жизнеописание подвижников благочестия XIX века. СПб., 1897; *Нилус С. А.* На берегу Божьей реки. Сергиев Посад, 1916.

Наследие: Собрание писем Оптинского старца скитона начальника иеромонаха Анатолия (Зерцалова) к монахиням. Сергиев Посад, 1914.

Преподобный Анатолий Оптинский (в миру Александр Потапов, † 1922; память — 30 июля / 12 августа) родился в 1855 году. Происходил из мещан города Калуги. С юных лет стремился к монашеству, но исполнению этого заветного его желания противилась мать. Только после ее кончины, уже в тридцатилетнем возрасте, 15 февраля 1885 года Александр Потапов пришел в Оптину пустынь. Поселился в скиту. Келейничал у преподобного Амвросия и у преподобного старца Иосифа (Литовкина; см. примеч. 34 к гл. «Старец Нектарий»). Пострижен в мантию 3 июня 1895 года. В 1903 году, будучи еще иеродиаконом, принимал народ для духовного назидания. Рукоположен во иеромонаха 26 марта 1906 года. 4 июля 1908 года переведен из скита в монастырь на должность духовника приходящих богомольцев. Скончался 30 июля 1922 года. По некоторым сведениям, пришедшие арестовывать старца застали его лежащим в гробу.

См. о нем: *Концевич И. М.* Оптина пустынь и ее время. С. 404–437. Оптинские старцы. Заря, 1990. С. 64–68. (Сборник статей, первоначально напечатанных в журнале «Православная Русь». 1990. № 4–6.)

⁷Преподобный Варсонофий Оптинский (в миру Павел Иванович Плиханков, † 1913; память — 1/14 апреля) родился 5 июля 1845 года. Происходил из

оренбургских казаков. Окончил Полоцкий кадетский корпус, военное училище в Оренбурге и казачьи офицерские штабные курсы в Санкт-Петербурге. Участвовал в военных действиях в Туркестане. Имел чин полковника. Служил при штабе Казанского военного округа. Живя в миру, вел истинно христианский подвижнический образ жизни. Встречался со святым Иоанном Кронштадтским, пророчески указавшим П. И. Плиханкову путь его будущего служения. Побывал в Оптиной пустыни и получил от преподобного Амвросия повеление в три месяца окончить все дела в миру и принять монашество. В этот трудный период жизни Павлу Ивановичу очень помог старец Варнава Гефсиманский, духовно укреплявший его. Плиханков прибыл в Оптину в последний день отведенного ему срока и застал старца уже лежащим на смертном одре. 26 декабря 1891 года вступил в число братии пустыни.

В монастыре стал учеником старца Анатолия (Зерцалова), от которого получил послушание быть «служкой» отца Нектария. Десять лет провел близ него. 1 января 1903 года рукоположен во иеромонаха. В том же году назначен духовником братии Оптиной пустыни и сестер Казанской Амвросиевой женской пустыни в Шамордино. Во время русско-японской войны 1904–1905 годов находился в действующей армии. Был священником при лазарете имени преподобного Серафима Саровского. 11 июля 1910 года келейно пострижен в схиму. Незадолго до кончины претерпел гонение. По наущению противников был переведен в Старо-Голутвин монастырь (город Коломна).

Оставил богатое духовно-литературное наследие: проповеди, толкование Священного Писания, беседы, историческое описание монастыря, стихотворения, жизнеописания подвижников благочестия.

См. о нем: Венок на могилу батюшке (к 40-му дню со дня кончины схиархимандрита Варсонофия). М., 1913;

Варсонофий (Плиханков), схиархим. Келейные записки 1892–1896. М., 1991. Духовный облик старца Варсонофия ярко очерчен в записках другого Оптинского старца — преподобного Никона (Беляева; см. примеч. 43 к гл. «Старец Нектарий»). *Никон (Беляев), иером.* Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. СПб.: Сатис, 1994.

⁸ Об отце Нектарии см. ниже.

⁹ Ф. М. Достоевский впервые посетил Оптину в 1874 году. В 1878 году он приехал в пустынь после смерти сына Алеши, скончавшегося от эпилепсии. Беседовал с преподобным Амвросием. Известен отзыв подвижника о писателе: «Этот — кающийся». Федор Михайлович жил в скиту, в отдельном домике. После кончины преподобного Амвросия бывал в Оптиной и беседовал со старцем Иосифом. Впечатления, полученные от посещений православной обители, нашли свое отражение в романе «Братья Карамазовы».

Л. Н. Толстой впервые побывал в Оптиной в тринадцатилетнем возрасте (1841) на похоронах своей тетки А. И. Остен-Сакен, которую очень любил. В 1877 году был в Оптиной вместе с Н. Н. Страховым, беседовал с иеромонахом Ювеналием (Половцевым) и преподобным Амвросием. В 1881 году предпринял путешествие пешком из Ясной Поляны в Оптину пустынь («репетиция» ухода из дома). Беседовал с преподобным Амвросием. В 1890 году останавливался в Оптиной вместе с семьей во время поездки в Шамордино к подвизающейся там своей любимой сестре Марии Николаевне. Вновь побывал у преподобного Амвросия, показывал свое «Евангелие» и получил совет публично покаяться в заблуждениях.

В следующий раз был в Оптиной в 1900 году, беседовал со старцем Иосифом. В 1910 году, после ухода из Ясной Поляны, пришел в Оптину, но не решился побывать у старцев. Со станции Астапово умирающий писатель

отправил телеграмму, в которой просил приехать к нему старца Иосифа. Вместо него поехал отец Варсонофий, но не был допущен к Толстому его окружением.

¹⁰ Вероятно, речь идет о великом князе Иоанне Константиновиче — сыне великого князя Константина Константиновича (поэта «К. Р.»). Вся семья великого князя Константина Константиновича (его супруга Елизавета Маврикиевна, сыновья Олег, Гавриил, Игорь, Константин, Иоанн, дочь Татьяна (в монашестве игуменья Тамара) отличалась глубокой религиозностью.

Великий князь Иоанн Константинович родился в 1886 году. Был женат на дочери сербского короля — великой княгине Елене Петровне. Имел двоих детей. Участвуя в Первой мировой войне, проявил себя храбрым офицером и был награжден Георгиевским оружием. Великий князь Иоанн Константинович был особенно духовно близок с преподобномученицей великой княгиней Елисаветой Феодоровной. Вместе с ней и другими членами Дома Романовых принял мученическую кончину в Алапаевске в июле 1918 года.

¹¹ Русский философ Константин Николаевич Леонтьев дружил с отцом Климентом (Зедергольмом, о нем — см. ниже). В 1874 году он познакомился с преподобным Амвросием Оптинским. В 1878 году К. Н. Леонтьев вышел в отставку и вместе с женой поселился в домике, расположенном близ стен Оптиной пустыни. Находился под духовным руководством преподобного Амвросия, с его благословения совершал литературные труды. 23 августа 1890 года принял тайный постриг в Иоанно-Предтеченском скиту и был наречен Климентом. В 1891 году с благословения преподобного Амвросия отправлен на жительство в Троице-Сергиеву Лавру. Всего на месяц пережил своего старца. Скончался 12 ноября 1891 года. Скорую кончину ему при расставании предсказал преподобный Амвросий.

¹² Иеромонах Климент (в миру — Константин Карлович Зедергольм) — сын реформаторского суперинтенданта в Москве, с детства испытывал влечение к Православной Церкви. В августе 1853 года в скиту Оптиной пустыни через миропомазание присоединен к православию. На этот шаг его сподвигнул И. В. Киреевский, в доме которого Константин Карлович некоторое время жил как домашний учитель.

Окончил историко-филологический факультет Московского университета и поступил на службу в Святейший Синод. Был чиновником особых поручений при обер-прокуроре Синода графе А. П. Толстом. Служил при Синоде с 1858 по 1862 год. Защитил магистерскую диссертацию. В 1860-м побывал в командировке на Востоке: посетил Афины, Святую Гору Афон, Константинополь. Вскоре по возвращении в Россию вышел в отставку и поступил в Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни (1862). Домик-келию для своего бывшего подчиненного построил на свои средства граф А. П. Толстой. Знание древних и новых языков, литературное дарование, навык научной работы — все это пригодилось отцу Клименту (Зедергольму), принимавшему деятельное участие в подготовке оптинских изданий. Кроме того, он помогал преподобному Амвросию вести переписку с духовными детьми.

Скончался отец Климент в апреле 1878 года. Погребен на территории Иоанно-Предтеченского скита.

См. о нем: *Леонтьев К.* Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни. Шамордино, 1908. (1-е изд. — 1882 г.)

¹³ Нилус Сергей Александрович (1862–1929) — духовный писатель, выпускник юридического факультета Московского университета. Служил следователем на Кавказе. Затем вышел в отставку и поселился в своем имении в Орловской губернии. Пережив глубокую лич-

ную драму, обратился ко Христу. Оптину пустынь впервые посетил летом 1901 года. Осенью приехал вновь для сбора материалов о старце Амвросии. В свой первый приезд в Оптину С. А. Нилус познакомился с отцом Даниилом (Болотовым; о нем см. примеч. 18 к гл. «Старец Нектарий»). Осенью 1905 года Нилус вновь приехал в Оптину в связи с выходом в свет нового издания книги «Великое в малом».

3 февраля 1906 года Сергей Александрович Нилус вступил в брак с Еленой Александровной Озеровой (1855–1938). В 1907 году супруги, получив приглашение старца Варсонофия, поселились в Оптиной, где прожили пять лет. Проживая в обители близ своего духовника отца Варсонофия, С. А. Нилус вел дневниковые записи, работал над предполагавшимся изданием «Оптинские листки». 14 мая 1912 года Нилусы покинули пустынь в связи с «Оптинской смутой» и удалением из обители отца Варсонофия.

После революции 1917 года С. А. Нилус арестовывался советскими карательными органами (в 1924 и 1927 годах). Скончался 14 января 1929 года. Похоронен в селе Крутец близ города Александрова Владимирской области.

Книги С. А. Нилуса: «Великое в малом» (1903); «Сила Божия и немощь человеческая». Ч. 1–2. (Сергиев Посад, 1908); «Святыня под спудом» (1911); «На берегу Божьей реки» (1916); «Близ есть при дверех» (1917).

Сочинения С. А. Нилуса овеяны духом Оптиной пустыни, любимы православным читателем, содержат интересный исторический материал.

¹⁴Епископ Михей (Алексеев, 1851–1931) — уроженец Санкт-Петербургской губернии, окончил морское училище (1869) и служил по военно-морскому ведомству. В 1890 году поступил в Оптину пустынь под руководство преподобного Амвросия. В 1892 году стал вольнослуша-

телем в Московской духовной академии. Принял монашество и рукоположение в священный сан. Окончил академию в 1896 году со степенью кандидата богословия. Назначен на должность смотрителя Жировицкого духовного училища, затем — синодального ризничего. В 1897 году возведен в сан игумена и назначен настоятелем Иосифо-Волоколамского монастыря Московской епархии. В 1898 году возведен в сан архимандрита. С 1901 по 1902 год — настоятель Херсонесского Свято-Владимирского монастыря в Крыму. 19 октября 1902 года хиротонисан во епископа Сарапульского, викария Вятской епархии. В 1906–1908 годах — епископ Владимиро-Волынский, викарий Волынской епархии. В 1908–1912 годах — епископ Архангельский и Холмогорский, в 1912–1913 годах — епископ Уфимский и Мензелинский.

22 июля 1913 года уволен на покой по собственному прошению. Последние годы жил в Оптиной. Скончался в 1931 (или 1930) году. Погребен на Пятницком кладбище в Москве.

¹⁵ Киреевский Иван Васильевич (1806–1856) — русский религиозный философ, литературный критик и публицист, один из основоположников славянофильства. В молодости, будучи верующим христианином, Иван Васильевич был все же далек от православной церковности. Его вхождение в жизнь Православной Церкви произошло во многом благодаря влиянию супруги Натальи Петровны (урожденная Арбенина), бывшей духовной дочерью старца Филарета Новоспасского. В юности Наталья Петровна совершила паломничество в Саров и беседовала с преподобным Серафимом. Встреча с отцом Филаретом произвела большое впечатление на Ивана Васильевича, и он сделался преданным духовным сыном Новоспасского подвижника. После кончины отца Филарета Киреевские находят духовного руководителя в лице старца Макария.

И. В. Киреевский может по праву считаться одним из зачинателей оптинского книгоиздательства. С 1845 года он вместе со своей супругой участвовал в научной подготовке и литературном редактировании текстов, предназначенных для публикации. Свои литературные и философские труды представлял на суд отца Макария. И. В. Киреевский и его супруга похоронены в Оптиной пустыни.

Киреевский Петр Васильевич (1808–1858) — младший брат И. В. Киреевского, собиратель и исследователь русского фольклора, археограф, публицист, славянофил. Ежегодно летом бывал в Оптиной. В оптинской библиотеке был даже специальный фонд П. В. Киреевского. Жил праведником в миру. Похоронен в Оптиной, рядом с братом и его женой.

¹⁶Первое посещение Н. В. Гоголем Оптиной пустыни состоялось в июле 1850 года. Он жил в скиту, в отдельном домике, посещал богослужения, читал творения святых отцов, беседовал со старцами. Самые искренние и глубокие отношения сложились у него со старцем Макарием. Одно время Н. В. Гоголь имел желание поступить в Иоанно-Предтеченский скит, но отец Макарий не благословил это намерение великого писателя.

См.: *Богданов Д. П.* Оптинская пустынь и паломничество в нее русских писателей // Исторический вестник. 1910. Октябрь; *Павлович Н.* Оптина пустынь: Почему туда ездили великие // Прометей. 1980. № 12; *Солоухин В. А.* Время собирать камни. М., 1980; *Манн Ю.* Иван Киреевский и Гоголь в стенах Оптиной // Вопросы литературы. 1991. № 8. С. 106–124; *Воропаев В. А.* Духом схимник сокрушенный...: Жизнь и творчество Н. В. Гоголя в свете православия. М., 1994. С. 82–99, 144–146; *Воропаев В. А.* Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. М., 2008. С. 140–160.

¹⁷ Святитель Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов, † 1867; память — 30 апреля /13 мая) начал свой путь в иночестве в Новоезерской обители у знаменитого старца Феофана (Соколова). Затем был на послушании в Площанской пустыни у старца Леонида, за которым последовал в Оптину. Старец сурово смирял своего ученика, закладывая в душу молодого подвижника основы послушания и глубочайшего смирения. После болезни и перевода в Любеченский монастырь святитель Игнатий в Оптину не вернулся.

¹⁸ Вероятно, Михаил Александрович Новоселов (1864–1938) — церковно-общественный деятель, издатель и духовный писатель. Родился в с. Бабье Тверской губернии. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Преподавал в московских гимназиях. Был последователем Л. Н. Толстого, состоял с ним в переписке. В 1887–1888 годах находился под арестом за распространение запрещенных произведений Толстого («Николай Палкин»). В 1888 году организовал в с. Дудино Тверской губернии толстовскую земледельческую коммуну. В 1891–1892 гг. содействовал Л. Н. Толстому в организации помощи голодающим крестьянам. В начале 1900-х годов порвал с толстовством и обратился к Православной Церкви. С 1902 года занимался активной издательской деятельностью, выпускал серию книг «Религиозно-философская библиотека». Почетный член Московской духовной академии (1912). Один из основателей Кружка ищущих христианского просвещения. Действительный член Московского общества любителей духовного просвещения. Член Московского епархиального совета (1917). В марте 1918 года был приглашен к участию в работе Соборного отдела о духовно-учебных заведениях. Летом 1922 года обвинялся в антисоветской агитации, но в марте 1923 года дело было прекращено. По некоторым сведениям, после

этого перешел на нелегальное положение, принял монашество с именем Марк и хиротонию во епископа. В 1922–1927 гг. написал «Письма к друзьям», в которых обсуждалось положение Церкви в новых исторических условиях. Не признал законным местоблюстительства митрополита Крутицкого Петра (Полянского), не принял Декларации митрополита Сергия (Страгородского) о лояльном отношении к власти. В 1929–1937 гг. находился в заключении. Расстрелян в январе 1938 года в Вологде. Русской Православной Церковью прославлен как мученик Михаил. Память — 8 / 21 января.

¹⁹ Память преподобной Марии Египетской († 522) — 1/14 апреля и в 5-ю Неделю Великого поста.

²⁰ «Имябожники», или, как они сами себя называли, «имяславцы», — последователи движения, распространившегося в начале XX столетия в русских монастырях Старого Афона. Имяславцы утверждали, что благодать Божия присутствует в имени Божиим, что в имени Божиим присутствует Бог и даже что имя Божие есть Бог. При этом свои положения сторонники имяславия не смогли сформулировать с должной корректностью.

Первоначальные споры возникли вокруг книги схимонаха Илариона «На горах Кавказа. Беседа двух старцев-подвижников о внутреннем единении с Господом наших сердец чрез молитву Иисус-Христову, или Духовная деятельность современных пустынножителей. Составил пустынножитель Кавказских гор схимонах Иларион» (Баталпашинск, 1907; 2-е изд. — 1910; 3-е изд. — Киево-Печерская Лавра, 1912). (Сам автор книги в последовавшей полемике вокруг имени Божия участия не принимал.) Сначала книгу «На горах Кавказа» с симпатией приняли в духовной среде, но затем последовала резкая критика отдельных ее положений со стороны архиепископа Антония (Храповицкого).

Благодаря монахине Анне (Обуховой), оставившей, кстати, любопытные воспоминания об имяславцах, митрополит Вениамин знал некоторые подробности, связанные с выступлением митрополита (тогда — архиепископа) Антония (Храповицкого) против книги «На горах Кавказа». Его особенно возмущал тот факт, что осудивший книгу иерарх не читал самой книги. Монахиня Анна знала об этом факте со слов великой княгини Елисаветы Феодоровны, с которой была духовно близка. Считаю нужным привести здесь небольшой отрывок из воспоминаний м. Анны (Обуховой): «Незадолго до революции в. к. была в Киеве и там в Лавре встретилась с м. Антонием, обедала с ним. Оставшись наедине, в. к. спросила м. Антония — что он нашел в книге о. Илариона, что эту книгу он постарался запретить?.. И, к удивлению в. к., м. Антоний отвечал ей так просто, как о малозначащей вещи, что сам-то он ее и не читал, а доложил ему миссионер... Имя я забыла... Он был на Волыни.

В. к. опомниться не могла долго...

Когда я к ней приехала в последний раз, она мне это сказала — лишь только я вошла к ней...» (Воспоминания м. Анны (Обуховой). 23 июля 1936 г. Рукопись. Хранится в частном архиве.)

Интересно отметить, что книга «На горах Кавказа» была издана на средства великой княгини Елисаветы Феодоровны.

На Афоне среди русских иноков возникло брожение, известное под именем «Афонской смуты 1912–1913 годов». В результате несколько сотен монахов были насильственно вывезены в Россию и расселены по разным монастырям, что случилось после определения Святейшего Синода от 29 августа 1913 года, осудившего учение имяславников.

Существует обширная полемическая литература, посвященная имяславью. (Перечень ее частично при-

веден в книге протоиерея Георгия Флоровского «Пути русского богословия». Париж, 1937. С. 572.) Среди апологетов имяславия особенно выделяется личность иеромонаха Антония (Булатовича).

Учением имяславцев в разные периоды своей деятельности интересовались многие выдающиеся представители «серебряного века» русской культуры: В. Эрн, В. Свенцицкий, П. Флоренский, М. Новоселов. Монахом-имяславцем, состоявшим в тайном постриге с именем Андроник, был философ А. Ф. Лосев.

По свидетельству самого митрополита Вениамина (Федченкова), он, подчиняясь решению высшей церковной власти, осудившей имяславцев, все же испытывал некоторое смущение в связи с этим вопросом. В 1930–50-е годы он неоднократно возвращался к проблеме имяславия. В своем фундаментальном труде, посвященном святому Иоанну Кронштадтскому, он отвел волновавшему его вопросу одну из глав, которая так и называется «Имяславие» (*Вениамин (Федченков), митр.* Протоиерей Иоанн Сергиев (Отец Иоанн Кронштадтский). Машинопись, б. м. и г. Т. 2. Ч. 2. С. 225–248). Кроме того, имяславию и имяславцам посвящена отдельная работа владыки Вениамина объемом в 25 машинописных страниц, в которой он разбирает положения книги «На горах Кавказа» и «Оправдание веры» иеромонаха Антония (Булатовича).

²¹ Скорее, это обычная монашеская практика.

²² Преподобный Анатолий Младший (Потапов) в 1908 году был переведен из скита в монастырь для духовного окормления богомольцев.

²³ Память преподобного Герасима Иорданского († 475) — 4/17 марта.

²⁴ Речь идет о писателе Леониде Николаевиче Андрееве (1871–1919). «А об Андрееве я лично слышал от его сына, что отец его был верующим. Между прочим, сын спросил его:

— Папа! Прекратятся ли войны?

Тот ответил:

— Пока люди будут людьми, войны останутся!

(Это я слышал от сына в Константинополе во время эвакуации)». (Вениамин (Федченков), митр. Беседы в вагоне (1-я беседа). Рукопись. С. 23. Ростов-на-Дону. 14 сентября, 1954; см. соврем. изд.: М., 2003. С. 26.)

²⁵ Скит во имя святого Предтечи и Крестителя Иоанна основан в 1821 году по благословению епископа Филарета (Амфитеатрова) трудами иеромонаха Моисея (Путилова) и его брата иеромонаха Антония.

²⁶ *Яко благоволиша раби Твои камене его, и персть его ущедрят.*

²⁷ Архимандрит Ксенофонт был настоятелем Введенской Оптиной пустыни с 1897 по 1915 год.

²⁸ Архимандрит Исаакий II († 1938; преподобномученик; память — 26 декабря / 8 января). Настоятельством в Оптиной с 1915 года до самого ее закрытия. Обладал глубоким молитвенным настроением, внутренней сосредоточенностью, служил со слезами.

В 1929 году, на второй или третий день праздника Преображения Господня, был арестован вместе со всеми оптинскими иеромонахами, проживавшими в Козельске. (Одновременно с оптинцами арестовали почти всех городских священников, многих монахов и монахинь, православных мирян.) Из Козельска арестованных отправили в тюрьму города Сухиничи, а потом — в Смоленск. В январе 1930 года отец Исаакий, отец Досифей (братский духовник), отец Пантелеимон (казначей) и другие были отправлены в сибирскую ссылку. Архимандрит Исаакий расстрелян в Туле вместе с первым директором Оптинского краеведческого музея Лидией Васильевной Защук (монахиней Августой).

²⁹ Иеромонах Феодосий (Поморцев, ум. 1920) — духовный сын и одновременно духовник старца

Варсонофия. Был скитона начальником в 1912–1920 годах.

О нем и других оптинских скитниках см. также: «Дневник» отца Никона (Беляева) и книгу С. А. Нилуса «На берегу Божьей реки» (отец Феодосий, отец Кукша, отец Иоиль, отец Исаакий, духовник Шамординского монастыря, благочинный отец Феодот).

³⁰ Местный съезд Русского студенческого христианского движения (РСХД) проходил в Фалькенберге летом 1924 года.

Отношение владыки Вениамина к РСХД нуждается в пояснении.

До революции в России существовало христианское студенческое движение, одним из признанных лидеров которого был барон П. Н. Николаи (ум. 1919) — лютеранин. Им были организованы молодежные кружки по изучению Священного Писания, действовавшие в Петербурге, Москве, Харькове, Одессе, Томске, Юрьеве-Дерпте и Риге. В 1913 году движение вошло во Всемирную христианскую студенческую федерацию. После революции движение в России было разгромлено. В 1921 году в Белграде среди русских эмигрантов возник кружок молодежи, в который вошли Н. Терещенко, Н. Афанасьев (впоследствии протопресвитер), И. Расторгуев, М. Львова, Зерновы, профессор (впоследствии — протоиерей) В. В. Зеньковский. К деятельности кружка проявил интерес митрополит Антоний (Храповицкий). Духовно окормляли кружковцев епископ Вениамин (Федченков), священник Алексей Нелюбов (1897–1937) и насельник Святой Горы Афон архимандрит Кирик. Общался с молодежью и архиепископ Феофан (Быстров).

На кружки русской молодежи, интересующейся вопросами духовной жизни, «вышли» представители Христианского союза молодых людей (УМСА). С «бел-

градцами» вступил в контакт секретарь союза Ральф Холлингер.

Начало РСХД было положено на съезде в Пшерове (Чехословакия) 1–8 октября 1923 года, на котором присутствовали и представители дореволюционного студенческого христианского движения. Епископ Вениамин тоже присутствовал на съезде (был одни сутки, приехал из Карпатской Руси).

Летом 1924 года он вместе с митрополитом Евлогием (Георгиевским) принял участие в местном съезде РСХД в замке Аржерон (Франция). В работе съезда участвовали: Бердяев, Булгаков, Карташов, Вышеславцев, Зандер, Глубоковский, Г. Н. Трубецкой. Решено было основать в Париже высшую богословскую школу нового типа (Сергиевский православный богословский институт, в котором епископ Вениамин впоследствии (1926–1927 и 1929–1930) был инспектором, преподавателем церковного права, пастырского богословия и еще ряда дисциплин).

В 1926 году последовало осуждение РСХД Собором русских иерархов в Карловцах, признавшим Союз христианской молодежи и Всемирную студенческую федерацию явно масонскими и антиправославными организациями. Однако уже после этого решения и митрополит Антоний, и другие иерархи-изгнанники продолжали общение с входившим в РСХД Белградским братством преподобного Серафима Саровского.

О дальнейшем отношении владыки Вениамина к РСХД интересные сведения приводятся в книге И. М. Концевича: «На втором Аржеронском (во Франции) съезде Христианского движения, который имел место приблизительно в 1926 году, среди других докладчиков находился и проф. Бердяев. Преосвященный Вениамин, тогда инспектор Богословского института в Париже, выступил с возражениями, как

православный епископ, против некоторых положений доклада Бердяева, противоречащих православному учению. Последний обиделся, сейчас же забрал свои чемоданы и уехал. На другой день на съезд прибыл м. Евлогий и сделал епископу Вениамину строгое внушение. Вл. Вениамин, желая проверить себя, обратился к отцу Нектарию (в это время мы имели возможность письменно общаться с о. Нектарием). Старец ответил: “В таких обществах (как Христианское движение) вырабатывается философия, православному духу неприемлемая”. Затем пришло подтверждение еще более точное, что он не одобряет именно то общество (то есть движение), на собрании которого был оскорблен вл. Вениамин.

В тот же период времени некто Г-м обратился к отцу Нектарию за указанием, можно ли ему поступить в академию (Богословский институт в Париже), выражая опасение, что она еретическая. С последним отец Нектарий согласился, но поступить в академию благословил и сказал: “Какая бы она ни была, ученому мужу помехи не будет. Знать науку, какую будут преподавать, ему не помешает”.

Тогда же произошел один прискорбный случай на Сергиевском подворье: на кухню Богословского института пришел человек, имевший сухую руку, и просил там какой-нибудь работы. Таковой не нашлось; тогда он здесь же в саду застрелился.

Владыка Вениамин очень скорбел, написали отцу Нектарию. Церковно поминать самоубийц воспрещено канонами. Отец Нектарий посоветовал вл. Вениамину читать Псалтирь келейно по умершем в течение сорока дней, а также найти двух чтецов, чтобы довести их число до трех. При этом отец Нектарий сказал: “Господь отымает разум у человека, на что скот не решается — человек решается”» (*Концевич И. М. Оптиная пустынь и ее время. 1970. С. 515–516*).

³¹ Епископ (впоследствии — митрополит) Георгий (Ярошевский) родился в 1872 году. Выпускник Киевской духовной академии (1897), кандидат богословия. В 1898–1901 годах — преподаватель Таврической семинарии. Принял монашество (1900) и рукоположение в священный сан (1903). Магистр богословия (1901). В 1901–1902 годах — смотритель Калужского духовного училища. В 1902–1903 годах — инспектор Могилевской духовной семинарии. Возведен в сан архимандрита, назначен ректором Тульской духовной семинарии (1903). 1 июля 1906 года хиротонисан во епископа Каширского, викария Тульской епархии. С 1908 по 1910 год — епископ Прилуцкий, викарий Полтавской епархии. В 1910–1913 годах — епископ Ямбургский, викарий Санкт-Петербургской епархии, ректор духовной академии. В 1913–1916 годах — епископ Калужский и Боровский. Назначен на Минскую кафедру в 1916 году. Член Поместного Собора 1917–1918 годов. Возведен в сан архиепископа (1918). В 1919 году выехал в Италию. В 1922 году был приглашен польскими властями на Варшавскую кафедру. Патриарх Тихон назначил архиепископа Георгия временным экзархом в Польше, возвел в сан митрополита.

Митрополит Георгий вместе с епископом Дионисием (Валединским) проводили церковную политику, направленную на установление автокефалии Православной Церкви в Польше, что было выгодно польским властям и вызывало протест русского населения Польши, испытывавшего в этот период гонения на религиозной и национальной почве. Двусмысленная позиция некоторых иерархов по отношению к собственной пастве, капитулянтская политика, проводимая перед лицом властей, — все это вызвало протест православного населения. Крайней формой этого протеста явилась акция архимандрита Смарагда (Латышева), который 8 февраля 1923 года несколькими выстрелами

убил митрополита Георгия. Архимандрит Смарагд был лишен сана и приговорен польским судом к 12-ти годам каторжных работ. Отказался от досрочного освобождения по болезни и освободился из тюрьмы в 1935 году. В дальнейшем проживал в Чехословакии.

³²Шамординский монастырь находится в 12 км от Оптиной пустыни, близ деревни Шамордино. В 1871 году помещица Ключарева (в монашестве — Амвросия), духовная дочь преподобного Амвросия Оптинского, приобрела 200 десятин земли на месте будущей обители и поселилась в новой усадьбе вместе с двумя внучками-сиротками Верой и Любовью. Посетив однажды летом поместье, старец Амвросий предсказал основание на его месте иноческой обители. После внезапной кончины внучек (1883) мать Амвросия объявила о желании учредить женскую общину. 1 октября 1884 года состоялось открытие Казанской Амвросиевской женской пустыни. Первой настоятельницей ее была София Михайловна Астафьева (урожденная Болотова, ум. 1888), второй — Евфросиния Розова. Каждое лето в новоустроенную обитель приезжал старец Амвросий и подолгу жил там, входя во все дела по устройению монастыря. Особенную заботу отца Амвросия вызывало строительство большого каменного собора в честь Казанской иконы Божией Матери. В Шамордине отец Амвросий скончался. После его блаженной кончины инокинь обители духовно окормляли старцы Анатолий, Иосиф, Варсонофий. Настоятель Оптиной пустыни отец Исаакий был одновременно благочинным Шамординского монастыря. В 1901 году община получила статус монастыря. Перед революцией в обители подвизалось около 1000 сестер, трудившихся на полевых работах, на молочной ферме, в иконописной мастерской и в типографии.

В годы советской власти Шамординский монастырь был преобразован в коммуны, а в 1929 году — закрыт. С 1990 года монастырь возрождается.

³³ Парфений (Левицкий, 1858–1921), архиепископ Полтавский и Переяславский. Управлял Тульской епархией в 1908–1911 годах.

Старец Нектарий

¹ Преподобный Нектарий Оптинский (в миру Николай Васильевич Тихонов, † 1928; память — 29 апреля / 12 мая) родился в городе Ливны Орловской губернии. Родители его — Василий и Елена. Отец будущего старца был приказчиком (по другой версии — работал на мельнице). Скончался рано. Недолго прожил Николай Тихонов и с матерью. Похоронив родительницу, Николай пришел в Оптину пустынь. Он поступил в скит в 1876 году и почти 50 лет прожил в его ограде. Через год после поступления в скит отец Амвросий разрешил Николаю обращаться за духовными советами к старцу Анатолию (Зерцалову).

В 1898 году монах Нектарий был рукоположен во иеромонаха. Об отце Нектарии известно, что он четверть века провел в затворе. Так великие Оптинские старцы готовили его к будущему служению, избрав его своим преемником. В затворе отец Нектарий проходил науку умного делания и занимался самообразованием: читал не только духовные книги, но и светские, относящиеся к самым разным областям человеческого знания. О его эрудиции впоследствии ходили легенды.

Старчество отца Нектария в Оптинском скиту относится по времени к периоду 1913–1923 годов. Его называют последним Оптинским старцем. Скончался отец Нектарий в селе Холмищи 29 апреля 1928 года. Приводим здесь лишь краткие биографические данные, так как представленный в книге материал, на наш взгляд, достаточно полно раскрывает образ великого старца.

О нем см. также: *Концевич И. М.* Оптина пустынь и ее время. 1970; *Нилус С. А.* На берегу Божьей реки. 1909;

Воспоминания Павлович Н. А. // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1994. № 6. С. 46–63.

² Отец Нектарий скончался в возрасте 72-х лет.

³ *Феофан Затворник, свт.* Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. М., 1995 (репр. 1892). Письмо 79. С. 414.

⁴ Епископ Калужский и Боровский Макарий (Троицкий, 1895–1901).

⁵ Икос 9-й, Акафист Пресвятой Богородице.

⁶ В 1948 г., во время своего пребывания на Рижской кафедре, митрополит Вениамин познакомился с писательницей Надеждой Александровной Павлович, и она передала ему часть собранных ею материалов, касающихся истории Оптиной пустыни и личности старца Нектария, духовной дочерью которого она была в течение нескольких последних лет жизни подвижника (1922–1928).

От Н. А. Павлович владыка Вениамин получил объемную рукопись в 250 страниц (которую, тщательно проработав, вернул автору) и письмо, написанное писательницей вскоре после первой встречи с ним. В письме Н. А. Павлович по памяти сообщила владыке сведения о старце Нектарии (преимущественно о последних годах жизни его). На основании этих материалов и были составлены «Записки об отце Нектарии». Письмо Н. А. Павлович с незначительными сокращениями (опущены некоторые моменты сугубо личного характера) также вошло в настоящий сборник под заглавием «Заметки о последних годах жизни старца иеромонаха Нектария». Текст публикуется по рукописям, хранящимся в частном архиве. Митрополит Вениамин закончил работу над «Записками» (окончательная редакция) в конце 1950-х годов.

Воспоминания Н. А. Павлович о старце Нектарии были опубликованы в «Журнале Московской Патриархии» (ЖМП. 1994. № 6. С. 46–60). Настоящая публи-

кация не повторяет их текста и содержит ряд фактов и эпизодов из жизни старца, которые в журнальную публикацию не вошли.

⁷ Имеется в виду Надежда Александровна Павлович (1895–1980). О ней см.: биографический очерк Т. Н. Бедняковой (ЖМП. 1994. № 6. С. 62–63).

⁸ Поэт А. А. Блок, с которым Н. А. Павлович познакомилась в 1920 году.

⁹ Друг детства Н. А. Павлович — художник Лев Александрович Бруни (1894–1948) и его супруга Нина Константиновна Бальмонт (дочь поэта). Они были духовными чадами и почитателями отца Нектария. В свое время старец благословил их на брак, оказав духовную поддержку. В 1921–1925 годах семья Л. А. Бруни жила в Оптиной. Лев Александрович много работал, делал зарисовки с натуры. Сохранились его портреты отца Нектария.

¹⁰ Феничка — схимонахиня Фомаида (в миру Фекла Михайловна Ткачева).

¹¹ Л. А. Бруни.

¹² Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) — русский поэт, литературный критик. Скончался в эмиграции.

¹³ Считаю должным привести здесь в связи с упоминанием имени Блока отрывок из поздней работы митрополита Вениамина «Александр Александрович Блок» (1957), в которой также использованы сведения, сообщенные Н. А. Павлович.

Александр Александрович Блок.

Конец его жизни

Жизнь Блока была весьма многосложна и разнообразна. Но мы не думаем писать здесь его биографию или политические воззрения — довольно различные. Нас интересует только его религиозная жизнь. А ее красит, как говорит пословица, конец. О нем я и напишу.

У него была одна знакомая писательница, с которой случайно пришлось познакомиться и мне. Она жива и ныне (1957, сентябрь). От нее мне удалось узнать несколько чрезвычайных сведений о Блоке последних предсмертных дней и — после смерти.

Она жила в одном доме с ним, только в нижнем этаже; он же — этажом выше. И она ясно слышала, как он иногда громко кричал в последние два-три дня: «Боже! Прости меня! Боже! Прости меня!»

Эти слова я передаю совершенно точно. У меня хранится ее письмо и сейчас, от сего августа (1957); в этом письме она снова вспоминает эти предсмертные слова.

...После революции правительство послало ее сделать опись рукописей Оптиной пустыни (этот монастырь существует с половины XV столетия). Там она и узнала о старце (то есть духовном руководителе и духовнике-исповеднике) отце Нектарии* и стала глубоко верующей духовной дочерью его. Между прочим, он [Блок] подарил ей тот том «Добротолюбия» (их всего — 5 томов с выдержками из святых отцов), где изложены выписки из преподобного Евагрия-монаха.

Эта женщина сообщает о нем [Блоке] следующее: «Блок никогда не был атеистом». И был очень самостоятельным, независимым человеком и писателем. И вышеприведенную предсмертную мольбу его именно она сообщила мне. И у меня нет ни малейшего сомнения в истинности ее сообщения.

И от нее же узнал о Блоке и отец Нектарий — человек исключительный по жизни, мудрый духовник и даже прозорливый старец. После рассказа ее он «на куске картона, — пишет она мне, — написал: “Об упокоении р. Б. Александра”, — и положил при ней на угольник

---

* Знал его и я; и даже исповедался у него. После я написал его житие, при помощи записок и этой дочери его.

пред иконами. Через неделю-полторы он неожиданно сказал: «Напиши матери Александра, чтобы она была благонадежна: Александр — в раю». Самой мне и в голову не приходило, — пишет она мне, — спрашивать о загробной участи Блока».

«Умер он — в сознании». Пред этим болел душевно. «Не хотел жить. Похоронили его на Смоленском кладбище в Ленинграде, под кленом; рядом с дедом Бекетовым. Он знал и любил это место. Поставили, как он хотел, простой белый крест. Хоронили по-христиански: дома — панихиды; ночью одна писательница* читала Псалтирь. Отпевали в кладбищенской церкви. Пел хор Мариинского театра. После Отечественной войны перенесли прах на Волково кладбище. Туда же перенесены дед, мать и жена. Могилы обнесли барельефом вместо креста».

Зимой 1957 года я посетил эту женщину. В ее комнате, кроме икон, висели три портрета Блока, только. <...>

У Блока «была абсолютная искренность. Были искания алчущего и жаждущего правды: ни тени лжи. О чужом грехе он иногда говорил: “Что же? Это — только факт!” Делать из Блока праведного и православного, церковного человека — никак нельзя. Но только в нем никогда не было атеизма».

...Блок был верующим в Бога. И для меня это... совершенно очевидно. Достаточно... последних писем матери и жене с постоянной подписью «Господь с тобою», чтобы не сомневаться в этом.

Правда, в его стихах и прозе мы столкнемся со многими мыслями, где он говорит против современного христианства с необычайной резкостью — и нередко чрезвычайно преувеличенной. Но одно дело — чистое и глубокое христианство, а другое — обмирщенное об-

* Вероятно, она сама.

рядовере. Против последнего Блок естественно восставал.

Но никогда он не был атеистом. И христианином он скончался, завещав поставить белый крест на своей могиле.

Пусть он написал «Двенадцать» о революции, но и впереди ее он видел Иисуса Христа.

Пусть он шел не обычным путем — но был искренним христианином.

Да помилует его Христос!

М. Вениамин

13 августа 1957 г.

¹⁴Хлебников Велемир (Виктор Владимирович, 1885–1922) — русский поэт, увлекался футуризмом, созданием «нового языка».

¹⁵Шпенглер Освальд (1880–1936) — немецкий философ-идеалист, историк. Русский перевод его сочинения «Закат Европы» появился в 1923 году.

¹⁶Франциск Ассизский (1181 или 1182–1226) — католический святой, проповедник «святой бедности», основатель ордена миноритов («меньших братьев»), впоследствии получившего наименование францисканского.

¹⁷Каталепсия — двигательное расстройство («восковая гибкость»), когда человек застывает в принятой им или приданной ему позе.

¹⁸Иеромонах Даниил (в миру Дмитрий Михайлович Болотов, 1837–1907). Родился в селе Бахметьеве Тульской губернии. Учился в Академии художеств. В 1876 году удостоен звания академика. Его сестра София Михайловна Астафьева (урожденная Болотова) была настоятельницей в Шамордине в 1884–1888 годах. Она познакомила брата с отцом Амвросием. Под влиянием святого старца Д. М. Болотов укрепился в желании оставить мир. В 1886 году он поступил в Оптину пустынь, не оставляя занятий живописью (расписывал храмы, писал портреты, в том

числе — несколько портретов старца Амвросия). Основал иконописные мастерские в Оптиной и в Шамордине.

¹⁹ Отец Агапит (в миру — Андрей Иванович Беловидов, 1842–1922) поступил в Оптину пустынь в 1865 году. Пострижен в рясофор в 1868 году, в мантию — в 1872-м. В 1873 году был рукоположен во иеродиакона, в 1876-м — во иеромонаха. К отцу Агапиту, жившему в больнице, приходил за наставлениями отец Нектарий.

²⁰ Отец Петр (Швырев) — младший келейник отца Нектария.

²¹ «Заметки» — письмо Н. А. Павлович митрополиту Вениамину (Федченкову), написанное предположительно в 1948 году.

²² «На многие лета, господин» (*греч.*). Это многолетие хор поет во время совершения архиереем богослужения.

²³ Для освобождения отца Нектария из тюрьмы в 1924 году Н. А. Павлович пришлось выдавать старца за своего дедушку. Она добилась того, чтобы расстрел заменили на высылку, и, как видим, отстояла имущество отца Нектария.

²⁴ Цитата из трагедии В. Шекспира «Гамлет».

²⁵ Преподобный Герасим Иорданский.

²⁶ Бальмонт.

²⁷ Штейнер Рудольф (1861–1925) — немецкий философ-мистик, основоположник антропософии.

²⁸ Сведенборг Эммануил (1688–1772) — шведский ученый и натуралист, теософ-мистик, «духовидец», автор ряда сочинений мистического характера. Основатель движения сведенборгиан.

²⁹ Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) — русский религиозный философ, поэт. Его творчество оказало огромное влияние на современников. Под влиянием его идей сформировалось течение символизма.

³⁰ См. соврем. изд.: *Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря / Сост. архим. Серафим (Чичагов)*. М., 1991 (репр. 1903). Церковь чтит память священномученика Серафима 28 ноября / 11 декабря.

³¹ Речь идет о Союзе писателей СССР, членом которого была Н. А. Павлович.

³² После возобновления Оптиной пустыни останки старца Нектария были перенесены в монастырь и положены во Введенском соборе.

³³ Преподобный Иларион Оптинский (в миру Родион Никитич Пономарев, † 1873; память — 18 сентября / 1 октября) родился в 1805 году, в Пасхальную ночь. Родители его, люди благочестивые, воспитывали детей в строго православном духе. В 1820 году семья Пономаревых переехала в Воронежскую губернию, где будущий подвижник жил до двадцатилетнего возраста. Три года жил в Москве, обучаясь портняжному делу. Затем вместе с родителями переехал в Саратов. Подвизался против раскола. Нескольких человек обратил в православие.

С юности стремившийся к монашеству, Родион принял в 1837–1838 годах паломничество по монастырям, чтобы найти подходящую обитель. Свой выбор он остановил на Оптиной пустыни. Поступил в Иоанно-Предтеченский скит. Перенимал начальные уроки иночества у жившего в скиту бывшего валаамского игумена отца Варлаама. После его кончины 20 лет был келейником старца Макария. Открывал помыслы старцу Льву. В течение первых 12-ти лет пребывания в скиту (до посвящения во иеродиакона) нес еще целый ряд послушаний: работал в саду и на огороде, варил квас, пек хлеб и ухаживал за пчелами.

Получил вместе с преподобным Амвросием благословение на старчество от отца Макария. С 1863 году был скитона начальником и общим духовником обители. Скончался 18 сентября 1873 года.

О нем см.: Жизнеописание старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Илариона / Составлено одним из его учеников. Калуга, 1897.

³⁴Преподобный Иосиф Оптинский (в миру Иван Ефимович Литовкин, † 1911; память — 9/22 мая) родился 2 ноября 1837 года в селе Городище Старобельского уезда Харьковской губернии. Сын благочестивых родителей. С детства любил посещать храм Божий и читать духовные книги. Рано лишился родителей. По совету схимонахини Алипии, подвижницы Борисовской женской пустыни, пришел в Оптину пустынь 1 марта 1861 года и был принят преподобным Амвросием. Отличался беспрекословным послушанием и скромностью. Пятьдесят лет прожил в «хибарке» старца Амвросия.

В 1872 году пострижен в монашество с именем Иосиф. Последние тридцать лет жизни преподобного Амвросия Оптинского был его «правой рукой». После кончины подвижника принял на себя руководство Шамординским монастырем. С 1894 по 1907 год был скитона начальником и духовником братии скита. Скончался 9 мая 1911 года.

О нем см. *Приложения* настоящего сборника, гл. «Из жизни отца Иосифа»; см. также: В. В. Иеросхимонах Иосиф, старец Оптиной пустыни. Калуга, 1911; *Нилус С. А.* На берегу Божьей реки. Сергиев Посад, 1916.

³⁵*Агапит, архим.* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия: В 2 ч. М., 1900.

³⁶Чехов Михаил Александрович (1891–1955) — актер, режиссер, племянник А. П. Чехова. С 1913 года — актер Московского Художественного театра, 1-й студии МХТ, затем — 2-го МХТа. С 1924 по 1927 год — художественный руководитель 2-го МХТа. С 1928 года — в эмиграции.

³⁷Сохранились воспоминания самого М. А. Чехова о встрече с отцом Нектарием, приведенные в книге

И. М. Концевича «Оптина пустынь и ее время» (с. 541–544).

Рассказ актера Михаила Чехова

О своих поездках в Холмищи, где пребывал старец Нектарий, после своего изгнания из Оптиной пустыни, рассказывает Михаил Чехов. «Несмотря на слежку, установленную за ним, — говорит он, — до самой смерти старца посещали ученики, знавшие его еще в Оптиной пустыни, и не было ни одного несчастного случая с людьми, приезжавшими к нему. Дорога к нему шла через густые леса. От маленькой станции железной дороги до первой деревни было 25 верст. Крестьяне довозили посетителя до этой деревни и там, в одной из хат, держали его до темноты. Оставшиеся несколько верст пути проезжали уже ближе к ночи.

Попал и я к старцу, и вот как это случилось.

Русская поэтесса Н., находясь в общении с ним, сказала мне однажды, что во время ее последнего посещения старец увидел у нее мой портрет в роли Гамлета. Посмотрев на портрет, он сказал:

— Вижу проявление духа. Привези его ко мне.

Тогда же, благодаря Н., я впервые и узнал о существовании старца Нектария и, собравшись, поехал к нему.

Ночью поезд подошел к маленькой, темной станции, где уже ждали крестьянские розвальни, чуть прикрытые соломой и запряженные тощей, старенькой лошаденкой. Стояли жестокие морозы. Дорога была долгая и трудная. После пятичасового пути, уже на рассвете, в первой деревне меня ввели в избу и до темноты велели лежать на печи. В избу же старца я прибыл только к ночи и на следующее утро был принят им.

Он жил в маленькой комнатке за перегородкой. Не без волнения вошел я в комнату, ожидая его появления. Ко мне вышел монах в черном одеянии. Он был мал ростом и согнут в пояснице. Лица его я не мог

разобрать сразу, уж очень вся фигура старца была пригнута к земле.

— Здравствуйте, Михаил Александрович, — сказал он, кланяясь мне.

Меня поразило обращение на «вы» и по отечеству.

Он сел, и я увидел светлые, радостные, голубые глаза, его реденькую, седую бородку и правильной формы нос. Видимо, отец Нектарий был красив во дни своей молодости. Прежде чем я успел понять, как мне следует держать себя, он весело улыбнулся и сказал:

— Да, много есть на свете, друг Гораций, что и во сне не снилось нашим мудрецам.

Затем, помолчав, прибавил:

— Я ведь тоже приникаю к научности. Слежу за ней. А известно ли вам, Михаил Александрович, когда была представлена первая трагедия? — спросил он, лукаво глядя на меня.

Я должен был сознаться, что не знаю.

— Когда прародители наши, Адам и Ева, появились на сцене.

Он весело засмеялся и продолжал:

— Когда я был еще мальчиком, в деревню к нам заехал такой ловкий фокусник — ходит по канату, а сам шапку подкидывает да ловит...

Так занимал меня старец театральными разговорами. Он быстро снял с меня тот ненужный ему налет мистицизма, который я привез с собою. Он встал и, еле передвигая большими ногами, ушел за перегородку. Оттуда он вынес коробку с конфетами и положил одну из конфет мне в рот. Все, что приносили ему его посетители, он раздавал им же самим или угощал вновь приезжающих. Затем он сразу переменял тон и начал серьезный разговор со мной. Разговор имел личный характер. Окончив его, старец благословил меня и отпустил от себя, сказав, что позовет в другой раз вече-

ром. После меня к нему вошли одни за другими еще несколько посетителей; когда стемнело, он опять послал за мной.

— Вы не беспокойтесь о вашей супруге, — сказал он вдруг, — она здорова, и дома у вас все благополучно.

Я действительно уже начал сильно волноваться о том, что делается дома, в Москве. Сыщики, всегда и всюду следовавшие за мной, не могли не знать, казалось мне, о моей поездке к старцу и могли явиться в мою квартиру без меня. Я еще утром видел его прозорливость и знал, что он говорит правду.

Несколько раз удалось мне посетить старца Нектария. Всегда он был весел, смеялся, шутил и делал счастливыми всех, кто входил к нему и проводил с ним хотя всего несколько минут. Он конкретно брал на себя грехи, тяжести и страдания других — это чувствовали все, соприкасавшиеся с ним, как почувствовал это и я. Когда спросили об этой способности его давать облегчение приходившим к нему, он, отвечая, сказал:

— Когда наберется много тяжести на спине моей, то приходит благодать Божия и, как сухие листья, разметывает ее, и опять легко.

Два или три раза, уже после смерти старца, я видел его во сне, и каждый раз он давал мне советы, выводившие меня из душевных трудностей, из которых я не мог выйти своими силами.

Однажды, когда я ночевал в избе старца, меня положили довольно близко к той перегородке, за которой спал он сам. И я слышал, как горько плакал он ночью. Наутро же был весел и радостен, как всегда.

— Наш путь, — сказал он как-то о старчестве, — как у канатоходцев: дойдешь — хорошо, а свалишься на полпути — вот будут смеяться!

Уезжая в последний раз, я ждал разрешения и благословения старца на отъезд. Запряженные дровни уже

стояли на дворе. Времени до отхода поезда оставалось мало, и я, признаюсь, стал уже нервничать, боясь опоздать. Двадцать пять верст, ночь, мороз, худая деревенская лошаденка — скоро ли довезет она! Но старец медлил. Я попросил хозяина напомнить ему о моем отъезде, но крестьянин с укоризной взглянул на меня, маловерного, усомнившегося. Старец тут же сидел у стола и как бы рассматривал будильник, стоявший перед ним. Я понял, что успеть на поезд уже невозможно, и думал с неудовольствием о тех последствиях, которые может вызвать в Москве мое опоздание. Время все шло. Вдруг старец взглянул на меня и ясно и твердо, как бы отвечая на мои беспокойные мысли, сказал:

— Даю вам Ангела в сопровождение. Ни о чем не беспокойтесь.

Время ли растянулось, дорога ли сократилась, но, к великому моему удивлению (и стыду!), на поезд я не опоздал.

Старца я больше не видел. Он умер незадолго до моего отъезда за границу. Жене моей удалось еще послать гроб для его тела и немного денег на похороны».

³⁸ Ксения Карловна Зиллер, жена М. А. Чехова.

³⁹ Небольшой машинописный сборник (18 страниц), составленный по рассказам духовных детей отца Нектария. Передан митрополиту Вениамину Н. А. Павлович.

⁴⁰ Преподобный Севастиан Карагандинский, схииеромонах, исповедник (в миру Стефан Васильевич Фомин, † 1966; память — 6/19 апреля) пришел в Оптину в 1905 году. Был келейником у старца Иосифа, а после его кончины 17 лет келейничал у старца Нектария. Постриг принял в 1917 году. Рукоположен во иеродиакона — в 1923-м, во иеромонаха — в 1927 году. После закрытия Оптиной пустыни жил со старцем Нектарием в Холмищах. После кончины старца отец Севастиан жил в Козельске, в Калуге и Тамбове. С 1928 по 1933 год слу-

жил в Ильинском храме города Козлова (Мичуринск). В 1933 году арестован и отправлен в карагандинские лагеря. С 1952 года служил в молитвенном доме в Караганде. С 1955 по 1966 год — в храме Покрова Пресвятой Богородицы. Скончался 19 апреля 1966 года.

См. о нем: Т. В. Воспоминания о старце Севастиане Карагандинском. М.: Русский хронограф, 1994.

⁴¹ Преподобный Анатолий (Потапов).

⁴² Очевидно, события происходят до денежной реформы 1923 года. Отсюда — фантастическая цифра, вполне реальная в условиях чудовищной девальвации рубля в годы Гражданской войны и в начале мирного периода (1922–1923 гг.).

⁴³ Преподобный Никон Оптинский, исповедник (в миру Николай Беляев, † 1931; память — 25 июня / 8 июля), — ученик старца Варсонофия. Пострижен в мантию 24 мая 1915 года. Рукоположен во иеродиакона 10 апреля 1916 года, во иеромонаха — 3 ноября 1917 года. После закрытия Оптиной пустыни вместе с иеродиаконом Серафимом по благословению архимандрита Исаакия совершал богослужения в Казанской церкви. После закрытия этого последнего действующего храма Оптиной (1924) перебрался в Козельск, где служил в одном из храмов до своего ареста в 1927 году. Два года провел в ссылке в Кеми, затем был переведен на Попов остров, после — в Пинегу, где скончался от туберкулеза 25 июня 1931 года. Отец Никон был последним духовником Оптиной пустыни.

⁴⁴ Память святой Олимпиады Константинопольской († 409), диакониссы, духовной дочери и помощницы святителя Иоанна Златоуста, — 25 июля / 7 августа.

⁴⁵ *Иоанн Златоуст, свт.* Письма к Олимпиаде. М.: Отчий дом, 1997. Письмо XIV. С. 175–193.

⁴⁶ Отец Геронтий (в миру Григорий Ермаков) — ученик старца Варсонофия.

⁴⁷ См. примеч. 10 настоящей главы.

⁴⁸ *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Собрание сочинений: В 8 т. М., 2001. Т. 1, 2: Аскетические опыты.

⁴⁹ Ф. М. Ткачева окончила математический факультет.

⁵⁰ Акафист молитвенный ко Господу Спасителю во ослабу душевныя скорби.

Митрополит Вениамин Санкт-Петербургский

Глава «Митрополит Вениамин Санкт-Петербургский» взята из книги митрополита Вениамина «Записки епископа»; печатается по авторскому машинописному экземпляру работы, хранящемуся в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Священномученик Вениамин (в миру — Василий Павлович Казанский, †1922), митрополит Петроградский; память читается 31 июля / 13 августа. Василий Казанский, будущий митрополит Вениамин, родился в 1873 году в Олонецкой губернии в семье священника. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1895 году пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, а в следующем году — во иеромонаха. С 1899 года — инспектор Санкт-Петербургской духовной семинарии, с 1902 — ректор Самарской семинарии, с 1905 — ректор Санкт-Петербургской семинарии. В 1910 году хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. Епископа Вениамина называли «неутомимым епископом»: он часто служил в самых бедных храмах на окраине города, в церквях Путиловского и Обуховского заводов, много занимался духовным просвещением, церковноприходскими школами. В 1917 году занял Петроградскую кафедру; в 1918 возведен в сан митрополита. Не признал законность обновленческого Высшего церковного управления. В 1922 году арестован по обвинению в противо-

действию изъятию церковных ценностей. По приговору Петроградского революционного трибунала митрополит Вениамин был расстрелян. Вместе с митрополитом Вениамином были расстреляны осужденные по тому же делу архимандрит Сергей (Шеин), Юрий Новицкий и Иоанн Ковшаров. Они также причислены к лику святых.

² Епископа Феофана (Быстрова).

³ Епископ Вениамин (Казанский) был избран на Петроградскую кафедру 24 мая 1917 года свободным голосованием клира и мирян: за него проголосовали 976 человек из 1561. В 1918 году возведен в сан митрополита. См. далее рассказ «Избрание».

⁴ Митрополит Питирим (в миру Павел Васильевич Окнов, 1858–1920). Родился в семье священника в Рижском уезде. Окончил Киевскую духовную академию, в 1883 году принял монашеский постриг. Преподавал в духовных учебных заведениях. В 1891 году назначен ректором Петербургской духовной семинарии. В 1894 хиротонисан во епископа Новгород-Северского, затем занимал Тульскую, Курскую, Владикавказскую, Самарскую кафедры. С 1914 года — экзарх Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский, член Святейшего Синода. В ноябре 1915 возведен в сан митрополита и назначен митрополитом Петроградским и Ладужским. После февральской революции 1917 года был арестован, затем уволен «на покой» как ставленник Г. Е. Распутина. Проживал в пределах Владикавказской епархии, на территориях, занятых Вооруженными силами Юга России. В последний период жизни находился на попечении митрополита Антония (Храповицкого).

⁵ Митрополит Сергей (Страгородский), впоследствии (с 1943 г.) — патриарх Московский и всея Руси.

⁶ Архиепископ Андрей (в миру — Александр Алексеевич Ухтомский, 1872–1937) — один из основате-

лей Катакомбной церкви. Происходил из княжеского рода. Окончил Московскую духовную академию. В 1895 году принял монашеский постриг, в том же году рукоположен во иеромонаха. Занимался миссионерской работой среди осетин, татар, абазин, сванов. В 1907 году хиротонисан во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии, затем был епископом Сухумским, Уфимским и Мензелинским. Участник Поместного Собора в 1917–1918 годах. Проводил активную работу по воссоединению со старообрядцами, был председателем Съезда единоверцев. Руководил духовенством Третьей армии А. В. Колчака. Несколько раз был арестован. В 1923 году приговорен к трем годам ссылки. Тайно совершал архиерейские хиротонии, постриг в монахи будущего архиепископа Луку (Войно-Ясенецкого) (см. о нем примеч. 16 к гл. «Крымские подвижники»). В 1925 году стал старообрядцем. В конце 1926 возвратился в Уфу и объявил епархию автокефальной; резко выступил против Декларации заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) о лояльном отношении к советской власти. С 1927 года практически все время был в ссылке или в тюремном заключении. В 1937 году расстрелян по приговору «тройки» НКВД.

⁷ Львов Владимир Николаевич (1872–1934) — последний обер-прокурор Синода, назначенный Временным правительством в марте 1917 года. Окончил юридический и историко-филологический факультеты Московского университета. Вольнослушатель Московской духовной академии. Депутат III и IV Государственной Думы. Член Поместного Собора 1917–1918 гг. С 1920 года — в эмиграции. В 1922 году возвратился на родину. Активный деятель обновленческого раскола. Член обновленческого ВЦУ. В феврале 1927 года был арестован. В апреле приговорен к ссылке в Томск сроком

на три года. В сентябре 1929 года получил освобождение и остался жить в Томске, где и скончался. По другим сведениям, был расстрелян в Москве в 1841 году.

⁸ Здесь и далее автор приводит название города на момент написания им главы о митрополите Вениамине (Казанском) — 1954 год. В описываемое время — Петроград. Титул митрополита Вениамина — Петроградский и Гдовский.

⁹ Чудов монастырь в Московском Кремле основан святителем Московским Алексием в 1360-х годах в память о чудесном исцелении супруги хана Джанибека — Тайдулы — на месте, где прежде находился «ханский двор». В обители было четыре храма: соборный в честь Чуда Архистратига Михаила в Хонех, соборный во имя святителя Алексия, а также святого апостола Андрея Первозванного и святителя Иоасафа Белгородского (при кельях наместника). В XVIII веке при монастыре была учреждена кафедра московских архиереев и устроены покои для пребывания митрополитов. В 1917 году в зданиях обители проживали члены Поместного Собора. В 1918–1919 гг. обитель была закрыта, а ее братию выселили за пределы Кремля. В 1928–1929 гг. все монастырские строения были разобраны.

¹⁰ Речь идет об октябрьских боях в Москве в 1917 г., когда на заключительном этапе вооруженного противостояния между отрядами Военно-революционного комитета и сохранявшими верность Временному правительству формированиями Комитета общественной безопасности Московский Кремль был подвергнут артиллерийскому обстрелу артиллерией ВРК. См.: *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994. С. 160–163.

¹¹ Гуревич Яков Самуилович.

¹² Послание патриарха Тихона от 28 февраля 1922 года допускало лишь возможность «ввиду чрезвычайно тяж-

ких обстоятельств» «пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления». «Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей запрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство — миряне отлучением от Нее, священнослужители — извержением из сана (73-е правило Апостольское, 10-е правило Двукратного Вселенского Собора)». (Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной Власти. 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин М., 1994. С. 190). Митрополит Вениамин (Казанский) заявил в комиссии Помгола (Центральная комиссия помощи голодающим), что жертвовать можно все, но пожертвования должны быть добровольными. Таким образом, он осудил насильственное изъятие ценностей из храмов. Он разрешил жертвовать ризы с икон и сами иконы (за исключением особо чтимых), и все предметы, кроме тех, что находятся на святом престоле. Ему удалось добиться возможности замещать равноценными пожертвованиями подлежащие изъятию чтимые святыни. Но власти отошли от достигнутых договоренностей. Началось принудительное изъятие. Произошли столкновения. В деле привлечения митрополита к суду сыграл свою роль и тот факт, что он отлучил от Церкви (26 мая 1922 года) лидеров обновленчества, принадлежавших к клиру Петроградской епархии (А. Введенского, Е. Белкова и др.). Современный историк Церкви протоиерей Владислав Цыпин полагает также, что расправа над аполитичным молитвенником-архиереем должна была запугать других иерархов: «Если уж такой архиерей, как митрополит Вениамин, расстрелян как контрреволюционер, то какая же участь ожидает епископов, не скрывавших своей не-

приязни к новому режиму» (*Владислав Цытин, прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 86). Процесс проходил с 29 мая по 5 июля 1922 года в здании бывшего Дворянского собрания в Петрограде и носил политический характер. Помимо обвинения в сопротивлении изъятию церковных ценностей подсудимых обвиняли в контрреволюционном заговоре и в связях с белой эмиграцией. Из восьмидесяти шести подсудимых десять было приговорено к расстрелу (шестерых помиловали); несколько человек оправдали, двадцать два человека приговорены к различным срокам тюремного заключения.

¹³ Точное место казни неизвестно. Предположительно, это произошло в пригороде Петрограда, около станции Пороховые.

¹⁴ Митрополит Вениамин (Казанский) был канонизирован в 1992 году.

¹⁵ Поездка патриарха проходила с 23 мая по 3 июня 1918 года. Святитель Тихон совершил богослужения в Исаакиевском и Казанском соборах, в Александро-Невской Лавре, посетил Кронштадт.

¹⁶ В настоящее время — Московский вокзал в Санкт-Петербурге.

Епископ Иннокентий Херсонский

Текст публикуется по изданию: *Вениамин (Федченков), митр.* Божии люди. М.: Современник, 1991, и по рукописи, хранящейся в частном архиве.

¹ Святитель Иннокентий, епископ Иркутский († 1731). Память — 26 ноября / 9 декабря и 9/22 февраля (обретение мощей).

² Иоанн Солотчин (будущий владыка Иннокентий) родился в 1842 году в семье священника села Малеевское Касимовского уезда Рязанской губернии.

³ В 1863 году.

⁴ В Алтайской духовной миссии И. Солотчин был учителем Улалинского миссионерского училища, затем с 1874 года — сотрудником Забайкальской миссии при Кударинском стане (до 1876 года).

⁵ Архиепископ Владимир (в миру Иван Петрович Петров; 1828–1897) в 1861–1865 годах был инспектором и экстраординарным профессором Санкт-Петербургской духовной академии. Читал курс догматического богословия. Принимал деятельное участие в создании миссионерского общества для содействия миссии Алтайской и Забайкальской. С 1865 года — начальник Алтайской миссии. Казанскую и Свияжскую кафедру занимал с 1892 по 1897 год.

⁶ Иван Солотчин принял постриг и рукоположение во иеромонаха в 1875 году.

⁷ Хиротония его во епископа Приамурского и Благовещенского состоялась 9 февраля 1898 года.

⁸ Алатырский Троицкий монастырь находился в городе Алатыре Симбирской губернии. По преданию, основан во времена Иоанна IV Грозного. С 1615 по 1764 год был приписан к Троице-Сергиевой Лавре. В 1764 году причислен к 3-му классу. В XVII столетии в монастыре жил подвижник схимонах Василий. В годы советской власти монастырь был закрыт. Восстановление обители началось в 1997 году. Сейчас территория, на которой расположен монастырь, входит в состав Чувашской Республики.

⁹ Херсонесский (Херсонисский) монастырь святого равноапостольного князя Владимира находился в двух верстах от города Севастополя, на месте древнего Херсонеса Таврического. Основан в середине XIX столетия архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием (Борисовым, † 1857; память — 25 мая / 7 июня). В 1924 году монастырь был закрыт, основные здания переданы Херсонесскому историко-архитектурному музею. Во вре-

мя Великой Отечественной войны Свято-Владимирский собор монастыря был сильно поврежден. В 1998 году началась его реставрация. В 2004 году восстановленный собор был освящен.

¹⁰ См. примеч. 31 к гл. «Отец схиигумен Герман».

¹¹ Митрополит Флавиан (Городецкий, 1840–1915) — один из выдающихся иерархов Русской Православной Церкви. Занимал кафедру митрополитов Киевских и Галицких с 1903 по 1915 год.

¹² Священник Петр Шумов — автор книги «Сборник общепонятных поучений на все воскресные и праздничные дни: для чтения за богослужением и вне богослужения» (М., 1892).

Протоиерей Алексей Белоцветов — автор неоднократно переиздававшейся книги «Круг поучений на все воскресные и праздничные дни в году и на седмицы: Пасхальную, первую поста и Страстную, с приложением к ним особо семи слов и поучений, не относящихся к сему кругу» (М., 1876).

¹³ Митрополит Антоний (Вадковский). См. примеч. 3 к гл. «Владыка».

¹⁴ Архиепископ Николай (Зиоров, 1851–1915) в сане епископа управлял Таврической епархией с 1898 по 1905 год. См. о нем примеч. 13 к гл. «Владыка».

¹⁵ Епископская хиротония владыки Анатолия (Каменского), епископа Елисаветградского, викария Херсонской епархии, была совершена в 1906 году.

¹⁶ Святитель Макарий (Невский, † 1926; память — 16/29 февраля), митрополит Московский и Коломенский, был архиепископом Томским с 1906 по 1912 год.

¹⁷ Мефодий (Герасимов, 1856–1929) — впоследствии митрополит Харбинский.

¹⁸ Архиепископ Таврический и Симферопольский Мартиниан (Муратовский, 1820–1898) в 1891 году освя-

тил главный престол соборного храма святого Владимира в Херсонесе.

Отец Дионисий

Текст печатается по рукописи из частного архива.

¹ «Панагия», или Бахчисарайский Успенский скит, находится в двух верстах от Бахчисарая. В монастыре было пять храмов, в том числе один пещерный. В 1921 году монастырь был закрыт. С 1993 года началось восстановление обители.

² Быстрова.

³ Архиепископ Димитрий (в миру князь Давид Ильич Абашидзе, в схиме Антоний, 1867–1942). Окончил Новочеркасский университет. В 1892 году принял монашество. В 1896-м окончил Казанскую духовную академию и был рукоположен во иеромонаха. Кандидат богословия. С 1897 по 1902 год трудился в духовных учебных заведениях. В 1902–1903 годах — епископ Алавердский. В 1903–1912 годах занимал ряд архиерейских кафедр. С 1912 года — епископ Таврический и Симферопольский. С начала Первой мировой войны служил священником Черноморской эскадры. В 1915 году возвратился на свою епископскую кафедру. Член Поместного Собора 1917–1918 годов. Принимал участие в работе Временного высшего церковного управления на юге России. Последние годы провел в Киево-Печерской Лавре. Похоронен у входа в Ближние пещеры.

⁴ Священномученик Никодим, архиепископ Костромской (в миру Николай Васильевич Кротков, † 1938). Церковь чтит память священномученика 8/21 августа.

⁵ В ноябре 1920 года.

⁶ Припев, песнь 9-я, канон Пасхи.

Владыка

Глава «Владыка» взята из книги митрополита Вениамина «Записки епископа»; печатается по авторскому

машинописному экземпляру работы, хранящемуся в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Архиепископ Феофан (Быстров) в 1901 году был назначен исполняющим обязанности инспектора, а в 1905 году — инспектором Санкт-Петербургской духовной академии, где в 1903–1907 годах учился Иван Федченков. В 1909–1910 годах владыка Феофан был ректором академии.

² Болотов Василий Васильевич (1853–1900) — историк Православной Церкви, член-корреспондент Императорской Академии наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

³ Митрополит Антоний (в миру — Александр Васильевич Вадковский, 1846–1912). Родился в семье сельского священника в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Окончил Казанскую духовную академию. Преподавал в академии гомиетику и пастырское богословие. В 1872 году А. В. Вадковский женился на женщине, больной туберкулезом, и в 1879 году жена умерла, а через два года от дифтерита умерли оба их ребенка. В 1883 году он был пострижен в монашество с именем Антоний, в том же году рукоположен во иеромонаха и возведен в сан архимандрита. С 1885 — инспектор, затем ректор Санкт-Петербургской духовной академии. 1887 год — епископ Выборгский, викарий Санкт-Петербургской епархии, 1898 — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. С 1900 — первенствующий член Святейшего Синода. Митрополит Антоний был одним из немногих архиереев — членов Синода, которые выступили в поддержку канонизации прп. Серафима Саровского. 19 июля / 1 августа 1903 года участвовал в торжественном обретеии мощей преподобного.

⁴ См.: *Феофан (Быстров), архиеп.* Тетраграмма, или ветхозаветное Божественное имя Иегова. Киев, 2004 (репр. 1905).

⁵ Имеется в виду Виктор Раев, в будущем — архимандрит Иоанн. Состоял инспектором Полтавской духовной семинарии; умер от чахотки.

⁶ См.: Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1991. Кн. 8 (Апрель, 5). С. 87–98.

⁷ «Группа 32-х», состоявшая из 32-х священников Санкт-Петербурга и впоследствии названная Союзом ревнителей церковного обновления, а затем Братством церковного обновления, впервые заявила о себе в 1905 г., направив митрополиту Петербургскому Антонию (Вадковскому) записку «О неотложности восстановления канонической свободы Православной Церкви в России». Группа поставила своей целью обновление всего строя церковной жизни. В записке 1905 г. и последующих аналогичных документах участники организации указывали на необходимость отделения Церкви от государства, восстановления патриаршества, выборности духовенства на всех уровнях, участия Церкви в политической и общественной жизни и т. д. В России в 1905 г. возникла бурная дискуссия по вопросу об обновленчестве, которая продолжалась до 1907 г., когда Братство церковного обновления прекратило существование. Обновленчество вновь возникло после революций 1917 г. Относительно генезиса обновленчества и связи возникшего в 1920-х годах обновленческого движения (раскола) с дореволюционным движением за обновление церковной жизни современные исследователи придерживаются различных точек зрения. См.: «Обновленческий» раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. И. В. Соловьев М., 2002. С. 18–24.

⁸ Протопресвитер Иоанн Янышев (1826–1910) — доктор богословия, ректор Санкт-Петербургской духовной академии (1866–1883). Происходил из семьи диакона Калужской губернии. По окончании академии

был назначен священником в православный приход в Висбадене, а затем — в Берлине. Преподавал Закон Божий датской принцессе Дагмаре, невесте наследника русского престола, будущей императрице Марии Федоровне. С 1883 года — духовник царской семьи, протопресвитер соборов Большого в Зимнем дворце Санкт-Петербурга и Благовещенского в Москве.

⁹ Сщмч. Вениамин (Казанский). См. о нем главу «Митрополит Вениамин Санкт-Петербургский».

¹⁰ Митрополит Антоний (Вадковский).

¹¹ Сщмч. Владимир (Богоявленский, † 1918), митрополит Киевский; память — 25 января / 7 февраля. Василий Никифорович Богоявленский родился в 1848 году, происходил из семьи священника села Малой Моршки Моршанского уезда Тамбовской губернии. Высшее образование получил в Киевской духовной академии, по окончании которой был назначен преподавателем Тамбовской духовной семинарии по гомилетике, литургике и пастырскому богословию. Спустя восемь лет он женился, оставил службу в семинарии и в 1882 году был рукоположен во священника. Служил в г. Козлове (ныне — Мичуринск Тамбовской области). Однако вскоре его постигла тяжелая утрата — умерли жена и единственный ребенок. И тогда, в 1886 году, отец Василий принял монашеский постриг с именем Владимир и сразу же был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Свято-Троицкого монастыря в Козлове. В 1888 году хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. Отец Владимир был ревностным пастырем, выдающимся проповедником, духовным писателем, много занимался религиозно-просветительской работой. В 1891 году назначен епископом Самарским, в 1892 — архиепископом Карталинским и Кахетинским, экзархом Грузии. В 1898 стал митрополитом Московским и Коломенским. Московскую кафедру митрополит Владимир за-

нимал около пятнадцати лет. С 1912 года — митрополит С.-Петербургский и Ладожский и первенствующий член Святейшего Синода, с 1915 — митрополит Киевский. Удален со столичной кафедры из-за неприятия им Распутина. Митрополит Владимир принял мученическую кончину. В 1992 году владыка был причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских. Его святые мощи покоятся в Дальних пещерах Киево-Печерской Лавры.

¹² Митрополит Флавиан (Городецкий, 1841–1915) окончил юридический факультет Московского университета, затем был пострижен в монашество и назначен начальником Православной миссии в Пекине. Митрополит Флавиан изучил китайский язык и перевел на него «Объяснение православного богослужения» собственного сочинения. В 1885 году был хиротонисан во епископа Аксайского, в том же году назначен епископом Люблинским, в 1891 — епископом Холмским и Варшавским. С 1898 по 1901 год был экзархом Грузии, затем архиепископом Харьковским, с 1903 — митрополит Киевский и Галицкий.

¹³ Архиепископ Николай (в миру — Михаил Захарович Зиоров, 1851–1915) родился в семье протоиерея, служившего в г. Новомиргороде Херсонской губернии (ныне Кировоградская обл. Украины). Окончил Московскую духовную академию. В 1887 году пострижен в монашество, в том же году рукоположен во иеродиакона, затем — во иеромонаха. Вскоре назначен ректором Могилевской духовной семинарии, позднее Тифлисской духовной семинарии. С 1891 года был епископом Алеутским и Аляскинским, с 1898 — Таврическим и Симферопольским; с 1908 — архиепископ Варшавский и Привислинский.

¹⁴ Архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский), впоследствии патриарх Московский и всея Руси.

¹⁵ Архиепископ (впоследствии митрополит) Антоний (Храповицкий).

¹⁶ Епископ (впоследствии митрополит) Назарий (Кириллов, 1851–1928) родился в городе Новочеркасске Донской епархии в семье священника. Окончил Киевскую духовную академию. В 1892 году принял монашеский постриг, был назначен ректором Ставропольской духовной семинарии и возведен в сан архимандрита. В 1893 году рукоположен во епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. Затем занимал Гдовскую; Олонецкую и Петрозаводскую; Нижегородскую и Арзамасскую кафедры. В 1910 году — архиепископ Полтавский и Переяславский, позднее — Херсонский и Одесский. В 1919 назначен архиепископом Курским и Обоянским, а через год возведен в сан митрополита и оставлен в той же епархии.

¹⁷ Епископ (впоследствии архиепископ) Иннокентий (в миру — Иван Васильевич Беляев, 1862–1913) родился в семье священника Владимирской губернии. Окончил Казанскую духовную академию. После смерти жены в 1895 году принял монашеский постриг, возведен в сан архимандрита и назначен ректором Виленской духовной семинарии. В 1898 стал магистром богословия за работу «Пострижение в монашество». В 1899 году хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии, в 1901 — епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии, в 1903 — епископ Тамбовский и Шацкий. Будучи епископом Тамбовским, организовал проведение торжеств в связи с канонизацией прп. Серафима Саровского. В 1909 году назначен архиепископом Карталинским и Кахетинским, экзархом всея Грузии.

¹⁸ Епископ (впоследствии митрополит) Евлогий (в миру — Василий Семенович Георгиевский, 1868–1946) происходил из семьи сельского священника Тульской губернии. Окончил Московскую духовную академию. В 1895 году пострижен в монашество Антонием (Храпо-

вицким), в том же году рукоположен во иеромонахи. Был инспектором Владимирской духовной семинарии, затем в сане архимандрита ректором Холмской духовной семинарии. В 1903 году хиротонисан во епископа Люблинского, в 1905-м — епископ Холмский и Люблинский. С 1914 — архиепископ Волынский и Житомирский. В 1918 году, находясь на Украине, арестовывался. В 1920 году владыке вместе со многими другими православными архиереями пришлось эмигрировать. Управлял русскими православными приходами в Западной Европе. С 1930 года — митрополит. Перешел под юрисдикцию Константинопольского Патриархата. За год до смерти воссоединился с Московским Патриархатом.

¹⁹ Желобовский Александр Алексеевич (1834–1910) — военный священник. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. С 1882 года — настоятель Сергиевского всей артиллерии собора, с 1888 — главный священник армии и флота, с 1890 — протопресвитер военного и морского духовенства.

²⁰ Преестественный (*устар.*) — необычайный, необыкновенный.

²¹ Filioque (*лат.*) — «и от Сына». Такое добавление католическая церковь внесла в Символ веры, в догмат о Троице, — об исхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но и от Бога Сына.

²² Упасать (*устар.*) — уберечь, сохранить, устеречь.

²³ Протоиерей Павел Яковлевич Светлов (1861–не ранее 1941) окончил Рязанскую духовную семинарию (1882) и Московскую духовную академию (1886). В 1886–1887 гг. — профессорский стипендиат. В 1887–1889 годах — преподаватель богословских наук в Тифлисской духовной семинарии. В 1889–1897 годах — законоучитель Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. В 1889 году принял священство. Протоиерей (1901). В 1897–1912 годах — профессор бо-

гословия Киевского университета св. Владимира. Магистр богословия (1896). Доктор богословия (1902).

²⁴ Протоиерей Сергей Булгаков (1871–1944) — русский философ, богослов. Происходил из семьи сельского священника. Учился в Орловской духовной семинарии и Елецкой классической гимназии. В молодые годы был приверженцем марксизма. Окончив в 1894 году юридический факультет Московского университета, преподавал в различных учебных заведениях. Со временем пришел к выводу о несостоятельности марксизма и вернулся на идеалистические позиции. В 1918 году рукоположен во священники. В 1922 году отец Сергей был выслан из России. В Париже активно участвовал в создании Богословского института и возглавлял его с 1925 г. (момента открытия) до своей кончины. В институте отец Сергей преподавал догматическое богословие. Был одним из основателей и руководителей Русского студенческого христианского движения. Богословские воззрения Булгакова развивались в рамках учения о Софии, во многом он продолжал философские традиции В. С. Соловьева. Основные сочинения: «Свет не вечерний», «Тихие думы», «Трагедия философии», «Два града», «Философия хозяйства» и др.

²⁵ Владыка Феофан (Быстров) был епископом Таврическим и Симферопольским с 1910 года, Астраханским — с 1912 года, Полтавским и Переяславским — с 1913.

²⁶ См. об этом рассказ «Миша!» (гл. «Отец Исидор») настоящего сборника.

²⁷ Архиепископ Алексей (Молчанов, 1853–1914) родился в многодетной семье в селе Люковском Сарапульского уезда Вятской епархии. По окончании духовной семинарии служил земским учителем, затем псаломщиком. В 1883 году женился и в том же году поступил в Казанскую духовную академию. Еще во время учебы в академии был рукоположен во священники. Спустя два

года после смерти жены принял монашеский постриг. В 1899 году назначен ректором Казанской духовной семинарии, в 1900 — ректором Казанской духовной академии, тогда же хиротонисан во епископа Чистопольского, первого викария Казанской епархии. В 1905 году — епископ Таврический и Симферопольский, в 1910 — епископ Псковский и Порховский, в 1912 — епископ Тобольский. В 1913 году был назначен архиепископом Карталинским и Кахетинским, экзархом Грузии. Архиепископ Алексей — автор ряда значительных богословских сочинений: «Святой Киприан Карфагенский и его учение о Церкви», «Жизнь без Бога»; «Отчего душа болит» и др.

²⁸ Владыка Феофан способствовал, хотя и невольно, появлению при Дворе известного Г. Е. Распутина. Впоследствии он глубоко раскаялся в этом и пытался «раскрыть глаза» на Распутина императрице Александре Федоровне. Считается, что результатом антираспутинской активности владыки Феофана и стало его перемещение на Астраханскую кафедру. Этим объясняется фраза — «не в нем была причина». История появления Распутина в Петербурге и глубоко трезвенная, духовная характеристика этого человека представлены владыкой Вениамином на страницах его мемуаров. См.: *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. С. 132–143.

²⁹ См. примеч. 14 к гл. «Крымские подвижники».

³⁰ Архиерейский Синод Сербской Православной Церкви 31 августа 1921 года постановил принять под свое покровительство эвакуировавшееся из России Временное Высшее церковное управление с сохранением его самостоятельной юрисдикции. Резиденцией ВВЦУ, переименованного в Высшее церковное управление, стал Патриарший дворец в городке Сремски Карловцы, расположенном неподалеку от Белграда.

³¹ Архимандрит Феофан совершил пострижение в монашество Ивана Федченкова в 1907 году, в последний

год обучения будущего владыки Вениамина в Санкт-Петербургской духовной академии. Отец Феофан был в то время инспектором академии.

³² Песнопение, которое поется после Причащения и возгласа иерея «Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое».

³³ Старшая сестра митрополита Вениамина Надежда Афанасьевна Федченкова (ум. после 1955 г.) была замужем за священником Федором Михайловичем Шеба-линым, настоятелем московского храма Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском.

³⁴ Речь идет об отношении владыки Феофана к Г. Е. Распутину.

³⁵ Добротолюбие: В 5 т. М.: Изд. Троице-Сергиевой Лавры, 1992.

³⁶ Епископ Сергей (Страгородский).

³⁷ См.: *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. С. 127–128.

³⁸ Вероятно, из Троицкого собора Александро-Невской Лавры, где почивают мощи святого благоверного князя Александра Невского.

³⁹ Патриарх Московский и всея Руси Алексей I (в миру — Сергей Владимирович Симанский, 1877–1970). Будущий патриарх родился в Москве в семье камергера Высочайшего двора. Окончил юридический факультет Московского Императорского университета, затем Московскую духовную академию. В 1902 году пострижен в монашество, в следующем году рукоположен во иеромонахи. Служил в различных духовных семинариях. В 1913 году хиротонисан во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии. С 1921 года — епископ Ямбургский, с 1926 — архиепископ Хутынский, управляющий Новгородской епархией. В 1932 году — митрополит Старорусский, затем Новгородский, Ленинградский; с 1943 года — постоянный член Священного Синода.

В 1944 году стал патриаршим местоблюстителем, а в 1945 году Поместный Собор Русской Православной Церкви избрал митрополита Алексия патриархом Московским и всея Руси.

⁴⁰ Бердяев Николай Александрович (1874–1948) — русский религиозный философ. Родился в дворянской семье. Учился в Киевском кадетском корпусе, затем поступил в Киевский университет на естественное отделение физико-математического факультета, через год перешел на юридический факультет. За пропаганду марксизма был исключен из университета, позднее сослан на три года в Вологду. Вскоре отошел от марксизма и занял идеалистическую позицию. В 1913 году привлекался к суду за критику действий Святейшего Синода в отношении имяславцев. Рассмотрению судебного дела помешала Первая мировая война. В 1922 году Бердяев был выслан из России. Поселился сначала в Берлине, затем — в пригороде Парижа. Бердяев был активным участником Русского студенческого христианского движения, много печатался. В 1925–1944 гг. — редактор основанного им религиозно-философского журнала «Путь». Главные сочинения: «Смысл творчества», «Смысл истории», «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики», «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии», «Русская идея».

⁴¹ См.: *Сергий (Страгородский), архиеп.* Православное учение о спасении. СПб., 1909.

Протоиерей Петр Иванович Лепорский (род. в 1871 г.) — профессор Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре догматического богословия. Главные труды: «История Фессалоникского экзархата до присоединения его к Константинопольскому Патриархату» (магистерская диссертация), «Учение святого Иоанна Златоуста о совести», «Христианство и современное мировоззрение» и др.

⁴² Владыка Антоний (Храповицкий) написал сочинение «Догмат Искупления» в 1917 году, будучи архиепископом. В 1918 году он стал митрополитом Киевским и Галицким.

⁴³ Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви / Сост. *Филарет (Дроздов)*, свт. М., 1992 (репр. 1913).

⁴⁴ Архиепископ Гавриил (в миру — Григорий Маркеллович Чепур, 1874–1933) родился в городе Херсоне в семье военного. Учился в Киевской духовной академии. В 1896 году принял монашество. Служил преподавателем в Новгородской и Ардонской духовных семинариях, затем был инспектором Могилевской духовной семинарии, с 1902 года — ректором Полтавской духовной семинарии, с 1908 — ректором Вифанской духовной семинарии. В 1910 году хиротонисан во епископа Измаильского, викария Кишиневской епархии, с 1918 — епископ Челябинский и Троицкий, позднее — архиепископ. В 1920 году вынужден был покинуть Россию.

⁴⁵ Айвазов Иван Георгиевич (1872–1964) — православный богослов, публицист. Родился в семье шкипера в городе Мариуполь. Окончил Казанскую духовную академию. С 1899 года служил епархиальным миссионером в Тамбовской, Екатеринославской и Харьковской епархиях. Преподавал в Санкт-Петербургской и Московской духовных академиях.

⁴⁶ Речь идет о магистерской диссертации доцента Ленинградской духовной академии протоиерея Петра Гнедича (1904–1962). См.: *Гнедич Петр, прот.* Догмат искупления в русской богословской науке (1893–1944). М., 2007.

⁴⁷ Свт. Филарет, в схиме — Феодосий (Амфитеатров, †1857), митрополит Киевский; память — 21 декабря / 3 января. Родился в 1779 г. в Орловской губернии в семье сельского священника. Окончил Орловское духовное

училище и Севскую духовную семинарию. В 1798 году рукоположен во иеродиакона, в 1799 — во иеромонаха. В 1802 году, в двадцатитрехлетнем возрасте, он уже был ректором Севской семинарии и настоятелем Свенского монастыря. Епископ Орловский Досифей поначалу покровительствовал отцу Филарету, однако со временем изменил свое отношение к нему в худшую сторону. По мнению епископа, отец Филарет чрезмерно ревностно относился к своим обязанностям. В 1804 году из Орловской епархии архимандрит Филарет был переведен в отдаленную Уфу и назначен ректором Оренбургской духовной семинарии. В 1814 году стал инспектором Санкт-Петербургской духовной академии, получил степень доктора богословия. В 1816 был назначен ректором Московской духовной академии. В 1819 году хиротонисан во епископа Калужского, затем занимал кафедры Рязанскую, Казанскую, Ярославскую. С 1837 — митрополит Киевский и Галицкий. Митрополит Филарет был великим молитвенником, человеком высокой духовной жизни; в 1841 году тайно принял схиму. С раннего детства святитель привык довольствоваться малым, не делал сбережений и все, что имел, раздавал бедным. Его часто называли Филаретом Милостивым. В последние годы жизни митрополит Филарет много болел, но недуги свои переносил терпеливо; ежедневно причащался Святых Таин. К лику святых причислен в 2005 году.

⁴⁸ Михаил Федченков — родной брат Ивана Федченкова, будущего митрополита Вениамина. Иван был младше Михаила на два года. Впоследствии Михаил стал фельдшером. Умер от тифа в русско-японскую войну на Дальнем Востоке. (См.: *Вениамин (Федченков), митр.* Письма о монашестве. М., 2003. С. 14; *Вениамин (Федченков), митр.* Записки архиерея. М., 2002. С. 652.)

⁴⁹ Владыка Димитрий (Абашидзе) стал архиепископом Таврическим и Симферопольским в 1912 г. Тогда же

отец Феофан был переведен в Астрахань. Архимандрит Вениамин в то время был ректором Таврической семинарии.

⁵⁰ См. ранее о тех же случаях рассказ «Наставления» настоящей главы.

⁵¹ С. Н. Обухов по просьбе архиепископа Антония (Храповицкого) устроил архимандрита Феофана (Быстрова) на специально снятой для этого даче под Житомиром, заботился о нем, занимался его лечением. В то время С. Н. Обухов был председателем уездной земской управы Житомира и предводителем дворянства города. Его жена Ольга Владимировна вскоре стала духовной дочерью архиепископа Феофана. Позднее по рекомендации архимандрита Феофана Иван Федченков служил домашним учителем детей Обуховых — Николая и Нины. В 1917 году С. Н. Обухов был назначен вице-губернатором Чернигова. В 1920 году он умер от тифа. В том же году Ольга Владимировна эмигрировала, дочь Нина осталась в советской России. Находясь в Константинополе, О. В. Обухова узнала, что ее сын Николай расстрелян большевиками. За границей О. В. Обухова приняла монашеский постриг с именем Анна, стала духовной дочерью владыки Вениамина (Федченкова). В течение долгого времени монахиня Анна была духовным другом и помощницей митрополита Вениамина. Когда владыку назначили экзархом Московской Патриархии в Америке, она отправилась с ним за океан; вместе с митрополитом Вениамином в 1947 году вернулась в Россию.

⁵² Имеются в виду Федор Васильевич и Лидия Николаевна Пороховы, которые жили в эмиграции под фамилией Валконен. Их духовным отцом в свое время был прп. Варнава Гефсиманский (Меркулов, † 1906). Лидия Николаевна была в тайном постриге монахиней Марией. Архиепископ Феофан как духовник царской семьи знал Пороховых еще по Санкт-Петербургу: Федор Васильевич

и Лидия Николаевна были близки ко Двору, к императрице Марии Федоровне. (См.: *Бэттс Р., Марченко В.* Духовник Царской Семьи: Святитель Феофан Полтавский, Новый Затворник. М., 1996. С. 159–165.)

⁵³ В 1939 г. архиепископ Феофан переселился в местечко Лимерэ по приглашению бывшей полтавской помещицы Марии Васильевны Федченко, которая владела там небольшим поместьем. Последние месяцы владыка жил затворником в известковой пещере, которая была на территории поместья. В соседней пещере святитель устроил маленькую церковь. (См.: *Бэттс Р., Марченко В.* Духовник Царской Семьи: Святитель Феофан Полтавский, Новый Затворник. С. 165–166.)

⁵⁴ Свт. Филарет, митрополит Московский (†1867), выдающийся иерарх Русской Православной Церкви, известный богослов, библиист, проповедник, был канонизирован в 1994 году. Память святителя чтится 19 ноября / 2 декабря.

⁵⁵ Прп. Евфросиния (в миру — Евдокия, †1407), великая княгиня Московская, после смерти своего супруга — благоверного великого князя Дмитрия Донского — основала в Кремле женский монастырь в честь Вознесения Господня. Память великой княгини — 17/30 мая и 7/20 июля.

⁵⁶ См.: *Погожев Е. Н. (Поселянин Е.).* Идеалы христианской жизни. М., 2005. Кн. 2, гл. 2. С. 331–333; его же: *Русские праведники последних веков: В 8 кн.* Петроград, 1917. С. 261–262, 315, 402, 458–465; *Русские подвижники XIX в.* М., 1996 (репр. 1910). С. 7–28.

⁵⁷ Тема кандидатской работы иеромонаха Алексия (Симанского) — будущего патриарха — «Господствующие в современном нравственно-правовом сознании понятия перед судом митрополита Филарета». Работа была успешно защищена и признана отличной летом 1904 года. После возрождения Троице-Сергиевой Лавры (1946) Святей-

ший Патриарх Алексий I неопустительно совершал в ее храмах заупокойные богослужения в дни памяти митрополита Филарета. Он стоял у истоков обычая проведения Филаретовских вечеров (в день тезоименитства святителя 1 / 14 декабря) в возрожденной Московской духовной академии. На этих вечерах патриарх зачастую выступал сам с основным докладом. Обычай этот сохраняется до настоящего времени. Правда, теперь Филаретовские вечера проходят в день памяти святителя Филарета — 19 ноября / 2 декабря.

⁵⁸ См. о Г. Е. Распутине: *Бэттс Р., Марченко В.* Духовник Царской Семьи: Святитель Феофан Полтавский, Новый Затворник. С. 61–70.

⁵⁹ См. соврем. изд.: *Феофан Затворник, свт.* Внутренняя жизнь. М., 1994 (репр. 1893). Гл. 21. С. 128–129.

⁶⁰ Тренёв Константин Андреевич (1876–1945) — советский писатель, драматург; самое известное произведение — пьеса «Любовь Яровая» (1926).

⁶¹ Речь идет об архиепископе (впоследствии митрополите) Николае (в миру Стефане Павловиче Еремине, 1892–1985). Выпускник Сергиевского богословского института в Париже, он в 1940 году принял рукоположение в сан диакона, в 1942 — в сан священника. В 1945 году пострижен в монашество. В 1947 году возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Трехсвятительского подворья в Париже. В 1949–1953 гг. — председатель совета при экзархе Московской Патриархии в Западной Европе. 17 декабря 1953 года хиротонисан во епископа Клишійского. 11 ноября 1954 года возведен в сан архиепископа и назначен экзархом Московской Патриархии в Западной Европе с местопребыванием в Париже. 5 января 1960 года возведен в сан митрополита Корсунского. 14 января 1963 года уволен на покой. Скончался в Париже.

⁶² Молитва архиерея на литургии, произносимая с амвона, при пении певчими «Святы́й Боже...»

⁶³ Кошма — войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти.

⁶⁴ Речь идет о Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже, основанном в 1925 году. Институт оказал значительное влияние в духовном отношении на деятелей Русского Зарубежья. Первым ректором института был митрополит Евлогий (Георгиевский) (см. о нем примеч. 18 к настоящей главе). Епископ Вениамин (Федченков) занимал должность инспектора института в 1925–1927 и 1929–1931 годах. В числе преподавателей были: протоиерей Сергей Булгаков, епископ Кассиан (Безобразов), протоиерей Георгий Флоровский, протопресвитер Василий Зеньковский, Николай Бердяев и др.

⁶⁵ YMCA (Young Men's Christian Association) — одна из крупнейших молодежных организаций в мире. В настоящее время отделения организации открыты в более чем 130 странах мира. YMCA основана в 1844 году в Лондоне. Российское отделение начало работу в 1900 году в Санкт-Петербурге. Владыка Феофан негативно оценивал деятельность ассоциации (см.: *Бэттс Р., Марченко В.* Духовник Царской Семьи: Святитель Феофан Полтавский, Новый Затворник. С. 117–118).

⁶⁶ Речь идет об архиепископе Серафиме (в миру — Николай Борисович Соболев, 1881–1950). Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, был товарищем Ивана Федченкова, будущего митрополита Вениамина (см.: *Вениамин (Федченков), митр.* Из того мира: Книга чудес и знамений нашего времени. М., 2003. С. 26–33). В 1908 году Николай принял монашество с именем Серафим, затем был рукоположен во иеромонаха и был назначен преподавателем духовного училища в Житомире. В 1911 году переведен в Кострому на должность помощника смотрителя духовного училища. В 1912 году возведен в сан архимандрита и назначен ректо-

ром Воронежской семинарии. В 1920 году хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. В том же году покинул Россию. Был назначен управляющим русскими приходами в Болгарии (где в 1925–1931 годах жил владыка Феофан). В 1934 году возведен в сан архиепископа. Проживая в условиях эмиграции, владыка Серафим состоял одно время членом Архиерейского Синода РПЦЗ, но после окончания Второй мировой войны принял юрисдикцию Московской Патриархии. Активно участвовал в работе Соединения глав и представителей Православных Автокефальных Церквей (1948). Похоронен в Софии. Архиепископ Серафим — автор ряда богословских и публицистических трудов (в том числе «Искажение православной истины в русской богословской мысли», «О новом и старом стиле», «Надо ли Русской Православной Церкви участвовать в экуменическом движении?»).

⁶⁷ Свт. Досифей (Васич, †1945), исповедник, митрополит Загребский, с 1913 по 1931 год занимал Нишскую кафедру. Память святителя 31 декабря / 13 января. Будущий исповедник родился в Белграде в 1887 году. Окончил Киевскую духовную академию. Во епископа хиротонисан в 1913 году. Во время Первой мировой войны был интернирован, и только в 1918 году вернулся в Нишскую епархию. Принимал участие в переговорах с Константинопольской Патриархией о восстановлении Сербской Патриархии. В 1931 году из части Горнокарловацкой и Пакрацкой епархии была образована Загребская епархия, которой стал управлять митрополит Досифей. После того, как гитлеровская Германия напала на Югославию, митрополит Досифей был схвачен хорватскими усташами и заключен в тюрьму. Святителя зверски избили и перевезли в бессознательном состоянии в Свято-Введенский монастырь в Белграде. Не приходя в сознание, митрополит Досифей умер.

⁶⁸ Игуменья Диодора, в схиме — Мария (в миру — Лидия Александровна Дохторова, 1896–?) родилась в Киеве в дворянской семье. Окончила филологический факультет Московского университета. Сначала подвизалась в русском монастыре в Хопово (Сербия), затем — в монастыре в Жабке (Бессарабия). В 1924 году в Сербии встретилась с архиепископом Феофаном, у которого впоследствии духовно окормлялась. В 1925 году стала настоятельницей монастыря святых мучеников Кирика и Иулитты в городе Цариброд. В 1950 году в результате советско-югославского конфликта была выслана с монахинями в Албанию. Некоторое время проживала в монастыре святого Власия недалеко от города Дураццо.

⁶⁹ Митрополит Анастасий (в миру Александр Алексеевич Грибановский, 1873–1965). Родился в селе Грибановке Тамбовской губернии в семье священника. Окончил Тамбовскую духовную семинарию (1893) и Московскую духовную академию (1898). По окончании академии принял монашеский постриг и рукоположение в священный сан. В 1898–1900 гг. — помощник инспектора Московской духовной академии. В 1900–1901 гг. — инспектор Вифанской духовной семинарии. В 1901–1906 гг. — ректор Московской духовной семинарии в сане архимандрита. В 1906 году хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии. Одновременно — настоятель Данилова монастыря в Москве. С 1914 года — епископ Холмский и Люблинский. В 1915 году переведен на Кишиневскую кафедру. С 1916 года — архиепископ Кишиневский и Хотинский. Член Поместного Собора 1917–1918 гг. В 1918 г. устранен Румынским Синодом от управления епархией в связи с присоединением Бессарабии к Румынии. В 1919 году выехал в Стамбул для управления русскими церковными общинами. В 1924–1935 гг. — наблюдатель за

деятельностью Русской духовной миссии в Палестине. В 1935 году возведен в сан митрополита. С 1938 по 1964 год — первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей. 14 мая 1964 года ушел на покой, сохранив за собой председательство в Синоде РПЦЗ. Скончался 22 мая 1965 года.

⁷⁰ В 1926 году произошел разрыв отношений между управляющим западно-европейскими русскими приходами митрополитом Евлогием (Георгиевским) и возглавлявшимся митрополитом Антонием (Храповицким) зарубежным Синодом (Карловацким). На Архиерейском Соборе 1926 года митрополит Евлогий пытался поднять вопрос о порядке управления Русской Православной Церковью Заграницей (объективно он обладал всей полнотой канонических полномочий для управления русскими приходами за рубежом), но участники Собора не пожелали менять намеченную повестку его работы. Митрополит Евлогий покинул Карловцы. Ушел с Собора и митрополит Платон (Рождественский), возглавлявший Северо-Американскую епархию, так как его обвинили в церковном сепаратизме. Примирения не получилось. Решение Собора о создании Германской епархии, подчиненной Синоду, усугубило разделение, так как новая епархия создавалась на канонический территории митрополита Евлогия. В 1927 году митрополит Евлогий принял (с оговорками) «Декларацию о лояльности» митрополита Сергия (Страгородского) и остался (до 1931 года) в юрисдикции Московской Патриархии, а Карловацкий Синод осудил Декларацию. Разрыв оформился окончательно. Епископ Вениамин (Федченков) вместе с епископом Владимиром (Тихоницким) пытались в 1926 году, прибыв в Сремски Карловцы, содействовать примирению, но их усилия оказались напрасными. (См.: *Вениамин (Федченков), митр.* Дневники. 1926–1948. М., 2008. С. 115–147.)

Относительно «кирилловского движения» следует отметить следующее. 31 августа (ст. ст.) 1929 года в своем «Воззвании к православным русским людям» митрополит Антоний (Храповицкий) призвал признать законным царем двоюродного брата Николая II великого князя Кирилла Владимировича, а его законным наследником — великого князя Владимира Кирилловича. (См.: Политическая история русской эмиграции. 1920–1940: Документы и материалы / Под ред. Киселева А. Ф., проф. М., 1999. С. 672–673.)

⁷¹ Архиепископ Иоасаф (в миру — Иван Васильевич Скородумов, 1888–1955) родился в Новгородской губернии в семье сельского священника. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1912 году принял монашеский постриг. В 1920 году эмигрировал в Югославию; работал преподавателем Закона Божия в Кадетском корпусе. В 1930 году хиротонисан во епископа Канадского. С 1950 года — архиепископ Аргентинский и Парагвайский в юрисдикции Синода РПЦЗ.

⁷² Речь идет о том, что монахиня Анна (Обухова) (см. о ней примеч. 51 к настоящей главе) испрашивала благословения у архиепископа Феофана на поездку в США в качестве помощницы архиепископа Вениамина (Федченкова), который был назначен экзархом Московской Патриархии в Америке.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Из жизни отца Иосифа

Глава «Из жизни отца Иосифа» взята из книги митрополита Вениамина «Записки епископа»; печатается по авторскому машинописному экземпляру работы, хранящемуся в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Святогорский Свято-Успенский монастырь Украинской Православной Церкви в Донецкой области

(ранее — Харьковская епархия России) в 2004 году получил статус Лавры. Монастырь расположен на правом берегу Северского Донца на меловых горах. Точная дата его основания неизвестна, предположительно, это произошло в XIV или XV веках. В 1787 году по указу императрицы Екатерины II Святогорский монастырь был упразднен. В 1844 году император Николай I издал указ о восстановлении обители, и во второй половине XIX века Святогорский монастырь стал одним из крупнейших в России. В 1922 году монастырь вновь был закрыт. Возрождение обители началось в 1992 году. В 2008 году состоялось прославление Собора святых отцов, иже во Святых Горах на Донце просиявших.

² Борисовская Тихвинская женская пустынь Курской губернии (ныне — Белгородская обл.) была основана в 1714 году владельцем Борисовки, фельдмаршалом Борисом Петровичем Шереметевым во исполнение обета, данного им перед Полтавской битвой. В XIX веке монастырь стал одним из крупнейших в епархии. В 1923 году обитель была закрыта, в ее помещениях разместился детский дом.

³ См. примеч. 1 к гл. «Оптина».

⁴ См. примеч. 3 к гл. «Оптина».

⁵ Крестовоздвиженский Белёвский женский монастырь (Тульская обл.) основан в XVII веке. В 1764 году он был упразднен, но в 1768 вновь открыт. В конце XIX века монастырь стал достаточно большим. Монахини Крестовоздвиженской обители положили начало знаменитому белевскому кружевоплетению. В 1920-х годах советские власти закрыли монастырь. Восстановительные работы начались в 2007 году.

⁶ Епископ Виталий (в миру Василий Александрович Иосифов, ?–1892) родился в Воронежской губернии в семье священника. В 1854 году окончил Воронежскую духовную семинарию и в 1856 году рукоположен в сан

священника. Затем окончил Киевскую духовную академию. В 1865 году был пострижен в монашество, с 1869 года — инспектор Киевской духовной семинарии, с 1875 — ректор Киевской духовной семинарии. 20 февраля 1883 года хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. В 1885 году стал епископом Тамбовским, в 1890 — Калужским и Боровским.

⁷ Протоиерей Павел Левашов (1873–1937) — один из организаторов Катакомбной церкви. Родился в дворянской семье в местечке Черная гряда Череповецкого уезда Новгородской губернии. Так как семья была многодетной и в материальном отношении жила достаточно тяжело, Павла Левашова взял на воспитание родной брат матери, епископ Могилевский Мисаил (Крылов). Павел окончил духовное училище; затем женился на дочери московского мещанина. В браке родилось семеро детей. Епископ Мисаил рукоположил П. Левашова во диакона, затем во иерея. В начале 1900-х годов отец Павел был назначен священником Петропавловского собора в Гомеле, позднее — благочинным Гомельской епархии. В связи с началом Первой мировой войны переехал в Петроград, стал настоятелем Свято-Георгиевской церкви Главного штаба. После революции 1917 года был священником в московском Новодевичьем монастыре. С 1918 года — вновь благочинный Гомельской епархии. Вел активную борьбу с обновленчеством. Выступил против Декларации заместителя патриаршего местоблюстителя Сергия (Страгородского), которая призывала верующих лояльно относиться к советской власти. С 1927 года несколько раз был арестован, около четырех лет провел в ссылке. В 1937 году отец Павел был расстрелян.

Отец Иона Атаманский

Глава «Отец Иона Атаманский» взята из книги митрополита Вениамина «Записки епископа»; печатается

по авторскому машинописному экземпляру работы, хранящемуся в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии.

⁸ Отец Иона Атаманский († 1924), подвижник и молитвенник, любимец одесской бедноты, мужественный исповедник Православия, канонизирован для местного почитания Синодом Украинской Православной Церкви.

⁹ Архиепископ Никанор (в миру — Александр Иванович Бровкович, 1827–1890) происходил из старинного дворянского рода. Его отец был священником в селе Высоком Могилевской губернии, в том же селе священствовали и его дед и прадед. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1850 году принял монашество. Преподавал в различных духовных учебных заведениях, с 1868 года — ректор Казанской духовной академии. В 1871 году хиротонисан во епископа Аксайского, викария Донской епархии, затем — епископ Уфимский и Мензелинский, архиепископ Херсонский и Одесский. Архиепископ Никанор оставил большое духовное наследие. В числе его главных сочинений: «Позитивная философия и сверхчувственное бытие», «Разбор римского учения о видимом главенстве в Церкви», «Церковь и государство. Против графа Л. Толстого» и др.

¹⁰ Штундизм, или штунда, — общее название, применявшееся в отношении различных течений «духовного обновления», охвативших некоторые направления протестантизма в Германии в конце XVIII века и затем распространившихся в Европе и Америке. Первоначально в различных протестантских общинах (лютеран, кальвинистов, баптистов, меннонитов) возникло движение «евангельского пробуждения», призванное внести религиозное начало в обыденную жизнь. Участники движения собирались в воскресные и праздничные дни для чтения Писания и благочестивых размышлений в особо назначенные часы. От немецкого слова *Stunde* (час)

движение получило свое название. В России штундизм среди православного населения распространяли немцы-колонисты, жившие на юге империи и привлекавшие работавших у них православных к участию в своих беседах и собраниях. Штунда распространялась также на Кавказе, среди проживавших там молокан и других сектантов.

В 1870-х–1880-х годах штундизм распространялся по всему югу России, охватил Украину, получил распространение в Орловской, Калужской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Казанской и Московской губерниях. В дальнейшем штундизм проник в Среднее Поволжье — в Сибирскую, Самарскую и Саратовскую губернии. Первоначально движение не имело организации, обрядового строя и четкого вероучения. Штундисты из сектантов придерживались привычной для них вероучительной доктрины, а увлеченные в штунду православные при всем критическом отношении к Православной Церкви все же формально оставались ее членами. Но со временем штундисты приняли вероучение баптистов, утвержденное в 1849 году на Первой генеральной конференции немецких баптистов в Гамбурге, и слились с баптистами организационно. Сами они стали называть себя «русскими баптистами», но в апологетической и миссионерской литературе их часто именовали штундобаптистами.

В высшем обществе близкими по своему вероучению к штундистам были последователи английского проповедника лорда Редстока (1833–1913). Среди его первых адептов были: полковник гвардии В. А. Пашков, граф А. П. Бобринский, граф М. М. Корф, Е. И. Черткова, княгини Н. Ф. Ливен и В. Ф. Гагарина. По фамилии наиболее активного из них «великосветских штундистов» называли «пашковцами».

¹¹ Одесский Свято-Архангело-Михайловский женский монастырь был основан в первой половине XIX века.

В 1835 году генерал-губернатор граф Михаил Воронцов построил в Одессе храм во имя своего небесного покровителя Архангела Михаила. Через пять лет при храме был учрежден женский общежительный монастырь. При обители действовали больница и Епархиальное женское училище для девочек-сирот. После революции 1917 года монастырь был закрыт, собор и колокольня взорваны. Возрождение Архангело-Михайловского женского монастыря началось в 1991 году.

¹² Благовещенский женский монастырь близ Херсона был основан в 1856 году как община. В 1883 году Святейший Синод разрешил преобразовать общину в общежительный монастырь. В монастыре действовали Благовещенский и Свято-Троицкий храмы. При обители были открыты школа для девочек, больница, приют для сирот. В 1919 году в обители проживало более ста монахинь и трехсот послушниц. В 1922 году монастырь упразднили, на его территории была размещена детская колония на 500 человек. В 1930-е годы разрушены монастырские храмы. В 2007 году Священный Синод Украинской Православной Церкви принял решение о возрождении Благовещенского женского монастыря.

Крымские подвижники

Текст печатается по изданию: *Вениамин (Федченков), митр.* Божии люди. М.: Современник, 1991, а также по рукописям, хранящимся в частном архиве.

¹³ Инкерманский монастырь святого Климента. Основан в 1852 году архиепископом Херсонским Иннокентием (Борисовым) на предполагаемом месте заточения святого Климента, папы Римского († 101; память — 22 апреля / 5 мая, 10/23 сентября, 25 ноября / 8 декабря). Один из храмов — пещерный, времен святого Климента.

¹⁴ Балаклавский Георгиевский монастырь. В 1891 году отмечалось тысячелетие его существования. Основан

на месте языческого капища. Из трех храмов один — пещерный — VI века. Предание связывает это место с проповедью святого апостола Андрея Первозванного. В 1993 году началось возрождение обители.

¹⁵ Память святого Мартина, исповедника, папы Римского († 655), — 14/27 апреля.

¹⁶ Святитель Лука, исповедник, архиепископ Симферопольский (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, † 1961; память — 29 мая / 11 июня) родился в 1877 году в Киеве в семье провизора. Окончил гимназию и художественное училище, затем — медицинский факультет Киевского университета. С 1904 по 1921 год работал хирургом. В 1916 году удостоен степени доктора медицины. С 1917 года — врач Ташкентской городской больницы. В 1919 году овдовел. Будучи профессором Ташкентского университета, 2 февраля 1921 года принял рукоположение в сан диакона, а 12 февраля — в сан священника. Служил в Ташкентском кафедральном соборе. 12 мая 1923 года — по пострижении в монашество — хиротонисан во епископа Ташкентского и Туркестанского. Подвергался преследованиям со стороны властей. С середины 1923 года по 1925 год епархией не управлял. В 1923 году возвратился на кафедру, но уже в сентябре 1927 года арестован и отправлен в Красноярский край. В сентябре 1942 года возведен в сан архиепископа и назначен на Красноярскую кафедру. В годы Великой Отечественной войны работал хирургом в эвакогоспиталях Красноярска. В сентябре 1943 года принимал участие в работе Архиерейского Собора. В 1944–1946 годах — архиепископ Тамбовский и Мичуринский. С 1946 года — архиепископ Симферопольский и Крымский.

Архиепископ Лука был выдающимся архипастырем, духовным писателем, замечательным хирургом и ученым. За труд «Очерки гнойной хирургии» ему была присуждена Сталинская премия.

Митрополит Вениамин (Федченков) лично знал архиепископа Луку и ценил общение с ним. (См. о канонизации святителя Луки: Православная Москва. 1996. № 9 (69).

¹⁷ Об отце Тихоне (Богуславце) см. некролог в «Журнале Московской Патриархии», 1950.

¹⁸ Священномученик Сергей, архиепископ Елецкий (в миру — Александр Михайлович Зверев, † 1937; память — 7/20 ноября), управлял Севастопольской епархией в 1922–1923 годах.

¹⁹ Преподобный Алексей Зосимовский.

²⁰ Космо-Дамиановский монастырь, находившийся в Ялтинском уезде, в 45 верстах от Симферополя и в 18 верстах от Алушты, был основан в 1856 году архиепископом Иннокентием (Борисовым) как мужская киновия, а затем в 1898 году — указом Святейшего Синода — преобразован в женский общежительный монастырь. В советское время монастырь был закрыт. В 1994 году началось возрождение обители. Сейчас территория, на которой располагается монастырь, входит в состав Крымского заповедника.

²¹ Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь близ Сухуми основан в 1875–1876 годах иноками русского Афонского Пантелеимонова монастыря. Великолепный архитектурный ансамбль обители в основном сохранился до наших дней. В ведении обители находился храм, в котором — по преданию — был погребен святой апостол Симон Кананит. Монастырю принадлежал также Пицундский Успенский скит. В 1924–1994 годах Ново-Афонский монастырь был закрыт. В настоящее время в обители возрождается монашеская жизнь.

²² Драндский Успенский монастырь в Абхазии, недалеко от Сухуми. Основан в 1883 году иноками Модестом и Варлаамом.

Ростовский угодник

Глава «Ростовский угодник» взята из книги митрополита Вениамина «Записки епископа»; печатается по авторскому машинописному экземпляру работы, хранящемуся в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии.

²³ В 1951 году владыка Вениамин был назначен митрополитом Ростовским и Новочеркасским, позднее (в 1954 году) стал именоваться митрополитом Ростовским и Каменским. В 1955 владыка занял Саратовскую кафедру.

Содержание

<i>От издателей</i>	3
<i>А. Светозарский. Митрополит Вениамин: встреча со святыми</i>	5
БОЖЬИ ЛЮДИ	31
<i>Предисловие</i>	33
ПРИХОДСКИЕ СВЯЩЕННИКИ	34
ОТЕЦ ИОАНН	47
<i>Краткая биография</i>	47
<i>У отца Иоанна</i>	53
<i>Общая исповедь</i>	64
<i>Чудеса отца Иоанна Кронштадтского</i>	70
<i>Последние дни</i>	75
Подвиг преподобничества.....	82
ПРОЗОРЛИВЫЙ	107
ОТЕЦ ИСИДОР	119
<i>Соль земли</i>	119
<i>Смерть праведника</i>	132
« <i>Миша!</i> ».....	137
ЗОСИМОВА ПУСТЫНЬ	142
<i>Грибное послушание</i>	146

ОТЕЦ СХИИГУМЕН ГЕРМАН	155
<i>Детство отца Германа</i>	155
<i>Отрочество и юность</i>	162
<i>Иконописное послушание</i>	167
<i>Монашество в скиту</i>	172
<i>Игуменство в Зосимовой пустыни</i>	183
<i>Беседы отца Германа</i>	189
<i>Кончина отца схиигумена Германа</i>	202
ОПТИНА	205
Имя Божие	209
Образ Божий	211
<i>Старец Анатолий</i>	211
<i>Обязанности к жене</i>	215
<i>Из «дворянской» в скит</i>	217
<i>На могилках старцев</i>	221
<i>Игумены</i>	223
<i>Святые скитники</i>	225
<i>Первый визит в скит</i>	234
СТАРЕЦ НЕКТАРИЙ	239
Записки об отце Нектарии	251
Заметки о последних годах жизни старца иеромонаха Нектария	281
Рассказы об отце Нектарии	302
МИТРОПОЛИТ ВЕНИАМИН САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ	323
<i>Целомудренный</i>	323
<i>Ольга и Мария</i>	324
<i>Избрание</i>	325
<i>Чудо спасения</i>	326
<i>Смерть</i>	327
<i>Посмертное завещание</i>	327
<i>Анекдот ли?</i>	328

ЕПИСКОП ИННОКЕНТИЙ ХЕРСОНСКИЙ.....	330
<i>Студент</i>	330
<i>В Алтайской миссии</i>	332
<i>В сане епископа и на покое</i>	333
<i>Некоторые мысли его</i>	339
<i>Последние дни</i>	343
ОТЕЦ ДИОНИСИЙ.....	355
ВЛАДЫКА.....	370
<i>Жизнеописание</i>	370
<i>Златоустовский кружок</i>	376
<i>Хиротония во епископа</i>	380
<i>На епархиях</i>	388
<i>Наставления</i>	392
<i>Молитва</i>	401
<i>Забастовка</i>	404
<i>Еще о наставлениях</i>	405
<i>Дневник его</i>	406
<i>Святые отцы</i>	408
<i>Разное</i>	413
<i>Похороны Обухова</i>	418
<i>Заграница</i>	419
<i>Послесловие</i>	420
<i>Дополнения</i>	420
<i>Из писем епископа Феофана</i>	428

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ ЖИЗНИ ОТЦА ИОСИФА.....	435
<i>Монашество отца Иосифа</i>	438
<i>Из старческой жизни</i>	442
<i>Кончина старца</i>	449

ОТЕЦ ИОНА АТАМАНСКИЙ	453
<i>Предисловие</i>	453
<i>Дорогой Батюшка, отец Иона Моисеевич</i>	
<i>Атаманский. Житие и смерть его</i>	453
<i>Милосердие к людям</i>	455
<i>Молитва и пост отца Ионы</i>	457
<i>Благодатные дары</i>	458
<i>Скорби Батюшки</i>	462
<i>Видения и чудеса Батюшки</i>	464
<i>Исчезновения и появления Батюшки</i>	465
<i>После смерти</i>	468
КРЫМСКИЕ ПОДВИЖНИКИ	471
Архимандрит Тихон	471
Иеросхимонах Серафим	474
Иеромонах Ксенофонт	476
Иеросхимонах Софроний	478
Схимонахиня Серафима	481
Странник	482
Пустынница Мария	485
Бабушка Вера	490
Лампадка	492
Явления умерших	495
РОСТОВСКИЙ УГОДНИК	498
<i>Предисловие</i>	498
<i>Особые люди</i>	499
<i>Краткая биография</i>	500
<i>Воспоминания об отце Иоанне Домовском</i>	501
<i>Воспоминания священника</i>	506
<i>Чудеса отца Иоанна</i>	508
<i>К вопросу о личности покойного отца</i>	
<i>Иоанна Домовского</i>	512
<i>Комментарии</i>	514

МИР

КРЕСТА

Беседы в

Годеново

Где еще на земном шаре есть явленный Крест Господень? Такая величайшая святыня, явившаяся на Русской земле почти 600 лет назад и особенно просиявшая чудесами в последние годы, находится сейчас в храме села Годеново Ярославской области. К Святому Кресту можно прикоснуться, помолиться перед ним, обрести

силу, покой, радость, веру и саму жизнь. Господь всех призывает к Себе.

Книга подготовит читателей к осознанной, плодотворной встрече со святыней. В беседах с людьми разных поколений, социальных слоев, профессий, судеб, но объединенными единой сенью Годеновского Креста, развернется вековая история

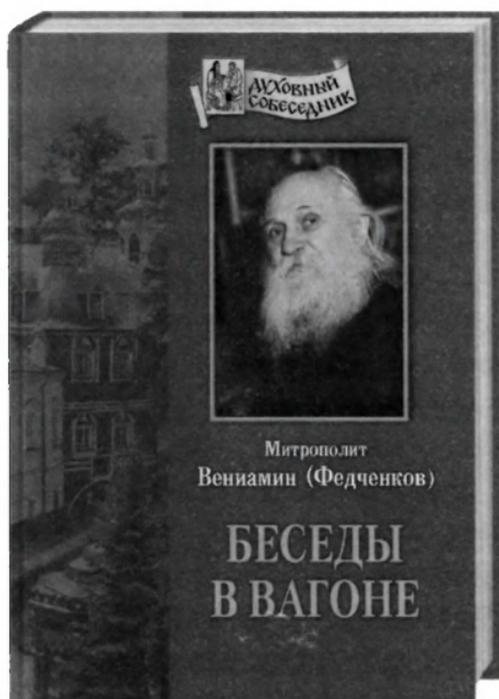
русской жизни, в которой высветится сокровенный диалог человеческой души со своим Создателем.

Переплет, 384 с. Формат 14 x 21 см

СЕРИЯ

Духовный собеседник

Издательство «ОТЧИЙ ДОМ»
предлагает в серии «Духовный собеседник»

Митрополит Вениамин (Федченков)
БЕСЕДЫ В ВАГОНЕ

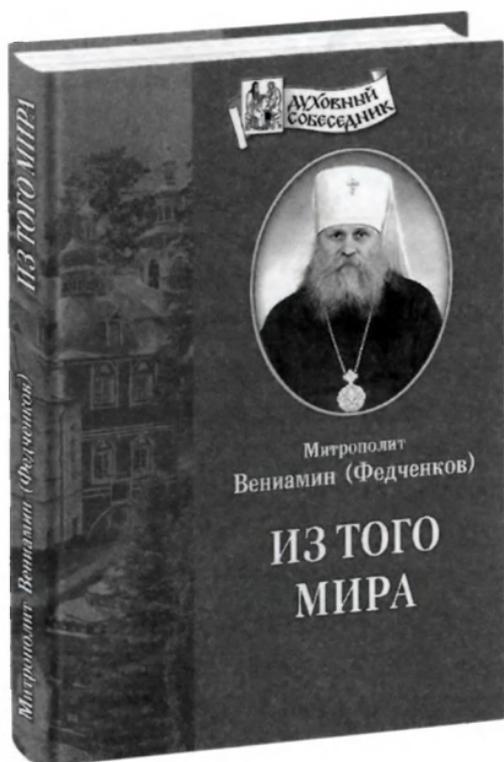
В чем сущность христианства, трудно ли верить образованному человеку, важен ли интеллект в вопросах веры, в чем назначение и смысл монашества, где граница самовнушения в восприятии мира? Такие вопросы митрополит Вениамин (Федченков, 1880–1961), известный иерарх Русской Православной Церкви, поднимает в книге «Беседы в вагоне», в основу которой положены реальные разговоры шестидесятипятилетнего святителя

с «нерелигиозными», как они сами себя называют, людьми — гражданами советской России. Книга издается по авторскому машинописному экземпляру, хранящемуся в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной Академии.

Текст дополнен примечаниями и недостающими ссылками на библейские и богослужebные источники.

---

*Переплет, 160 с.
Формат 12,5 × 20 см*

Митрополит Вениамин (Федченко)
ИЗ ТОГО МИРА

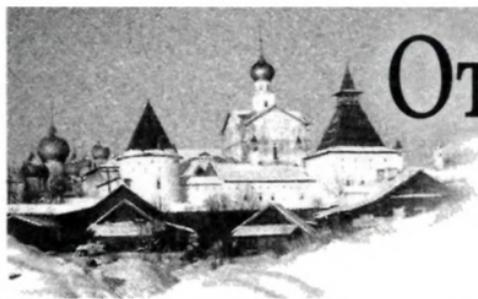
Как пишет сам автор, митрополит Вениамин (Федченко, 1880–1961), выдающийся иерарх Русской Православной Церкви, богослов, духовный писатель, это книга «о сверхъестественном мире: о бытии его, о жизни умерших, о явлениях их живым, о необычайных случаях Промысла Божия». В книге рассказывается о чудесах прп. Серафима Саровского, святителя Николая Чудотворца

и многих других подвижников Церкви. Отдельные главы посвящены евангельским чудесам и необыкновенным событиям из жизни святых.

Книга печатается по авторскому машинописному экземпляру, хранящемуся в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной Академии.

---

*Переплет, 312 с.
 Формат 12,5 × 20 см*

Отчий ДОМ

ПРАВОСЛАВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

КНИЖНЫЙ СКЛАД

г. Москва, 1-й проезд Перова поля, д. 8.

Проезд: ст. метро «Перово», последний вагон из центра, далее пешком или 2 остановки по направлению к центру на тролл. 77 или авт. 787

Телефоны: **8 (495) 306-39-53;**

8 (926) 926-04-27

Режим работы: с 10.00 до 18.30 часов без перерыва.
В субботние, воскресные дни и двенадцатые праздники склад не работает.

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

Адрес сайта: **www.otchiy.ru; www.otdom.ru**

Телефоны: **8 (495) 306-46-67;**

8 (926) 926-04-27

E-mail: **zakaz@otchiy.ru**

КНИГА-ПОЧТОЙ

Заказ можно осуществить по бесплатно высылаемому каталогу.

Телефон: **8 (495) 306-46-67**

E-mail: **zakaz@otchiy.ru**

РЕДАКЦИЯ

Телефон: **8 (499) 261-18-87**

Митрополит Вениамин (Федченков)
БОЖЬИ ЛЮДИ

Редактор *М.Ф. Земцова*
Корректоры *Е.А. Алешина, Р.А. Матвеева*
Технический редактор *А.Л. Гулина*
Набор *Е.Р. Андреева*
Верстка *Е.Г. Платонов*
Дизайн обложки *С.Л. Белокуров*
Выпускающий редактор *Л.В. Бутримова*

Подписано в печать 10.09.14. Формат 84x108^{1/32}

Бумага офс. Печать офс. Физ. п.л. 20
Тираж 6000 экз. Заказ № м1229 (к - см).

ООО Издательство «Отчий дом»
119017, Москва, Старомонетный пер., д. 9, стр. 1
Тел. 8 (499) 261-18-87

Отпечатано в филиале «Смоленский полиграфический комбинат»
ОАО «Издательство «Высшая школа»
214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1
Тел.: +7(4812) 31-31-96 Факс: +7(4812) 31-31-70
E-mail: spk@smolpk.ru <http://www.smolpk.ru>

«ОТЧИЙ ДОМ»

